П-10.
Р-152.

РЕПЕРТУАРЪ

И

ПАНТЕОНЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

И. ПЕСОЦКИМЪ.

Т959. Хоп.

ГОДЪ ВОСЬМОЙ.

1846.

ТОМЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА КРАЙЗ.
1846.

ГОСУДАРСТВЕН. А...
Ленинградск... ...ная
Б...
имен... ...РСКОГО
... ДРАМЫ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

С. Петербургъ, 12 октября 1846 года.

Цензоръ *А. Никитенко.*

РЕПЕРТУАРЪ и ПАНТЕОНЪ.

№ 10. СОДЕРЖАНІЕ. 1846.

I. Простп. Стихотвореніе *А. А. Фета* 7

II. Матеріалы для исторіи театра. Русская драма и русская сцена. Статья *А. Григорьева*. — Замѣчательный благородный спектакль въ Москвѣ. Статья *М. П. Макарова* 8

III. К***. Стихотвореніе *А. Григорьева* 17

IV. Одинъ изъ многихъ. Созданіе женщины. Эпизодъ третій. *А. Григорьева* 18

V. Вѣрный конь. Стихотвореніе *А. М.* 42

VI. Месть. Повѣсть *А. Сазонова* . . 45

VII. Гроза. Стихотвореніе *А. М.* . . 68

VIII. Графиня Клара д'Оберваль. Драма въ пяти дѣйствіяхъ. Переводъ съ французскаго 69

IX. Дума. Стихотвор. *А. Славина.* 143

X. Англійскій пистолетъ. Разсказъ. 145

XI. Улетѣвшей. Стихотв. *А. С.* . . 169

XII. Елена, или она замужемъ. Комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи. Передѣланная съ французскаго *П. С. Ѳедоровымъ* . . 171

XIII. Юмористика. Сцены изъ жизни доморощеннаго генія. Статья *Н. Прот—ова.* 209

XIV. Смѣсь. Двѣ примадонны. — Приключеніе съ г-жею Дорваль. — Слухи о Россини. — Бѣда отъ люстры. — Мужество одной актрисы. — Рашель въ Лондонѣ. — Ссора Гризы съ директоромъ лондонскаго театра. Слухи о Женни-Линдъ. — Театръ Одеона. — Новый способъ театральныхъ поощреній. — Анекдоты и мелочи. . . . 218

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ. (СЕНТЯБРЬ.)

I. Иностранные театры.—Парижскіе. 1

II. Русскіе театры.

1) С. Петербургскіе.

Александрынскій театръ. *А. Григорьева.* 5

Каменно-островскій театръ. *В. Петрова.* 13

Михайловскій театръ.

а) Французскіе спектакли. *В. Петрова.* 15

b) Нѣмецкіе спектакли. *В. Петрова.* 19

2) Провинціальные театры.

Ярославскій театръ. 20

Театръ въ Ростовѣ. 31

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

ИВАНА ГЕВЕНА,

на Невскомъ проспектѣ, у Казанскаго моста, въ домѣ г-жи Энгельгардтъ,

поступили въ продажу слѣдующія книги:

(Цѣны на серебро.)

ДВОРЪ и замѣчательные люди въ Россіи, во второй половинѣ XVIII столѣтія. Сочиненіе А. Ведемейера, 2 части. Спб. 1846 года. Цѣна 3 руб. сер., вѣс. за 2 фунта.

ИСТОРІЯ смутнаго времени въ Россіи, въ началѣ XVII вѣка. Д. Бутурлина. ТОМЪ ТРЕТІЙ. Спб. 1846 года. Цѣна 3 руб. сер., вѣс. за 2 фун. Тожъ томы 1 и 2-й. Цѣна 5 руб. 28 коп. сер., вѣс. за 4 фун.

ФІОЛЕТОВЫЯ КНИЖКИ, разныя статьи въ прозѣ и стихахъ. Соч. Ахлопкова. Книжка первая. Спб. 1846 года. Цѣна 40 коп. сер., вѣс. за 1 фун.

ДВАДЦАТЬ ЛѢТЪ СПУСТЯ, продолженіе «Трехъ Мушкатеровъ», романъ Александра Дюмо, переводъ И. К. Кроненберга. Полное сочиненіе. 12 частей. Спб. 1846 года. Цѣна 3 руб. сер., вѣс. за 3 фун. Вышедшія 6 частей выдаются.

АСКАНІО. Романъ Александра Дюма, 6 частей. Спб. 1846 года. Цѣна 1 руб. 50 коп. сер., вѣс. за 2 фун. Части 1, 2 и 3 выдаются.

КАРТИНА или похожденіе двухъ человѣчковъ. Шутка. Сочиненіе В. П. Алферьева. Часть первая. Спб. 1846 года. Цѣна 1 р. сер., вѣс. за 1 фун.

ЗАПИСКИ ДОКТОРА, изданіе, украшенное 23 гравюрами на деревѣ. Книжка первая, П. Маликовскаго. Спб. 1846 года. Цѣна 1 руб. сер., вѣс. за 1 фун.

ИМѢТЬ и БЫТЬ. Романъ. Сочиненіе моего знакомаго. 2 части. М. 1846 года. Цѣна 2 руб. сер., вѣс. за 2 фун.

МУРОМСКІЙ ЛѢСЪ. Романъ изъ времени Петра Великаго. 2 ьести. М. 1846 года. Цѣна 2 руб. сер., вѣс. за 3 фун.

РЕПЕРТУАРЪ и ПАНТЕОНЪ,

издаваемый И. Песоцкимъ.

Будетъ продолжаться и въ слѣдующемъ 1847 году, девятомъ отъ начала изданія.

Объявляя о продолженіи «Репертуара и Пантеона», издатель его, считаетъ своей обязанностью извѣстить публику, что отнынѣ *онъ одинъ* исключительно завѣдуетъ изданіемъ, какъ въ первые годы существованія своего театральнаго сборника, когда онъ почтенъ былъ такимъ лестнымъ ея довѣріемъ. Считая излишнимъ дѣлать какія либо обѣщанія, онъ смѣетъ увѣрить только, что будетъ держаться всегда тѣхъ же самыхъ правилъ, на основаніи которыхъ издавался Репертуаръ въ 1839 и 1840 годахъ, то есть:

a) Въ Репертуарѣ будутъ помѣщаемы пьесы, *игранныя на сценѣ* и *имѣвшія успѣхъ*, не менѣе двухъ въ каждомъ №; т. е. не менѣе 24 пьесъ въ годъ. Редакція считаетъ совершенно излишнимъ, входить въ разсмотрѣніе литературнаго достоинства имѣющихъ успѣхъ пьесъ, предоставляя судъ надъ оными самой публикѣ, которой приговоры, всегда и во всякомъ случаѣ, правѣе приговоровъ, одного или даже многихъ частныхъ лицъ. Задача Репертуара — быть представителемъ движенія современнаго Русскаго театра — и въ этомъ заключается даже заслуга его въ будущемъ.

b) Содержаніе Репертуара въ будущемъ году будетъ слѣдующее:

I. Пьесы, *исключительно игранныя.*

II. Матеріалы для исторіи театра:

a) Біографіи артистовъ, драматическихъ сочинителей, композиторовъ, музыкантовъ, великихъ художниковъ и вообще людей, замѣчательныхъ въ области искусства.

b) Записки и мемуары, касающіяся до театра.

c) Драматическая библіографія.

III. Повѣсти и романы, переводные и оригинальные.

IV. Юмористика.

V. Смѣсь, анекдоты и мелочи, — театральные слухи и извѣстія, водевильные куплеты.

VI. Театральная лѣтопись;

a) Иностранные театры.

b) С. Петербургскіе театры.

1) Александрынскій } рецензентъ А. А. Григорьевъ.
2) Большой }

3) Нѣмецкій
4) Французскій } рецензентъ В. П. Петровъ.

c) Московскій театръ.

d) Провинціальные театры.

e) Концерты и свѣденія обо всемъ замѣчательномъ въ области искусства.

VII. Афиша С. Петербургскихъ и Московскихъ театровъ.

VIII. Приложенія:

a) Музыка водевильныхъ куплетовъ.

b) Портреты артистовъ.

c) Въ случаѣ надобности, современные костюмы.

c) Литераторы до сихъ поръ, принимавшіе въ Репертуарѣ дѣятельное участіе, будутъ продолжать печатать въ немъ свои произведенія. Въ слѣдующемъ году будутъ напечатаны въ Репертуарѣ два романа Польскаго романиста Крашевскаго, — «Панъ Твардовскій», перев. С. П. Побѣдоносцева — и «Подъ Итальянскимъ небомъ», перев. А. А. Григорьева.

Будучи вынужденъ въ нынѣшнемъ году переписываться съ господами *иногородными*, подписавшимися не въ означенныхъ редакціею мѣстахъ, я считаю долгомъ объяснить, что подписка исключительно принимается или въ газетныхъ экспедиціяхъ С. Петербургскихъ и Московскихъ почтамтовъ, или въ конторѣ изданія, находящейся при магазинахъ М. Д. Ольхина, въ *Петербургѣ*, на Невскомъ проспектѣ у Аничкова моста, въ домѣ Завѣтнаго, — въ *Москвѣ*, на Тверской, въ домѣ Мятлева.

Всѣ статьи, присылаемыя господами желающими учавствовать въ «Репертуарѣ и Пантеонѣ», должны

быть адресуемы на мое имя, *въ Басковъ переулокъ, что на Литейной, въ домъ Глотова.*

Цѣна за годовое изданіе «Репертуара и Пантеона», состоящее изъ 12 книжекъ, гдѣ помѣщено будетъ не менѣе 24 пьесъ, которыя, изданныя отдѣльно, не могли бы быть продаваемы менѣе 50 коп. сер. за каждую.

ДЕСЯТЬ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ.

За пересылку въ города и доставку на домъ, платится сверхъ того:

ПОЛТОРА РУБЛЯ СЕРЕБРОМЪ.

И. Песоцкій.

ПРОСТИ.

(*Офелiи*).

Прости, я помню то мгновенье,
Когда влюбленною душой,
Благодарилъ я нровидѣнье
За встрѣчу первую съ тобой
Какъ птичка вешнею зарею,
Какъ Ангелъ отроческихъ сновъ,
Ты уносила за собою
Мою безумную любовь,
Мой другъ, душею благодарной,
Хоть и безумной можетъ быть
Я ложью не хочу коварной
Младому сердцу говорить
Давно ты видѣла, я вѣрю,
Какъ раздвояется нашъ путь
Забыть тяжелую потерю
Я постараюсь гдѣ нибудь
Еще пышнѣй, еще прекраснѣй
Одна — коль силы есть — цвѣти
И тѣмъ грустнѣе, чѣмъ безстрастнѣй
Мое послѣднее прости.

А. ФЕТЪ.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ТЕАТРА.

—

РУССКАЯ ДРАМА и РУССКАЯ СЦЕНА.

ЭЛЕМЕНТЫ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ДРАМЫ.

Печально и жалко состояніе русской драматургіи. Уединенно только высятся надъ общимъ уровнемъ посредственности вовсе не сценическія поэмы Пушкина и юношеская, но смѣлая драма Лермонтова, великая сатира Грибоѣдова и глубокія созданія Гоголя. Изрѣдка только появляются произведенія съ стремленіемъ, по крайней мѣрѣ, идти по дорогѣ, проложенной могучей стопой геніевъ, — нѣтъ никого, кто пробивалъ бы новую стезю. Посмотрѣть на дѣтское однообразіе вымысла, на ограниченное созерцаніе жизни въ нашихъ современныхъ драматическихъ произведеніяхъ — такъ, право, невольно подумаешь, что мы страдаемъ страшною пустотою жизни, что нашъ бытъ вовсе не носитъ въ себѣ элементовъ драмы, — съ перваго взгляду, даже будешь невольно готовъ повѣрить этому. Повидимому *живутъ*, *борятся*, *страдаютъ* только не многіе, только избранные — большая часть коснѣетъ въ грубой, степной непосредственности, или застыло въ чуждыхъ, взятыхъ на прокатъ формахъ, не вѣдая никакихъ другихъ интересовъ, кромѣ *преферанса;* — но Боже мой, какъ ошибется глубоко тотъ, кто повѣритъ изображеніямъ,

еще невышедшаго изъ непосредственности русскаго духа въ драмахъ покойнаго Полеваго, или однообразнымъ типамъ чиновниковъ въ нашихъ водевиляхъ и комедіяхъ!... Вѣдь каждая русская душа вызоветъ съ Кольцовымъ на бой судьбу и природу,

Выходи жъ ты туча
Черною грозою,
Обойми свѣтъ бѣлый,
Закрой полосою!

скажетъ вмѣстѣ съ нимъ же съ глубокой покорностью и съ насмѣшливой ироніей

Еслижъ нѣтъ — у моря
Сядемъ, да дождемся,
Безъ любви и съ горемъ
Жизнью наживемся.

и бѣдная благородная русская душа, какъ оклеветана она въ разныхъ драматическихъ произведеніяхъ! Ее заставляютъ любить тоже, да не по своему, не по задушевному, а какъ-то вяло.

. . . . . .

И пойдутъ тогда глупые, устарѣлые толки о томъ, что не все можетъ быть предметомъ искусства, содержаніемъ изящнаго произведенія — что есть, изволите видѣть какая-то поэзія внѣ нагой истины и дѣйствительности, какъ будто бы въ самомъ дѣлѣ, поэзія существуетъ сама по себѣ, такъ, для удовольствія разныхъ аскетическихъ мыслителей, какъ будто бы она не орудіе только борющагося человѣчества, какъ будто бы не придетъ время, когда человѣчество выростетъ и перестанетъ заниматься вздоромъ и стишонками! Увы, этимъ аскетическимъ мыслителямъ не понять никогда высокой думы, созрѣвшей въ *русской* душѣ Кольцова:

Не время ль намъ оставить
О высотахъ мечтать,
Земную жизнь безславить?
и проч.

Возьмемъ теперь другую сторону этого быта бо́льшей части, сторону, которая застыла въ машинальномъ исполненіи чуждыхъ ей вовсе формъ. Не ужасающія ли трагедіи извлекли изъ этого быта *Гоголь* и *Достоевскій*, — не страшная ли, Гогартовская каррикатура Гамлета — *Подколесинъ*, — претензія Голядкина

старшаго непоразительнѣе ли самолюбія Чаттертона? Но и Гоголь и Достоевскій, до сихъ поръ, анализировали эту сторону въ ея отдѣльности, внѣ всякой ея связи съ дѣятельностью немногихъ! Развѣ за этими зелеными столами, въ ряду этихъ ровныхъ безстрастныхъ физіономій не является иногда душа, полная человѣческихъ стремленій жажды бытія и дѣятельности, и развѣ не трагически гибнетъ лучшее, благороднѣйшее этой души, вслѣдствіе ли нравственнаго безсилія, вслѣдствіе ли самолюбія? Есть произведеніе, автора котораго мы не имѣемъ еще права назвать по имени, но которое, вѣроятно, скоро займетъ высокое мѣсто въ нашей литературѣ, гдѣ съ ужасающимъ анализомъ выполнена эта задача, — гдѣ все поглощаетъ одна всемогущая мысль: *«Карьера!»* не смѣемъ разбирать аналитически содержанія этой превосходной драмы, которой суждено кажется пробить новую стезю, но слишкомъ хорошо убѣдились въ этой послѣдней мысли, съ любовью изучая *первое* произведеніе молодаго автора.

=

ДОСТОПАМЯТНЫЙ БЛАГОРОДНЫЙ СПЕКТАКЛЬ

ВЪ МОСКВѢ 1805 ГОДА, ІЮНЯ 30 ДНЯ.

(Изъ записокъ М. Н. Макарова.)

Кто забудетъ управленіе Москвою Генералъ-Фельдмаршаломъ Графомъ Иваномъ Петровичемъ *Салтыковымъ*? Тутъ проходили и прошли *всѣ* времена государствованія Императора Павла I-го, только тутъ *взошло еще* счастливое солнце золотыхъ дней Александровыхъ и, какъ оно ярко возсіяло! Все, *все это* мнѣ очень памятно! Вотъ она, вотъ *эта вся неподражаемая* картина дней моихъ минувшихъ, она и теперь, послѣ многихъ десятковъ лѣтъ, точно, какъ живая, прямо остановилась и стоитъ въ глазахъ моихъ: ея краски свѣжи, ярки, самое въ ней художество нигдѣ не повреждено шестидесятилѣтнею моею памятью. Вѣкъ Павла, вѣкъ Александра *вполнѣ* мои вѣка!.....

Фельдмаршалъ Графъ Иванъ Петровичъ *Салтыковъ*, былъ гораздо *ближе ко мнѣ*, нежели ко многимъ другимъ моимъ сверстникамъ и сотоварищамъ по службѣ *и по моему* двадцатилѣтію, едва, едва только распускавшемуся.—Мачиха моя, урожденная *Неелова* (*), почти выросла подъ вліяніемъ своей ближайшей родственницы, супруги Фельдмаршала, Графини *Даріи Петровны Салтыковой*, урожденной графини же, *Чернышевой*. Впослѣдствіи, эта же самая графиня *Салтыкова* (1800 года), была и моею первою благотворительницею *на самыхъ первыхъ шагахъ моей жизни*, она указала мнѣ путь къ будущему!.....

(*) Авторъ извѣстной, въ свое время повѣсти *Лейнардъ* и *Терминія*, напечатанной Н. И. *Новиковымъ* и другихъ нѣкоторыхъ. *М.*

Но все это утѣшительно только для моей семейной памяти, въ моихъ запискахъ; а для Репертуара, на что это?.. Для него, естьли какой нибудь интересъ и въ цѣлой драмѣ *моей* жизни?..... Нѣтъ! Для него, на этотъ разъ, я буду говорить совсѣмъ о другомъ, совершенно иное!....

Въ 1805 году, помянутый Фельдмаршалъ Графъ *Салтыковъ*, раскланялся уже своею службою, съ вѣчно-благодарною ему Москвою. Преклонность лѣтъ и болѣзни, непрестанно указывали этому старцу на вѣрную, прочную пристань, и онъ скоро, очень скоро плылъ къ ней, однакожъ все еще не одинъ, не пустыннымъ моремъ — плылъ онъ: его сопровождали друзья, нельстивые, вѣрные утѣшители его старости!.....

=

30-го іюня, былъ день рожденія Графа Ивана Петровича, къ этому дню, сказанными друзьями и преданными, составился въ *сюрпризъ* графу спектакль и вотъ, на изготовленной нарочно для того, сценѣ (въ собственномъ домѣ Фельдмаршала, что на *Тверской* (*), вдругъ появилась Аблесимова—опера: *Мельникъ, Колдунъ, Обманщикъ* и *Сватъ*. Его разыграли самые ближайшіе родственники и знакомцы нашего дорогаго имянинника. Прочтите здѣсь, теперь слѣдуетъ, вѣрная афиша, участвовавшихъ въ этомъ необыкновенномъ спектаклѣ:

Роль *Анкудина*, игралъ мой родной дядя *Владиміръ Григорьевичъ Макаровъ*, тотъ самый, который вмѣстѣ съ Графомъ *Платовымъ* и партизаномъ *Давыдовымъ*, гонялъ Наполеона, а впослѣдствіи былъ дежурнымъ Штабъ-Офицеромъ при Генералѣ Адъютантѣ *Комаровскомъ*.

Ѳетинью, жену *Анкудинову*, чудесно разыграла дочь Фельдмаршала *Прасковья Ивановна Мятлева*, мать незабвеннаго поэта *Ивана Петровича*, бывшаго, тогда, еще дитятею-малюткою.

Анютой, дочерью *Анкудина* и *Ѳетиньи* явилась Княгиня *Анна Петровна Трубецкая*, нынѣ Графиня *Брогліо*.

Филимонъ, женихъ *Анютинъ*, братъ моей мачихи и родствен-

(*) Доставшемся послѣ *Мятлевой*, томъ самомъ, гдѣ жилъ Н. А. *Полевой*, гдѣ теперь магазинъ *Ольхина*. *М.*

пикъ Фельдмаршала, *Сергей Алексѣевичъ Нееловъ*, супругъ Свѣтлѣйшей Княжны *Елены Петровны Меншиковой*.

Ѳадей, *Мельникъ*, былъ *Николай Петровичъ Левашевъ*, родной братъ *Графини Брогліо*.

Въ устройствѣ музыки и пѣнія, принимали участіе многіе извѣстные артисты, а болѣе всѣхъ, незабвенный *Данила Никитичъ Кашинъ*, единственный знатокъ *Русскаго* оркестра.

=

Спектакль шелъ, какъ нельзя лучше, все современное ему московское *высокое общество* его посѣтило; наши *родные напѣвы*, мнѣ кажется, еще въ первый разъ только явились *въ изящномъ* мастерствѣ русскихъ пѣвицъ *благородныхъ*, ученыхъ, знающихъ, или узнавшихъ *самый тонъ* этого дѣла въ совершенствѣ..... Я, въ цѣлую мою жизнь, не видывалъ и не слыхивалъ подобной оперы; да и не знаю, увижу ли и услышу ли еще когда, что нибудь подобное? ...

Піеса кончилась, старецъ Фельдмаршалъ былъ тронутъ, *сюрпризомъ* до души.... Я видѣлъ, какъ крупныя слезы градомъ покатились изъ глазъ его!... Послѣдовалъ общій благодарственный вызовъ благородныхъ оперистовъ. Опущенный занавѣсъ, опять поднялся и опять новый спектакль: явились, вновь хоры игравшихъ, они запѣли стихи, тутъ же, *экспромптомъ* сочиненные *Иваномъ Ивановичемъ Дмитріевымъ* и съ *imprompti* же, приноровленные къ музыкѣ, *Кашинымъ*. Эти стихи были напечатаны особо, и потомъ помѣщены еще въ еженедѣльникѣ *Московскомъ Курьерѣ* (годъ 1805, часть II, стр. 3). Но для любопытныхъ я представляю ихъ снова. Вотъ эти куплеты:

Съ новой радостью встрѣчаемъ
День рожденья твоего:
Лучше праздника не знаемъ
Мы для сердца своего....
Ахъ! Сердца краснорѣчивы,
Видятъ, сколь ты дорогъ намъ!
Мы тобою всѣ счастливы:
Будь же нами счастливъ самъ!

Праздникъ тихій, посвященный
Нѣжнымъ чувствіямъ любви,
О! родитель, другъ безцѣнный
Ты улыбкой оживи?
Лѣта не имѣютъ власти
Надъ любовію сердецъ:
Гаснутъ суетныя страсти;
Но отецъ, всегда отецъ!
Свѣтъ тому всегда прекрасенъ,
Кто живетъ среди друзей;
Вечеръ жизни тихъ и ясенъ
Благодарностью дѣтей!
Ты чувствительной душею
Насъ привязывалъ къ себѣ;
Мы горячностью своею
Платимъ *милый* долгъ тебѣ.
Небо слышитъ гласъ моленья
Нашей пламенной любви.....
Видишь слезы умиленья:
Наслаждайся и живи!

Скажутъ, что въ этихъ куплетахъ, почти не видать *Дмитріева!* Но не забывайте, что *эти куплеты*, какъ и сказано мною, были дѣломъ нѣсколькихъ минутъ, и тотъ же часъ *жертвою* композитора — музыканта, который требовалъ отъ поэта своихъ непремѣнныхъ *приладокъ* къ музыкѣ, къ ея нотѣ. Въ исполненіи же, они были очень хороши, очень удачны; а нѣкоторые и повторялись неоднократно и даже остались долго, долго въ памяти ихъ слушавшихъ, такъ напримѣръ:

«Свѣтъ тому всегда прекрасенъ,
Кто живетъ среди друзей;
Вечеръ жизни тихъ и ясенъ
Благодарностью дѣтей. и проч.»

За куплетами *Дмитріева*, слѣдовали еще и другіе *куплеты* же, сочиненные, на тотъ же разъ *Левашевымъ*, *Макаровымъ*, *Неелловымъ*.

Вотъ, что изъ этихъ послѣднихъ куплетовъ, пропѣлъ *Мельникъ:*

«Какъ на дняхъ чудакъ леталъ,
На *французскомъ пузырѣ*.
Я съ ребятами стоялъ
На *Васильевской горѣ*.

(*Указывая на Фельдмаршала*).

«У забора онъ сидѣлъ
. . . . . .
Слышъ ты! рой гостей кипѣлъ!
. . . . . .»
«Мы шепнули межъ собой:
Тото любо добрымъ быть,
Никому онъ не чужой
И въ *отставкѣ* будутъ чтить!

За нѣсколько дней, до описаннаго здѣсь праздника, Графъ *Иванъ Петровичъ* былъ въ *Васильевскомъ*, на дачѣ, созданной Княземъ *Васильемъ Васильевичемъ Долгорукимъ-Крымскимъ*, въ это время принадлежавшей зятю Фельдмаршала, *Петру Васильевичу Мятлеву*; а теперь уже Графу *Мамонову*. Извѣстный воздухоплаватель *Александръ*, въ виду этой дачи поднялся на своемъ *Аеростатѣ* и почти изъ-подъ облаковъ спустился, при глазахъ нашихъ, на *Дѣвичье полѣ* съ *Парашутомъ*. Зрѣлище, для тѣхъ временъ, и неслыханное и невиданное, по крайней мѣрѣ, для насъ москвичей? Вотъ, къ этому-то самому случаю относится и первый куплетъ изъ отрывка приведенныхъ мною выше стиховъ, пропѣтыхъ *Мельникомъ*. Старецъ Графъ, также, всегда составлялъ *ненаглядный* предметъ, для преданныхъ ему жителей московскихъ.—Въ безчисленности *кипѣли* они *округъ него роемъ*.—Пѣвецъ *Мельникъ* пропѣлъ истинну!

Кромѣ того, вотъ и еще куплетъ замѣчательный, тогда же, изъ хоровъ, слышанный:

«Барами Москва красна,
Алый маковъ цвѣтъ!
Устоитъ за Русь она,
Царской въ ней совѣтъ,
Не собьетъ его злодѣй
Фиглей никакой,
Выкликъ ей чужихъ людей
Смѣхъ, а не убой!»

Эти стихи Мельникъ подъигрывалъ на балалайкѣ и подплясывалъ подъ нихъ.

А Фельдмаршалъ уже рыдалъ, не могъ произнести ни слова, не могъ двинуться съ мѣста; онъ только покачивая головою, казалось, желалъ тѣмъ подозвать къ себѣ друзей-актеровъ и—они всѣ подходили къ нему, крѣпко онъ прижималъ, каждаго изъ нихъ къ своему сердцу. — Новая удивительно картинная сцена! Ее, тоже позабыть нельзя, невозможно!

=

Нынче, вмѣсто *боярства*, западъ пустилъ къ намъ слово «*аристократія*». — Спрашиваю: кто-то видалъ такой *аристократическій* спектакль, какой я *припомнилъ Репертуару;* и какая это награда была *памяти* автора *Мельника*, *А. А. Аблесимову*! Тутъ, приписался цѣлый листокъ въ надписи къ его монументу!

Поварская.
1846 года.
10 Іюня.

=

КЪ ***.

Ты вѣришь въ правду и въ законъ,
Скажи мнѣ не шутя?
— Дитя мое, любовь — *законъ*,
И *правда* — то, что я влюбленъ
Въ тебя мое дитя.

Но въ благородныя мечты
Ты вѣришь или нѣтъ?
— Мой другъ, ты лучше, чѣмъ мечты —
Что благороднѣй красоты?
Въ тебѣ самой отвѣтъ!

Хотя въ добро бы, иль хотябъ
Въ свободу вѣрилъ ты?
— Къ чему дитя мое? Тогда бъ
Я не былъ счастливъ, не былъ рабъ
Любви и красоты.

Хотя бы въ вѣчную любовь
Ты вѣрить, милый, могъ?
— Дитя мое! волна — любовь,
Волна съ волной сойдется ль вновь —
То знаетъ только Богъ!

Ну, если такъ — то вѣрь хоть въ страсть,
Предайся ей вполнѣ!
— Тебѣ ль не знать, что вѣрю въ страсть?
Но я, храня разсудка власть
Блаженствую вдвойнѣ.

1846. Августъ.

А. ГРИГОРЬЕВЪ.

ГОСУД. АКАДЕМ.
Ленинградская Театральная
БИБЛИОТЕКА
имени А. В. ЛУНАЧ
ТЕАТР

ОДИНЪ ИЗЪ МНОГИХЪ.

ЭПИЗОДЪ ТРЕТІЙ.

СОЗДАНІЕ ЖЕНЩИНЫ.

On ne fait le bien, qu'en faisant le mal.
Correspondence inédite.

Было десять часовъ утра. Въ гостиной Сѣвской, полусонная рыжая дѣвка, стояла съ половой щеткой въ лѣвой рукѣ посереди̇нѣ комнаты. Правой рукою почесывая носъ, она смотрѣла безцѣльномутными, заспанными глазами въ уголъ комнаты. Бѣлыя сторы оконъ не были еще подняты — но ясное, зимнее солнце, пробивалось и черезъ нихъ своимъ холоднымъ свѣтомъ; на кругломъ столѣ передъ диваномъ, стоялъ уже самоваръ и кипѣлъ, распространяя по комнатѣ не слишкомъ благовонный запахъ угольевъ.

И долго бы простояла еще въ сладкомъ полузабвеніи рыжая дѣвка, если бы изъ него не вывела ее полновѣсная пощечина.

Дѣвка только обернулась, нисколько не удивляясь по видимому привѣтствію. Передъ ней была Варвара Андреевна, въ черномъ демикотоновомъ капотѣ, въ спальномъ чепцѣ. Даже черты лица самой Варвары Андреевны, искривленныя всегдашнимъ болѣзненнымъ страданіемъ, не выразили ни досады, ни гнѣва, въ ту ми-

нуту, когда ея блѣдная, костлявая, изсохшая рука давала обычную оплеуху.

Дѣвка флегматически принялась двигать щеткою по полу.

— А чашки? закричала Варвара Андреевна, садясь на диванъ передъ самоваромъ.

Дѣвка машинально подошла къ дверямъ.

— Форточку опять не отворяла бестія! остановила ее Варвара Андреевна, — опять накурила самоваромъ.... Охъ, охъ! тошно.... я и такъ ужъ мученица,— и безъ того голова болитъ, охъ, охъ!...

Дѣвка мимоходомъ коснулась рукою форточки.

— Простуди еще меня теперь,—закричала Варвара Андреевна, съ яростію подымаясь съ дивана. Спирту дай поскорѣе, мерзавка.... да чашки, чашки....

Дѣвка была уже за дверями гостиной.

Варвара Андреевна взглянула кругомъ себя, въ ея лихорадочно-сверкавшихъ глазахъ выразилось глубокое, сдавленное страданіе.

— Митя, прошептала она глухо.

По ея впалымъ щекамъ покатилась слеза. Она задумалась, она не обратила даже вниманія на то, что рыжая дѣвка, вмѣсто двухъ чашекъ, принесла только одну, почти безсознательно положила двѣ ложечки чаю въ чайникъ и поставила его на комфорку самовара.

Она была жалка въ эту минуту—кругомъ ея бѣдной, больной женщины, все дышало одиночествомъ и тоской безъ — исходною.

Она сняла чайникъ съ комфорки и налила себѣ чашку.

— Гдѣ же другая чашка? спросила она съ гнѣвомъ. уставивши свои впалые глаза на дѣвку.

— Да я не поставила, отвѣчала та, глупо улыбаясь.... Ушли-съ

— Кто ушли?

Дмитрій-то Николаевичъ-съ.... къ невѣстѣ ушли-съ, такъ и сказать приказали-съ, они молъ скоро будутъ.

— Къ невѣстѣ ушелъ—повторила про себя Варвара Андреевна качая головой.... вотъ оно.... то ли еще будетъ!.... Посмотрѣть на него не даютъ, вскричала она громко съ отчаяніемъ.... И я.... не смѣй сказать слова, прошептала она съ тихой сосредоточенной желчью — не смѣй слова сказать, отъ моихъ словъ вишь онъ боленъ, умретъ! охъ, Иванъ Александровичъ, Богъ тебѣ судья!

Она истерически зарыдала....

Увы! она вѣдь была тоже права по своему бѣдная, больная и злая женщина. Есть характеры, которые не могутъ жить на свѣтѣ безъ

того, чтобы подлѣ нихъ не было существа, которое бы они любили и которое бы они терзали.... Онѣ вѣдь тоже любятъ эти болѣзненныя природы, любятъ до того, что въ состояніи сами уничтожиться, уморивши любимое существо. Странная, грустная загадка эти природы, загадка, объясняемая только общественными условіями, въ которыя онѣ поставлены. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ виновата эта мать, которая мучитъ своего сына? Вѣдь она мучитъ его отъ безпредѣльной любви къ нему, вѣдь она по своему, хочетъ даже добра ему? вѣдь она — *мать?* Эта женщина любитъ до того, что она пожалуй отречется отъ своего права мучить другое существо, но она умретъ какъ змѣя, у которой вырвали ея жало.

Долго еще припадки истерики мучили Варвару Андреевну.

Пробило 12 часовъ — въ передней раздался звонъ колокольчика.

— Это онъ, — сказала она шепотомъ, поправляя чепецъ и садясь на край дивана.

Въ самомъ дѣлѣ, черезъ минуту вошелъ Дмитрій: онъ былъ веселъ, на его лицѣ было просвѣтлѣніе, на щекахъ игралъ румянецъ, такъ и видно было, что ему хочется кому нибудь передать все, что наполняло грудь его безпредѣльной, удушливой радостью.

Онъ быстро подошелъ къ матери и съ любовью поцѣловалъ ея руку.

— Здравствуй Митя, кротко сказала ему больная женщина, удерживая его руку и поднимая на него свой впалый, грустный взглядъ. Здорова ли Лидія? — какъ будто нехотя проговорила она, послѣ минуты молчанія.

Есть что-то глубоко-унизительное для человѣка въ принужденномъ участіи, есть что-то страшно тяжелое, въ вынужденномъ великодушіи людей близкихъ къ нимъ, есть наконецъ что-то отравляющее всякую радость въ жертвѣ, которую дѣлаютъ для человѣка, люди слабѣе, ниже его.

— Маменька, вы плакали?... спросилъ Сѣвскій, не отвѣчая на вопросъ и опуская глаза въ землю.

— Я? о нѣтъ Митя, нѣтъ дружечикъ мой — я не плакала, я вѣдь обѣщала тебѣ что не буду плакать.... я не плакала—скорбнымъ, дрожащимъ отъ внутренняго раздраженія голосомъ говорила Варвара Андреевна, отирая бѣлымъ платкомъ свои красные, больные глаза.

Дмитрій взглянулъ на нее.... сердце поворотилось въ его груди.

— О Беже мой! вскричалъ онъ съ ропотомъ и отчаяніемъ, стиснувши голову руками — и зарыдалъ, не имѣя силъ сказать ничего больше.

Варвара Андреевна вскочила съ мѣста и крѣпко охвативши его руками, залила его лобъ, потокомъ сдавленнымъ, жгучихъ слезъ.

— Митя, Митя, рыдала она—не умирай, голубчикъ мой, Митя... не умирай, я буду любить ее, слышишь ли? она будетъ хозяйкою въ домѣ, я готова быть твоей кухаркой, ея кухаркой, изъ любви къ тебѣ, я на все готова, на все, я всѣмъ пожертвую, — что жъ? ужъ цѣлый вѣкъ я была мученица.

Бѣдная женщина, она не понимала, что каждое слово ея способно было рѣзать какъ ножъ, что самая страстная любовь ея была отвратительнымъ эгоизмомъ, что она не могла даже пожертвовать ничѣмъ, сама не оцѣнивши напередъ и не выставивши на видъ всей великости жертвы.

Ни мать, ни сынъ, не слыхали какъ вновь зазвенѣлъ колокольчикъ и какъ вслѣдъ за тѣмъ вошелъ въ гостиную Званинцевъ. Онъ остановился въ дверяхъ и сложивши на груди руки, съ нѣмою, зловѣщею улыбкою смотрѣлъ на эту сцену.

Варвара Андреевна увидала его первая и съ крикомъ упала на диванъ, закрывши лице руками.

Сѣвскій съ скорбнымъ, умоляющимъ выраженіемъ, поднялъ на него глаза. Званинцевъ молча пожалъ его руку и сѣвши на кресла противъ него, закурилъ сигару.

— Дайте мнѣ стаканъ чаю Варвара Андреевна, сказалъ онъ спокойно.

Болѣзненная краска выступила на впалыхъ щекахъ Сѣвской, но она повиновалась ему, робко опуская глаза передъ его холоднымъ взглядомъ.

Это было нѣчто въ родѣ сценъ покойнаго Фанъ-Амбурга съ гіенами.

— Когда ваша свадьба, Сѣвскій? спросилъ онъ.

— Не знаю, отвѣчалъ молодой человѣкъ, неподвижно уставивши глаза въ полъ.

— *Вѣроятно*, назначеніе дня, зависитъ отъ васъ, Варвара Андреевна — обратился Званинцевъ къ матери.... пожалуйста поторопитесь, — чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше, Дмитрій Николаевичъ до свадьбы не способенъ ничего дѣлать, а мѣсто помощника Воловскаго, не долго можетъ быть вакантно.... Онъ мнѣ это самъ говорилъ.

Когда же? дрожащимъ голосомъ спросила Варвала Андреевна, не смѣя поднять глазъ.

— Не знаю, когда хотите, спокойно отвѣчалъ Званинцевъ.

— Черезъ недѣлю, съ усиліемъ сказала Сѣвская, поднимаясь съ дивана.

— Ровно черезъ недѣлю? у насъ сегодня вторникъ кажется? обратился Званинцевъ къ молодому человѣку.

Дмитрій молчалъ.

Варвара Андреевна вышла изъ гостиной.

Сѣвскій быстро поднялъ глаза на Званинцева.

— Иванъ Александровичъ, сказалъ онъ, подавляя непріятное впечатлѣніе которое всегда испытывалъ отъ его взгляда — научите меня, что мнѣ дѣлать?

Званинцевъ улыбнулся.

— Вы знаете мой милый, я никогда не даю совѣтовъ, сказалъ онъ холодно.

Боже мой, Боже мой — что ждетъ меня въ будущемъ? съ отчаяніемъ говорилъ про себя молодой человѣкъ, ходя по комнатѣ.

— Что же? вы хотѣли жениться на Лидіи, вы на ней женитесь, полунасмѣшливо началъ Званинцевъ.

— Иванъ Александровичъ, прервалъ его Сѣвскій, подходя къ нему и взявши его руку, сжальтесь надо мною.... но что я говорю вамъ? къ чему я говорю это вамъ, продолжалъ онъ съ отчаяніемъ — у васъ нѣтъ сердца.... или нѣтъ, нѣтъ, простите меня, я не знаю самъ, что я говорю, вы мнѣ сдѣлали такъ много добра.

— Не я, — обстоятельства.

— Ну положимъ, положимъ такъ даже: вы не хотите моей благодарности, вамъ она оскорбительна..... Но сжальтесь надо мною, что я долженъ дѣлать?

— Ничего, кромѣ того, что вы можете.

Лицо Званинцова было спокойно какъ обликъ сфинкса — тщетно искали бы вы на немъ хотя тѣни человѣческаго сочувствія.

Сѣвскій отступилъ съ невольнымъ ужасомъ и сѣлъ на кресла мрачный, блѣдный какъ преступникъ, которому прочли приговоръ.

— Да, сказалъ онъ наконецъ сухимъ, горячимъ тономъ, — да, я знаю, что унизился до того, чтобы быть вамъ обязаннымъ, что вы играли мной какъ ребенкомъ.

— Я? холодно прервалъ Званинцевъ, отряхивая сигару.

— Вы или обстоятельства, ни все ли мнѣ равно?... я уже подлецъ, довольно этаго, — я ненавижу ихъ, ненавижу васъ... чего еще вамъ надобно?.... чтобы я былъ палачемъ?

— Слушайте же, тихо началъ Званинцевъ устремивши на него грозный, зловѣщій взглядъ — слушайте же безумный, — вы еще не все знаете, вы еще и не воображаете всѣхъ мукъ и пытокъ, которыя ждутъ васъ въ будущемъ, вы еще не хотите вѣрить, что каждое утро будетъ вамъ отравлено, что каждый вечеръ вы будете терзаться пыткой....

— О! простоналъ молодой человѣкъ, сжимая голову руками.

— Вы забыли, что любовь не любовь, если она раздѣлена, продолжалъ Званинцевъ — больше еще, вы забыли что любовь дѣлаетъ свободнаго человѣка рабомъ, который по-всюду волочитъ за собою свою цѣпь... вы забыли это все,—а я это зналъ и знаю.

— И что же?

— Всякому дано дѣйствовать по силамъ. Я отрекся дѣйствовать, — я предоставляю людей ихъ собственному произволу. Чему устоять, — то устоитъ, чему погибнуть — то погибнетъ.

И взявши шляпу, Званинцевъ тихо вышелъ изъ комнаты . .

. . . . . .

. . . . . .

Пойдемте теперь со мною читатель, въ одинъ изъ самыхъ отдаленныхъ переулковъ Литейной части, въ низенькій, наклонившійся немного набокъ домикъ, выкрашенный дикою краской, снабженный даже ставнями у оконъ, какъ будто нарочно для того, чтобы живѣе напоминать подобные же московскіе дома. Кругомъ его, тоже для бо́льшаго сходства пустыри и огороды, но въ этихъ пустыряхъ и огородахъ, слышится не размашисто-заунывная пѣсня Русскаго человѣка, а не несносный чухонскій вой.

Въ этомъ домикѣ жилъ Александръ Иванычь Брага, пріятель Сѣвскаго, тотъ самый Александръ Ивановичь, вслѣдствіе словъ котораго, авторъ этаго разсказа когда то познакомился съ Виталинымъ, о чемъ въ свое время и въ своемъ мѣстѣ разсказывалъ своимъ читателямъ.

Комната, въ которой жилъ Александръ Ивановичъ, была пуста и мала; все въ ней дышало какимъ-то вѣчнымъ приготовленіемъ къ путешествію, въ ней не было ничего кромѣ кушетки, стола подлѣ нея и чемодана, который валялся въ углу. Надъ кушеткою висѣла пара пистолетовъ; самъ Александръ Иванычь лежалъ на кушеткѣ, въ ермолкѣ, прекрасно вышитой серебромъ по бархату, которой онъ не покидалъ никогда дома

Эта ермолка да чубукъ съ бисернымъ чехломъ пользовались особенной его привязанностью, хотя ермолка, порядочно уже поистаскалась, а изъ чубука Александръ Иванычь никогда не курилъ, предпочитая трубкѣ сигару. Было ли это воспоминаніе о какой нибудь хорошенькой кузинѣ, или подарокъ бѣдной обольщенной невинности — и когда и какъ подарены были, этотъ чехолъ и эта ермолка? въ свѣтлый ли праздникъ, вмѣстѣ съ поцѣлуемъ свѣжаго, розовенькаго ротика, за семейнымъ ли самоваромъ, съ первой чашкой чаю налитаго миленькой дѣвочкой съ заспанными глазками — въ день ли ангела, при страстной запискѣ съ орѳографическими, ошибками. Дѣло въ томъ только, что чехолъ и ермолка были драгоцѣнностями для моего пріятеля, они съ нимъ не разставались давно уже, съ турецкаго похода, въ которомъ онъ служилъ волонтеромъ и для котораго онъ въ первый разъ покинулъ кровъ родимаго украинскаго хутора. Зачѣмъ онъ его покинулъ? зачѣмъ не далъ онъ овладѣть собою лѣни и безпечности южнаго человѣка?

Александръ Ивановичь лежалъ и читалъ въ десятый разъ кажется, письмо знакомаго гвардейскаго офицера — дѣлая карандашемъ на довольно широкихъ поляхъ почтоваго листка въ четвертку остроумныя замѣчанія, въ родѣ слѣдующаго, по поводу упоминанія въ письмѣ *Херсонскаго трактира*. «*Херсонскій*,» — отмѣтилъ Александръ Иванычъ — трактиръ вовсе не дурной — бильяртъ только кривъ не много, потомъ, по поводу слова *спустилъ* — хотѣлъ было спросить: «*въ коротенькую*?» но увидавши что слово спустилъ, было употреблено въ другомъ отношеніи, только презрительно улыбнулся.

Углубившись въ чтеніе интереснаго письма, онъ и не видалъ какъ отворилась дверь и какъ вошелъ къ нему Сѣвскій.

— Здравствуйте Александръ Иванычь, сказалъ ему молодой человѣкъ — я васъ на силу нашелъ.

— А, Дмитрій Николаичъ! добро пожаловать! весело привѣтствовалъ его Брага, спуская ноги съ кушетки и приглашая Сѣвскаго садиться... Что это съ вами мой милый, вы такъ блѣдны — продолжалъ онъ, смотря пристально на молодаго человѣка — ужъ не нуженъ ли я?

— Да, да мой добрый другъ, вы мнѣ нужны, очень нужны, отвѣчалъ съ жаромъ Сѣвскій, крѣпко пожимая его руку.

— Вотъ оно что! съ невольной радостью перервалъ Брага и рука его протянулась къ пистолетамъ.

— Нѣтъ, не за этимъ, сказалъ Сѣвскій, останавливая его руку.

— А! не за этимъ еще?.... такъ зачѣмъ же?.... почти съ досадою проговорилъ мой пріятель — на кой чортъ я гожусь еще?... Скажите, продолжалъ онъ — отъ чего я не вижу васъ болѣе мѣсяца?.... да именно больше мѣсяца, съ того самаго вечера, когда на балу у Мензбира вы готовы были съѣсть Званинцева?

— Званинцевъ — человѣкъ благородный, Александръ Ивановичъ, принужденно отвѣчалъ Сѣвскій.

— А! такъ это правда? быстро перебилъ Брага.

— Что правда? съ смущеніемъ спросилъ Сѣвскій.

— Да то, что я слышалъ — съ досадой отвѣчалъ Брага, что вы женитесь на Лидіи.

— Это правда.

— Что, Званинцевъ уладилъ ваши дѣла?

— Да.

— Что, онъ вамъ даетъ выгодное мѣсто? спрашивалъ Александръ Иванычъ съ возрастающимъ негодованіемъ.

— Все это правда другъ мой, отвѣчалъ Сѣвскій, грустно склоняя голову.

— Такъ зачѣмъ же нуженъ вамъ я?.... сказалъ Брага съ ледяною холодностью.

— Я несчастенъ, я боленъ, Александръ Ивановичь — съ нервическою дрожью говорилъ Сѣвскій, — я пришелъ къ вамъ, потому что вы человѣкъ, потому что у васъ есть сердце.

Брага махнулъ рукою....

— Ну! сказалъ онъ наконецъ — я вѣдь это зналъ.... да что съ вами будетъ дѣлать? тряпка вы, а не человѣкъ, ребенокъ, безхарактерное существо, которому непремѣнно нужно кого нибудь, кто бы его водилъ за носъ. Эхъ! продолжавъ онъ вздохнувши — говорилъ я вамъ что эта дѣвчонка....

— Александръ Иванычъ! прервалъ Сѣвскій.

— Ну!.... хоть не говорилъ я вамъ по крайней мѣрѣ, что малѣйшая уступка съ вашей стороны Званинцеву унизитъ васъ, погубитъ просто. Не говорилъ ли я вамъ, что я знаю этого человѣка, что я его ненавижу столько же, сколько я люблю васъ, мой бѣдный другъ, мой добрый ребенокъ. И хотите ли вы знать, за что я его ненавижу?

Сѣвскій молчалъ, Брага закурилъ регалію и закашлялся.

— Я давно не вспоминалъ объ этомъ, я ни говорилъ никому объ этомъ — началъ Брага, но вѣдь должны же вы убѣдиться, что въ этомъ человѣкѣ, что въ *этихъ людяхъ* нѣтъ сердца, вовсе нѣтъ сердца. Умирайте отъ жажды подлѣ него, онъ не по-

дастъ вамъ пить — его слова будетъ довольно для того, что бы спасти человѣка отъ позора и онъ этого слова не скажетъ.... Видите ли, я былъ еще почти ребенкомъ, когда вступилъ въ волонтеры — ну что еще?.... мнѣ было восьмнадцать лѣтъ, только восьмнадцать лѣтъ.... у казначея полка, гдѣ я служилъ, была жена.... чортъ задави мою душу, если я забуду, когда нибудь эту женщину.... Волосы.... что это за волосы: густые, смоляные волосы, которые только цѣловать бы, цѣловать бы цѣлую жизнь!

— Эхъ!

Брага ударилъ кулакомъ по столу.

— Мужъ былъ старъ, продолжалъ онъ съ возрастающимъ жаромъ.... она меня любила, чортъ меня побери — какъ я ее любилъ.... Въ это время мы встрѣтились съ Званинцевымъ.... онъ былъ переведенъ къ намъ изъ другаго полка, онъ былъ уже штабсъ-ротмистромъ, и не давно получилъ георгія... Я скоро замѣтилъ, что моя казначейша о немъ распрашиваетъ. Опять повторяю: я былъ молодъ и слѣдовательно глупъ какъ пѣшка.... до сихъ поръ не прощу себѣ глупости и подлости, которую я тогда сдѣлалъ... Я пошелъ къ Званинцеву, съ которымъ еще едва былъ знакомъ — зачѣмъ вы думаете? эхъ! мнѣ даже теперь стыдно.

Брага закрылъ лице руками и молчалъ съ минуту. Лице его горѣло.

— Я ему сказалъ: вы честный человѣкъ, штабсъ ротмистръ?.. Онъ только насмѣшливо посмотрѣлъ на меня, но не сказалъ ни слова. Тутъ бы мнѣ и остановиться! такъ нѣтъ, чортъ меня дернулъ за языкъ. Любили вы? спросилъ я его. «Можетъ быть, отвѣчалъ онъ зѣвнувши. Я сказалъ ему все. Что же изъ этаго мнѣ? спросилъ Званинцевъ.... Остановиться было ужъ нельзя — я продолжалъ: Званинцевъ расхохотался..... «Ну, — сказалъ онъ насмѣшливо улыбнувшись—вы поступили ужасно неблагоразумно, молодой человѣкъ — почемъ бы я зналъ, что ваша казначейша мной интересуется? благодарю васъ за новость, а мнѣ, признаюсь, стало ужъ скучно здѣсь безъ дѣла....» Вспомните, что всякую новую мерзость, которую этотъ человѣкъ сдѣлаетъ, онъ называетъ дѣломъ... Я вспылилъ, я предложилъ ему драться. «Извольте, отвѣчалъ мнѣ спокойно Званинцевъ, но вспомните, что я не обязанъ скрывать причины, которая заставляетъ васъ драться... Я замолчалъ, я былъ уничтоженъ этимъ безстыдствомъ, для котораго не свята даже честь женщины. Я васъ презираю, сказалъ я наконецъ. «Какъ угодно,» отвѣчалъ онъ, спокойно закуривая сигару..... Я вышелъ.

— И потомъ? съ трепетомъ прервалъ Сѣвскій.

— Потомъ!.... Брага махнулъ рукою.

— Ваша казначейша? спросилъ молодой человѣкъ.

— Ушла отъ мужа.

— Съ вами?

— Съ нимъ.

Брага долго смотрѣлъ въ потолокъ.

— Я встрѣтилъ ее здѣсь, медленно, какъ бы съ трудомъ, проговорилъ онъ черезъ минуту.... Встрѣтилъ такъ, что кровь прилила у меня къ сердцу, когда я ее увидѣлъ....

— Вотъ до чего довелъ ее этотъ человѣкъ..... Понимаете ли вы теперь, что у него нѣтъ сердца, что для него нѣтъ никакихъ границъ?

Сѣвскій молчалъ, съ отчаяніемъ ломая руки. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Въ этотъ день у Мензбира былъ одинъ изъ обыкновенныхъ карточныхъ вечеровъ; въ половинѣ восьмаго, зеленые столы были уже открыты. Мензбиръ потирая руки, похаживалъ по желтой комнатѣ и безпрестанно смотрѣлъ на часы. На лицѣ его замѣтно было безпокойство, смѣшанное съ какимъ-то страхомъ.

Часы пробили восемь. Въ дверяхъ появилась чья-то физіономія. Мензбиръ остановился по серединѣ комнаты.

Половинка дверей совершенно отворилась и въ комнату, смѣлымъ и рѣшительнымъ шагомъ, вошелъ мужчина лѣтъ 45-ти, съ рыжими бакенбардами, въ сюртукѣ, застегнутомъ до верху.

— Здравствуйте баронъ, медовымъ голосомъ началъ Мензбиръ — я васъ жду давно.

— Здравствуйте — грубо отвѣчалъ баронъ, я пришелъ сегодня требовать рѣшительнаго отвѣта.... Слышите ли?.....

— Тише баронъ, пожалуйста тише, прошепталъ Мензбиръ, вы меня погубите....

— А мнѣ какое дѣло, сказалъ тотъ, нарочно усиливая голосъ... Я буду всѣмъ и каждому разсказывать....

— Баронъ!

— Я буду всѣмъ и каждому разсказывать, что меня обыгрывали навѣрную.... Я на это имѣю доказательства, вы знаете? продолжалъ баронъ, грозно взглядывая на Мензбира, котораго лице судорожно сжалось.

— Но за что же, за что же? бормоталъ онъ жалобнымъ тономъ.

— Что я позволялъ себя обыгрывать, потому что вы обѣщали мнѣ.

— Баронъ, баронъ!

— Чортъ меня возьми, если я не скажу этого!

Мензбиръ наклонился къ уху барона, и что-то шепнулъ ему. Лице барона просіяло.

— Ну, если такъ, сказалъ онъ.... Впрочемъ, мы увидимъ. Завтра, говорите вы?

— Да.

— А тётка?

Мензбиръ снова шепнулъ что-то барону. Тотъ расхохотался.

— Вы, Мензбиръ, драгоцѣнный человѣкъ, сказалъ онъ наконецъ, пожавши руку старика и садясь на стулъ.

Мензбиръ только улыбнулся.

— Что Званинцевъ, сказалъ баронъ закуривая сигару, у васъ будетъ сегодня?

— Не знаю, обѣщалъ.

— А женихъ? насмѣшливо спросилъ баронъ.

— Ну! этотъ навѣрно будетъ, отвѣчалъ Мензбиръ.

Черезъ минуту вошло нѣсколько гостей, которыми Мензбиръ принужденъ былъ заняться. Баронъ сидѣлъ одинъ у стола, куря сигару и смотря на затворенную дверь гостиной.

Дверь наконецъ отворилась, и вышла Лидія, въ простомъ бѣломъ платьѣ, безъ всякихъ театральныхъ украшеній: какая-то грусть разлита была по всему ея существу. Она, повидимому съ изумленіемъ увидала барона и сухо поклонившись ему, сѣла у окна, съ нетерпѣніемъ поглядывая на двери передней.

Баронъ не подходилъ къ ней.

Въ передней послышался наконецъ шумъ. Лидія украдкою взглянула, но почти тотчасъ же, ея маленькая головка приняла прежнее, разсѣянное положеніе.

Въ залу вошелъ Сѣвскій и съ нимъ Александръ Иванычъ. Сѣвскій съ явнымъ почти неудовольствіемъ пожалъ руку Мензбира, который встрѣтилъ его съ распростертыми объятіями и слегка кивнувши головою другимъ гостямъ, рука объ руку съ Брагой, подошелъ къ своей невѣстѣ.

Она холодно протянула ему свою руку.

— Я опоздалъ Лиди, сказалъ онъ, цѣлуя руку дѣвушки, но мнѣ

хотѣлось сегодня привезти съ собою моего *лучшаго* друга, рекомендую его вамъ.

Брага поклонился. Лидія привстала.

— Вы знаете, обратилась она довольно сухо къ молодому человѣку, что ваши друзья, должны быть моими. Садитесь, — что новаго? разсѣянно спросила она, указывая ему и Брагѣ на два порожнихъ стула возлѣ себя..... Что ваша матушка? сказала она, поправляя вопросъ.

— Она къ вамъ будетъ сегодня, Лиди.

— Какъ? вы оставили ее одну? съ укоромъ сказала дѣвушка.

— Она пріѣдетъ съ Иваномъ Александровичемъ, отвѣчалъ Сѣвскій.

Лидія отвернулась къ окну.

— Вы мнѣ позволите закурить сигару, обратился къ ней Брага, доставая изъ кармана porte-cigares.

— Прошу васъ.... ахъ Боже мой Дмитрій Николаичъ, быстро сказала дѣвушка—что же я васъ просила достать мнѣ Bäbu-polka?

— Виноватъ Лидія, забылъ, ей Богу забылъ, чуть неумоляющимъ голосомъ отвѣчалъ Сѣвскій, приподнимаясь съ своего стула — забылъ, какъ забылъ еще другое, очень важное.

И онъ взялъ шляпу.

— Куда жъ вы? спросила его Лидія довольно равнодушно.

— Я возвращусь черезъ полчаса.

И не дожидаясь отвѣта, Сѣвскій быстро вышелъ изъ комнаты.

Лидія Сергевна выставила впередъ нижнюю губку.

— Бьюсь объ закладъ — началъ Брага шутливымъ тономъ — что вашъ женихъ поскакалъ за полькой.

— Вы думаете? холодно спросила Лидія обернувшись, прямо къ нему и обливая его фосфорическимъ свѣтомъ своихъ глазъ.

— Я въ этомъ увѣренъ. Онъ влюбленъ.

— Только во мнѣ онъ ошибается, равнодушно замѣтила Лидія.

— Какъ это?

— Я не люблю, чтобы мнѣ повиновались.

— Стало быть, вы хотите сами повиноваться?

— Можетъ быть, отвѣчала дѣвочка, мечтательно закидывая головку.

И изъ груди ея вырвался невольный вздохъ.

— Знаете ли что, Лидія Сергевна — началъ Брага, смотря ей въ глаза пристально и прямо — вѣдь онъ васъ больше любитъ, чѣмъ вы его.

Лидія принужденно захохотала.

— Извините за откровенность — продолжалъ Брага — но я знаю это, — онъ для васъ всѣхъ пожертвуетъ, а вы ...

— Почему жъ вы думаете, что я ничѣмъ для него не пожертвую, быстро перебила Лидія, отворачиваясь отъ его взгляда.

— Почему?.... этого я вамъ не скажу, — я говорю только о немъ и о немъ я имѣю право говорить, я его другъ.

— Да, у него много друзей, не много насмѣшливо замѣтила Лидія поправляя мысъ своего платья.

— Кто же?

— Вы, — сжавши губки отвѣчала Лидія, — Иванъ Александровичъ, продолжала она какъ будто робѣя произнести это имя.

— А знаете ли вы, что такое дружба Ивана Александровича? неожиданно серьёзно перервалъ Брага.

По лицу Лидіи молніей пробѣжало чувство страха.

— Не смотрите на меня, такъ странно Лидія Сергевна, продолжалъ Брага съ горячностью — если вы любите вашего жениха, бойтесь за него дружбы Званинцева. Вспомните Позвонцева.

Лидія вздрогнула — но побѣдивши себя, отвѣчала съ холодностію, которая всякаго заставитъ прекратить разговоръ.

— Да, у Ивана Александровича много враговъ, о немъ говорятъ много дурнаго, но вспомните, что мой женихъ обязанъ ему всѣмъ.

Брага всталъ со стула съ видимымъ негодованіемъ и подсѣлъ къ одному изъ карточныхъ столовъ.

Лидія осталась одна и продолжала украдкою глядѣть на дверь передней.

Баронъ, который вовсе это время сидѣлъ у окна и курилъ сигару, поглядывая съ безпокойствомъ на Брагу и на Лидію, наконецъ рѣшился подойти къ ней.

— Лидія Сергевна! началъ онъ нерѣшительнымъ голосомъ.

Лидія выведенная изъ задумчивости, вздрогнула и быстро приподняла головку.

— Это вы баронъ, сказала она гордо и почти презрительно — я васъ не ожидала сегодня.

— То есть — я лишній? глухо проворчалъ баронъ.

— Мои слова не требуютъ поясненій, твердо сказала Лидія, поднимаясь со стула и рѣшаясь снова уйти въ гостиную.

— Лидія, прошепталъ баронъ съ стѣсненною яростью, оста навливая ее за руку — вы шутили съ огнемъ, берегитесь.

— Кто же шутилъ съ вами?

— Вы, вы Лидія Сергеевна.

Лидія уже была на порогѣ гостиной, но въ эту минуту отворилась дверь залы и Званницевъ, слегка кивнувши головою гостямъ и хозяину, шелъ прямо къ ней, ведя подъ руку Варвару Андревну Сѣвскую.

Варвара Андревна, была очаровательно любезна, когда только хотѣла быть такою. Въ этотъ вечеръ вкусъ и почти роскошь ея костюма, тихая, благородная походка, улыбка на губахъ — все говорило что она, рѣшилась разыграть роль нѣжно-любящей матери. Званницевъ тоже былъ одѣтъ чрезвычайно парадно, вѣроятно изъ уваженія къ своей дамѣ.

— Ma chere enfant, начала Варвара Андревна, протягивая руку къ дѣвочкѣ, немного смущенной ея появленіемъ въ эту минуту.

— Лидія молча поцѣловала ея руку и поставила большія кресла.

— Отъ чего ты такъ блѣдна сегодня? ласково спросила Сѣвская, касаясь тихо своей блѣдной рукой прозрачныхъ щекъ Лидіи. А гдѣ же Митя?...

— Онъ уѣхалъ Maman, отвѣчала робко Лидія.

— Уѣхалъ? спросила мать.

— Онъ черезъ четверть часа будетъ, замѣтилъ громко Брага.

— Услыхавши его голосъ, Сѣвская довольно презрительно взглянула на него въ лорнетку.

— Кто этс? спросила она Лидію.

— Другъ Дмитрія Николаевича, отвѣчала та, опуская глаза въ землю.

— Да, помню.... онъ къ Митѣ ходитъ — пустой человѣкъ, замѣтила Сѣвская — хоть бы ты мой ангелъ, обратилась она къ Лидіи, поговорила Митинькѣ, что странно ему связываться съ разными пустыми людьми.... тебя онъ больше послушаетъ? Не правда ли, Иванъ Александровичъ?

— О чемъ вы говорите? сказалъ Званницевъ, который въ эту минуту пристально глядѣлъ на Брагу.

— Я говорю.... начала было Сѣвская, да вотъ и Митинька сказала она видя входившаго сына.

Дмитрій быстро подошелъ къ матери и поцѣловалъ ея руку — потомъ, подавая Лидіи свертокъ.

— Вотъ Bäbu-Polka Лидія, сказалъ онъ тихо.

— Лидія взяла свертокъ и отвѣчала обычной благодарностью.

— Вы за этимъ и ѣздили? равнодушно спросилъ Званинцевъ, указывая на свертокъ:

— Да.

— Дѣлаетъ вамъ много чести, замѣтилъ Иванъ Александровичъ съ полуулыбкою.

— Это-то хорошо — привязалась мать, не понявши легкой насмѣшки Званинцева, это то хорошо Митя, да вотъ что не хорошо, и Лидинька вѣрно скажетъ, что не хорошо — зачѣмъ ты не оставишь знакомства съ разными пустыми людьми, всему свое время, голубчикъ мой: теперь ты будешь женатъ.... хорошо ли?...

— Съ какими пустыми людьми маменька? спросилъ поблѣднѣвшій Сѣвскій.

— Да вотъ, хоть съ этимъ-то, отвѣчала мать, нагло лорнируя Брагу.

Сѣвскій вспыхнулъ и прежде всего взглянулъ на Званинцева, но гордая и спокойная физіономія этаго человѣка, заставила его опустить глаза въ землю.

— Я думаю, — важнымъ и звучнымъ голосомъ сказалъ Званинцевъ, что вашъ сынъ, въ такихъ лѣтахъ Варвара Андревна, что самъ имѣетъ полное право избирать себѣ связи....

— Охъ батюшка, — замѣтила Сѣвская, ты все по своему судишь и по твоему-то хорошо — да каково-то будетъ намъ съ Лидочкой? прибавила она, цѣлуя Лидію въ голову и чуть не плача, потому что эта женщина способна была плакать когда, гдѣ и какъ угодно.

На губахъ Званинцева мелькнула змѣиная улыбка демона, который видитъ, какъ хорошо сѣти опутали жертву.

Сѣвскій молчалъ, онъ былъ убитъ: онъ видѣлъ въ будущемъ, наступательные и оборонительные союзы матери, то съ Званинцевымъ противъ Лидіи, то съ Лидіею, съ его будущей женою противъ него самаго, — онъ видѣлъ всю эту семейную трагедію, онъ зналъ, что Званинцевъ видитъ это еще лучше его, и не имѣлъ права обвинить этаго *благороднаго*, *великодушнаго* человѣка. Да и какъ смѣть обвинять его? Онъ защищалъ его свободу, онъ, этотъ гордый человѣкъ, для него выносилъ капризы его больной матери, онъ наконецъ, этотъ игрокъ Званинцевъ, сѣлъ съ нею и съ какимъ-то старикомъ съ анною на шеѣ, за копѣечный преферансъ.

Лидія и Сѣвскій снова остались одни.

— Что вы скажете Лидія? грустно обратился къ ней молодой человѣкъ, опираясь руками на спинку ея креселъ.

— Послушайте Дмитрій, отвѣчала ему она, вы иногда не правы передъ вашей матушкой.

— Такъ, я это зналъ — съ отчаяніемъ прошепталъ молодой человѣкъ, и вы — противъ меня?

— Противъ васъ?... я? возразила Лидія своимъ серебрянымъ голосомъ — вы ребенокъ! вы не хотите слушать людей, которые желаютъ вамъ добра.

— Когожъ это? не Званинцева ли?

— Неужели вы не благодарны Сѣвскій? возразила Лидія съ тихимъ укоромъ.

— Этаго еще недоставало! почти съ бѣшенствомъ сказалъ тотъ. О, да, я несчастенъ, началъ онъ послѣ минуты молчанія.

— Воображеніемъ, — холодно добавила его невѣста.

— Вы слышали о Позвонцевѣ? спросилъ Сѣвскій мрачно и глухо.

— Это не ваши слова Дмитрій Николаичъ, насмѣшливо отвѣчала молодая дѣвушка, это — слова вашего *друга*.

— Лидія....

— Вы сердитесь?

— Онъ вамъ не нравится?

— Кто?

— Тотъ, кого вы съ насмѣшкою назвали моимъ *другомъ*.

— Скажу вамъ откровенно — *да*.

Сѣвскій опустилъ голову и почти коснулся обнаженаго плеча своей невѣсты, съ котораго спустился нечаянно легкій газовый шарфъ.

— Лидія.... сказалъ онъ страстнымъ шепотомъ, вы хотите, чтобы я разорвалъ связи съ моимъ лучшимъ другомъ?

— Я ничего не хочу Дмитрій Николаевичъ, холодно сказала его невѣста, выставя впередъ нижнюю губку и поправляя спустившійся газъ.

— Вы *хотите* этаго? да говорите же Лидія, умоляющимъ тономъ сказалъ снова Сѣвскій.

Лидія улыбнулась ему обаятельною, обѣщающею цѣлую бездну наслажденій улыбкою.

— Лиди, вы знаете — я рабъ вашей воли, отвѣчалъ на эту улыбку молодой человѣкъ, и въ забытьи страсти, снова склонился головою къ ея плечу. Бѣдная голова его! она горѣла, отъ нея было жарко даже Лидіи.

А она отвернулась въ сторону, чтобы скрыть презрительную улыбку.

Она оборотилась только тогда, когда сквозь газъ почувствовала на своемъ плечѣ, горячій поцѣлуй молодаго человѣка.

— Сѣвскій! сказала она съ укоромъ.

— Развѣ вы не *моя* Лиди, сказалъ ей Сѣвскій, сжавши ея руку, развѣ вы не моя жена, моя сестра, моя подруга....

— Дитя вы Сѣвскій, разсѣянно прервала его дѣвушка, освобождая изъ рукъ его свою руку.

Это равнодушіе обдало его холодомъ. Мрачный и грустный, онъ подошелъ къ столу, за которымъ сидѣла его мать и Званинцевъ. Мать его ставила ремизы и бѣсилась.

— Съ вами нельзя играть, мой батюшка, обратилась она къ Званинцеву, который объявилъ игру безъ козырей.

— Да — я счастливъ, беззаботно замѣтилъ тотъ.

— Дайте мнѣ сыграть за васъ слѣдующую игру! обратился къ нему Сѣвскій.

— За меня? пожалуй — отвѣчалъ тотъ, — только замѣтьте молодой человѣкъ, прибавилъ онъ съ улыбкою, что играть *за себя*, я позволяю только въ картахъ.

И обремизивши опять Варвару Андревну, которая пошла вистовать съ приглашеніемъ, онъ всталъ со стула, уступивши мѣсто Сѣвскому, мимоходомъ взялъ карту въ лото и закуривши сигару, подошелъ къ Лидіи.

— Зачѣмъ у васъ баронъ сегодня? спросилъ онъ ее.

— Не знаю, — отвѣчала Лидія съ невольнымъ смущеніемъ.

— За что вы прогнали вашего жениха? снова спросилъ онъ безпечно, разваливаясь подлѣ Лидіи въ большихъ креслахъ, въ которыхъ сидѣла прежде Варвара Андревна.

— Я его не прогоняла, отвѣчала судорожно смѣясь дѣвушка.

— Ну, удался ли вашъ наступательный союзъ съ Варварой Андревной? еще спросилъ онъ, показывая сигарою, на печально сидѣвшаго у окна въ противуположномъ углу Александра Иваныча.

— Вамъ это лучше знать, отвѣчала Лидія съ тѣмъ же судорожнымъ смѣхомъ.

— Вы кажется думаете, что я всемогущь?

— Почти, сказала Лидія, опуская головку.

— Помилуйте, я играю всегда роль примирителя или ровно ничего не дѣлаю.

— Вы выиграли, Иванъ Александровичъ! вскричалъ въ эту минуту Мензбиръ со стола, гдѣ играли въ лото.

Лиди вздрогнула. Для нея чѣмъ-то роковымъ и страннымъ показался этотъ выигрышъ.

Званинцевъ погладилъ правою рукой свою черную бороду. . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Снѣжная вьюга крутилась вихремъ и стучала въ окно маленькаго домика, въ одной изъ самыхъ отдаленныхъ линій Васильевскаго Острова.

По небольшой комнатѣ, на обветшалыхъ и грязныхъ стѣнахъ которой, развѣшаны были старинные портреты, Петра II и Екатерины I-й, — ходилъ неровными шагами, знакомецъ нашъ баронъ. Онъ былъ повидимому, въ сильномъ лихорадочномъ волненіи и безпрестанно смотрѣлъ на часы.

— Сударыня, вскричалъ онъ наконецъ съ нетерпѣніемъ, въ щель двери другой комнаты — сударыня!

— Что, батюшка? отвѣчалъ оттуда дряблый и визгливый голосъ.

— Если меня еще обманули, сказалъ баронъ, то чортъ задави мою душу....

Въ комнатѣ сильно плюнули на полъ.

Фу ты батюшки, ругатель какой — завизжалъ тамъ тотъ же голосъ, да ужъ говорятъ тебѣ батюшка, что будетъ. Вѣдь еще семи нѣтъ.

Баронъ заходилъ по комнатѣ.

Минутъ черезъ десять, на дворѣ послышался лай собакъ.

— Спрячьтесь батюшка, спрячьтесь — закричалъ женскій голосъ изъ комнаты, и баронъ, дрожа отъ внутренняго волненія, поспѣшилъ укрыться, за большимъ деревяннымъ шкафомъ съ платьемъ.

Въ комнату вбѣжала Лидія, вся закутанная въ мѣховой салопъ и засыпанная вьюгой; она быстро порхнула въ дверь, изъ которой женскій голосъ разговаривалъ съ барономъ.

Баронъ вышелъ изъ-за шкафа.

Страшно и отвратительно было бы постороннему взглянуть на него въ эту минуту, лицо его было покрыто смертною блѣдностью и обрамлено щетиной поднявшихся дыбомъ рыжихъ волосъ, по временамъ, яркій румянецъ пятнами вспыхивалъ на

этихъ синеватыхъ щекахъ, изобличая внутреннее волненіе и присутствіе чахотки, — ноги его ходили ходуномъ, какъ говорятъ Рускіе, руки судорожно тряслись.

Онъ подошелъ къ двери и сталъ смотрѣть въ щель. Чѣмъ больше смотрѣлъ онъ, тѣмъ сильнѣе становилось его волненіе, тѣмъ ярче и жарче выходили на щекахъ его пятна, сдѣлавшіяся наконецъ кровавыми. Еще минута и онъ упалъ бы кажется въ страшныхъ судорогахъ.

Онъ наконецъ сжалъ ручку двери — и дверь отворилась.

Въ комнаткѣ Лидія одна полулежала на канапе, — передъ нею было разложено нѣсколько только что сшитыхъ платьевъ, изъ которыхъ одно только что скинутое, упало къ ея ногамъ.

Крикъ ужаса вырвался у нея при появленіи барона. Она хотѣла было привстать — но повинуясь голосу стыда, закрылась только и прижалась къ углу камина.

Тетушка!... закричала она.

Баронъ улыбнулся безстыдной улыбкою.

Лидія посмотрѣла кругомъ себя съ ужасомъ. Она была одна въ комнатѣ, двери въ спальню тетки были заперты извнутри задвижкою.

— Лидія, съ судорожнымъ трепетомъ, началъ баронъ, приближаясь на два шага, васъ не спасетъ никто и ничто.... вы въ моихъ рукахъ, въ моихъ, Лидія.

Бѣдная дѣвочка ломала руки съ отчаянія: гнусная предусмотрительность не оставила кругомъ ее ничего, чѣмъ бы можно было защититься.

Баронъ сдѣлалъ еще шагъ.

— Вы меня знаете, продолжалъ онъ — знаете что я не шучу, со мной шутили долго, да нельзя же шутить вѣчно.

Лидія отвернулась съ отвращеніемъ.

Она молчала — она знала, что передъ нею не человѣкъ, а раздраженный звѣрь... Но она почувствовала прикосновеніе чужой руки.

Она вскочила и по невольному чувству сжала руки съ умоляющимъ видомъ.

— Баронъ, баронъ.... говорила она.

За дверями комнаты послышался смѣхъ, перерываемый кашлемъ.

— Перестаньте дурачиться, сказалъ баронъ успѣвши наконецъ совладѣть съ собою и придавая тону своихъ словъ самую не-

возмутимую холодность — вы въ моихъ рукахъ, я это сказалъ вамъ.

Слова его были прерваны сильнымъ лаемъ собакъ на дворѣ.

Лидія бросилась къ окну.

Баронъ удержалъ ее и обхватилъ своими жилистыми руками.

Между звѣремъ и дѣвочкой началась тогда борьба. Гибкая, какъ пантера, Лидія вырвалась было изъ его рукъ, но баронъ снова схватилъ ее.

— Лидія, шепталъ онъ, страстно сжимая ея слабые, нѣжные члены.

Сильный ударъ раздался въ эту минуту въ дверь комнаты.

Лидія рвалась изъ рукъ барона, который обезпамятѣлъ и не слыхалъ ничего.

Еще ударъ и ржавыя, старыя задвижки уступили силѣ этаго удара.

Баронъ опамятовался, когда сильная рука оттащила его и съ презрѣніемъ бросила, какъ гадину на полъ.

Лидія забыла даже о безпорядкѣ своей одежды, — съ такимъ благоговѣніемъ взглянула она на прекрасный, величавый образъ, стоявшій передъ нею съ невозмутимымъ спокойствіемъ.

Ибо это былъ Званинцевъ.

Она схватила его руку.

— Одѣньтесь Лидія, сказалъ онъ ей — и поѣдемте. Вонъ! обратился онъ къ приподнявшемуся съ пола барону.

Баронъ заскрежеталъ зубами — но покорно склонивши голову, вышелъ.

Званинцевъ тоже оставилъ дѣвочку.

Черезъ пять минутъ, она вышла въ залу совсѣмъ одѣтая.

— Иванъ Александровичъ! сказала она тихо, подходя къ нему и схватывая его руку, вы меня спасли.... вы, всегда вы, вездѣ вы.... повторила она съ страстнымъ увлеченіемъ.

Званинцевъ взглянулъ ей въ глаза.

— Благодарю васъ, робко прошептала дѣвочка, опуская взглядъ.

— Ну, сказалъ Званинцевъ съ холодностью — одно изъ моихъ предвѣщаній сбылось, васъ продали.

Лидія отступила съ ужасомъ и провела рукою по лбу, какъ бы пробудясь отъ сна и отгоняя прочь призраки.

Потомъ она спокойно подняла глаза на Званинцева. Минутное увлеченіе, подъ вліяніемъ котораго, этотъ человѣкъ явился ей въ ореолѣ свѣта, разсѣялось отъ его холодныхъ словъ.

Но въ этомъ спокойномъ взглядѣ дѣвочки, Званинцевъ прочелъ нѣмую покорность....

Куда я долженъ везти васъ, Лидія? обратился онъ почтительно къ молодой дѣвушкѣ.

— Домой, прошептала она.

— Вы увѣрены, что вашъ отецъ не виноватъ....

— Лидія зарыдала.

— Иванъ Александровичъ, сказала она съ судорожнымъ трепетомъ, я поѣду къ матери Сѣвскаго?

— Я долженъ вамъ сказать, мое бѣдное дитя, отвѣчалъ Званинцевъ, смотря на нее съ состраданіемъ — что это болѣе, чѣмъ не возможно. Что о васъ подумаютъ?

— Я разскажу ей все, сказала Лидія.

— Вамъ не повѣрятъ, твердо отвѣчалъ Званинцевъ.

Дѣвочка ломала руки.

— Сжальтесь надо мною, Званинцевъ, — пролепетала наконецъ она, сжимая его руки — у меня нѣтъ никого на свѣтѣ.... никого,... въ моего жениха я не вѣрю.

— И не будете вѣрить, когда онъ будетъ вашимъ мужемъ? спросилъ Званинцевъ, смотря на нее пристально.

— Онъ никогда не будетъ моимъ мужемъ, съ увлеченіемъ вскричала дѣвочка.

— Вы больны, вы въ лихорадкѣ, дитя мое.

— Неужели вы думаете, что женщина можетъ любить ребенка? — спросила Лидія, дрожа первически, но твердо и прямо взглянувши на Званинцева.

— Дѣло не въ томъ, отвѣчалъ онъ съ полуулыбкою — куда же мнѣ везти васъ?

— Къ вамъ, быстро сказала Лидія.

Званинцевъ молча поклонился и подалъ ей руку.

Они вышли.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Вьюга переставала бурлить.... туманъ рѣдѣлъ на небѣ.... рога молодаго мѣсяца вырѣзались изъ-за облаковъ. Полозья саней едва шелестили по мягкому новому снѣгу, лошадь мчалась, какъ стрѣла.

Морозныя ночи сѣвера стоютъ иногда полуденныхъ ночей.

Лидія дрожала, закутанная въ свой легкій салопъ.... но она дрожала не отъ холоду. Званинцевъ замѣтилъ это.

— Вамъ холодно, сказалъ онъ съ заботливостью, давайте я

васъ закрою, продолжалъ онъ, раскрывая полы своей огромной медвѣжьей шубы.

Молодая дѣвушка быстро, почти ни минуты не колеблясь, прижалась къ нему — онъ закрылъ ее такъ, что изъ мѣха виднѣлось только ея личико, пылавшее румянцемъ. То былъ румянецъ лихорадочнаго волненія, ибо онъ слышалъ, какъ неровно и часто стучало ее маленькое сердце на его груди.

— Боюсь, чтобы съ вами не было лихорадки, замѣтилъ онъ, отогрѣвая въ своей рукѣ ея тонкіе пальцы.

Лидія улыбнулась сквозь слезы.

— О чемъ же вы плачете, дитя мое? началъ Званинцевъ: все это должно пройдти для васъ, какъ смутный сонъ, какъ бредъ лихорадки; я отвезу васъ къ одной почтенной дамѣ, она васъ приметъ какъ дочь, и вѣрьте мнѣ, что отъ нея вы можете идти подъ вѣнецъ, съ кѣмъ угодно.

— Я никогда не выду за-мужъ, прошептала Лидія.

— Ну, если вы хотите, — вы останетесь у нея всегда и постоянно; она — моя тётка, добрая старушка, которая любитъ меня безъ памяти; наконецъ, вы можете вступить на сцену: съ вашей красотой, съ вашимъ талантомъ....

Лидія зарыдала и спрятала голову на грудь Званинцева.

— Странный вы ребенокъ, Лидія, сказалъ онъ кротко: вы плачете, какъ будто что нибудь потеряли, когда на повѣрку оказывается, что вы выиграли.

— Да, вы этого не поймете, вскричала дѣвочка съ истерическими рыданіями.... За чѣмъ вы спасли меня, Званинцевъ?... кто васъ просилъ обо мнѣ заботиться, — я знаю, что вамъ все извѣстно, что всѣ эти гнусные люди въ вашей власти; но за чѣмъ, за чѣмъ вы встали надъ ними такъ высоко?.. Званинцевъ, Званинцевъ, продолжала она голосомъ умоляющей страсти: пока васъ не было, пока вы не стали ходить къ намъ, я была иногда счастлива, я могла бы быть вѣрной женой.... я было полюбила Сѣвскаго... онъ былъ благороденъ, онъ былъ нѣженъ и добръ, онъ былъ ребенокъ, какъ я же, больше меня....

— Чѣмъ же я помѣшалъ вамъ? грустно спросилъ Званинцевъ.

— Чѣмъ?... и вы еще спрашиваете.... О! не притворяйте съ Бога ради, Иванъ Александровичъ, я васъ слишкомъ хорошо знаю.... вы смѣялись надо мною, смѣялись надъ нимъ.

— Я хотѣлъ вамъ обоимъ добра.

— Довольны ли вы теперь! быстро вскричала Лидія, поднимая на него глаза.... Я люблю васъ.

— Лидія....

— Постойте, перервала она его съ усиліемъ: постойте.... не говорите ничего.... я васъ знаю.... вы уморили Воловскую.... не возражайте, я это знаю.... я этому вѣрю.... вы любить не можете, ваша любовь — смерть....

— И жизнь, Лидія, улыбаясь сказалъ Званинцевъ, отстегивая пологъ саней, и внося на рукахъ по лѣстницѣ дѣвочку, которая въ забытьи обвила своими руками его шею.

Онъ отперъ дверь, потому что не имѣлъ никогда привычки, возвращаясь поздно домой, будить своихъ людей. Онъ внесъ Лидію въ свой кабинетъ и тихо, бережно сложивши ее на турецкій диванъ, зажегъ лампу; ничто не измѣняло неподвижному, безпечному спокойствію его физіономіи, и лампа освѣтила передъ Лидіею тотъ же прекрасный, величавый мужескій образъ. Она трепетала какъ въ лихорадкѣ, бѣдная дѣвочка, но глаза ея, облитыя влагою, не могли оторваться отъ Званинцева.

Онъ взялъ маленькій табуретъ, и сѣлъ подлѣ нея.

— Лидія, началъ онъ, гладя на своей рукѣ ея маленькую руку: вы сказали слово, которое должно рѣшить навсегда вашу и мою участь.... Слушайте же меня.

— Я васъ слушаю, шепнула она, тщетно силясь оторваться отъ него глазами.

— Воловская умерла, потому что она не могла жить, сказалъ онъ твердо и грустно: я ее любилъ, но и на нее даже смотрѣлъ я какъ на камень: выдержитъ обдѣлку—хорошо, не выдержитъ—что дѣлать!

Лидія провела рукою по лбу.

— Во всемъ и вездѣ я хочу правды, продолжалъ Званинцевъ, съ невозмутимымъ спокойствіемъ: любовь и женщина — самыя лучшія вещи на свѣтѣ, это — мой единственный интересъ, потому что другимъ мнѣ нечѣмъ заняться.... но я не хочу никогда, чтобы раскаявались въ любви ко мнѣ.... Для этого — я говорю вещи прямо, и самъ не терплю полупризнаній, полупреданности.

Лидія съ ужасомъ закрыла лицо руками, вырвавши съ усиліемъ свои пальцы изъ руки Званинцева.

— Не бойтесь, Лидія, сказалъ Званинцевъ, улыбаясь: не бойтесь, вы въ безопасности до тѣхъ поръ, пока сами не предались мнѣ ... Вы еще не въ моей власти.

Лидія приподнялась, и судорожно сжала руку Званинцева.

— Я вамъ сказалъ, продолжалъ онъ: что я отвезу васъ къ тёткѣ!...

— Нѣтъ, нѣтъ, сказала она съ замирающимъ шепотомъ страсти, обвивая его шею, и безумно-нѣжно смотря ему въ глаза.... Я погибла, я навсегда погибла.... но я отъ васъ не отстану, я отъ тебя не отстану, мой милый.... слышишь ли ты это?...

И она въ безпамятствѣ упала въ его объятія.

Званинцевъ взялъ флаконъ eau de Cologne и опрыскалъ ей лицо освѣжающею влагою.... она снова пришла въ себя, и снова пробудившееся чувство стыда, заставило ее склониться лицомъ къ подушкѣ дивана.

— Повторяю вамъ, что я не хочу увлеченія, сказалъ ей Званинцевъ: свободно, разумно должна предаваться женщина, если она хочетъ только быть равной мужчинѣ.

— Вы меня не любите, глухо рыдала Лидія.

— Я могу любить только равное себѣ, дитя мое, отвѣчалъ Званинцевъ. Вы увлечены теперь, я вамъ явился романтическимъ героемъ-избавителемъ, а что, если бы я сказалъ вамъ, что все это — только заранѣе подготовленная сцена?...

— Все равно, вскричала дѣвочка: я люблю васъ.

— Что я, по крайней мѣрѣ, предвидѣлъ вашу судьбу и свою роль.

— Я люблю васъ.

— Что я былъ увѣренъ въ томъ, что вы меня будете любить, съ первой нашей встрѣчи.

— Званинцевъ!...

— Что я сказалъ себѣ: она должна быть моей рабою.

Лидія быстро вскочила съ дивана и стала передъ нимъ блѣдная, трепещущая.

— Что я *знаю* это, продолжалъ Званинцевъ съ безконечною нѣжностью.

— Онъ меня любитъ! вскричала дѣвушка, падая къ его ногамъ, и скрывая свою голову на груди Званинцева.

— Да, я тебя люблю, мой свѣтлый ангелъ, сказалъ онъ, страстно сжимая ее въ объятіяхъ.... Я тебя люблю, потому что *я* тебя создалъ, продолжалъ онъ, сажая ее снова на диванъ, и склоняясь головой къ ея колѣнамъ.... Ты видишь, я у ногъ твоихъ, ты видишь, я твой рабъ, моя сестра, моя подруга.... Лидія, Лидія, говорилъ онъ, увлекаясь все болѣе: путь мой конченъ, эта минута — вѣчность, эта гордость, которой я теперь полонъ — цѣлый міръ, необъятный міръ блаженства: я могу наконецъ, не

стыдясь самаго себя, обливать слезами твои руки, твои ноги, дитя мое, могу предаваться всѣмъ безумствамъ страсти.... Мой ангелъ, моя подруга — еще разъ скажи мнѣ, что....

— Что я отрекаюсь отъ всего, сказала Лидія, страстнымъ шепотомъ, что въ твоей любви цѣлое небо, что иначе я не хочу...

— На жизнь и на смерть, сказалъ Званинцевъ, взявши ея руку, и напечатлѣвая поцѣлуй на ея устахъ . . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Читатели мои ждутъ вѣроятно кровавой развязки, — но по долгу повѣствователя, я обязанъ сказать имъ, что о дуэли и въ поминѣ не было. Сѣвскаго убѣдила его матушка, что все это случилось къ его счастію.

О Званинцевѣ и Лидіи нѣтъ ни слуху, ни духу. Они уѣхали изъ Петербурга.

Сѣвскій гдѣ-то уже столоначальникомъ.

А. ГРИГОРЬЕВЪ.

ВѢРНЫЙ КОНЬ.

(Арабская кассида).

Не пламенный вѣтеръ могучимъ крыломъ
Волнуетъ песчаное море;
Тяжелая дума налъ гордымъ челомъ
Собралась, стѣснило грудь горе!
Не веселъ Эль-Мартъ, Бедуиновъ краса,
Бронею стальной не одѣтый
И мрачно въ чужія глядитъ небеса,
Отчизны не слыша привѣта.

Но чтожъ онъ не веселъ, и грозно суровъ,
Не красна ли жизнь удалая?
Иль козни извѣдалъ Корана сыновъ
Иль зависть коварныхъ собратій — враговъ?

Вотъ то-то и есть, что цѣпями обвитъ
Въ изгнаньи, въ плѣну въ униженьи,
Вокругъ его конь одинокій бродитъ
И бдительный Турокъ его сторожитъ.
И долго глядѣлъ онъ, вперивши глаза
На небо, на знойныя степи,
И тихо скатилась сиротка — слеза
На воина плѣнника цѣпи.
И долго потомъ на коня онъ глядѣлъ
И конь глядѣлъ ему въ очи,
А конь былъ быстрѣе Египетскихъ стрѣлъ,
Черпѣе осенней полночи. —

«Мнѣ жаль тебя, товарищъ жаркой сѣчи»,
Сказалъ коню растроганный Арабъ,
«Ты былъ со мной всегда въ довольствѣ въ холѣ.
«Ступай же и теперь бродить себѣ на волѣ,
«Ступай же пить изъ іорданскихъ струй,
«Неси женѣ, дѣтямъ послѣднее прощанье,
«Прими товарищь мой послѣдній поцѣлуй,
«Возьми себѣ назадъ приволье удалое»:
Сказалъ и разорвалъ онъ путо шерстяное!

Но конь благодарный, почуявъ просторъ,
Согнулъ благородную шею,
И быстро сквозь цѣпи владыки продѣлъ
И съ нимъ онъ унесся въ іорданскій предѣлъ.
Примчался и вмигъ безъ дыханія палъ,
Усталостью, гладомъ сраженный....

Но долго хранилось въ арабской странѣ
Преданье о вѣрномъ арабскомъ конѣ. —

А. М.

13-го Февраля.
1843 г.

МЕСТЬ.

I.

Часто мы, восхищаясь зданіями, видѣнными въ чужихъ краяхъ, жалуемся, что отстали отъ иностранцевъ; а между тѣмъ у себя смотримъ съ пренебреженіемъ на такія зданія, которыя сдѣлали бы честь столицѣ любаго западнаго государства.

Примѣромъ этому можетъ служить голицынская галлерея, построенная въ Москвѣ по образцу парижскихъ пассажей. Кажется, всякій долженъ бы былъ спѣшить сюда, гдѣ все такъ блеститъ великолѣпіемъ, гдѣ во всемъ видѣнъ изящный вкусъ, гдѣ такъ свѣтло, покойно и прекрасно. Ничуть не бывало: тѣ же самые господа, которые съ такимъ восхищеніемъ отзываются о парижскихъ пассажахъ, не хотятъ пользоваться удобствами московской галлереи, — право, нисколько не уступающей ни богатствомъ отдѣлки, ни изяществомъ вкуса, парижскимъ, — и предпочитаютъ толкаться въ рядахъ съ разнощиками, слушать зазывы мальчишекъ, свистъ сидѣльцовъ, мерзнуть на холодѣ и подвергаться всѣмъ непріятностямъ.

Я не говорю уже о низшемъ классѣ, который такъ сроднился съ темнотой и неопрятностію, что при видѣ свѣта и чистоты галлереи, онъ, какъ будто, чувствуетъ себя не въ своей сферѣ и боится войдти туда.

Теперь позвольте мнѣ, благосклонный читатель, ввести васъ въ эту галлерею въ одинъ пасмурный день, которыми такъ изобильна наша осень. Небо было, какъ будто, не въ духѣ и хмурилось на землю: сѣрыя тучи, какъ мрачныя думы, бродили по его челу, шелъ несносный мелкій дождь и завывалъ сильный вѣтеръ. Время было около полудня. Въ галлереи никого не было, только прикащики, пользуясь этою пустотою, покинувъ свои магазины, собрались толпами въ общей залѣ и весело толковали о томъ, о семъ, а больше не о чемъ, — да одинъ гусарскій офицеръ, прохаживался взадъ и впередъ по галлереи, съ видимымъ безпокойствомъ, посматривая на часы. Это не ускользнуло отъ вниманія праздной толпы прикащиковъ: между ними тотчасъ начался шопотъ, и они, казалось, были рады, что нашли предметъ, которымъ могли занять свое праздное воображеніе. Но оставимъ ихъ среди самыхъ пелѣныхъ толковъ и обратимся къ офицеру.

Это былъ молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати пяти, высокаго роста, стройный и гибкій, какъ пальма; умная, выразительная физіономія его и правильныя черты лица, привлекали къ нему каждаго, а блѣдно-смуглое лице, черные, какъ смоль, волосы, пушистыя, кольцеобразныя брови и большіе черные, полные огня, глаза, выказывали въ немъ восточное происхожденіе. Онъ былъ красавецъ, какихъ рѣдко случается встрѣтить.

На этотъ разъ всѣ черты лица его были въ сильномъ движеніи и выражали отчаяніе и ожиданіе чего-то ужаснаго. Въ эту минуту онъ былъ страшно-хорошъ.

Въ двадцатый разъ Булатовъ, (фамилія офицера), вынулъ часы, и, какъ будто, не довѣряя глазамъ своимъ, пожалъ пружину: часы уныло пробили полчаса перваго, эхо звона раздалось подъ стекляннымъ сводомъ галлереи.

— Что, если эта рыжая миссъ Мильтонъ смѣется надо мною? говорилъ про себя Булатовъ — назначила въ одиннадцать часовъ, и теперь уже половина перваго, а ихъ все еще нѣтъ. Не совѣтовалъ бы я никому теперь шутить со мною. Нѣтъ! этого быть не можетъ: миссъ Мильтонъ такъ любитъ деньги, что готова продать за нихъ свою душу хоть самому чорту, а она знаетъ, что я ничего не пожалѣю за это свиданіе.... О, какъ я буду наслаждаться вашимъ смущеніемъ, терзаніями вашей совѣсти, Марья Александровна!.... Свиданіе это будетъ для нея ужасно! Она пожертвовала бы многимъ, чтобы его отвратить.... Но я еще малодушенъ! во мнѣ еще не прошла совсѣмъ любовь, я еще способенъ жалѣть ее!.... А развѣ она жалѣла тебя, когда такъ ужа-

сно играла твоею любовію?.... Приготовься Мари! перенесешь ли ты мою месть? Я могу убить тебя, могу убить твоего жениха.... нѣтъ, нѣтъ, этаго мнѣ мало!... Я заставлю тебя кровавыми слезами выплакать мученія, которыя теперь переношу!.... Я кину имя твое на поруганіе свѣта! И при этой мысли улыбка злобнаго удовольствія появилась на его лицѣ.

Размышленія эти были прерваны стукомъ подъѣхавшей кареты, изъ которой выпорхнула, какъ Сильфида, роскошно одѣтая дѣвушка, въ полномъ цвѣтѣ молодости, а за нею съ важностію вышла рыжая дама, лѣтъ тридцати пяти.

Едва Булатовъ успѣлъ прошептать: «какъ она очаровательно хороша сегодня!» она была уже около него, и, съ милою улыбкою, протянувъ къ нему маленькую ручку, сказала:

— Bonjour Monsieur Булатовъ! Какъ давно я тебя не видала, Валентинъ! прибавила она, понизивъ голосъ, и взглянувъ на него огненнымъ взглядомъ любви, отъ котораго бы растаялъ самый камень.

Есть красота тьмы, которая иногда лучше красоты свѣта. Въ нашъ вѣкъ, когда повсюду и вездѣ, въ созданіяхъ ли художниковъ, въ поэмахъ ли поэтовъ, въ партитурахъ ли великихъ музыкантовъ, дьяволъ играетъ такую важную и поэтическую роль, я не удивлю никого, если скажу, что Марья Александровна Веслова, была хороша, какъ демонъ, Булатовъ, хотя тоже было поколебался, хотѣлъ взять ее за руку и слова: «здравствуй моя очаровательница!» готовы были слетѣть съ его губъ; но онъ опомнился во время и, какъ бы не замѣчая протянутой руки Маріи, почтительно поклонился ей, и сказалъ спокойно и холодно.

— Какая нечаянная встрѣча!... Какъ ваше здоровье, Марья Александровна?

— Что съ тобою, Валентинъ? Я тебя не узнаю! — прервала его дѣвушка.

— Позвольте мнѣ поздравить васъ..., Извините, что я былъ такъ неучтивъ, что не явился къ вамъ поздравить васъ, продолжалъ Булатовъ, не обращая вниманіе на слова Маріи.

— Но съ чѣмъ вы меня поздравляете, Валентинъ Петровичъ?— спросила Марья Александровна съ такою наивностію, что заставила даже Булатова усомниться въ справедливости слуховъ.

— Развѣ неправда, что вы выходите за-мужъ, за генерала Звѣздина?

— Развѣ вы это только недавно узнали? вотъ уже скоро три мѣсяца, какъ я сговорена за него.

— Еще прежде нашего знакомства съ вами? — вскричалъ съ ужасомъ Булатовъ, отступивъ нѣсколько шаговъ. — Прежде вашихъ клятвъ въ вѣчной любви? Прежде вашихъ писемъ, полныхъ нѣжности?

— Прежде! — отвѣчала Веслова рѣшительно.—Я хотѣла отказаться отъ руки генерала Звѣздина и принести знатность и богатство въ жертву нашей любви; но добрая маменька представила мнѣ нашу участь, въ которой не можетъ быть ничего утѣшительнаго, ничего завиднаго.... Въ самомъ дѣлѣ: ты бѣденъ, я тоже; вѣдь нельзя же намъ жить одною любовію; питаться лобзаніями и поцѣлуями; между тѣмъ, какъ выйдя за Звѣздина, я могу быть тебѣ полезной и буду по прежнему любить тебя.

Она замолчала. Булатовъ такъ былъ пораженъ этой холодно-наглой, чисто свѣтской рѣчью, что нѣсколько минутъ шевелилъ губами, и отъ внутренняго волненія, не могъ выговорить ни слова; m-lle Веслова, полагая что онъ согласенъ съ нею, была очень довольна.

— Зачѣмъ небо облекло твою душу, въ которой нѣтъ искры добра, въ такую очаровательную наружность?... Скажи мнѣ, Мари, что ты?... женщина, или демонъ?

Восклицаніе это обратило на нихъ вниманіе магазинщиковъ, и миссъ Мильтонъ, съ чепорною важностію, слѣдовавшая за ними въ нѣсколькихъ шагахъ, подошла къ Булатову и замѣтила ему объ этомъ, но онъ не обращая вниманія на слова англичанки, продолжалъ съ горькою улыбкою:

— И я, безумецъ, думалъ, что ты можешь понять, можешь раздѣлить всю силу любви моей; ты, которая въ состояніи предлагать мнѣ въ замѣну любви-деньги.... Ты хочешь, чтобы я, какъ тать, похищалъ твои лобзанія — чужую собственность.... чтобы я равнодушно смотрѣлъ, какъ этотъ старый волокита, — который женится на тебѣ изъ одного тщеславія, которому также пріятно владѣть красавицей-женою, какъ пріятно имѣть отличную четверню дорогихъ лошадей, или хорошаго повара,—будетъ открыто пользоваться правами мужа.... Нѣтъ, это ужасно, Мари! ты шутишь!... ты смѣешься надо мною; но шутки твои раздираютъ на части мое сердце, и я заставлю тебя оплакать ихъ кровавыми слезами!...

Видя, что Булатовъ все болѣе горячился, и тѣмъ обратилъ на нихъ вниманіе, Веслова сказала съ улыбкою:

— Я вижу вы сегодня въ дурномъ расположеніи духа.... Мнѣ страшно съ вами, Валентинъ Петровичъ.... au revoir!

И она порхнула въ сосѣдній магазинъ.

Нѣсколько минутъ Булатовъ стоялъ какъ окаменѣлый, и потомъ вышелъ изъ галлереи.

Марья Александровна, хорошо знала характеръ Булатова, и потому, послѣднія слова его, сильно ее обезпокоили. Пріѣхавши домой, она разсказала подробно матери объ этой нечаянной встрѣчѣ и тотчасъ же было отдано приказаніе швейцару, не принимать Булатова.

II.

Прошло около мѣсяца, а не было никакихъ слѣдствій угрозъ Булатова. Марья Александровна, была по прежнему весела и притворялась страстно влюбленною въ генерала Звѣздина.

За недѣлю до назначеннаго дня сватьбы, былъ балъ у Весловыхъ. Но позвольте васъ прежде познакомить съ хозяевами этого дома.

Александръ Антоновичъ Весловъ, былъ почтенный и еще бодрый старикъ, лѣтъ шестидесяти, высокаго роста, съ лицемъ пріятнымъ и выразительнымъ; но при внимательномъ взглядѣ на него, тотчасъ можно было замѣтить, *что теперь ужъ онъ не тотъ*, какъ сказалъ Грибоѣдовъ о Горичѣ, что много перемѣнъ перенесъ онъ въ своей жизни, и что молодость его прошла бурно и безпорядочно.

Жизнь его можно раздѣлить на два періода:

Періодъ первый: отъ рожденія до раззоренія своего имѣнія и подчиненія подъ власть жены своей, или отъ 1-го до 42-го жизни.

Періодъ вторый: отъ раззоренія своего имѣнія и подчиненія подъ власть жены своей до нашихъ временъ, или отъ 42-го до 63-го года.

ПЕРІОДЪ I.

.....Александръ Антоновичъ еще въ цвѣтущихъ лѣтахъ молодости, лишился своихъ родителей, и послѣ нихъ остался обладателемъ огромнаго имѣнія. Одаренный отъ природы умомъ пылкимъ и предпріимчивымъ и весьма доброю душею, но вмѣстѣ съ тѣмъ,

чрезвычайно непостоянный и легковѣрный, онъ попалъ въ кругъ свѣтской молодежи и совершенно предался свѣтской жизни. Красавецъ собою, онъ имѣлъ большой успѣхъ; и увлеченный неопытностію и совѣтами развратныхъ друзей, безпощадно тратилъ свою молодость, здоровье и состояніе; и очнулся только на тридцать пятомъ году своей жизни, когда увидалъ, что всего его имѣнія не достаточно на уплату долговъ его.

Къ счастію, онъ такъ умѣлъ вести дѣла, что никто не зналъ о его совершенномъ раззореніи, напротивъ, въ свѣтѣ все еще считали его однимъ изъ выгоднѣйшихъ жениховъ; а потому жениться на Амаліи Карловнѣ, единственной дочери барона Гартмана, занимавшей въ то время по своей красотѣ, образованности и богатству, почетное мѣсто въ ряду петербургскихъ невѣстъ, — ему не стоило большаго труда.

Впрочемъ, справедливость требуетъ замѣтить, что Александръ Антоновичъ не смотрѣлъ на женитьбу, какъ на единственное средство поправить свое состояніе, онъ чувствовалъ къ Амаліи, если не любовь; (это много: мужчина, въ тридцать пять лѣтъ, разочарованный, любить не можетъ,) то какую-то склонность. Амалія же кокетствомъ своимъ умѣла совершенно очаровать его; и онъ надѣялся, женившись перемѣнить свой образъ жизни; оставить свѣтъ и наслаждаться удовольствіями семейной жизни.

Но по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣ свадьбы, онъ увидѣлъ, что жестоко обманулся. Представляя себѣ Амалію, съ свойствами ангела, какими всегда стараются казаться барышни-невѣсты, онъ теперь только понялъ вполнѣ ея капризный и властолюбивый характеръ. Онъ видѣлъ, что она хотѣла имъ увеличить число ничего незначущихъ, не смѣющихъ противорѣчить мужей. Еще до свадьбы, когда подруги Амаліи, внутренно завидуя ей, изъявляли свое сожалѣніе, что она должна соединить судьбу свою съ человѣкомъ развратнаго повѣденія, не способнымъ понимать всей силы любви, и наслаждаться благами семейной жизни; она отвѣчала съ самоувѣренною улыбкою: «Чрезъ годъ вы его не узнаете; я его передѣлаю по своему.» Она также ошиблась

Александръ Антоновичъ не хотѣлъ сдѣлаться пулемъ въ домѣ, и слѣдствіемъ этаго со стороны Амаліи Карловны были безпрестанныя ссоры, упреки, слезы, истерики, обмороки и мигрени; это такъ надоѣло ея мужу, что онъ опять кинулся въ свѣтъ, пристрастился къ картамъ и проживалъ имѣніе жены.

Амалія Карловна, видя, что употребляемыя ею средства без-

полезны, перемѣнила планъ своихъ дѣйствій: она равнодушно смотрѣла на поступки мужа, даже въ свѣтѣ не старалась показать себя жертвою его жестокости, и преспокойно платила свои деньги по его заемнымъ обязательствамъ, тщательно сохраняя ихъ у себя въ потаенномъ ящичкѣ и по временамъ, съ улыбкою удовольствія, перещитывая сумму.

Такъ прошло семь лѣтъ послѣ женитьбы Веслова, въ теченіи которыхъ было продано почти все имѣніе Амаліи Карловны для уплаты долговъ ея мужа.

Однажды вечеромъ Александръ Антоновичъ, собираясь отправиться въ одинъ домъ, гдѣ ждала его большая игра, былъ позванъ въ кабинетъ жены. Что тамъ происходило, покрыто мракомъ неизвѣсности; ибо не только двери самаго кабинета, но и окружающихъ комнатъ, были заперты на замокъ; такимъ образомъ ни чьи любопытные уши и глаза не могли ничего ни слышать, ни видѣть.

Чрезъ четыре часа вышелъ оттуда Александръ Антоновичъ въ сильномъ разстройствѣ и остался дома.

Горничная, раздѣвавшая въ этотъ вечеръ княгиню, замѣтила, что она была въ весьма хорошомъ расположеніи духа.

Такимъ образомъ, неизвѣстно, какими средствами утвердила за собою владычество въ домѣ Амалія Карловна.

ПЕРІОДЪ II.

Теперь ужъ я не тотъ.
Грибоѣдовъ.

Разбитый свой вѣнецъ, онъ снялъ и бросилъ самъ.
Лермонтовъ.

На другой же день Весловы выѣхали изъ Петербурга въ Москву, и поселились тамъ въ домѣ, принадлежащемъ Амаліи Карловнѣ. Тогда только понялъ Александръ Антоновичъ, что́ значитъ дать маленькую власть надъ собою женщинѣ, и особенно такой, какъ его жена. Она съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе брала въ руки, какъ мужа такъ и весь домъ; все дѣлалось согласно съ ея желаніями, на Александра Антоновича никто не обращалъ вниманія. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, онъ сдѣлался

совершеннымъ нулемъ въ домѣ, чего онъ боялся всегда и надъ чѣмъ насмѣхался, такъ зло въ другихъ.

Нѣсколько разъ пробовалъ онъ свергнуть съ себя постыдное иго женской власти, и освободиться отъ этаго унизительнаго положенія; — но тщетно. Не даромъ же хитрая Амалія Карловна семь лѣтъ обдумывала планъ своей аттаки, и съ такимъ терпѣніемъ, выжидала удобной минуты.

Пріѣзжіе изъ Петербурга не узнавали Веслова и когда, подшучивая надъ нимъ, напоминали ему о прежнемъ; онъ, обыкновенно отвѣчалъ со вздохомъ: «Пожили! Пожили!» и потомъ, осмотрѣвшись кругомъ, прибавлялъ шопотомъ: «Аще воинъ изнеможетъ, свинья его гложетъ». Бѣда была бы ему, если бы услыхала эту не совсѣмъ благопристойную пословицу жена, или кто-нибудь изъ ея приближенныхъ.

Черезъ годъ, по переселеніи ихъ изъ Петербурга въ Москву, плодомъ ихъ примиренія и порабощенія Александра Антоновича, подъ власть Амаліи Карловны, — была дочь Марья. Дитя это было хорошо, какъ... или нѣтъ: лучше Пери! Все прекрасное въ наружности отца и матери, было соединено въ этомъ ребенкѣ, характеръ же Машенька вполнѣ наслѣдовала отъ матери. Понятія ребенка развивались не по лѣтамъ: такъ что, будучи пяти лѣтъ, она уже поняла всю ничтожность отца, и обращеніемъ своимъ, совершенно не дочернимъ, дѣлала положеніе его еще ужаснѣе.

За то Амалія Карловна не слыхала души въ Маріи, и воспитывала ее подъ собственнымъ своимъ надзоромъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ Марья Александровна приходила въ совершеннолѣтіе, отецъ долженъ былъ подчиниться и ея капризамъ.

Не скажу, чтобы Александръ Антоновичъ не любилъ своей дочери, это противно законамъ природы; но не смѣю и увѣрять также, чтобы онъ чувствовалъ къ ней особенную нѣжность.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда на сцену ихъ домашней жизни явился Валентинъ Петровичъ Булатовъ. Онъ понялъ Александра Антоновича, и сошелся съ нимъ, навлекши этимъ на себя непріязнь Амаліи Карловны.

Булатовъ, очарованный красотою и наружною добротою Маріи, полюбилъ ее всею силою души своей. Она также не могла устоять противъ красоты его, и что-то въ родѣ любви, закралось и въ ея сердце.

Мать ея, замѣтивъ это, хотѣла было употребить рѣшительныя средства, чтобы отклонить отъ этой связи Марію, сговоренную

уже около мѣсяца назадъ за генерала Звѣздина, уѣхавшаго послѣ того на нѣсколько мѣсяцевъ въ Петербургъ; но встрѣтила упорное сопротивленіе отъ дочери, воспитанной въ ея правилахъ; и притворилась, что оставляетъ на произволъ ея выбирать, между богатымъ генераломъ Звѣзднымъ и бѣднымъ ничтожнымъ офицеромъ Булатовымъ.

Александръ Антоновичъ, тоже замѣтилъ любовь Булатова къ Маріи, но что онъ могъ сдѣлать?... Выдать дочь свою за него, противъ желанія жены, — объ этомъ онъ не смѣлъ и подумать. Нѣсколько разъ приходило ему въ голову: открыть Булатову о бывшей помолвкѣ дочери за Звѣздина, еще неизвѣстной свѣту; ибо Амалія Карловна, зная, что Звѣздинъ долженъ былъ, прежде свадьбы, пробыть мѣсяца два въ Петербургѣ; боялась, чтобы кто изъ зависти не открылъ глазъ генералу, ослѣпленному красотою и видимымъ ангельскимъ характеромъ Маріи, и тѣмъ не разрушить этаго выгоднаго для нея союза. — Но вообразивъ себѣ только, что онъ этимъ открытіемъ вооружитъ противъ себя жену свою и, быть можетъ, разрушитъ ея планы, онъ съ ужасомъ отгонялъ отъ себя мысль эту, и старался даже забыть о ней.

Между тѣмъ, чѣмъ болѣе усиливалась любовь Булатова къ Маріи, тѣмъ болѣе она къ нему охладѣвала.

Наконецъ, по прошествіи трехъ мѣсяцевъ Звѣздинъ возвратился изъ Петербурга. Амалія Карловна съ такими же предосторожностями, взяла къ себѣ въ кабинетъ Марію, какъ нѣкогда Александра Антоновича.

Слѣдствіе этаго разговора вы видѣли и мысли, внушенныя княгинею своей дочери, вамъ уже извѣстны.

III.

Весело разгарался балъ въ домѣ Весловыхъ....

Москва изобилуетъ невѣстами, и вслѣдствіи того, балами. Во всякомъ порядочномъ домѣ, гдѣ есть барышня — невѣста, ужъ вѣрно въ зиму бываетъ вечеровъ пять, если не назначено для пріѣзда одного дня въ недѣлю; эти-то утомительные, жалкіе вечера, величаютъ балами.

Не таковъ былъ балъ у Весловыхъ. Амалія Карловна хотѣла заставить всю Москву говорить объ этомъ балѣ.

Богатое крыльцо, у подъѣзда къ которому стояли жандармы и толпился праздный народъ, было великолѣпно иллюминовано. Лѣстница и комнаты убраны были зеленью и цвѣтами, казалось, здѣсь русская зима превратилась въ итальянское лѣто. Тысячи свѣчь отражались въ мраморныхъ стѣнахъ и большихъ зеркалахъ длинной амфилады комнатъ. Словомъ сказать: здѣсь было все, что искусство могло произвести изящнаго и роскошнаго.

Вся московская знать была на этомъ балѣ съ разными цѣлями: кто поиграть въ карты, кто поволочиться, кто выбрать невѣсту, кто поужинать, кто скучать, а кто отъ скуки, кто по привычкѣ, а кто съ невинною цѣлію потанцовать.... И все это суетилось, волновалось, чинно выступало, подъ звуки увлекательной музыки, двигалось въ кадрили, кружилось въ вальсѣ, уносилось въ галопадѣ, шумѣло, кричало, бѣсновалось.... и веселилось совершенно по московски.

Но лучшимъ цвѣткомъ этаго букета, лучшимъ украшеніемъ, царицею этаго бала, на которую ни одна женщина не могла смотрѣть безъ внутренней зависти, была виновница этаго торжества.

Прекрасна Марья Александровна въ простенькомъ платьецѣ, въ утреннемъ пеньуарѣ; но чтобы имѣть настоящее понятіе о ея красотѣ: надобно ее видѣть въ роскошномъ бальномъ костюмѣ. Тогда только вы замѣтите: что блескъ ея черныхъ глазъ, помрачаетъ блескъ бриллiантовъ; что рубинъ блѣднѣетъ предъ ея розовыми губками и предъ румянцомъ ея пушистыхъ щечекъ; что чистѣйшій жемчугъ кажется желтымъ, въ сравненіи съ бѣлизною ея кожи.

Съ негодованіемъ смотрѣла молодежъ на генерала Звѣздина, готовившагося быть обладателемъ этаго перла; тѣмъ болѣе, что Марья Александровна хотѣла притвориться, что выходитъ не по разсчетамъ, а по любви и влеченію сердца за этаго ничтожнаго старика съ дюжинной физіономіей; между тѣмъ, какъ онъ, унизительно принимая высшую знать, съ глупою, съ самодовольною улыбкою, представлялъ имъ свою невѣсту, гордясь ею, какъ новымъ знакомъ отличія.

Колокольчикъ извѣщавшій хозяевъ о пріѣздѣ гостей, звенѣлъ рѣже, рѣже, наконецъ замолкъ совершенно.

Балъ былъ въ полномъ разгарѣ и великолѣпіи, потому что тѣснота, давка, жаръ, духота и другія непріятности, составляютъ великолѣпіе всякаго бала и Московскаго въ особенности.

Началась безконечная мазурка. Марья Александровна не тан-

цовала и сидѣла въ гостиной съ женихомъ и матерью. Напрасно паркетные герои военные и статкіе подбѣгали къ невѣстѣ съ приглашеніемъ сдѣлать хотя одинъ туръ: она упорно отказывалась, отзываясь головною болью. Звѣздинъ былъ на верьху блаженства.

Пробило уже три часа, когда къ крыльцу подъѣхала коляска, и молодой человѣкъ, выскочивъ оттуда и кинувъ шубу въ руки своему лакею, побѣжалъ по лѣстницѣ въ залу. Дремавшій швейцаръ съ просонковъ сильно ударилъ въ колокольчикъ; отъ неожиданнаго звука, котораго всѣ гости вздрогнули и съ любопытствомъ обратили взоры на дверь, въ которую долженъ былъ явиться этотъ поздній гость. Александръ Антоновичъ, только что сбиравшійся понюхать табаку, какъ хозяинъ, имѣя большее право на удовлетворенія своего любопытства, пошелъ къ нему на встрѣчу.

Но каково же было изумленіе всѣхъ, когда въ залу вошелъ Булатовъ. Онъ былъ тихъ и спокоенъ, — блѣдныя, искаженныя, но еще прекрасныя черты его физіономіи, выражали сосредоточенное страданіе и какую-то твердую, почти фаталистическую рѣшимость.

Невольный крикъ вырвался у дамъ. Имъ были извѣстны прежнія его связи съ невѣстою. У Александра Антоновича, которому онъ слегка поклонился, выпала изъ рукъ табакерка.

Окинувъ смѣлымъ и гордымъ взглядомъ гостей, бывшихъ въ залѣ, Булатовъ пошелъ далѣе, въ гостиную, прямо къ дивану, на которомъ сидѣли: Марья Александровна, мать ея и Звѣздинъ.

Мазурка была прервана, карты кинуты, всѣ гости пошли за Булатовымъ. Въ комнатѣ сдѣлалась ужасная тѣснота и давка.

Нельзя описать смущенія и ужаса Маріи и Амаліи Карловны и изумленія генерала Звѣздина, когда передъ ними явился Булатовъ. Появленіе мертвеца, казалось, не произвело бы на нихъ такого дѣйствія. Невѣста поблѣднѣла, какъ полотно, и едва не лишилась чувствъ; но обладая удивительною силою воли и собравшись съ духомъ, хотѣла улыбнуться на поклонъ Булатова, и улыбка эта замерла на устахъ ея.

— Я ѣду завтра на Кавказъ и пріѣхалъ съ вами проститься я, Марья Александровна, сказалъ Булатовъ спокойнымъ и холоднымъ голосомъ.

— Но отчего вы поблѣднѣли, сударыня? продолжалъ онъ язвительно мрачнымъ тономъ. — Блѣдность къ вамъ нейдетъ. Вы были сію минуту такъ милы, такъ очаровательно любезны. Не-

ужели мое появленіе могло произвести въ васъ эту ужасную перемѣну? Прежде было не такъ кажется? — Не безпокойтесь, трагическаго здѣсь ничего не будетъ: я пріѣхалъ къ вамъ проститься и отдать вамъ назадъ ваши письма. Мои же, теперь для васъ вовсе не нужныя, прошу васъ передать вашему будущему супругу, который будетъ такъ добръ, что перешлетъ ихъ ко мнѣ на Кавказъ.

При этихъ словахъ, онъ вынулъ изъ кармана пачку разноцвѣтныхъ бумажекъ. Марія, едва дыша, въ смущеніи, кинула на него умоляющій, полный любви взглядъ.

— О, не смотрите на меня такъ! Было время, когда за этотъ взглядъ я былъ бы готовъ жертвовать своею жизнію, но теперь я понялъ васъ; теперь прошло то время, когда я всему вѣрилъ, и на все смотрѣлъ очарованными глазами юноши. За то дорого я и заплатилъ за трудную науку знать женщинъ, и ей, я обязанъ вамъ.

Сказавши это, онъ положилъ письма въ руки Маріи, упавшей безъ чувствъ на диванѣ.

— Вотъ плодъ вашего воспитанія, Амалія Карловна! — продолжалъ Булатовъ, обращаясь къ матери и показывая на Марію. — Вы погубили дочь свою, внушивши этому ангелу самыя эгоистическія и низкія правила. Вы хотѣли сдѣлать изъ меня игрушку; но вы жестоко ошиблись; думая, что всѣ мужчины похожи на вашего супруга. Я сказалъ Марьѣ Александровнѣ, что опасно шутить моею любовію, что я заставлю ее оплакать эти шутки, и сдержалъ свое слово. Я хотѣлъ мстить злѣе, но я не привыкъ ругаться надъ слабостью.

— Теперь долгъ мой исполненъ: — началъ онъ опять послѣ минутнаго молчанія, — я обнаружилъ все, что такъ обманчиво въ вашей прелестной дочери. Всякой убѣжденъ, что слова мои не низкая клевета: я произнесъ ихъ въ присутствіи нѣсколькихъ сотенъ человѣкъ, и подтвердилъ ясными доказательствами. Теперь ужъ не мое дѣло, угодно будетъ воспользоваться генералу Звѣздину моимъ открытіемъ, или нѣтъ. Прощайте, Амалія Карловна! Я надѣюсь, мы съ вами никогда больше не встрѣтимся.

Онъ почтительно поклонился и вышелъ, а за нимъ кинулась и вся толпа гостей, довольныхъ этимъ произшествіемъ.

Всякой хотѣлъ поскорѣе уѣхать изъ этаго дома, гдѣ случилось такое скандалезное произшествіе. Зала опустѣла. Тѣснота и безпорядокъ при разъѣздѣ были ужасные.

Надобно было слышать, какъ переходили изъ устъ въ уста личныхъ свидѣтелей этаго произшествія разсказы о немъ, съ прибавленіями, нисколько не похожими на истину!

Съ какимъ удовольствіемъ, съ какою энергіею дамы хвалили поступокъ Булатова, и съ какою язвительною злостію говорили они: «Вотъ вамъ и М-lle Веслова.... Вотъ вамъ и скромница!.. Я это давно предвидѣла.... Посмотрите, какіе у нее глаза.... Я всегда вздрагиваю, когда она на меня посмотритъ».

Нѣкоторые львы хотѣли было вступиться за княжну, поклоняясь ея характеру; но тотчасъ же должны были ретироваться. Согласитесь сами: какая сила устоитъ противъ женскаго языка?

Наконецъ часа черезъ два, все утихло въ домѣ Весловыхъ, только Амалія Карловна въ своемъ кабинетѣ объясняла Звѣздину, ничего не понявшему, это произшествіе по своему благоусмотрѣнію и, какъ умная женщина, жестоко его дурачила, да въ лакейской и дѣвичьей втихомолку шушукала прислуга.

Добрая старушка, Москва, большая охотница до сплетней, разыгрывала тему этаго произшествія въ разныхъ варіяціяхъ цѣлыхъ два мѣсяца, покуда новый случай не отвлекъ ея вниманія.

Такимъ образомъ, Амалія Карловна достигла цѣли своего желанія, заставивъ Москву толковать о своемъ балѣ; но, кажется, теперь она готова бы была заплатить нѣсколькими годами своей жизни, чтобы принудить всѣхъ забыть объ немъ.

IV.

Генеральша Марья Александровна Звѣздина полулежала на великолѣпной кушеткѣ.

Комната была отдѣлана просто и изящно. Стѣны обклеены были дорогими французскими обоями; кругомъ огромныя цѣльныя зеркала въ золоченыхъ рамахъ рококо. Рѣзная мебель, à la renaissance, безъ порядка разбросана была въ разныхъ направленіяхъ; но при первомъ взглядѣ, можно было замѣтить, что надъ этимъ трудилась опытная рука художника. Посреди задней стѣны, богатый каминъ изъ каррарскаго мрамора, на которомъ красовались дивной работы огромные бронзовые часы и пара канделябровъ, выписанные изъ Франціи. Нѣжный полусвѣтъ, проникавшій сквозь гардины оконъ, невольно располагалъ къ нѣгѣ и бездѣйствію.

Марья Александровна была въ богатомъ утреннемъ дезабилье, въ рукахъ держала она французскій молитвенникъ; но мысли ея были далеки отъ книги. Лице ея выражало сильное внутреннее волненіе и нетерпѣніе. Изрѣдка навертывались у нея на глазахъ слезы; но при внимательномъ наблюденіи, можно было замѣтить, что-то были скорѣе слезы досады или каприза, нежели горести. По временамъ она топала съ нетерпѣніемъ своей маленькой ножкой, обутой въ малиновую бархатную туфлю, шитую золотомъ.

Вдругъ дверь тихо отворилась. Марья Александрова быстро встала и хотѣла идти на встрѣчу; но при видѣ входящаго мужа, на лицѣ ея выразилось, чувство непріятно обманутаго ожиданія.

— Я пришелъ спросить васъ: вы сегодня утромъ никуда не поѣдете? — сказалъ генералъ.

— Не знаю.

Пятиминутное молчаніе.

— Ахъ, какъ вы меня всегда пугаете вашимъ внезапнымъ появленіемъ, Гаврило Алексѣевичъ, сказала Звѣздина съ неудовольствіемъ. — До сихъ поръ я чувствую сильное біеніе въ груди. Вѣдь ужъ я вамъ нѣсколько разъ говорила, чтобы вы не входили ко мнѣ, не предупредивъ меня черезъ Наташу. Ктому же у меня нынѣче съ самаго утра жестокій мигрень.

— Ну, ну, не сердитесь, мой другъ! я сейчасъ уйду, и пришелъ только спросить васъ: не надобно ли вамъ чего?

— Впрочемъ, папаша, ты пришелъ очень кстати, сказала она съ веселою улыбкою, — на дняхъ я видѣла въ магазинѣ Фульда прекрасный брилліантовый парюръ съ опалами. Онъ мнѣ очень понравился: поѣзжай, душичька, купи мнѣ его.

— Но мой другъ, у тебя ихъ такъ много... Притомъ же нынѣче времена....

Звѣздина надула свои миленькія губки.

— Но если онъ тебѣ очень нравится, — съ живостію сказалъ мужъ.

И Марія протянула ему свою прозрачную ручьку, на которой онъ напечатлѣлъ горячій, смѣшный въ его лѣта, поцѣлуй, и вышелъ.

Чрезъ полчаса, проведенныхъ Звѣздиной въ нетерпѣливомъ ожиданіи, дверь отворилась, и вбѣжала Вѣра Ивановна Некрасова, лучшая пріятельница Звѣздиной. Она была въ тѣхъ лѣтахъ, когда развертывается вся прелесть женщины, но которыя такъ ужасны для дѣвушки. Впрочемъ при первомъ взглядѣ на нее было видно, что она была въ свое время красавицей; но теперь

прибѣгала ко всѣмъ косметическимъ средствамъ, употребляемымъ обыкновенно для возстановленія развалинъ красоты.

Вообще замѣчаютъ, что старыя дѣвы злы, коварны, завистливы и большія сплетницы; быть можетъ, все это было и въ Вѣрѣ Ивановнѣ; но она такъ умѣла маскироваться, что никто не могъ упрекнуть ея въ этомъ. Надобно еще замѣтить, что отъ нихъ происходитъ вся порча нравственности въ свѣтѣ. Достигши тѣхъ лѣтъ, когда приходится отказаться отъ надеждъ на замужство, онѣ изъ застѣнчивыхъ и скромныхъ барышенъ, дѣлаются смѣлыми и говорливыми; пускаются въ сужденія обо всемъ и, выставляя себя гонительницами брака, съ удовольствіемъ слушаютъ мужчинъ, которые позволяютъ себѣ въ отношеніи къ нимъ разныя вольности. Тогда то они употребляютъ все свое искусство, чтобы овладѣть умомъ бѣдной дѣвушки и особенно сердцемъ молодой неопытной женщины; и такъ умѣютъ представить имъ порокъ въ обольстительномъ видѣ; такъ умѣютъ своими софизмами убѣдить и показать имъ черное дѣло бѣлымъ, что всякой отецъ и мужъ долженъ поставить своей дочери и женѣ первымъ правиломъ: бояться старой дѣвы пуще бѣшеной собаки и убѣгать отъ нея, какъ отъ нравственнаго разбойника.

Въ этомъ-то качествѣ всѣ старыя дѣвы Москвы должны были спасовать передъ Некрасовой.

Давно съ завистію смотрѣла она на Марью Александровну, но когда та сдѣлала такую блистательную партію, выйдя за мужъ за Звѣздина, на котораго нѣкогда имѣла виды Вѣра Ивановна, она дала себѣ слово отмстить ей, сама не зная за что. Употребивши всѣ старанія, чтобы съ нею сблизиться, она такъ умѣла овладѣть умомъ и сердцемъ Маріи, что та открыла ей всю свою душу, отъ природы пылкую и склонную къ воспринятію какъ хорошаго, такъ и дурнаго, но уже испорченную правилами матери.

Марія съ радостными объятіями кинулась теперь на встрѣчу къ Некрасовой.

— Ахъ, Вѣра! можно ли такъ мучить меня, заставляя такъ долго дожидаться.... Ну что, привезла ли ты, объ чемъ я тебя вчера просила?

— Извини, ma chère, я немного опоздала..... Но я право забыла, объ чемъ ты меня просила? — Она лгала.

— Ахъ, какая ты несносная! о письмѣ твоего брата, въ которомъ онъ пишетъ къ тебѣ о Булатовѣ.

— Ха, ха, ха, какъ ты еще глупа, Магіе! Мнѣ, право, смѣшны

твои выходки, годныя только въ французскихъ мелодрамахъ..... Ужъ не хочешь ли ты представиться влюбленною въ умершаго Булатова, сказала Некрасова, смѣясь. — Чтожъ? я буду этому очень рада: это послужитъ мнѣ сюжетомъ для новой повѣсти, и въ одной изъ книжекъ какого-нибудь русскаго журнала ты прочтешь повѣсть: *Любовь послѣ смерти*, гдѣ я постараюсь изобразить твоего Булатова героемъ съ пламенной душею и придать сколько возможно болѣе возвышенности и поэзіи его гнусной мести, которой онъ надѣялся кинуть имя твое на поруганіе свѣта. — Къ счастію, ему этаго не удалось.

— Смѣйся, смѣйся, Вѣра! напротивъ месть его показываетъ всю силу его страсти; съ этой минуты я его полюбила, и до сихъ поръ не могу забыть о немъ.... Ахъ Вѣра, съ тобою, какъ съ моимъ искреннимъ другомъ, я только и могу говорить объ немъ. Сознаюсь тебѣ, что нѣсколько разъ рѣшалась я написать къ нему, чтобы онъ возвратился въ Москву. Я знаю, онъ не могъ бы не тронуться моими мольбами; онъ не могъ бы не повѣрить моимъ клятвамъ, что жизнь безъ него для меня — не сносна; но на другой день, когда я перечитывала приготовленныя письма, гордость моя не допускала меня до этого униженія, и я сослезами рвала ихъ, предполагая будущимъ лѣтомъ, сама ѣхать на Кавказъ.

— Ради нашей дружбы, Маріе не говори никому этихъ глупостей!.... Я тебя знаю очень хорошо, и потому понимаю, что только твой капризъ и раздраженное самолюбіе порождаютъ въ тебѣ эти идеи.... Да ты и сама пожалуйста не думай, чтобы это была истинная любовь. Хочешь ли, я буду твоимъ медикомъ? и берусь вылѣчить тебя отъ этой несчастной болѣзни въ мѣсяцъ, а много въ два, только съ условіемъ: ты должна исполнять въ точности все, что я буду предписывать, на первый разъ умѣрь свое жестокое равнодушіе къ князю Дундину и графу Мазурову, которые мнѣ всѣ уши пружужжали о любви къ тебѣ.....

— Ахъ, Вѣра, не говори мнѣ объ этихъ красивыхъ, но бездушныхъ статуяхъ.... Могутъ ли они отвѣчать любви моей?... могутъ ли они изгладить, изъ моего сердца, драгоцѣнный для меня образъ Валентина, который такъ страстно любилъ меня, и котораго я не оцѣнила тогда?.... Дай мнѣ поскорѣе письмо твоего брата.

— Я очень жалѣю, — сказала Вѣра, отдавая Маріи пакетъ, — что обѣщала тебѣ дать прочесть это письмо. Братъ мой такой-же безумецъ, какъ и ты, онъ съ такимъ восторгомъ, съ такою энергіею пишетъ объ Булатовѣ, что я боюсь, чтобы это письмо

еще болѣе не разгорячило твоего и безъ того пылкаго воображенія. Кромѣ того, ты найдешь здѣсь много для себя непріятнаго, много не совсѣмъ лестныхъ объ тебѣ отзывовъ.

Марія, не слушая, взяла письмо и съ жадностію начала читать. Вѣра Ивановна помѣстилась напротивъ ея.

Вотъ что писалъ братъ Некрасовой въ письмѣ своемъ:

«Ты просишь, любезная Вѣра! чтобы я подробно описалъ тебѣ характеръ, образъ мыслей, поступки и жизнь моего друга и сослуживца Булатова, прежде времени окончившаго свое земное поприще.

«Не понимаю твоего страннаго желанія, и что тебя интересуетъ въ этомъ странномъ человѣкѣ, котораго ты, быть можетъ, встрѣчала только въ свѣтѣ?

«Но привязанность моя къ нему такъ сильна, что я готовъ толковать объ немъ, хоть съ пяти-лѣтнимъ ребенкомъ.

«Мѣсяцевъ шесть тому назадъ, онъ пріѣхалъ къ намъ на Кавказъ, и съ перваго взгляда на его блѣдное, мрачное лице, выражавшее рѣзкими чертами, что не одни цвѣты срывалъ онъ на пути своей жизни,—меня что-то влекло къ нему, но мнѣ стоило большаго труда съ нимъ сблизиться, потому что онъ избѣгалъ общества; и хотя съ нами, товарищими, былъ очень вѣжливъ и любезенъ, но вникнувъ хорошенько въ его обращеніе, тотчасъ можно было замѣтить какую-то принужденность. Женщинъ же онъ просто бѣгалъ и не имѣлъ съ ними никакихъ сношеній; сколько онѣ ни кокетничали, сколько ни употребляли средствъ; какъ позволительныхъ, такъ и непозволительныхъ, чтобы завлечь его въ свои сѣти: — все было тщетно. Даже между нами, когда заходила рѣчь объ женщинахъ, онъ тотчасъ уходилъ. Никто не слыхалъ его мнѣнія объ нихъ.

«Замѣчая мою особенную привязанность и любовь къ нему, онъ часто говорилъ мнѣ:

«Благодарю васъ за вашу дружбу! Было время, когда и я хранилъ въ душѣ это святое чувство, и вѣровалъ во все прекрасное, но одинъ случай заставилъ меня смотрѣть на людей другими глазами: сердце мое растерзано на части. Теперь я не могу отвѣчать вамъ взаимною дружбою, а потому прошу, васъ, оставьте меня, забудьте обо мнѣ!

«Нѣсколько разъ просилъ я его разсказать мнѣ этотъ случай; но онъ горько улыбался и хранилъ глубокое молчаніе, такъ что я не зналъ даже чему приписать его грусть и разочарованіе до тѣхъ поръ, пока онъ не переѣхалъ ко мнѣ на квартиру.

Мы спали съ нимъ въ одной комнатѣ. Часто ночью, во снѣ, онъ призывалъ Марію; то какъ своего ангела-хранителя, то произносилъ ей проклятія; иногда вырывалось у него слово: месть! и тутъ овладѣвалъ имъ какой-то страшный, судорожный хохотъ.

«Напрасно ожидая, чтобы онъ подѣлился со мною тягостію своей грусти, однажды я имѣлъ глупость замѣтить ему, что онъ мнѣ ночью высказалъ уже половину своей тайны: этимъ я думалъ его склонить на откровенность. Онъ поблѣднѣлъ, какъ полотно, и презрительно взглянувъ на меня, сказалъ грустно:

«— Еще ошибка! еще новый урокъ въ жизни!» — и вышелъ.

«Въ тотъ же день, онъ переѣхалъ на другую квартиру, ни мои просьбы, ни мольбы, не могли удержать его.

«И только когда я его совершенно увѣрилъ, что это была шутка и что тайна его мнѣ не извѣстна, онъ обѣщалъ остаться со мною въ тѣхъ же пріятельскихъ отношеніяхъ, горестно замѣтивъ:

— Я отъ васъ этого не ожидалъ. Вамъ бы слѣдовало тотчасъ предупредить меня, а не стараться изъ соннаго бреду выводить какія либо заключенія.

«Признаюсь, слова его имѣли свое дѣйствіе: тутъ только понялъ я, что поступилъ низко, прислушиваясь къ его бреду; и изъ пустаго любопытства, стараясь проникнуть въ его тайну, которой онъ не хотѣлъ открыть мнѣ. Мнѣ было стыдно самаго себя.

«Въ сшибкахъ съ черкесами, онъ былъ храбръ до дерзости: видно было, что онъ летѣлъ на встрѣчу пулѣ, которая бы прекратила его мучительное, тягостное для него существованіе; но судьба, какъ бы въ насмѣшку ему, сохраняла жизнь его, съ которой онъ такъ нетерпѣливо желалъ разсчитаться, тогда какъ вокругъ него падали сотни юношей, полныхъ надеждъ на будощность.

«Теперь, съ растерзанной душею и сокрушеннымъ сердцемъ, приступаю я къ описанію ужаснаго дня, глубоко врѣзавшагося въ моей памяти.

«День былъ прекрасный. Солнце во всемъ своемъ величіи освѣщало великолѣпныя картины природы нашего края Погода имѣетъ на меня большое вліяніе: я былъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Булатовъ напротивъ, былъ грустнѣе обыкновеннаго, впрочемъ съ веселою улыбкою, сказалъ онъ:

— Тайное предчувствіе моего сердца говоритъ мнѣ, что скоро я подведу балансъ моей тяжкой жизни.

— Я отвѣчалъ, что не вѣрю предчувствію. Булатовъ вступился съ жаромъ, убѣждалъ съ особеннымъ краснорѣчіемъ: впалые глаза его заблистали какимъ-то огнемъ; на матово-блѣдныхъ щекахъ отъ внутренняго жара, появился дивно небывалый гость — сильный румянецъ. Мнѣ стало за него страшно. Я невольно увлекался его словами и вѣрилъ идеямъ,которыя онъ облекалъ въ нихъ. Споръ нашъ продолжался долго, очень долго.... Вдругъ раздался выстрѣлъ. Мы вздрогнули: румянецъ его пропалъ. Другой выстрѣлъ.... На цѣпи послышалась перестрѣлка.... ударили сборъ. Мы кинулись къ своимъ мѣстамъ.

— Сшибка съ черкесами была непродолжительна, но жестока: съ обѣихъ сторонъ уронъ былъ значительный.

— Я возвращался съ своимъ эскадрономъ. Какая-то грусть давила мое сердце: я думалъ о неожиданной смерти столькихъ храбрыхъ моихъ товарищей.... какъ вдругъ глазамъ моимъ представилась ужасная картина: подъ тѣнью развѣсистаго дерева лежалъ на плащѣ жестоко раненый Булатовъ. Около него хлопотали докторъ и нѣсколько товарищей. Отведя доктора въ сторону, я спросилъ у него о положеніи раненаго.

— Хорошо, если онъ проживетъ еще часъ, отвѣчалъ онъ равнодушно.

— Возвратите его къ жизни, — сказалъ я съ жаромъ, — и требуйте отъ меня какой хотите награды!

— Я употреблю всѣ мои познанія.... Но этого невозможно. — Мы подошли къ раненому.

— Булатовъ былъ въ сильномъ бреду и никого не узнавалъ. Слова его сохранились въ моей памяти:

— Ахъ, не отдавайте ей моего сердца.... и онъ схватился рукою за рану, которая была на груди. — Скажи мнѣ, зачѣмъ оно тебѣ?... для игрушки!... но развѣ ты мало играла его святынею во время жизни, развѣ не достаточно посмѣялась ты надъ моею любовію?... Развѣ тебѣ недовольно, что ты для забавы разорвала это бѣдное сердце.... Ты, обманувъ его, охладила самыя горячія его вѣрованія: и оно никому уже болѣе не вѣрило.... и съ радостію готово прекратить свое движеніе.... Но ты и тутъ не даешь ему покоя.... Ты хочешь отнять его у меня для игрушки.

— О, не кидай на меня этихъ нѣжно-огненныхъ взоровъ!... я имъ не вѣрю.... Теперь только я понимаю, что ты духъ-искуситель, въ великолѣпной оболочкѣ, посланный для обольщенія

жителей земли.... И я, безумный, хотѣлъ отмстить тебѣ презрѣніемъ свѣта!... Но развѣ свѣтъ смѣетъ презирать тебя, свою повелительницу?... По твоему велѣнію месть эта обратилась на мою голову... Съ тѣхъ поръ я самъ себя презираю и смѣюсь надъ собою!

— Тутъ онъ судорожно захохоталъ; глаза его закатились; на лбу показались крупныя капли холоднаго пота; дыханіе сдѣлалось прерывисто. Я не могъ владѣть собою и плакалъ, какъ ребенокъ.

— Чрезъ четверть часа онъ открылъ глаза, узнавъ меня и протянувъ ко мнѣ руку, сказалъ:

— Благодарю тебя! но не плачь пожалуйста: слезы твои напоминаютъ мнѣ то время, когда и мое сердце было доступно нѣжности. Прощай!—продолжалъ онъ ослабѣвающимъ голосомъ.— Одна просьба у меня къ тебѣ.... убѣгай женщинъ.... если хочешь.... сохранить....

— Онъ не могъ продолжать: съ нимъ сдѣлались жестокія конвульсія; онъ поминутно хватался за рану, какъ-будто желая закрыть ее. Страданія его были не выносимы, и онъ закричалъ раздирающимъ душу голосомъ: — Ахъ какъ больно!... она вырвала у меня сердце!...

«Это были послѣднія слова его и онъ закрылъ глаза на вѣки. Такъ окончилъ плачевное свое существованіе этотъ страдалецъ жизни, обманутый кокетствомъ женщины, которая быть можетъ, среди суетъ свѣта, забыла объ немъ и незнаетъ, что она погубила и преждевременно вогнала въ могилу, человѣка въ цвѣтѣ лѣтъ, которымъ должно бы было гордиться человѣчество.....

«Слова Булатова глубоко врѣзались въ моемъ сердцѣ, и съ тѣхъ поръ я ненавижу женщинъ и убѣгаю ихъ. Товарищи мои, меня не понимаютъ и смѣются надо мною, думая, что я хочу подражать Булатову. Это меня ужасно раздражаетъ. Сверхъ того, здѣсь все напоминатъ о не возвратной потери единственнаго человѣка, къ которому такъ стремилась душа моя, котораго понятія были такъ сродны съ моими, котораго обширныя познанія, свѣтлый умъ и высокая душа заставили меня съ уваженіемъ смотрѣть на него, какъ на моего наставника и учителя. Я подалъ просьбу о переводѣ меня въ другой полкъ и потому, мѣсяца черезъ два, или три, я буду въ Москву, гдѣ быть можетъ, мнѣ удастся узнать плачевную исторію моего Булатова, и видѣть эту очаровательно-ужасную женщину. Я далъ себѣ клятву, отмстить ей за прежде-временную смерть мое-

го друга, который показалъ мнѣ въ настоящемъ видѣ людей и особенно — женщинъ.

«Писать болѣе я не въ состояніи.... Воспоминанія эти растравили рану моего сердца.... Мнѣ хочется плакать!....

«До личнаго свиданія въ Москвѣ.

«Александръ Некрасовъ.»

Слезы падали съ длинныхъ рѣсницъ Маріи, когда она читала это письмо. Вѣра Ивановна, по временамъ взглядывала на нее съ коварно-злою улыбкою. Окончивъ чтеніе, Звѣздина не могла воздержаться, и зарыдала: это были искреннія слезы кающейся грѣшницы, падшаго ангела.

— Ахъ, Валентинъ, Валентинъ! какъ страстно ты любилъ меня, и я не могла понять всей силы твоей любви! Я погубила тебя, сказала Марія и снова начала читать письмо.

Но, о, сердце женщины! еслибъ кто могъ проникнуть въ него, тотъ увидѣлъ бы, что Марія во второй разъ читала письмо Некрасова со всѣмъ подъ другимъ вліяніемъ. Несчастный Булатовъ забытъ, и сердце ея прилѣпилось къ тому, кто писалъ это письмо, къ тому, кто ѣхалъ въ Москву мстить ей за погибель Валентина. Она видѣла, что Некрасовъ еще не испыталъ на опытѣ горечи разочарованія, что онъ былъ еще просто мальчикъ, и только по внушенію своего наставника, хотѣлъ казаться разочарованнымъ и ея воображеніе съ удовольствіемъ представляло ей борьбу съ этимъ пылкимъ юношей-мстителемъ и какъ женщина, она нимало не сомнѣвалась въ успѣхѣ этой новой траги-комедіи.

Окончивъ вторично чтеніе письма, она спросила робкимъ голосомъ:

— Вѣра, скоро-ли твой братъ пріѣдетъ въ Москву?

— Я жду его недѣли чрезъ три. — Вѣра Ивановна поняла мысли Маріи.

— Послушай, Вѣрочька, — сказала съ смущеніемъ Марія послѣ минутнаго молчанія, — я прошу тебя, не разсказывать ему исторіи Булатова, и представить его мнѣ прежде, нежели онъ могъ бы отъ кого-нибудь узнать объ этомъ происшествіи. Я хочу сама ему во всемъ признаться; быть можетъ, онъ надо мною сжалится; а то я боюсь его мести, — продолжала она съ милою улыбкою, — вѣдь онъ ученикъ Булатова.

— Я понимаю тебя: ты хочешь, чтобы я нашей дружбѣ пожертвовала братскою любовію. Изволь, я согласна!

— Что ты, хочешь этимъ сказать?

О, непритворяйся, Марія! я вижу твои намѣренія: — ты

хочешь съ моимъ братомъ играть ту же комедію, какую играла съ Булатовымъ. Итакъ вѣрь же въ силу моей дружбы къ тебѣ: я готова не замѣчать этого, но не требуй отъ меня и участія въ этомъ дѣлѣ; только прошу тебя, будь съ нимъ великодушна, не опутывай его совершенно своими сѣтями; онъ еще неопытный, довѣрчивый мальчикъ. Теперь видишь, Марія, что ты со мною не должна притворяться. Я вижу насквозь твое сердце: тебѣ досадно, что неопытный мальчишка, съ такимъ презрѣніемъ отзывается вообще объ женщинахъ, а о тебѣ въ особенности, и ты хочешь его наказать. На твоемъ, мѣстѣ, я бы тоже сдѣлала.

Я нисколько не удивляюсь, что часто умная, хитрая женщина водитъ за носъ мужчину, но вотъ чего я не могу понять: какъ двѣ хитрыхъ женщины могутъ обманывать одна другую.

Такъ и теперь Марья Александровна вѣрила словамъ Некрасовой внутренно приписывая то вниманіе, которое внушилъ въ ней братъ Вѣры, чувству оскорбленной гордости. Между тѣмъ, какъ Некрасова лучше понимала ея сердце и видѣла тутъ случай, нисколько не опасаясь за брата, погубить Звѣздину, и этаго она съ нетерпѣніемъ давно ожидала.

Слова Вѣры Ивановны заставили покраснѣть Марію, и когда она хотѣла отвѣчать, вошелъ мужъ ея. Сухо поклонившись Вѣрѣ Ивановнѣ, онъ подалъ женѣ футляръ, съ богатымъ парюромъ изъ опалъ, осыпанныхъ крупными брилліантами.

— Ахъ, какъ ты милъ сегодня, папаша! — И громкій поцѣлуй былъ ему наградою, за двадцать тысячь рублей, заплаченныхъ за парюръ.

— Посмотри, Вѣра, — сказала Марія, показывая ей парюръ, — какая прелесть! Ахъ съ какою завистію и досадою, ужо, на балу будетъ смотрѣть, на меня, гордая графиня Славская, которая болѣе мѣсяца, торговала этотъ парюръ и не могла заставить мужа купить его.

Парюръ такъ занялъ Марію, что она забыла и о Булатовѣ и о Некрасовѣ.

V.

Недавно, въ театрѣ въ ложѣ бель-этажа сидѣла Марья Александровна, мужъ ея и Вѣра Ивановна. Въ антрактѣ вошелъ въ

ложу, братъ Вѣры... Это былъ молодой человѣкъ, лѣтъ 23, гусарскій поручикъ въ отставкѣ, съ открытой и беззаботной физіономіей Русскаго барина, съ свѣтлыми голубыми глазами, съ свободными движеніями.

По письму его, читатели мои вѣроятно предполагали что онъ явится мрачнымъ мстителемъ съ трагической физіономіей, съ тяжелымъ взглядомъ, отъ котораго будетъ трепетать, Madame Звѣздина. Ничуть не бывало! онъ былъ гораздо умнѣе такой роли, гораздо умнѣе Булатова; встрѣча съ этимъ человѣкомъ и его трагическая судьба, дѣйствительно подѣйствовали довольно сильно на его молодое воображеніе, но онъ расчелъ очень скоро, какъ умный и порядочный человѣкъ, что глупо въ высшей степени мстить хорошенькой женщинѣ и притомъ не за себя, а за другаго.

Какъ нарочно — въ театрѣ, на этотъ разъ давали драму «*Жизнь за жизнь*,» передѣланную изъ французской повѣсти, гдѣ Мочаловъ былъ въ иныя минуты, страшенъ въ роли мстителя, за обезчещенную жену.

Въ самомъ патетическомъ мѣстѣ, Марья Александровна кокетливо, украдкой взглянула на Некрасова, который сидѣлъ за ея креслами.

Онъ улыбнулся.

Ни мужъ, ни Вѣра Ивановна, не видали этой улыбки, а въ ней заключалась цѣлая исторія, только вовсе не трагическая, а очень обыкновенная, до того обыкновенная, что нечего даже и разсказывать моимъ читателямъ. Пусть они догадаются сами, что дѣлается изъ грозныхъ мстителей, въ нашъ пристойный и холодный вѣкъ.

Мужъ Звѣздиной, былъ повидимому въ самыхъ пріятныхъ отношеніяхъ съ Некрасовымъ.

Н. САЗОНОВЪ.

ГРОЗА.

Стихій волненье, мигъ желанный,
Люблю тебя, когда порой
Отвѣтъ небесъ твоихъ туманныхъ
Играетъ съ пѣнистой волной!

Люблю тебя, когда порою,
Какъ гость нежданный налетишь,
И быстрой молніи змѣею
Сѣдое небо бороздишь.

Иль отъ восхода до захода,
Чело нахмуришь небосвода.
И на вѣнцѣ туманныхъ горъ
Раскинешь сумрачный шатеръ.

Стихій волненье, мигъ желанный
Люблю тебя, твой хладъ нежданный,
Когда надъ душною землей
Нависнешь сумрачной фатой!

А. М.

15-го Іюля.
1841 г.

ГРАФИНЯ КЛАРА Д'ОБЕРВИЛЬ.

ДРАМА ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Переводъ съ французскаго.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Жоржъ Морицъ	*Г. Каратыгинъ 1-й.*
Антоній Коссадъ	*Г. Сосницкій.*
Карлъ д'Арбель	*Г. Толченовъ 4-й.*
Ванласъ	*Г. Каратыгинъ 2-й.*
Графъ д'Обервиль	*Г. Славинъ.*
Жеромъ	*Г. Фальевъ.*
Жерфо	*Г. Вороновъ.*
Доминикъ	*Г. Сосновскій.*
Первый работникъ	*Г. Іевлевъ.*
Жозефъ	*Г. Семеновъ.*
Клара д'Обервиль	*Г-жа Самойлова 2-я.*
Полина Ванласъ	*Г-жа Самойлова 1-я.*
Шарлотта Коссадъ	*Г-жа Сосницкая.*
Туанета	*Г-жа Линская.*
Вероника	
Работники и матросы.	
1, 2, работники,	*Г. Мартыновъ.*

Дѣйствіе происходитъ въ 1781 году. Первый актъ въ Парижѣ, второй въ гостинницѣ Серни, три послѣднія въ С. Тропезѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Богато убранная комната, въ домѣ графа д'Обервиль. По срединѣ въ глубинѣ дверь ведетъ въ другую комнату. Еще дверь на право, въ комнату Клары; третья дверь на лѣво, въ комнату графа. На послѣднемъ планѣ на право окно; на первомъ планѣ, на лѣво кресло. На право, на томъ же планѣ столъ, на немъ чернилица, перья и книги.

ЯВЛЕНІЕ I.

КАРЛЪ Д'АРБЕЛЬ И ДОМИНИКЪ.

КАРЛЪ (*сидя передъ столомъ, читаетъ газету; увидѣвъ вошедшаго Доминика, перестаетъ читать — радушно*). Здравствуй Доминикъ.

ДОМИНИКЪ (*почтительно*). Къ услугамъ вашимъ, сударь.

КАРЛЪ. Доложили ли обо мнѣ графу д'Обервилю?

ДОМИНИКЪ. Графъ усталъ съ дороги, легъ очень поздно почивать и я побоялся....

КАРЛЪ. Потревожить его? и прекрасно сдѣлалъ, мой добрый Доминикъ. Я подожду, пока онъ проснется. Вы съ графомъ точно также неожиданно пріѣхали, какъ и выѣхали. Г. Ванласъ, нотаріусъ — другъ графа, ты знаешь, тоже ожидаетъ его съ нетерпѣніемъ.

ДОМИНИКЪ. Ну, въ этомъ случаѣ, я не знаю, кто изъ нихъ нетерпѣливѣе: графъ не выходилъ почти изъ кареты, въ продолженіи трехъ сутокъ и не смотря на мои 60 лѣтъ, я кой какъ перенесъ, а онъ вчера вечеромъ, начиналъ уже терять силы.

КАРЛЪ. Не мудрено; его здоровье такъ разстроено; а что кузину мою молодую графиню, можно видѣть?

ДОМИНИКЪ. Нынче память, по ея покойной матушкѣ и она въ церкви.

КАРЛЪ. О, чистое, высокое созданье!

ДОМИНИКЪ. А вы, г. д'Арбель, тоже чтите память покойныхъ? 20-го сентября, напримѣръ?

КАРЛЪ (*съ живостью и грустью*). День кончины отца моего....

(*Звонятъ въ боковой комнатѣ*).

А! вотъ звонокъ графа. (*Подходя къ окну*). И карета графини въѣзжаетъ на дворъ.

КАРЛЪ. Она! Клара!

ДОМИНИКЪ (*улыбаясь*). Теперь графъ можетъ не торопясь одѣваться, неправда ли, г. д'Арбель?... мое почтеніе....

(*Кланяется и уходитъ въ дверь на лѣво*).

ЯВЛЕНІЕ II.

КАРЛЪ, ПОТОМЪ КЛАРА.

КАРЛЪ (*про себя*). О, Боже мой! чего жъ бояться? Кто знаетъ, можетъ быть это послѣднее свиданіе....

(*Входитъ поспѣшно Клара въ черномъ платьѣ и черномъ вуалѣ*).

КЛАРА (*откинувъ вуаль и увидѣвъ Карла, съ живостью*). Ахъ, это вы, Карлъ!

КАРЛЪ (*взявъ ее за руку*). Здравствуйте кузина; но что съ вами, вы встревожены, испуганы?...

КЛАРА (*стараясь успокоиться*). Ничего, право ничего.

КАРЛЪ. Напрасно, вы меня не обманете; скажите, что съ вами?

КЛАРА (*успокоившись и съ улыбкой*). Вы не поймете меня Карлъ, хуже, — вы будете надо мной смѣяться.... я испугалась, какъ пугаются дѣти. Но полно объ этомъ.

КАРЛЪ. О чемъ? къ чему эта скрытность, — кузина? Вы меня огорчаете.

КЛАРА. О, если такъ Карлъ, такъ слушайте: не болѣе десяти минутъ тому назадъ, я молилась у гроба моей матери. Вы знаете Карлъ, болѣзнь и горесть моего батюшки, тревожатъ меня, и, я молилась за него. Окончивъ ее, я подняла голову, вдругъ, вижу

человѣка, который стоитъ передо мной и не спускаетъ съ меня глазъ, — я испугалась и осталась неподвижною. Дѣтскій страхъ отнялъ у меня всѣ силы, я не могла ни кричать, ни бѣжать. Но самъ незнакомецъ не имѣя нисколько желанія пугать меня, удалился. Я встала, поцѣловала могилу моей матери, пошла къ каретѣ, но у рѣшотки кладбища, я увидѣла снова того же самаго человѣка. Снявъ шляпу, онъ стоялъ передъ однимъ изъ памятниковъ, и представте мое изумленіе; хотя и издали, но я прочла ясно на могильной плитѣ имя д'Арбеля.

КАРЛЪ (*съ живостью*). Имя отца моего!

КЛАРА. Вы изумлены Карлъ?

КАРЛЪ. Болѣе, чѣмъ вы, Клара. Но кто же этотъ незнакомецъ? что привело его къ надгробному камню, какого нибудь бѣднаго моряка? Конечно, памятникъ этотъ былъ поставленъ такою же таинственною рукою; такой же незримый и невѣдомый покровитель сохранилъ и мою жизнь, продолжаетъ и теперь заботиться обо мнѣ съ самаго моего дѣтства, — но кто же онъ? ахъ, Клара, за чѣмъ вы испугались? судьба давала вамъ случай объяснить можетъ быть тайну, которой покрыта, и прошедшая и настоящая моя жизнь, и вы не воспользовались имъ.

КЛАРА. Вашъ упрекъ невольно напоминаетъ мнѣ, что мой батюшка говорилъ нѣсколько разъ объ этомъ таинственномъ покровительствѣ. — Весьма вѣроятно что онъ знаетъ и....

КАРЛЪ (*перебивая*). Онъ знаетъ тоже, что и я, милая Клара. — Покроковительство это началось съ того самаго почти дня, какъ отецъ мой палъ жертвою ошибки и мнимаго предательства въ ту минуту, когда онъ думалъ, что исполняетъ священнѣйшій долгъ. Въ войну нашу съ Англичанами въ Вестъ-Индіи подъ начальствомъ храбраго Суффрена, въ одномъ дѣлѣ корабль Суверенъ хотѣлъ спустить флагъ, отецъ мой взлезъ на гротъ-мачту и обратившись къ капитану, сказалъ: я прикрѣплю его такъ, что онъ ни передъ кѣмъ неопустится, а его сочли за предателя, за исполнителя позорнаго приказанія и роковая пуля одного изъ матросовъ, была наградою за подвигъ.

КЛАРА. Но признанье капитана оправдало его память.

КАРЛЪ. Совершенно такъ, но возвратили они мнѣ моего отца— и не будь этого незримаго покровителя, что было бы со мной трехлетнимъ сиротой? Онъ помѣстилъ меня въ школу, слѣдилъ за моими успѣхами, а теперь со дня моего выпуска, ежегодно помогаетъ мнѣ. Въ извѣстные сроки я получаю значительныя суммы съ просьбой недоискиваться, кто мнѣ посылаетъ ихъ и

съ самою коротенькою запиской: «примите безъукоризненно, — вамъ только что платятъ долгъ».

КЛАРА. Можетъ быть долгъ вашему батюшкѣ, но не хотятъ сказать.

КАРЛЪ. За чѣмъ же скрываться? за чѣмъ лишать меня возможности благодарить ихъ. Вы помните Клара, что я былъ совершенно одинокъ, когда вы возвратились съ батюшкой изъ путешествія, и вспомнивъ своего сослуживца, моего несчастнаго отца, онъ принялъ меня въ свой домъ.

КЛАРА. И принялъ какъ сына; — но къ чему ведетъ это воспоминаніе?

КАРЛЪ. Къ тому, Клара, что съ этимъ первымъ шагомъ въ вашъ домъ, началась и началась неизмѣнно вся моя будущность. Тутъ-то я понялъ все, чѣмъ былъ обязанъ и моему невѣдомому благодѣтелю, и вашему батюшкѣ, и памяти моего отца, имени котораго я рѣшился сдѣлаться достойнымъ. Двадцать дорогъ къ пріобрѣтенію уваженія и чести, и богатства открывались передо мною; но два года тому назадъ, смерть вашей матушки, ваше отчаянье, ваши слезы, рѣшили мой выборъ, я избралъ себѣ путь; можетъ быть она проведетъ меня къ моей желанной цѣли.

КЛАРА. А эта цѣль?

КАРЛЪ. Быть достойну васъ. Тогда, Клара, какъ умирала ваша матушка, какъ вы умоляли всѣхъ, умоляли этого почтеннаго мужа — науки спасти ее, возвратить вамъ. Я былъ безсиленъ, я не могъ ничего и теперь еще, если хотите, кромѣ званія доктора, нѣтъ у меня другихъ титловъ, но за то есть наука, средство бороться съ смертью и быть полезнымъ человѣчеству. — Судьба не отказала мнѣ и этотъ случай теперь открылся: я ѣду и пришелъ проститься съ вами.

КЛАРА. Вы ѣдете, куда?

КАРЛЪ. На Балеарскіе острова. Страшная эпидемія опустошаетъ ихъ. — Въ числѣ другихъ молодыхъ врачей, я назначенъ, министромъ, и островъ Маіорка будетъ первымъ поприщемъ моихъ медицинскихъ подвиговъ, моей славы, моего счастія.

КЛАРА. Но къ чему же это честолюбіе? Эти мечты, славы и богатства?

КАРЛЪ. Къ тому, что я хочу обладать вами; къ тому, что вы знатны, а я почти безъ имени, къ тому, что вы богаты, а я живу пока благодѣяніями другаго.... понятно ли, Клара?

КЛАРА. О, я давно поняла васъ, Карлъ, и скажу также въ мою очередь, что ни титла моего отца, ни его богатства не отнимутъ

у меня права, быть распорядительницей моей судьбы и выбрать самой себѣ мужа. Когда мой батюшка привелъ васъ ко мнѣ въ первый разъ, и сказалъ: «Клара, онъ несчастливъ, полюби его»— на слово я отвѣтила дѣломъ, — я полюбила васъ.... но полюбила любовью сестры; послѣ, когда я увидѣла, что вы любите меня болѣе, чѣмъ любовью брата, — не стану васъ обманывать, — я обрадовалась....

КАРЛЪ. Возможно ли?

КЛАРА. Да, да; обрадовалась, за чѣмъ скрываться? Эта любовь чиста и священна. Я нынче буду говорить объ ней съ батюшкой, онъ не пойдетъ противъ моего счастія, я васъ увѣряю... Карлъ, останьтесь и не уѣзжайте.

КАРЛЪ. Не сонъ ли это?

ДОМИНИКЪ (*входя*). Господинъ и госпожа Ванласъ!

КЛАРА. Просить, (*Карлу*). Другъ моего сердца....О, какъ я счастлива! Я могу назвать васъ этимъ именемъ.... Но Карлъ, довѣрите ли вы мнѣ одной быть посредницей въ этомъ дѣлѣ?... Я вижу, вы согласны.... приходите же чрезъ нѣсколько времени и я передамъ вамъ отвѣтъ моего батюшки.

КАРЛЪ. Но согласится ли онъ? О, Боже мой! приметъ ли онъ меня достойнымъ этаго счастія, блаженства.... нѣтъ, не будетъ этого согласія!

КЛАРА. Не будетъ, тогда я откажу вамъ; но за то уже и ни кто другой не получитъ моего согласія.

(*Карлъ съ живостью цѣлуетъ руку Клары*).

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ, ВАНЛАСЪ, ПОЛИНА.

ПОЛИНА (*подбѣгая*). Здравствуй моя милая! здравствуй Клара!

ВАНЛАСЪ (*раскланиваясь*). Сударыня, примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и....

ПОЛИНА (*перебивая*). Глубочайшей преданности, съ которыми имѣю честь быть такой-то.... прекрасно! точь въ точь, какъ заканчиваешь ты обыкновенно свои письма.... другъ мой, это черезъ чуръ ужъ по канцелярски; развѣ у тебя не станетъ ума, выдумать какого нибудь другаго привѣтствія? (*Увидѣвъ Карла*). Ахъ! Это вы, г. докторъ, видите, я знаю вашу тайну, г. Ванласъ,

самъ выболталъ мнѣ ее, не подумайте, чтобы я выпытывала.... (*Кларѣ*). Каковъ, Клара.... Мы думали съ тобой, что онъ гдѣ нибудь на балѣ, веселится; а не тутъ-то было — медициной, извольте видѣть — занимался. (*Подходя къ Карлу*). И прекрасно, чудесно; вѣдь вы еще никого не уморили, не правда ли? Постойте, у васъ будетъ практика, вотъ дайте только захворать моему мужу.

ванласъ. Ну, отъ меня плохая пожива Эскулапу, я во всю жизнь мою былъ только разъ боленъ коклюшемъ, — въ 1784 году, какъ теперь помню....

полина. Нельзя ли помолчать о годахъ; я васъ кажется не разъ объ этомъ просила.

ванласъ. Что года...

полина. Ничего, и потому, что за охота вамъ говорить о такой бездѣлицѣ.... Вы насъ оставляете, г. д'Арбель, куда же вы такъ спѣшите?

карлъ. Есть дѣло, но я надѣюсь еще имѣть честь застать васъ г-жа Валансъ, до свиданья. (*Раскланивается и уходитъ*)

ЯВЛЕНІЕ V.

КЛАРА, ПОЛИНА И ВАНЛАСЪ.

полина. Какой милый, молодой человѣкъ.

ванласъ. Удивительный.... но мнѣ хотѣлось бы видѣть графа д'Обервиля.

клара (*не слыхавъ Ванласа*). Онъ ѣдетъ....

ванласъ. Кто? Графъ!

клара. На Балеарскихъ островахъ свирѣпствуетъ эпидеміи, министръ составилъ экспедицію изъ молодыхъ докторовъ, которые отправляются туда; въ числѣ ихъ и Карлъ д'Арбель.

полина. Это что такое? Неужели по милости министра намъ останутся одни только нотаріусы.

ванласъ. И капиталисты-кліенты этихъ нотаріусовъ. Въ числѣ ихъ, я знаю одного и самаго лучшаго, вѣрнѣйшаго и богатѣйшаго; — это Жоржъ-Морицъ.

полина. Этотъ морской разбойникъ, корсаръ?...

ванласъ. Ахъ, матушка, какой корсаръ.... Я говорю объ хозяинѣ здѣшней верфи, самомъ прекрасномъ человѣкѣ, который

храбръ, какъ шпага; и богатъ—какъ Индѣйскій Набобъ—изъпростыхъ матросовъ С. Тропезской пристани — его родины, онъ сдѣлался владѣтелемъ почти всего здѣшняго флота и Англичанамъ отъ него достается на порядкахъ.

ПОЛИНА. Что мнѣ до этого, я не люблю такихъ людей, говорятъ, что они продаютъ своихъ женъ, какъ невольницъ на Турецкихъ базарахъ.... негодяи они и твой корсаръ съ ними.

ВАНЛАСЪ, Какой корсаръ! хозяинъ верфи.

ПОЛИНА. Ну хорошо, что-жъ изъ этого?

ВАНЛАСЪ. А то, что мнѣ ужасно, какъ бы хотѣлось женить его, да чудаки эти моряки; они не понимаютъ, не знаютъ, какъ весело жить себѣ домкомъ и ни во-что не вмѣшиваться, имѣть волю и ничего не хотѣть, имѣть права и не пользоваться ими,— какъ кому, а мнѣ повиноваться гораздо легче, чѣмъ приказывать. А чего бы лучше казалось, этому Морицу, онъ же и молодъ еще, ко всѣмъ другимъ выгодамъ своего положенія въ обществѣ.

ПОЛИНА. А сколько ему лѣтъ?

ВАНЛАСЪ. Да не болѣе, какъ сорокъ.

ПОЛИНА, Я люблю это не болѣе.... пора жениться, хотя ты ждалъ и долѣе.

ВАНЛАСЪ. Скажи лучше, выжидалъ моего счастія.

ПОЛИНА. Вотъ оно что! — Ахъ, какъ это любезно!....

ВАНЛАСЪ. Ахъ, Полина; не будь я нотаріусомъ, цѣлый бы день любезничалъ съ тобою.... Но, Боже мой! Мнѣ необходимо видѣть графа. (*Смотритъ на часы*).

КЛАРА. Онъ отдыхаетъ еще, но если вамъ такъ нужно видѣть, то...

ВАНЛАСЪ. Болѣе чѣмъ нужно и до 12-ти часовъ, а теперь уже 11-ть слишкомъ. (*Клара звонитъ, входитъ слуга*).

КЛАРА. Спроси, можетъ ли графъ принять г. Ванласа. (*Садится на диванъ на право и беретъ работу*). Полина, посмотри, какъ хорошъ этотъ узоръ.

ВАНЛАСЪ. Я за жену.... превосходенъ.... теперь съ вашего позволенія, я займусь пока моими дѣлами.

(*Вынимаетъ бумаги изъ портфеля и садясь на льво у камина, начинаетъ ихъ просматривать*).

ПОЛИНА. Вотъ и усѣлся, какъ будто дома! Клара, извини его; ты не можешь себѣ представить, что это за дѣлецъ; минуты не бываетъ безъ работы. Я увѣрена, что въ цѣлой Франціи и Наваррѣ нѣтъ такого другаго нотаріуса. На улицѣ, за обѣдомъ, даже въ моей спальнѣ, онъ только и дѣлаетъ что считаетъ, вы-

считываетъ, учитываетъ, переводитъ. Да чего же лучше: въ день сватьбы нашей, въ концѣ бала, — его позвали засвидѣтельствовать духовную — что жъ ты думаешь? Пошелъ....

КЛАРА *(тихо улыбаясь)*. Признайся, однакожъ, полина, что ты сдѣлала довольно странную партію?

ПОЛИНА. Конечно, въ гербахъ нашихъ есть маленькая разница какъ и въ годахъ; но кто-же станетъ повѣрять, чей родъ старше; положимъ, что мой идетъ отъ крестовыхъ походовъ.... что же касается до лѣтъ, то мнѣ шепнули, что весь излишекъ онъ уровняетъ наличными тысячами ливровъ; я послушалась и не знаю, какъ на твои глаза, а на мои, онъ вовсе кажется не старымъ.

КЛАРА. А сколько ему лѣтъ?

ПОЛИНА. То есть, пятьдесятъ тысячъ ливровъ годоваго доходу.... совсѣмъ моимъ блистательнымъ именемъ Дормиссоновъ, кромѣ портретовъ знаменитыхъ монхъ предковъ и ничтожныхъ 1200 ливровъ въ годъ, у меня ничего не было. При выходѣ изъ монастыря, тетка моя, графиня д'Естербекъ, женщина самая благоразумная, познакомила меня съ г. Ванласомъ. Конечно, онъ былъ немножко толстъ, но добръ, а главное, смѣшонъ, — это меня и развеселило и успокоило. Его свадебная корзинка ломалась подъ сюрпризами и самыми дорогими подарками, — тутъ нечего было ни раздумывать, ни откладывать. — Что-жъ сказать тебѣ еще? Я счастлива, болѣе чѣмъ счастлива, — въ монастырѣ я была только что маркиза, теперь дома у себя я королева. И ты представить не можешь, какъ весело командовать.... да какъ еще камандовать, — мое правило, что въ политикѣ, что въ хозяйствѣ ужъ если повелѣвать, такъ повелѣвать неограниченно.

ВАНЛАСЪ. А вотъ кажется и графъ.

КЛАРА *(вставая)*. Батюшка!

(Она идетъ къ нему на встрѣчу. — Графъ въ утреннемъ сюртукѣ, онъ удрученъ не только годами, сколько горемъ и тайной грустью; подойдя къ дочери, онъ цѣлуетъ ее нѣсколько разъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢ ЖЕ И ГРАФЪ.

ГРАФЪ *(къ Полинѣ)*. Извините, сударыня, что я не тотчасъ же обратился къ вамъ. Дочь моя встрѣтила меня первая, а я такъ

счастливъ, когда ее вижу.... *(Опять цѣлуетъ Клару г. Ванласу).* Вы кажется слишкомъ долго меня ждали,— простите.

ВАНЛАСЪ. Мнѣ очень совѣстно.... Я такъ рано потревожилъ васъ.... Но необходимость. — Я долженъ переговорить съ вами на счетъ одного дѣла....

ГРАФЪ. И нельзя отложить его?

ВАНЛАСЪ. Невозможно.

КЛАРА. Папа, и у меня есть тоже до тебя дѣло и очень важное.

ВАНЛАСЪ. Не думаю однакоже, сударыня, чтобы ваше было одинаковой важности съ моимъ?

КЛАРА. Конечно, и потому первенство пусть будетъ за нотаріусомъ.

ГРАФЪ. О, милое дитя! если бы ты знала, какъ я люблю въ тебѣ эту скромность, теперь поди въ свою комнату, я надѣюсь, что г-жа Ванласъ не откажетъ намъ въ удовольствіи провести нынѣшній день вмѣстѣ?

ПОЛИНА. Это было моимъ намѣреніемъ, еслибъ вы и не просили меня. Пойдемъ, Клара, ты вѣрно мнѣ скажешь, въ чемъ это твое важное дѣло.

КЛАРА. Ну, не знаю, по крайней мѣрѣ, я попрошу у тебя добрый часъ терпѣнія, — пойдемъ. *(Уходятъ).*

ЯВЛЕНІЕ VI.

ГРАФЪ И ВАНЛАСЪ.

ГРАФЪ. Я готовъ васъ выслушать. *(Садится).*

ВАНЛАСЪ. *(тоже садясь въ кресло около графа).* Ваше сіятельство! Вы вѣроятно изволите помнить ту особу, которая ссудила вамъ шесть лѣтъ тому назадъ, по моему ходатайству четыреста пятдесятъ тысячъ ливровъ? Вы также вѣроятно изволите знать, что срокъ платежа наступилъ уже?

ГРАФЪ. Наступилъ? а давно ли?

ВАНЛАСЪ. Восемь дней.

ГРАФЪ. Но нельзя ли отсрочить?

ВАНЛАСЪ. Еслибъ просить объ этомъ прежде, то можетъ быть и согласились бы; но теперь поздно.

ГРАФЪ. Отъ чего же?

ВАНЛАСЪ. А отъ того, что заимодавецъ вашъ, г. Жоржъ Мо-

рицъ, купилъ вновь еще двѣ фермы и имѣя надобность самъ теперь въ деньгахъ, ждалъ васъ съ большимъ нетерпѣніемъ. — Я извѣстилъ его о вашемъ пріѣздѣ и онъ придетъ сюда ровно въ 12 часовъ.

ГРАФЪ. Что вы сдѣлали?

ВАНЛАСЪ. Ничего, ваше сіятельство; я зналъ, что вы не здоровы и потому распорядился такъ, чтобъ вамъ не безпокоиться.— Квитанція со мной и дѣло въ нѣсколько минутъ можетъ быть кончено.

ГРАФЪ. Я погибъ!

ВАНЛАСЪ. Помилуйте; отчего же?

ГРАФЪ. Г. Ванласъ, я не могу заплатить долга.

ВАНЛАСЪ. Боже мой! что я слышу.... Не вы ли графъ завѣрили меня, что деньги эти въ вѣрныхъ рукахъ? Что же вы съ ними сдѣлали? Куда вы ихъ дѣли?

ГРАФЪ (*вставая*). Вы сейчасъ это узнаете. (*Звонитъ, — входитъ Доминикъ*). Попроси сюда графиню д'Обервиль.

(*Слуга уходитъ, —графъ снова садится, или вѣрнѣе, въ изнеможеніи опускается въ кресло*).

ВАНЛАСЪ (*про себя*). Я въ отчаяньи.... Я уничтоженъ!... Г. Морицъ будетъ неумолимъ.... какъ дать ему знать.

ДОМИНИКЪ (*входя за нимъ Клара*). Графиня!

ГРАФЪ. Никого не пускать сюда и не мѣшать намъ.

(*Доминикъ выходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢ ЖЕ И КЛАРА.

КЛАРА (*весело*). Вотъ что мило, такъ мило, г. нотаріусъ; тысячу разъ благодарю васъ; я никакъ неожидала, чтобъ вы такъ скоро уступили мнѣ ваше мѣсто. — А вы, папа, еще милѣе, теперь моя очередь.... (*Останавливается и увидѣвъ слезы и волненіе графа*). Но что я вижу? что это значитъ? Боже мой, эти слезы.... вы страдаете!... Батюшка! Батюшка! Вы молчите....

ГРАФЪ. Я хочу прежде знать, будешь ли ты въ силахъ меня выслушать?... Клара, простишь ли ты меня?

КЛАРА, Простить!... Васъ, батюшка?...

ГРАФЪ (*перебивая*). Клара, все потеряно! Состояніе мое, твое,

матери, настоящее и прошедшее, все погибло! — Этотъ домъ, въ которомъ мы живемъ, все имѣніе мое, едва будутъ достаточны на уплату долга, сдѣланнаго мною нѣсколько лѣтъ тому назадъ, кредиторъ довѣрилъ мнѣ, моему слову, моей чести, но срокъ наступилъ и нынче же должно заплатить. Я не растратилъ этихъ денегъ, Клара, я не промоталъ тебя, я исполнялъ другой долгъ, долгъ священной; но Клара, я все таки раззорилъ тебя.... (*Вставая*). Дочь моя и вы любезный другъ мой, судите сами меня: ты знаешь Клара, что прежде тебя я имѣлъ сына, шесть лѣтъ тому назадъ, онъ умеръ, но умеръ беззаконно, умеръ, самъ лишивъ себя жизни.

КЛАРА. Онъ былъ самоубійцей!

ГРАФЪ. Да, но ни ты, ни твоя мать, никто въ мірѣ не знали о томъ, я скрывалъ отъ всѣхъ мое несчастіе, горе. Но не тутъ еще конецъ ему. Сынъ мой прежде нежели сдѣлался самоубійцей, обезславилъ себя и не имѣлъ духу снести этого безславія. — Развратная жизнь увлекла его, — онъ надѣлалъ долговъ и заплатилъ ихъ фальшивыми векселями.

КЛАРА. Возможно ли!...

ГРАФЪ Да, мой другъ! Братъ твой, а не я, раззорилъ тебя, какъ отецъ, я долженъ былъ скрыть по крайней мѣрѣ, ужасныя послѣдствія его поступка. Половина нашей собственности, выкупила эти векселя и смыла слѣды нашего позора. — Жоржъ Морицъ посредствомъ нашего друга Ванласа, далъ мнѣ наличныя деньги и дѣло было кончено. Я надѣялся, я былъ увѣренъ, что съ приближеніемъ срока, я разсчитаюсь съ Морицомъ съ коммерческою точностью. Но срокъ приблизился; я поѣхалъ въ Марсель и... узналъ, что мой банкиръ объявилъ себя банкротомъ, не получивъ такимъ образомъ ничего изъ моихъ фондовъ; я возвратился теперь въ Парижъ, для того только, чтобы страдать и молить Бога, но не за себя, я не стою его милости, а за тебя дочь моя! Моя милая Клара!

КЛАРА (*бросаясь къ нему въ объятія*). Батюшка! умоляю васъ, успокойтесь....

ГРАФЪ (*цѣлуя ее*). О, простишь ли ты меня, что цѣною твоей собственности, я спасъ имя и сохранилъ честь твоего брата?

КЛАРА. Неужели вы можете сомнѣваться, батюшка?

ВАНЛАСЪ. Ваше сіятельство, не имѣя ничего сказать противъ благородства вашего поступка, я осмѣливаюсь однакожъ спросить васъ, на что же вы теперь рѣшаетесь, время приближается....

ГРАФЪ. Я отдамъ моему кредитору. Этотъ домъ и Арденскія мои фермы.

ВАНЛАСЪ. Положимъ, что это можетъ уплатить вашъ долгъ, но съ чѣмъ же вы то останетесь?

ГРАФЪ. Съ дочерью, которая своею любовью ко мнѣ, заставитъ меня забыть бѣдность.

КЛАРА. Благодарю, батюшка!

ВАНЛАСЪ. Помилуйте, графъ, въ ваши лѣта, съ вашимъ именемъ, здоровьемъ — бѣдность, это ужасно!... Однакожъ, одиннадцать часовъ съ половиной и г. Морицъ не замедлитъ явиться. — Пойдемте, ваше сіятельство, въ вашъ кабинетъ. Я разсмотрю пока, въ чемъ состоитъ собственность вашихъ фермеровъ, во сколько ее оцѣнить будетъ можно, — и нельзя ли наконецъ, чего нибудь выгадать хоть на скудный, но все таки насущный хлѣбъ, ваше сіятельство!

(*Трогательная сцена, прощанья между отцомъ и дочерью*).

ГРАФЪ. Пойдемте, пойдемте, г. Ванласъ, теперь у меня станетъ мужества перенести всѣ несчастія.

(*Уходятъ на лѣво въ дверь*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

КЛАРА, ПОТОМЪ ПОЛИНА.

КЛАРА (*падая въ кресло*). Онъ ушелъ, я могу свободно плакать.... Ванласъ правъ.... бѣдность для него, въ его лѣта, съ его здоровьемъ, дѣйствительно будетъ ужасна.... Боже милосердый! чѣмъ все это кончится.

ПОЛИНА (*входя*). Удивительно, какъ мило! Оставила меня съ глазу на глазъ съ какимъ-то журналомъ ученыхъ, ушла и забыла. Я не выдержала, Клара, и прошу прощенья за мою нескромность, — я, можетъ быть, вамъ помѣшала, но ты одна: ну, что же говорила ты съ графомъ, чѣмъ рѣшили, что придумали, въ чемъ наконецъ эта тайна твоего сердца?

КЛАРА. Этого сердца — одна теперь тайна — отчаянье.

ПОЛИНА. Клара.... (*Стучатся въ дверяхъ Отеля*).

КЛАРА (*вставая*). Кто-то пріѣхалъ къ намъ.... можетъ быть, Карлъ, что мнѣ дѣлать, что я скажу ему.

ПОЛИНА. Что все это значитъ?

КЛАРА (*подходя къ окну, взглянувъ, и отбѣжавъ, вскрикиваетъ*). Ахъ!

ПОЛИНА. Что съ тобой?

КЛАРА. Опять онъ.

ПОЛИНА. Кто онъ?

КЛАРА (*возвращаясь къ окну*). За чѣмъ онъ здѣсь? Что надо ему? Но можетъ быть, я ошиблась.

ПОЛИНА. Объяснишься ли ты, Клара?

ДОМИНИКЪ (*вводя Жоржа*). Сейчасъ, сударь, взойдите; я доложу г-ну Ванласу.

(*Уходитъ въ комнату графа*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

ТѢ ЖЕ, ЖОРЖЪ МОРИЦЪ, И ПОТОМЪ ВАНЛАСЪ.

(*Жоржъ не замѣчая дамъ, которыя его тоже еще не видятъ*).

ПОЛИНА (*Кларѣ у окна*). Какъ ты блѣдна, Клара.... Ты пугаешь меня.... я сейчасъ позову кого-нибудь....

(*Оборачивается, и увидавъ Жоржа, вскрикиваетъ*).

ЖОРЖЪ (*стоя передъ часами*). Ровно двѣнадцать. Я не опоздалъ.

КЛАРА (*обернувшись тоже*). Я не ошиблась, это онъ.

ЖОРЖЪ (*кланяясь*). Странная встрѣча.

(*Онъ кланяется еще разъ, и отойдя снова къ камину, смотритъ молча на Клару*)

ПОЛИНА (*подводя Клару на аван-сцену*). Кто это?

КЛАРА. Не знаю.

ПОЛИНА. А, такъ я узнаю.

ВАНЛАСЪ (*входя*). Кто меня спрашиваетъ?

ПОЛИНА. Очень кстати; пожалуйте сюда. Нельзя ли вамъ, милый муженекъ, выпроводить вотъ этого человѣка, который такъ напугалъ насъ, въ особенности Клару.

ВАНЛАСЪ. Кто напугалъ? какой человѣкъ? Гдѣ онъ?

ЖОРЖЪ (*подойдя въ это время къ Ванласу, и ударивъ его по плечу*). Здѣсь.... я не опоздалъ.... ровно полдень.

ВАНЛАСЪ. Ахъ, это вы, сударь.

ПОЛИНА. Ты знаешь его?

ванласъ Еще бы. *(тихо)*. Это Жоржъ Морицъ, мой милліонеръ, кредиторъ графа д'Обервиля.

клара *(услышавъ, и тихо)*. Не даромъ.... я боялась его.

жоржъ *(тихо къ Ванласу)*. Кто эта дѣвица?

ванласъ. Дочь графа. *(Тихо)*. За минуту до этого я боялся, что наше дѣло не состоится, но слава Богу, все уладилось. Пойдемте къ графу — онъ ждетъ насъ въ кабинетѣ.

жоржъ *(все смотря на Клару)*. Къ вашимъ услугамъ.

ванласъ. Нѣтъ-съ, цѣтъ-съ, — позвольте, я напротивъ къ вашимъ услугамъ нынче, завтра, всегда, и когда вамъ только будетъ угодно. Пойдемте.

жоржъ *(слѣдуя за Ванласомъ, и поклонившись дамамъ)*. Вашъ слуга. *(Уходя)*. Это точно она.

(Входятъ въ кабинетъ графа).

ЯВЛЕНІЕ X.

КЛАРА И ПОЛИНА.

полина *(смотря имъ въ слѣдъ)*. Милліонеръ.... впрочемъ, чтожъ тутъ удивительнаго, и мой мужъ не бѣднѣе.

клара *(про себя)*. Судьба отца моего въ рукахъ этого человѣка! Не даромъ, такъ трепетало мое сердце.

полина. Что ты говоришь, Клара?

клара. А то, Полина, что Жоржъ Морицъ, далъ въ займы графу 450 тысячъ ливровъ, которые батюшка не имѣетъ возможности возвратить наличными деньгами, потому нашъ домъ и все, что ты здѣсь видишь, пойдетъ на уплату этого долга.

полина. Неужли?

клара. Бѣдный батюшка; онъ теперь одинъ съ этимъ неумолимымъ кредиторомъ, думаетъ обо мнѣ, страдаетъ.... Нѣтъ, нѣтъ, мое мѣсто тамъ, возлѣ него. *(Она идетъ къ дверямъ кабинета, изъ которыхъ выходитъ графъ, блѣдный и разстроенный. Клара цѣлуя его)*. Я шла къ вамъ, батюшка, шла, чтобы.... будьте тверды.

графъ. Благодарю, благодарю, мой другъ! я разсчелся совершенно съ моимъ кредиторомъ. Но признаюсь, не имѣлъ духу присутствовать при окончательной сдѣлкѣ и поручилъ ее Ванласу. *(Къ Полинѣ)*. Вашъ мужъ занимается теперь составленіемъ акта

на передачу этого дома, который мы нынче же оставимъ, и я надѣюсь, что г-жа Ванласъ не откажетъ намъ на нѣкокорое время въ гостепріимствѣ.

ПОЛИНА. Графъ, Клара — помилуйте, все, что я имѣю, къ услугамъ вашимъ.

ГРАФЪ. О, я увѣренъ, я знаю, что вы добрый и искренній другъ нашъ въ несчастіи.

КЛАРА. И Карлъ, батюшка, тоже не оставитъ насъ.

ГРАФЪ. Карлъ! о, безъ сомнѣнія.... Я надѣялся, я мечталъ, что ты и онъ могли бы нѣкогда.... но теперь нечего объ этомъ и думать: графиня д' Обервиль не принесетъ въ приданое мужу своей крайней бѣдности....

(Закрываетъ лицо руками и въ удрученіи садится на правую сторону дивана).

КЛАРА. Бѣдности.... *(Подбѣгая къ отцу).* О, умоляю васъ, батюшка, будьте тверды.... вы не такъ еще бѣдны — у васъ остается еще дочь.... она будетъ трудиться, работать.... Она и не думаетъ о прошедшемъ, ничего не жалѣетъ въ немъ.... одна ея молитва къ Богу — да сохранитъ и укрѣпитъ онъ васъ!

(Клара на колѣняхъ у ногъ графа, который осыпаетъ ее ласками и поцѣлуями. Полина, закрывъ лице платкомъ, плачетъ. Выходитъ Жоржъ изъ кабинета и останавливается увидя эту картину).

ЯВЛЕНІЕ XI.

ТѢ ЖЕ, ЖОРЖЪ, И ВАНЛАСЪ.

(Увидѣвъ Жоржа, графъ приподнимаетъ Клару, и встав, съ достоинствомъ).

ГРАФЪ. Кончено ли все, господа?

ВАНЛАСЪ. Актъ готовъ.

ГРАФЪ. Гдѣ же?

ЖОРЖЪ *(показывая бумагу).* Вотъ онъ.

ВАНЛАСЪ. Не достаетъ только вашей подписи.

ГРАФЪ. Не задержу.

(Беретъ актъ, идетъ съ нимъ къ столу. Жоржъ, какъ бы послѣ внутренней борьбы, идетъ за графомъ, и въ то время, какъ тотъ хочетъ подписывать бумагу, онъ удерживаетъ его).

ЖОРЖЪ. Знаете ли, графъ, что этотъ актъ лишаетъ васъ всего.

ГРАФЪ. Знаю.

ЖОРЖЪ. Но я не зналъ этого. Я пришелъ разсчесться, а не раззорить васъ.

ГРАФЪ. На то ваша воля и право.

ЖОРЖЪ. Пусть такъ, но я могъ бы отсрочить.

ГРАФЪ. Ни къ чему не поведетъ эта отсрочка; какъ нынче, такъ и черезъ годъ, я не имѣлъ бы возможности иначе расплатиться съ вами.

ЖОРЖЪ. Позвольте, графъ.... развѣ не случается иногда неудачныхъ оборотовъ съ капиталами? Развѣ не бываешь очень часто доволенъ выручкой и половины ихъ? не правда ли, г. Ванласъ?

ВАНЛАСЪ. Смѣю возразить, что ни со мной, ни съ тѣми, дѣла которыхъ у меня въ рукахъ, этого никогда еще не бывало.

ЖОРЖЪ. Ахъ, г. Ванласъ.... но развѣ наконецъ, я не могу взять только часть того, что долженъ мнѣ графъ.

ГРАФЪ. Я не прошу у васъ ни отсрочки, ни сожалѣнія, ни подарковъ.... кончимте скорѣе....

ЖОРЖЪ. О, въ такомъ случаѣ ваша воля.... *(Отходитъ въ углубленіе комнаты и скрестивъ руки, смотритъ на Клару; въ это время, графъ подписываетъ актъ.)*

ВАНЛАСЪ. Бѣдный графъ! у него теперь не осталось 1200 ливровъ дохода.

(Клара подходитъ къ графу, который подаетъ бумагу Жоржу.)

ЖОРЖЪ. *(Взявъ актъ и послѣ нѣкотораго молчанія).* Вы поступили графъ, очень дурно.... отъ гордости, — вы не подумали объ вашей дочери.... *(Движеніе графа).* Да, да, отъ гордости.... извините меня, я не краснобай, я говорю просто то, что думаю... честный, прямой морякъ иначе не выражается. Положимъ, что вы находите не приличнымъ принять отъ меня одолженіе, но уморить родную свою дочь, развѣ будетъ для васъ приличнѣе.... Да, уморить... развѣ вы думаете, что легко перенестись изъ раззолоченой гостиной въ лачужку?

КЛАРА. Для меня все равно, я буду трудиться, работать....

ЖОРЖЪ. И, полноте, сударыня, моя мать, трудилась всю жизнь свою, умерла въ работѣ, а я увѣренъ, что она не выручала отъ трудовъ и десятой части того, что получаетъ у васъ послѣдній изъ лакеевъ. — Я повторяю вамъ, графъ, что нищета уморитъ вашу дочь, и потому, я не хочу, чтобы вы мнѣ платили.

ГРАФЪ. Помилуйте.

ЖОРЖЪ. Я не хочу, чтобы вы мнѣ платили, или лучше то, что вы мнѣ платите, я снова отдаю взаймы вашей дочери.

КЛАРА. Возможно ли...

ПОЛИНА. Да онъ вовсе не таковъ, какимъ мнѣ казался, — добрякъ.

ГРАФЪ. Мы живо тронуты вашимъ участіемъ, но дочь моя, какъ и я, точно такъ же не можетъ согласиться на ваше предложеніе.

ЖОРЖЪ. Чтожъ это такое? вы хотите чтобы я насильно заставилъ васъ принять отъ меня одолженіе. Вы не соглашаетесь на отсрочку, которую я вамъ даю; хорошо же, посмотримъ, какъ вы принудите меня взять уплату, которой я отъ васъ не требую.

ГРАФЪ. Что вы хотите сдѣлать?

ЖОРЖЪ. А вотъ что. *(Рветъ актъ)*, теперь между нами графъ нѣтъ болѣе никакихъ счетовъ. Прощайте! *(хочетъ итти)*.

ГРАФЪ. (*Удерживая его*). Это невозможно, сударь, не возможно я заплачу, я долженъ заплатить вамъ, но вѣрьте, я никогда одна коже не забуду, съ какимъ благороднымъ и великодушнымъ человѣкомъ имѣлъ я дѣло.

ВАНЛАСЪ. Позвольте, позвольте, господа, все это прекрасно, но не по правиламъ, такъ нельзя; и великодушіе должно дѣйствовать не иначе, какъ на законномъ основаніи и порядкѣ. Даютъ, дарятъ, передаютъ, отдарниваютъ не просто, какъ это можно, помилуйте. Дѣлаютъ это! или по завѣщанію, или по дарственной, или по свадебному договору, это такъ, а просто, помилуйте, не возможно.

ЖОРЖЪ. (*Послѣ нѣкотораго молчанія, посмотрѣвъ на Клару и взявъ за руку Ванласа)*. Вы совершенно правы. (*Подходитъ къ графу*). Графъ, выслушайте меня! Родомъ простолюдинъ, я сохранилъ силу и твердость простолюдина въ борьбѣ моей съ жизнью, съ ея неудачами и несчастіями. Мое низкое происхожденіе, заграждало мнѣ дорогу всюду и потерявъ все на твердой землѣ, я сталъ пытать счастья на морѣ. Служа простымъ матросомъ на военномъ кораблѣ, я скоро однако же убѣдился что и тутъ никогда офицерская эполета не украситъ моего чернорабочаго плеча, а безъ того, какое средство отличиться и выйдти въ люди? Я былъ храбръ, молодъ, силенъ; вели мы войну въ то время съ Англіею. Съ помощью друзей, я снарядилъ самъ свою лодку, и обмѣнялъ ее скоро на непріятельскій корабль, который взялъ съ бою. Въ продолженіи десяти лѣтъ, я преслѣдовалъ враговъ

франціи даже въ ихъ индѣйскихъ владѣніяхъ, не разу не склонивъ передъ ними нашего народнаго флага, не щадя ни крови ихъ, ни золота. За мои заслуги, министръ предлагалъ мнѣ чинъ, я не принялъ его и остался тѣмъ, чѣмъ былъ — человѣкомъ, который всѣмъ самому себѣ обязанъ. Конечно, министръ могъ бы сдѣлать меня капитаномъ корабля; да къ чему это? когда я самъ великій адмиралъ, — больше — король въ С. Тропезѣ — моей родинѣ. Этотъ нищій уголокъ земли, видѣлъ меня нищимъ и теперь разбогатѣлъ, вмѣстѣ со мною.... все мое состояніе, все пріобрѣтенное моимъ трудомъ и кровью, идетъ на оживленіе дѣятельности этого приморскаго городка и по милости моей, тысяча двѣсти душъ ежедневно сыты, и веселы и счастливы. — Вотъ всѣ мои заслуги и титла, графъ; но я надѣюсь, что онѣ не уступятъ вашимъ! — *(Послѣ нѣкотораго молчанія).* Графъ, я прошу у васъ руку вашей дочери.

КЛАРА. Боже!

ПОЛИНА *(къ Валансу).* Да онъ, просто, чудесный человѣкъ.

ГРАФЪ *(взявъ Жоржа за руку).* Та семья будетъ весьма счастлива, которую вы подарите честью родства съ вами; жалѣю, что на ваше предложеніе, я не могу отвѣчать согласіемъ.

ПОЛИНА. Какъ онъ! не соглашается?

ГРАФЪ. И безъ того я лишилъ всего мою дочь, — не отниму права руки и сердца.

ПОЛИНА. Что онъ дѣлаетъ?

КЛАРА. На что рѣшиться?

ДОМИНИКЪ *(входя и тихо Кларѣ).* Г. д'Арбель, проситъ позволенія войти.

КЛАРА *(съ живостью).* Нельзя — *(тихо).* Бѣдный Карлъ!.... *(Громко съ принужденіемъ).* Скажи г-ну д'Арбелю, что хорошо.... что мы уже съ нимъ простились.... что можетъ онъ ѣхать.... *Доминикъ въ изумленіи уходитъ. — обратившись къ Жоржу, который тоже собирался уйти).* Я была всегда свободна въ моемъ выборѣ и графиня Клара д'Обервиль, принимаетъ предложеніе Жоржа Морица.

ЖОРЖЪ. Вы.... вы, согласны!....

КЛАРА. Согласна, быть вашей женой....

ГРАФЪ. Господи! да осѣнитъ ихъ благость твоя!

ЖОРЖЪ *(тихо, взявъ почтительно руку Клары, съ чувствомъ).*

Милосердый Боже! благодарю тебя; въ этомъ ангелѣ, ты посылаешь мнѣ вѣстника твоего прощенія!

(Во все это время послѣдней сцены съ уходомъ Доминика, играетъ музыка).

=

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ДВѢ НЕДѢЛИ СПУСТЯ ПОСЛѢ ПЕРВАГО ДѢЙСТВІЯ.

Комната въ гостинницѣ. Дверь по срединѣ. — На право, на первомъ планѣ каминъ; надъ нимъ зеркало, столъ, стулья, — окно на право на третьемъ планѣ. Дверь на лѣво, на первомъ планѣ, — буфетъ около середней двери съ углубленіемъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ТРАКТИРЩИКЪ *(сидя на право у стола и записывая въ книгѣ)*. 7-го, за декохтъ и сиропъ.... три ливра.... 8-го, за сиропъ и дикохтъ, — три ливра.... 9-го, сиропъ, декохтъ и двѣ сидѣлки на всю ночь, — десять ливровъ.... 10-го... *(Перестаетъ записывать)*. Вотъ странный счетъ для трактирщика! Съ тѣхъ поръ, какъ остановился у меня этотъ молодой человѣкъ, — вотъ уже недѣля, — я ничего не записываю и не считаю, какъ только декохты, лѣкарства и піявки! точно, какъ будто бы я аптекарь.... и не помоги мой лекарь пріятель, г-нъ Жерфо, я не ушелъ бы можетъ быть и отъ хлопотъ похороннаго распорядителя. Не будь счастливаго кризиса тому пять дней назадъ, поми-

най бы какъ звали, бѣдняжку!.... *(Изъ дверей на право выходитъ Калръ д'Арбель, опираясь на руку Туанеты).* Вотъ онъ.... О! да теперь онъ молодцомъ!

ЯВЛЕНІЕ II.

КАРЛЪ, ТУАНЕТА И ТРАКТИРЩИКЪ.

ТУАНЕТА. Смѣлѣе, г. д'Арбель, смѣлѣе, опирайтесь крѣпче.

ТРАКТИРЩИКЪ. Да, да; крѣпче, крепче! жена моя не изъ слабенькихъ. Ну, слава Богу! ноги ваши наконецъ двигаются, какъ слѣдуетъ.

ТУАНЕТА. Стулъ, дай же стулъ скорѣе.

ТРАКТИРЩИКЪ. А почему и не кресло. Оно и спокойнѣе и стоитъ не дороже. *(Подаетъ кресло).*

КАРЛЪ. *(Сидя на льво).* Благодарю васъ, друзья мои, за ваше вниманіе и услуги.... чѣмъ я могу вознаградить васъ....

ТУАНЕТА. *(По правую руку).* И, полноте, сударь, что за услуги.

ТРАКТИРЩИКЪ. Дѣло, дѣло, какія тутъ услуги.... *(Про себя).* Тѣмъ болѣе что вѣдь еще не подведено итогу.... *(Беретъ книгу и чернилицу со стола и прячетъ ихъ въ шкапъ).*

КАРЛЪ. Я надѣюсь завтра пуститься въ путь.

ТУАНЕТА. Такъ скоро?

КАРЛЪ. Мнѣ нельзя мѣшкать.... корабль, который ждетъ насъ въ Марселѣ съ моими товарищами, чрезъ пять дней снимется съ якоря. Да и Жерфо нисколько не противъ этого, — онъ позволилъ мнѣ ѣхать.

ТРАКТИРЩИКЪ. Какъ это еще счастливо, сударь, что вы напали на такого искуснаго медика и къ тому же стараго товарища и пріятеля.

КАРЛЪ. Да, да, безъ его старанья и искусства, мнѣ бы не встать.

ТУАНЕТА. Правда ли, сударь, намъ говорилъ вчера г. Жерфо, что вы ѣдите въ самую чуму?... Боже васъ оборони, если вы ее къ намъ завезете, когда воротитесь.

КАРЛЪ. *(Со вздохомъ).* Ворочусь ли я?

ТУАНЕТА. Отчего же? Разумѣется вернетесь и какъ обѣщались, остановитесь у г. Жерфо. Насъ вы также не забудите, не правда ли? *(Карлъ протягивая руку).* У васъ опять лихо-

радка.... что жъ тутъ хорошаго.... за чѣмъ вы писали цѣлое утро.

КАРЛЪ. (*Вынимая письмо изъ кармана, обращаясь къ трактирщику*). Письмо это очень важно.... понимаешь, любезный мой. Ты говорилъ мнѣ, что нынче же его можно будетъ отправить.

Трактирщикъ. Точно такъ, сударь. Нынче же, почта проѣдетъ здѣсь часовъ въ десять.

КАРЛЪ. Такъ ты незабудешь.... (*Подаетъ письмо*).

ТУАНЕТА. (*Взявъ письмо*). Я не забуду.... будьте спокойны сударь. (*Кладетъ письмо между зеркаломъ и рамой*).

ТРАКТИРЩИКЪ. Не прикажете ли еще чего нибудь?

КАРЛЪ. Ничего любезный другъ.

ТРАКТИРЩИКЪ. Впрочемъ, если что и понадобится, вамъ стоитъ только позвонить.

КАРЛЪ. Знаю, знаю; — прощайте друзья мои. (*Трактирщикъ и Туанета выходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

КАРЛЪ. (*Одинъ, послѣ минуты молчанія*). Она сказала мнѣ, что я могу ѣхать... и въ тотъ же день я выѣхалъ.... да, я выѣхалъ.... растаться съ нею навремя, — значитъ итти къ моей цѣли, — значитъ сдѣлаться ея достойнымъ, заслужить ее.... о, Боже! въ моей любви къ ней, — все и силы и мужество добиться вѣнца моего предназначенія. Я вернусь, да, я вернусь съ славой и съ деньгами и съ именемъ.... а она... она будетъ также чиста, хороша, невинна.... она не поторопится, она дождется меня.... не лгала же она, когда говорила, я люблю тебя Карлъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

КАРЛЪ, ТУАНЕТА.

ТУАНЕТА. (*Входя изъ среднихъ дверей*). Извините, сударь, — къ намъ на ѣхали новые проѣзжіе и пока приготовятъ имъ ком-

нату, я должна была ихъ пригласить сюда. Извините, прошу васъ извините.

КАРЛЪ. Помилуйте, Туанета! Что жъ такое? я пойду въ мой номеръ. (*Хочетъ итти одинъ, но шатается, и взглянувъ съ улыбкою къ Туанетѣ*). Отъ тебя зависитъ; не поможешь, такъ я по не волѣ останусь.... Дай мнѣ руку.

ТУАНЕТА. Вотъ что значитъ, писать долго.... идите тише.... г. Жерфо говоритъ, что вы больны, больше сами отъ себя.... ну а кто такъ боленъ, такъ можетъ самъ выличиться.

КАРЛЪ. Онъ шутилъ.... онъ знаетъ, что я тоже докторъ....

(*Уходитъ на лѣво въ дверь*).

ЯВЛЕНІЕ V.

ЖОРЖЪ, КЛАРА, ТРАКТИРЩИКЪ, ВЕРОНИКА.

ТРАКТИРЩИКЪ. Пожалуйте сюда, — здѣсь лучше чѣмъ въ общей залѣ.

(*Входитъ Жоржъ въ дорожномъ платьѣ, Клара также, заними идетъ Вероника съ чайнымъ приборомъ и ставитъ его на столъ на право; потомъ снимаетъ дорожное платье съ Клары. — Жоржъ отдаетъ свою шляпу трактирщику*).

ЖОРЖЪ (*весело*). Что любезный мой Жеромъ, — ты я думаю никакъ не ожидалъ видѣть меня нынче въ твоей гостинницѣ и еще съ такой спутницей? (*Беретъ за руку Клару и подводитъ ее къ камину*).

ТРАКТИРЩИКЪ. Совершенно такъ, г. Морицъ, для насъ это самая неожиданныя новость. Обыкновенно вы всегда одни ѣзжали изъ С. Тропеза въ Парижъ и изъ Парижа въ С. Тропезъ. Иногда вашъ другъ Антоній Кассадъ бывалъ съ вами; что это за удивительный человѣкъ вашъ другъ.... вы займете вашу зеленую комнату по обыкновенію г. Морицъ?....

ЖОРЖЪ. (*Поправляя огонь въ каминѣ*). Нѣтъ любезный Жеромъ. Я пробуду здѣсь не болѣе часу, такъ зачѣмъ же.

(*Входитъ Вероника съ дровами и кладетъ ихъ въ каминъ*).

ТРАКТИРЩИКЪ. Вы спѣшите въ С. Тропезъ, г. Морицъ. Нечего сказать не мало у васъ тамъ фермъ на сушѣ, и кораблей на

морѣ, и хоть мѣстечко не слишкомъ то веселое, но ужъ видно такъ ведется, что наше, то всегда намъ любо.... *(Слышенъ громъ; Клара испугавшись подходитъ къ окну. Вероника на колѣняхъ раздуваетъ огонь въ каминѣ)*. Погодка-то однакожъ не слишкомъ благопріятная для путешествія. Видно есть необходимость, что барыня или барышня незнаю такъ изволятъ торопиться? —

ЖОРЖЪ. *(Подходя къ Жерому)*. Точно необходимость, больше крайность! она спѣшитъ къ себѣ, къ своему мужу.... и какъ счасливъ долженъ быть мужъ — не правдали?

КЛАРА. *(Возвращаясь отъ окна и садясь къ столу)*. Г. Морицъ, простите меня, но погода такъ дурна что я охотно бы осталась здѣсь до завтра.

ЖОРЖЪ. *(Съ удивленіемъ, но весело)*. Какъ, здѣсь ?....

КЛАРА. Вы будете надо мной смѣяться; но что же дѣлать, я должна признаться, что боюсь грому.

ВЕРОНИКА. А прислушайтесь, онъ часъ отъ часу становится сильнѣе; небо все почернѣло.

ЖОРЖЪ *(подавая чай Кларѣ)*. Если такъ, то почему же намъ и не оставаться здѣсь; тѣмъ болѣе, что вы, вѣроятно устали, Клара. Путешествіе не ничтожное, и какъ еще начатое, — прямо изъ церкви.... едва вы имѣли время перемѣнить ваше подвѣнечное платье на дорожное.... останемся, останемся пожалуй.

ТРАКТИРЩИКЪ *(въ полголоса)*. Слышишь, Вероника? Пойдемъ готовить зеленую комнату.

(Уходятъ съ Вероникой).

КЛАРА. Здоровье батюшки поправилось, а васъ заставляли спѣшить ваши дѣла, и потому онъ насъ не удерживалъ.

ЖОРЖЪ. И спасибо ему. Признаюсь, милая Клара, мнѣ такъ хочется поскорѣе ввести васъ въ этотъ новый міръ, созданный мною, и котораго вы будете царицей. Показать вамъ ваши будущія владѣнія, эти фермы, корабли, верфи, познакомить васъ съ моими родными, больше — съ моими искренними и преданнѣйшими друзьями, Антоніемъ Коссадомъ, съ Шарлотой, его женой, съ ихъ дѣтьми, моими крестниками, и которыхъ вы будете второю матерью, покровительницею, — не правда ли? Грубыя пріемы и ухватки не оскорбятъ васъ, — за ихъ откровенную дружбу ко мнѣ, — вы не откажите имъ въ снисхожденіи. Антоній Коссадъ добрѣйшій человѣкъ въ мірѣ, и остался тѣмъ, чѣмъ мы были съ нимъ оба нѣкогда, то есть, простолюдиномъ. Конечно, онъ не боролся по моему съ моремъ и съ его непогодами, но какъ честному арендатору, съ простымъ дѣльнымъ разсудкомъ, я обя-

занъ ему многимъ; онъ сохранилъ и устроилъ то, что пріобрѣлъ я въ моей бурной жизни. Короче, это братъ мой, и я горю нетерпѣніемъ показать ему мое счастье, мое сокровище, васъ Клара, мою супругу.

ТРАКТИРЩИКЪ (*войдя, и услышавъ послѣднія слова Жоржа, тихо*). Такъ это его жена! (*Громко*). Какъ, г. Морицъ, это ваша?...

ЖОРЖЪ (*вставая*). Это моя жена. А! что? ты не думалъ, не ожидалъ, что такая женщина, такая красавица, когда-нибудь могла бы быть моею женою.... Не удивляюсь, Жеромъ, я самъ еще какъ во снѣ, и плохо этому вѣрю.... (*Возвращаясь къ Кларѣ*). Да, милая Клара, увидѣвъ васъ въ первый разъ, въ цвѣтѣ вашей красоты и молодости, окруженную блескомъ роскоши и знатности, я невольно подумалъ: Боже мой! какъ будетъ счастливъ тотъ, кого назоветъ она своимъ мужемъ, но ожидалъ ли я, и не назвалъ бы безумцемъ того, кто бы сказалъ мнѣ, что этотъ счастливецъ — буду я, я, котораго вы сами изберете. Признаюсь, милая Клара, смотря на васъ, я невольно становлюсь гордымъ, и есть минуты, въ которыя мое неожиданное счастье доводитъ меня почти до сумасшествія.

(*Туанета выходитъ изъ комнаты Карла*).

ТРАКТИРЩИКЪ (*идя къ ней на встрѣчу*). Ну что, каковъ нашъ больной?

КЛАРА (*скрывая свое смущеніе*). У васъ есть больные?

ТУАНЕТА (*трактирщику*). Хуже, чѣмъ давича.

ТРАКТИРЩИКЪ (*къ Кларѣ*). Да, сударыня, — одинъ бѣдный молодой человѣкъ, который чуть-было здѣсь не умеръ.

ТУАНЕТА. И которому въ эту минуту, нужнѣе всего покой.

ЖОРЖЪ (*отходя отъ стола*). Да развѣ у васъ нѣтъ доктора?

ТУАНЕТА. Какъ же, сударь, — есть, и мы его ожидаемъ.

ЖОРЖЪ (*усаживая Клару снова около камина*). Ступай же, приготовь намъ скорѣе комнату, мы очистимъ тогда эту, и вашему больному будетъ спокойнѣе.

ТРАКТИРЩИКЪ. Совершенно справедливо, г. Морицъ.

ТУАНЕТА (*тихо Жерому*). Кто эта дама?

ТРАКТИРЩИКЪ. Супруга г. Морица, онъ женился недавно въ Парижѣ.

ЖОРЖЪ. Ну, вотъ теперь вамъ и тепло, и спокойно, милая Клара, а мы съ тобой Жеромъ, пойдемъ и распорядимся покла-

жей и дорожными вещами моей жены.... понимаешь ли, моей жены.... О, Боже мой, какъ я счастливъ!...

(Цѣлуетъ руку Клары, и уходитъ вмѣстѣ съ Туанетой и трактирщикомъ).

ЯВЛЕНІЕ VI.

КЛАРА *(одна, сидя у камина).* Я одна!... одна въ первый разъ послѣ роковаго дня сватьбы! Я могу наконецъ поговорить съ моимъ бѣднымъ сердцемъ. *(Встаетъ).* Морицъ добръ и великодушенъ, но все-таки не его хотѣла бы я назвать моимъ мужемъ! Бѣдный Карлъ! какъ онъ любилъ меня!... Гдѣ-то онъ? Что съ нимъ будетъ, когда онъ узнаетъ объ этой свадьбѣ.... онъ уѣхалъ, но вернется, услышитъ, изумится и можетъ быть, въ справедливомъ гнѣвѣ предастъ меня проклятію, какъ самую презрѣнную женщину, которая промѣняла любовь на золото! *(Идетъ къ камину).* Онъ не узнаетъ, не подумаетъ ни о моемъ положеніи, ни о моихъ страданіяхъ. — Одна мысль будетъ преслѣдовать его: «она меня забыла». Я.... я забыла Карла!... *(Падаетъ въ кресло и плачетъ, но услышавъ шумъ, подходитъ къ зеркалу, чтобы оправиться, и увидѣвъ письмо).* Что я вижу! письмо съ моимъ адресомъ, моимъ именемъ.... Это его рука.... рука Карла.... онъ здѣсь.... онъ....

ЯВЛЕНІЕ VII.

КЛАРА, И КАРЛЪ.

(Карлъ, остановившись на порогѣ дверей на лѣво).

КЛАРА *(обернувшись, и увидавъ его).* Вотъ онъ!

КАРЛЪ *(подходя къ ней).* Я не ощибся.... это она! Клара! милая Клара! Вы здѣсь! какимъ образомъ? О, Боже! это чудо.... судьба не хотѣла, чтобы я умеръ прежде, нежели увижу васъ.

КЛАРА. Отчего вы такъ блѣдны, Карлъ, такъ слабы? О, Боже мой! такъ это объ васъ я сейчасъ слышала. Мнѣ говорили, что какой-то молодой человѣкъ страдаетъ, и безъ помощи, безъ друзей.... Такъ это были вы, Карлъ.... А я.... я....

КАРЛЪ. Вы мой ангелъ воскреситель!... не сокрушайтесь, Клара... я счастливъ, болѣе чѣмъ счастливъ, — я снова вижу васъ.... я не страдаю болѣе, — я опять съ вами! Самый тяжкій недугъ — это неизвѣстность, самая мучительная пытка — разлука.... не слышать слова, не встрѣтить взгляда твоего — вотъ что удесятерило бы для меня ужасъ преждевременной смерти.... но теперь, моя рука въ твоей рукѣ, наши взоры встрѣтились, уста сойдутся съ устами! и я не буду жалокъ, я умру спокойнѣе.

КЛАРА. Ты умрешь, Карлъ?... О! нѣтъ, Богъ не попуститъ этого....

КАРЛЪ. Онъ всемогущъ, Онъ возвратилъ мнѣ любовь твою; Онъ возвратитъ можетъ быть и жизнь.

КЛАРА. Ты будешь жить, Карлъ, будешь, я увѣрена въ этомъ.

КАРЛЪ. Для тебя, Клара, другой я не хочу жизни!

КЛАРА (*прижавшись на грудь Карла*). Мой Карлъ! мой милый Карлъ! (*Вдругъ вырвавшись изъ объятій, и въ ужасѣ*). Боже милосердый! что я дѣлаю.... я забыла.... я....

КАРЛЪ. Клара, Клара, что съ тобой?

КЛАРА. Молчи, молчи Карлъ.... другъ мой!... Бѣги отсюда.... оставь меня, оставь....

КАРЛЪ. Тебя оставить?.. мнѣ?

КЛАРА. Да.... оставить и навсегда! Мы не должны болѣе видѣться... любовь эта будетъ преступленіемъ!...Да, преступленіемъ!

КАРЛЪ. Что говоришь ты, Клара, или я.... о, Боже мой! ты не хочешь умилосердиться.... Это бредъ.... опять горячка.... вся кровь моя, снова раскаляется... Клара! Клара! не правда ли, это бредъ?... Клара, не правда ли, что нѣтъ ничего преступнаго въ любви нашей.... Ты не говорила этого.... не говорила.... успокой же меня, Клара.

КЛАРА (*подбѣгая къ средней двери*). О, Боже! Идутъ!... Онъ застанетъ тебя.... уйди.

КАРЛЪ (*подходя къ Кларѣ*). Застанетъ.... Кто застанетъ?

КЛАРА. Уйди, уйди отсюда, Карлъ!

КАРЛЪ. Кого ты такъ боишся Клара?

КЛАРА (*въ ужасѣ*). Онъ идетъ!... Уйди.

КАРЛЪ (*съ гнѣвомъ*). Кто онъ?

КЛАРА (*задыхающимся голосомъ*). Мужъ мой!...

КАРЛЪ (*отодвигаясь къ двери*). Ты за-мужемъ!... Клятвопреступница?... (*Клара умоляетъ почти на колѣняхъ, не погубить*

ее. — Карлъ уходитъ и въ дверяхъ, бросивъ на нее послѣдній взглядъ). Ожидалъ ли я!...

(*Клара бѣжитъ къ двери, запираетъ ее за нимъ, въ это время Жоржъ входитъ изъ средней*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ЖОРЖЪ (*входя*). Все готово....

КЛАРА (*какъ бы въ сумасшествіи*). И мы можемъ ѣхать, не правда ли?

ЖОРЖЪ. Какъ ѣхать?... Клара, вѣдь вы не хотѣли ѣхать.... вы просили остаться и провести здѣсь ночь?

КЛАРА (*съ ужасомъ*). Здѣсь!... Ни за что! ни за что!

ЖОРЖЪ. Но вспомните, что вы устали, Клара.... вспомните про непогоду, которая еще больше разыгралась.

КЛАРА. Она утихла кажется.

ЖОРЖЪ. Напротивъ, я говорю вамъ, что она усиливается.

КЛАРА. О! Я умоляю васъ, уѣдимте отсюда, уѣдимте скорѣе.

ЖОРЖЪ. Но отъ чего вдругъ эта перемѣна? — Давно ли вы просили объ одномъ и я согласился; теперь, когда дѣйствительно есть вредъ и опасность дальнѣйшаго путешествія, вы настаиваете ѣхать. — Прошу васъ, Клара, пробудемъ здѣсь по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока утихнетъ буря. *(Послѣ молчанія взявъ ее за руку).* Вспомните, Клара, удалось ли мнѣ, хоть разъ во всю дорогу, поговорить на единѣ съ вами.... Въ каретѣ, и тамъ мѣшала намъ ваша горничная.... Клара, теперь мы одни, совершенно одни и какъ свободно можетъ литься наша рѣчь о нашемъ блаженствѣ и счастіи.

(*Прижимаетъ къ себѣ Клару*).

КЛАРА. Не говорите, не говорите объ этомъ, Морицъ!... (*Съ ужасомъ смотритъ на дверь комнаты Карла*). Морицъ, умоляю васъ поѣдемте!

ЖОРЖЪ. Вы все таки настаиваете... Но я желалъ бы однакожъ, чтобъ это было не болѣе, какъ изъ самаго невиннаго, женскаго каприза.... Клара, скажите мнѣ, что вы не жалѣете прошедшаго и ничего не боитесь въ будущемъ.... О, Клара, скажите это мнѣ съ твердостью, рѣшительно, или я буду самымъ несчастнѣйшимъ человѣкомъ.... Въ этомъ сердцѣ, отравленномъ самыми мрачными воспоминаніями — любовь никогда не находила мѣста, — съ

вами только оно узнало ее.... Съ того дня, какъ вы избрали меня — вы стали моею жизнью, мыслью, моею душою.... Въ двадцать лѣтъ, любовь эта была бы можетъ порывиста и запосчива, — въ сорокъ, это не любовь, а обожанье.... Огонь потухшихъ страстей, снова воспламенился въ груди моей и я люблю васъ, Клара, люблю совсѣмъ инымъ моей утраченной юности.

КЛАРА (*про себя*). Что, если онъ насъ услышитъ!... (*Громко и въ прежнемъ волненіи*). Морицъ! неужели вы неумолимы?... Морицъ! заклинаю, уѣдемте.... (*Гроза увеличивается*).

ЖОРЖЪ. Но Клара, прислушайтесь....

КЛАРА. А что мнѣ гроза, — теперь я ее не боюсь....

(*Въ эту минуту, вѣтеръ съ силой раскрываетъ окно и разбиваются нѣсколько стеколъ. — Страшный ударъ грома. — Жоржъ бросается къ окну. — Клара въ ужасѣ вскрикиваетъ, Карлъ показывается въ дверяхъ; но Клара бросается къ нимъ и запираетъ ихъ. Жоржъ возвращается къ ней*).

ЖОРЖЪ (*съ нѣжностью*). Клара! милая Клара!

КЛАРА (*быстро отходитъ отъ дверей и падая на колѣна*). Умоляю! умоляю! пощадите! (*Падаетъ въ обморокъ*).

ЖОРЖЪ. Она безъ чувствъ! (*Поднимаетъ и сажаетъ ее въ кресло*). Она похолодѣла!... (*Въ неистовствѣ*). А! все ясно!... Она не отдалась тебѣ, Морицъ, а продала себя.... Что мы сдѣлали!... Что мы сдѣлали!...

(*Послѣ нѣкотораго молчанія, Жоржъ скоро подходитъ къ столу и звонитъ съ силою въ колокольчикъ. — Клара приходитъ въ себя, вскакиваетъ въ испугѣ, бѣжитъ сперва къ дверямъ комнаты Карла, потомъ взглянувъ на Жоржа, который тихъ мраченъ и спокоенъ*).

КЛАРА (*съ кротостью*). Я разсердила васъ, Морицъ?...

ЖОРЖЪ (*съ горестью*). Разсердила!... нѣтъ....

КЛАРА. Такъ огорчила, Морицъ?... Простите меня.... (*Смотря на дверь комнаты Карла*). Я не знаю, что со мной сдѣлалось, я было помѣшалась.... но увѣряю васъ Морицъ, (*тихо*) увѣряю всѣмъ, что есть святаго, что ни на минуту не забывала и никогда не позабуду, ни вашихъ благодѣяній, ни моихъ обязанностей.

ЖОРЖЪ (*про себя*). Обязанностей.... благодѣяній.... о, Боже милостивый!... Что сдѣлалъ я!... (*Звонитъ еще разъ*).

ТРАКТИРЩИКЪ (*входя*). Что угодно, г. Морицъ?
ЖОРЖЪ. Лошадей!
КЛАРА. Такъ мы ѣдемъ.
ЖОРЖЪ. Сію же минуту.
(*Трактирщикъ выходитъ, за нимъ Жоржъ, Клара слѣдуетъ за мужемъ*).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ПЯТЬ МѢСЯЦЕВЪ СПУСТЯ ПОСЛѢ ПЕРВАГО.

На лѣво, на второмъ планѣ домъ съ крыльцомъ и маленькой лѣстницей; на четвертомъ планѣ рѣшотка. — За рѣшеткой верфь съ кораблемъ, который строятъ. — На право, на второмъ планѣ павильонъ съ открытымъ окномъ къ зрителямъ; на третьемъ планѣ на той же сторонѣ, подъ навѣсомъ кузница и наковальня, каменная скамейка подъ окномъ павильона, занавѣсъ поднимается, все въ движеніи и на верфи и въ кузницѣ.

ЯВЛЕНІЕ I.

РАБОТНИКИ, (*работая*).

1-й РАБОТНИКЪ (*у наковальни*). И жарко и пить хочется....
Не прогнѣвайся любезный!...
(*Къ молотку, который бросаетъ*).

2-й работникъ. А что, братцы, вѣдь Даніель то правъ, и въ самомъ дѣлѣ въ такой жаркой мѣсяцъ, наша работа не находка.

всѣ. Разумѣется! Разумѣется!

(Бросаютъ работу и отъ верфи подходятъ къ сценѣ.— Въ углубленіи показывается Жоржъ, съ открытой головой, въ плащѣ матросскомъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

тѣ же, жоржъ.

жоржъ *(издали)*. Что это значитъ? Отчего вы не работаете?

всѣ работники *(вставая и снимая шляпы)*. Г. Морицъ! Г. Морицъ!

1-й работникъ *(съ нерѣшительностію)*. Помилуйте, г. Морицъ.

жоржъ. Чего тутъ миловать.... Молчать! Вы забыли развѣ, что вмѣсто двѣнадцати часовъ работы, я плачу вамъ за пятнадцать, — три часа надбавки. А? Вѣдь васъ у меня тысячу дураковъ здѣсь на верфи, тамъ въ гаванѣ, тутъ на фермѣ, если вы всѣ вздумаете пошабашить на часъ не больше, такъ вѣдь это просто грабежъ за цѣлый годъ работы изъ моего кармана даромъ, бездѣльники!... *(Движенье между работниками)*. Развѣ вы недовольны чѣмъ нибудь? Ну, выходи, кто изъ васъ можетъ на меня пожаловаться. — Что же? никто? *(Къ первому работнику, что у наковальни)*. И ты молчишь, первый зачинщикъ всѣхъ безпорядковъ.... *(Работникъ колотитъ, что есть мочи по наковальни)*. Что засуетился? Этакъ ты мнѣ изъ усердія, какъ разъ разобьешь шпиль въ дребезги. — Дай сюда молотъ, а еще кузнецъ! Матросъ тебя учитъ какъ надо дѣлать свое дѣло.

(Бьетъ по наковальни).

ЯВЛЕНІЕ III.

тѣ же, антоній кассадъ *(бѣжитъ изъ-за кулисъ,* шарлотта *выходитъ изъ дому)*.

антоній. Жоржъ! Жоржъ!

жоржъ *(идя къ нему)*. Что надо?

АНТОНІЙ. Мнѣ дали сейчасъ знать, что нашъ бригъ «Быстрый» вмѣсто того, чтобъ завтра войдти въ гавань, — идетъ сейчасъ и въ больно некрасивомъ видѣ.

ЖОРЖЪ. Что жъ такое.... не удалось проскочить въ горлѣ бухты, такъ самъ теперь захлебывается.... что удивительнаго въ такую погоду.

АНТОНІЙ. Мачты, Быстраго въ щепахъ, экипажъ проситъ помощи.

ЖОРЖЪ. Опять таки ничего нѣтъ необыкновеннаго: на берегу найдется человѣкъ 20 добрыхъ матросовъ, они могутъ взять шлюбку и отправиться на помочь людямъ и спасти ихъ. по крайней мѣрѣ, если нельзя уже спасти брига.

АНТОНІЙ. Я говорилъ имъ, но это ни къ чему не повело — шквалъ слишкомъ великъ, да и что будешь дѣлать съ женатымъ народомъ, — трусы.

ЖОРЖЪ. А! они трусятъ... Такъ со мной не струсятъ,—я самъ ѣду.

ШАРЛОТТА. Какъ, вы ѣдете сами....

АНТОНІЙ. Нѣтъ, ужъ лучше я поѣду.

ЖОРЖЪ. И, полно любезный, плохой ты морякъ, да тоже женатый.

АНТОНІЙ. А ты-то!...

ЖОРЖЪ (*съ горькой усмѣшкой*). Я? Что жъ такое, моей женѣ будетъ чѣмъ утѣшиться, — слава тебѣ Господи!

1-й РАБОТНИКЪ. Мы тоже съ вами, г. Морицъ.

ВСѢ. Тоже! тоже! Г. Морицъ!

ЖОРЖЪ (*тихо Шарлоттѣ*). Ни слова тамъ! понимаешь?... Друзья, къ дѣлу! (*Убѣгаютъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

ШАРЛОТТА, ПОТОМЪ ТРАКТИРЩИКЪ.

ШАРЛОТТА (*смотря имъ вслѣдъ*). Лишь бы только мой мужъ не вздумалъ тоже геройствовать и спасать человѣчество; да Жоржъ его не пуститъ.

ТРАКТИРЩИКЪ (*входя съ права за рѣшоткой*). Здѣсь живетъ г-жа Морицъ?

ШАРЛОТТА (*обернувшись*). Вы хотите сказать, жена г. Жоржъ Морица?

ТРАКТИРЩИКЪ. Точно такъ, сударыня, мнѣ необходимо съ нею лично переговорить.

ШАРЛОТТА. Этого нельзя; ее нѣтъ здѣсь.

ТРАКТИРЩИКЪ (*смотря на письмо, которое у него въ рукахъ*). Какъ такъ?

ШАРЛОТТА (*увидѣвъ письмо*). У васъ и письмо, и видно очень нужное.... (*Смотря ближе*). Да еще и безъ адреса, скажите пожалуйста.

ТРАКТИРЩИКЪ. Что жъ тутъ удивительнаго? Мнѣ надобно возвратить его тому, отъ кого оно было послано, къ чему жъ тутъ адресъ? Г-жа Морицъ поручила мнѣ передать его одному изъ моихъ постояльцевъ, а такъ какъ этотъ молодой че.... а такъ какъ этотъ....

ШАРЛОТТА. Молодой человѣкъ.... прекрасно....

ТРАКТИРЩИКЪ. А такъ, какъ этотъ постоялецъ, уѣхалъ куда, не извѣстно, то я не дождавшись г-жи Морицъ, рѣшился самъ доставить ей письмо обратно, тѣмъ болѣе, что она наказывала мнѣ, чтобъ ни подъ какимъ видомъ никому, т. е. молодому чело.... т. е. постояльцу, отнюдь не говорилъ я имени г. Морица, понимаете.... а этотъ молодой чело.... т. е. постоялецъ, хоть и уѣхалъ, неизвѣстно куда, но уѣхалъ очень скучный и грустный— понимаете?

ШАРЛОТТА. Понимаю, понимаю.... (*Тихо*). Что это такое, какая-то тайна!... (*Громко*). Отдайте мнѣ письмо, я передамъ его, кому слѣдуетъ.

ТРАКТИРЩИКЪ. (*Кладетъ письмо въ карманъ*). Вотъ ужъ въ этомъ вы меня извините, я не даромъ промялся изъ Серни и не довѣрю этого письма никому.

ШАРЛОТТА. Никому! О, если такъ, то подождите.... (*Тихо*). Тутъ есть что-то непремѣнно. (*Громко*). Подождите.

ТРАКТИРЩИКЪ. Очень радъ, только я прежде поставлю мою лошадь у пріятеля въ трактирѣ, подъ вывѣской золотаго щита, и вернусь сюда черезъ часъ никакъ не долѣе.

ШАРЛОТТА. Милости просимъ.

(*Трактирщикъ уходитъ на право, Антоній входитъ слѣва*).

ЯВЛЕНІЕ V.

ШАРЛОТТА И АНТОНІЙ.

ШАРЛОТТА. Будь у меня это письмо въ рукахъ, такъ я бы его узнала (*увидавъ Антонія*). А, это ты; ну что?

АНТОНІЙ. Что, ничего, все почти кончено, Жоржъ бросился въ шлюпку, что твой послѣдній, сорви голова, матросъ; другіе пошли за нимъ мигомъ и теперь я думаю, ужъ они возвращаются благополучно въ гавань.

ШАРЛОТТА. Ну, слава Богу, а то я боялась, за всѣхъ, въ особенности за него.

АНТОНІЙ. За него?... (*Перемѣнивъ тонъ*). Да за него и я также боялся.... Хотя признаюсь, что ужъ я не такъ привязанъ къ нему съ тѣхъ поръ....

ШАРЛОТТА. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ женился, не правда ли?

АНТОНІЙ. Не трудно догадаться... и вовсе не изъ денежныхъ расчетовъ. Положимъ, что мнѣ, какъ двоюродному его брату, отцу его крестника и единственному его родственнику, приходилось все его состояніе одному, а теперь придется еще дѣлиться, но не въ этомъ рѣчь — меня одно бѣситъ; какъ не стыдно и съ чего взялъ этотъ человѣкъ, прожившій до 50 почти лѣтъ, дикаремъ, нелюдимомъ, вдругъ поѣхать въ Парижъ и жениться.

(*Садится на право на скамейкѣ бросивъ сердито шляпу и закрывъ лицо руками*).

ШАРЛОТТА. И еще на комъ? на тонкой барынѣ, дочери графа.... Какъ будто бы эта кукла могла когда нибудь быть ему подъ стать.... Помнишь ли ты ея гримасу при первой нашей встрѣчи, вѣдь она обошлась съ тобой точно какъ съ лакеемъ, а со мной какъ будто съ горничной.... а какъ говоритъ, что твоя королева безъ королевства.... смотрѣть не на что, а тоже важничаетъ — дура этакая!... не правда ли Антоній?

АНТОНІЙ. Правда, правда; не мѣшай, я кой о чемъ думаю.

ШАРЛОТТА. Да о чемъ ты думаешь?

АНТОНІЙ. Да о томъ, что еслибъ не ты, такъ мы можемъ быть давно бъ ужъ избавились отъ этой важной барыни.

ШАРЛОТА. Какъ такъ?

АНТОНІЙ. А вотъ какъ: помнишь ты, какъ разъ, вмѣсто кре-

мортартару она схватилась за порошокъ, который мы употребляемъ при расплавливаніи, а ты ее удержала.

ШАРЛОТТА. Ну....

АНТОНІЙ. Ну, не удержи, такъ мышьякъ свалилъ бы мышку и все дѣло было бы кончено.

ШАРЛОТТА (*съ ужасомъ*). Боже милостивый! Антоній, въ умѣ ли ты?...

АНТОНІЙ (*вставая и сердито*). Что духу не хватилобъ, небось.... А туда же лѣзешь горячиться — мокрая курица.... по моему, ненавидѣть, такъ ужъ ненавидѣть: я шагу бы не сдѣлалъ для ея спасенія, да и муженька-то ея дражайшаго.

ШАРЛОТТА. Какъ? Жоржа? твоего друга.... твоего двоюроднаго брата....

АНТОНІЙ. Были когда-то между нами эти счеты и родства и дружбы, а теперь, баста — поквитались.... Думалъ ли онъ обо мнѣ, когда женился? Нѣтъ! Вспомнилъ о судьбѣ своего крестника? Нѣтъ!... А вѣдь я что нибудь да сдѣлалъ же для него, въ продолженіи двадцати лѣтъ жизни, да какой жизни — каторжной... Кто сбывалъ съ рукъ его добычу корсарства? — Я.... Кто оборачивалъ вырученными капиталами? Я.... Кто настроилъ ему этихъ фермъ, кто разработалъ и привелъ ихъ въ самое цвѣтущее состояніе? Опять таки я!.. Конечно, грѣхъ сказать, я не забывалъ себя, кой-что перепадало и на мою долю, и онъ зналъ ли, не зналъ объ этомъ, но никогда меня не спрашивалъ, а теперь — дай ему во всемъ отчетъ, давай знать о каждой копѣйкѣ, да не только о настоящемъ положеніи его дѣлъ, фондовъ и капиталовъ, а и о томъ, куда и какъ шло все и прежде; того и смотри, что отниметъ у насъ и то, что такъ давно привыкли мы считать нашимъ. Это гнусно, подло, безстыдно грабить, и кого же грабить, своего крестника, малютку.

ШАРЛОТТА. Да развѣ онъ не сдѣлалъ завѣщанія, какъ обѣщался, тому два года назадъ?

АНТОНІЙ. Мало ли что люди обѣщаютъ, они даже и исполняютъ иногда свои обѣщанія, пока одинъ чортъ не отобьетъ у нихъ памяти, а другой не натолкнетъ на глупость: дожилъ до старости, въ могилу бы смотрѣть, а онъ влюбился.

ШАРЛОТТА. И еще въ женщину, которая его совсѣмъ не любитъ.

АНТОНІЙ. Я самъ также думаю.

ШАРЛОТТА. А если ужъ любитъ, такъ другаго.

АНТОНІЙ (*съ живостью*). Другаго?

ШАРЛОТТА. Да, да, другаго.

АНТОНІЙ. Благодѣтельница ты моя! Королева! богиня! Доказательства? Гдѣ доказательства, Шарлотта?

ШАРЛОТТА. Въ рукахъ того человѣка, который былъ здѣсь, придетъ можетъ быть еще разъ, онъ въ гостинницѣ подъ золотымъ щитомъ, доказательства мои въ письмѣ отъ нее къ какому-то молодому человѣку и бьюсь объ закладъ, что письмо это любовное.

АНТОНІЙ. Письмо! и любовное!... О, Господи ты мой! еслибъ это была правда.... ну, голубушка моя, мы бы тогда посчитались бы съ вами, за всѣ ваши продѣлки; опять бы стали грѣть руки около кармановъ братца, да такъ, что было бы тепло и его крестнику — нашему сыну.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТѢ ЖЕ, КЛАРА И СЛУГА.

ШАРЛОТТА. Тсъ!... Она идетъ. — Фу ты Господи, какъ разодѣлась и все вѣдь на зло намъ — Парижская кукла!

АНТОНІЙ (*тихо*). Постой, я обшибу эти крылушки.... (*Громко*). Какъ вы важны г-жа Морицъ, не во гнѣвъ вамъ будетъ сказано — наша кузина. (*Нажимая на послѣднемъ словѣ*). Вѣдь это такъ — мы съ родни не правдали? Хоть оно на то и не похоже.

КЛАРА (*холодно*). Можетъ быть....

ШАРЛОТТА (*тихо Антонію*). Каковъ отвѣтъ!...

КЛАРА (*къ слугѣ*). Жозефъ, я приказала тебѣ осѣдлать мою лошадь.

СЛУГА. Точно такъ, сударыня, но другіе приказали мнѣ разсѣдлать.

КЛАРА. Ктожъ это?

ШАРЛОТТА. Это я....

КЛАРА. Вы? — А по какому праву?

ШАРЛОТТА. А по такому, г-жа Морицъ, что г-нъ Морицъ ждетъ къ себѣ гостей изъ Парижа и вамъ какъ хозяйкѣ въ нашемъ домѣ, приличнѣе будетъ занимать ихъ, чѣмъ ѣздить верхомъ. — Мужъ трудится, а жена должна хозяйничать, хлопотать.

КЛАРА. Не черезъ чуръ ли ужъ вы хлопочете обо мнѣ, — объ

моемъ мужѣ? (*Къ слугѣ*). Скажи моей горничной, чтобы она пришла переодѣть меня.

ШАРЛОТТА. Это совсѣмъ не нужно.... Да и Жюстины нѣтъ дома, я ее услала.

КЛАРА. Вы ее услали? Вы позволили себѣ распоряжаться у меня.

АНТОНІЙ (*тихо*). У меня.... Это мнѣ нравится.

ШАРЛОТТА. Да-съ, распорядилась, потому что это было необходимо для господина.... Да и не могу же я сама вездѣ поспѣвать и все сдѣлать, я вѣдь не кухарка, а родственница г-на Морица и госпожа, ни чѣмъ не хуже васъ!

КЛАРА. Будьте ей у себя, а не въ моемъ домѣ, я вамъ повторяю.

АНТОНІЙ (*тихо*). Еслибъ она могла только, непремѣнно бы насъ выгнала.

ШАРЛОТТА. Да что вы кричите? изъ какой нибудь дряни — служанки. До часу еще много времени, успѣете сами однѣ разрядиться.... вѣдь въ дѣвушкахъ случалось же.

КЛАРА (*въ досадѣ къ слугѣ*). Попроси ко мнѣ сейчасъ же, г-на Морица, я хочу его видѣть. (*Слуга уходитъ на лѣво*).

АНТОНІЙ (*тихо женѣ*). Гдѣ, ты говоришь, остановился человѣкъ, у котораго письмо?

ШАРЛОТТА (*тихо*). Въ трактирѣ, подъ золотымъ щитомъ.

АНТОНІЙ (*тихо*). Ты начала, — я кончу, — Прощай.

(*Уходитъ на право. — Шарлотта въ домъ*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

КЛАРА, СЛУГА, ВАНЛАСЪ И ПОЛИНА.

КЛАРА (*одна*). Нѣтъ, это ужъ черезъ чуръ.... хоть кого выведетъ изъ терпѣнья. И я надѣюсь, что мой мужъ.... мой мужъ!... А что я могу отъ него требовать? — Не отвѣтитъ ли отъ мнѣ тѣмъ же, чѣмъ ужъ отвѣчалъ нѣсколько разъ на мои жалобы: оставьте ихъ, Клара, не преслѣдуйте, я не могу съ ними разстаться, это единственные родственники, единственные люди, которые меня любятъ... и я должна буду снова умолкнуть, потому что не имѣю права говорить, не смѣю вымолвить, а я то развѣ вамъ не родная, развѣ не люблю васъ... Нѣтъ! Нѣтъ! Я солгала бы, солгала ужасно...

лице мое, невольная краска — измѣнили бы мнѣ.... безъ словъ — спроси онъ меня глазами — я смутилась бы также, смутилась какъ преступница.... да и не преступница ли я? Развѣ въ этомъ сердцѣ не хранится образъ вѣчно-любимаго человѣка, а мѣсто ли его тамъ?... Карлъ узнаетъ теперь все, письмо откроетъ ему положеніе, откроетъ все, все, кромѣ имени моего мужа.... пусть онъ успокоится, пусть будетъ счастливъ и забудетъ меня!

СЛУГА (*входя поспѣшно*). Я не нашелъ, сударыня, г. Морица, онъ говорятъ на морѣ, — къ вамъ пріѣхали гости изъ Парижа: г. и г-жа Ванласъ. (*Они входятъ*).

КЛАРА (*бѣжитъ къ нимъ на встрѣчу*). Полина!... Г. Ванласъ... О, Боже мой! какимъ образомъ вы здѣсь?

ПОЛИНА. Развѣ ты не ожидала насъ?

ВАНЛАСЪ. Я писалъ къ г. Морицу и предупреждалъ его.

КЛАРА. Я ничего не слышала отъ него....

(*Ванласъ передаетъ плащъ жены слугѣ и съ лѣвой стороны переходитъ на правую къ Полинѣ*).

ПОЛИНА. Онъ хотѣлъ сдѣлать тебѣ сюрпризъ — это ясно; я именно писала къ нему, что по дорогѣ на воды, мы намѣреваемся остановиться на нѣсколько дней у васъ. Ну, что ты, какова? мнѣ кажется, что ты невесела, грустна, разстроена.... не правда-ли, г. Ванласъ?

ВАНЛАСЪ. Напротивъ, я нахожу....

ПОЛИНА. Счастлива ли ты, Клара?

КЛАРА. Совершенно.... но это правда, что я немного встревожена. Сейчасъ меня огорчили. Жена, брата моего мужа, такъ мнѣ нагрубила, что изъ рукъ вонъ. Впрочемъ, оно понятно и извинительно. Эта женщина привыкла командовать и вертѣть всѣмъ въ этомъ домѣ. Неудивительно, что съ моимъ пріѣздомъ, ей не хочется разстаться съ своею властью, а нечего дѣлать, надо.... потому что эти безпрестанныя ссоры и вѣчное противорѣчіе моимъ приказаніямъ, и даже самымъ невиннымъ желаніямъ.

ПОЛИНА (*съ живостью*). Надобно прогнать эту женщину, да и мужа съ нею же.

КЛАРА (*съ скромностью*). Г. Морицъ не согласится.

ПОЛИНА (*въ изумленіи*). Не.... со.... гла.... сится?

ВАНЛАСЪ (*тоже съ удивленіемъ*). Неужли?

ПОЛИНА. Г. Ванласъ, развѣ есть мужья, которые не соглашаются?

ВАНЛАСЪ (*простодушно*). Я думаю, что нѣтъ....

ПОЛИНА. Помилуй, Клара, такъ ты не госпожа въ этомъ домѣ? и мужъ у тебя не въ командѣ?

КЛАРА. У меня?... Нѣтъ Полина, я у него въ самомъ глубокомъ повиновеніи, мало того, я боюсь....

ПОЛИНА. Что жъ, развѣ онъ такъ страшенъ?

КЛАРА. Совершенно нѣтъ и можетъ быть я сама виновата, потому что не смотря на его заносчивый характеръ, онъ любимъ въ этомъ городкѣ безъ исключенія всѣми.

ПОЛИНА. Что такое въ городѣ, этого мало.... надобно, чтобъ его любили въ домѣ, а для этого онъ долженъ быть послушенъ, покоренъ.... Не правда ли г. Ванласъ?

ВАНЛАСЪ. Какъ маленькая собачка.

ПОЛИНА. Во первыхъ, какъ ты живешь?

(Смотритъ на право и на лѣво).

КЛАРА (*показывая на домъ*). Я живу въ этомъ домѣ, съ моей служанкой.

ПОЛИНА. А мужъ?

КЛАРА (*показывая на павильонъ*). Здѣсь, въ этомъ павильонѣ.

ВАНЛАСЪ (*въ удивленіи*). Ба! ба! ба!

ПОЛИНА. Какъ это такъ? ты тутъ, онъ тамъ?

ВАНЛАСЪ (*еще съ большимъ удивленіемъ*). Раненько, раненько разъѣхались.

ПОЛИНА. И давно это?

КЛАРА. Да съ самаго нашего пріѣзда, со дня сватьбы.

ВАНЛАСЪ (*съ прежнимъ удивленіемъ*). Съ перваго дня сватьбы!... Удивительно!

ПОЛИНА. Положимъ, что удивительно, но тѣмъ хуже, тѣмъ менѣе это можетъ такъ оставаться.

КЛАРА. Что жъ ты хочешь сдѣлать?

ПОЛИНА. Я? Я переговорю съ г. Морицомъ.

КЛАРА. Хорошо ли ты сдѣлаешь?

ПОЛИНА. Разумѣется.... (*Тихо*). Да это неслыханная вещь!... *(Къ мужу)*. И послѣ этого удивительно ли, что она не госпожа въ домѣ.

КЛАРА. Не забудь Полина, что г. Морицъ заносчивъ, грубъ, когда его разсердятъ.... (*Отходитъ на задній планъ сцены*).

ВАНЛАСЪ. Не забудь также, что онъ лучшій мой кліентъ; не поссорь меня съ нимъ.

КЛАРА (*возвращаясь на аван-сцену*). Онъ идетъ.... Полина, для моего спокойствія, прошу тебя, оставь твое намѣреніе.

ПОЛИНА. Моя милая, оставь меня напротивъ съ нимъ.... у васъ

все тутъ на-изворотъ, надобно же, чтобъ кто нибудь вмѣшался и привелъ дѣла въ порядокъ. Ступай къ себѣ съ моимъ мужемъ.

ванласъ. И прекрасно, мы будемъ въ резервѣ.... непріятель приближается.... по мѣстамъ! пожалуйте вашу ручку....

(*Подаетъ руку Кларѣ и уводитъ ее въ домъ*).

клара (*уходя*). Полина, умоляю тебя, будь осторожна.

полина. Не безпокойся. (*Провожаетъ ее и потомъ возвращается на сцену*). Теперь посмотримъ г. Морицъ, кто изъ насъ кого пересилитъ.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

полина и жоржъ. (*Жоржъ входитъ поспѣшно, платье его въ безпорядкѣ, въ рукахъ у него желѣзный крюкъ. Вокругъ него работники, которые съ нимъ ѣздили и матросы, которыхъ они спасли, — послѣдніе обнимаютъ своихъ женъ и дѣтей*).

матросы. Да здравствуетъ г. Морицъ.

жоржъ (*остановившись въ кругу ихъ*). И, полноте, братцы, я сдѣлалъ тоже самое, что сдѣлалъ бы каждый изъ вашихъ товарищей. (*Къ работникамъ*). Проводите ихъ по домамъ, имъ нуженъ покой и отдыхъ. (*Работники уходятъ съ матросами. Жоржъ не видя Полины*). Еще десять минутъ (*входя подъ навѣсъ и ставя крюкъ*), и уже было бы поздно.

полина (*смотря на него*). Какъ онъ статенъ, ловокъ, красивъ собой; нечего сказать, молодецъ мужъ у Клары.... (*Подходя*). Здравствуйте, г. Морицъ.

жоржъ. А! Госпожа Ванласъ! Какъ я радъ, что васъ вижу.... насилу-то вы пріѣхали... ахъ, извините пожалуста, что я принимаю васъ въ такомъ нарядѣ, былъ на работѣ.... А гдѣ же вашъ мужъ?

полина. Онъ остался съ Кларой.

жоржъ. Ну, что она; я думаю, болѣе чѣмъ удивилась и обрадовалась?... Но зачѣмъ же вы ее оставили? Угодно я провожу васъ....

полина (*съ важностью*). Позвольте г. Морицъ, позвольте.... Мнѣ необходимо переговорить съ вами.

жоржъ. Со мной?

полина. Да, г. Морицъ — мы одни, а это-то и нужно.

жоржъ (*улыбаясь*). Готовъ, готовъ, г-жа Ванласъ.... но прежде скажите мнѣ, отчего вы такъ серьозны, даже сердиты.... вы, всегда веселыя, милыя....

полина. Г. Морицъ, я должна объясниться съ вами на счетъ поведенія вашего съ Кларой.

жоржъ (*съ удивленіемъ*). Моего поведенія съ Кларой?

полина. Да-съ, г. Морицъ, неужели вы думаете, что женщины выходятъ за мужъ, для того, чтобъ жить, какъ живетъ по милости вашей Клара?

жоржъ (*съ неудовольствіемъ*). Прежде, чѣмъ отвѣчать на ваши вопросы, я желалъ бы знать, — не г-жа ли д'Обервиль дала вамъ право дѣлать ихъ?

полина. Вовсе нѣтъ.... Она мнѣ не говорила ни слова.... Но я взглянула только и увидѣла все; я лучшій другъ ея, сестра вторая, — я увидѣла, что она страдаетъ.

жоржъ. И, полноте, сударыня....

полина (*съ комическою твердостью*). Ну, да, такъ! Кричите... бѣситесь.... вы меня этимъ не испугаете и я не возьму ни полслова назадъ изъ того, что сказала, — слышите ли? Я не даромъ три года за мужемъ.... да и съ чего мнѣ бояться васъ: вы сильны, заносчивы, я слаба и уступчива.... Всѣ выгоды сраженья, согласитесь, на моей сторонѣ.... наконецъ, если гордость ваша не позволяетъ вамъ уступить мнѣ, я пойду прямо къ сердцу, а оно добро и великодушно, я его знаю.... Шесть мѣсяцовъ тому назадъ, вы отдали пол-состоянья вашего, бѣдному старику и его дочери.... сейчасъ вы жертвовали жизнію, спасая несчастныхъ моряковъ... Вы понимаете теперь, почему я не могу бояться васъ?... (*Улыбаясь*). И въ доказательство — вотъ вамъ моя рука, — которая, клянусь, не задрожитъ въ вашей — попробуйте.

жоржъ (*взявъ руку Полины съ живостью*). Что вамъ угодно отъ меня, сударыня — говорите... Я выслушаю васъ.

полина (*перебивая*). Мало того; обѣщаетесь ли вы выслушать меня тихо, спокойно? даже и тогда, когда я васъ спрошу прямо безъ всякихъ адвокатскихъ предисловій, — отчего ваша жена несчастлива?

жоржъ (*тихо и съ чувствомъ*). Она несчастлива?

полина. Да, да, г. Морицъ.... отъ чего это одиночество, въ которомъ она живетъ? отъ чего это непонятное съ вашей стороны отчужденіе, отъ нее? — Развѣ Клара забыла ваши благодѣянія? забыла свои обязанности?

жоржъ (*тихо и съ трудомъ удерживаясь*). Опять благодѣянья!... Опять обязанности.... Это невыносимо!...

полина. Передъ Богомъ, г. Морицъ, вы клялись составить ея счастіе.... Графъ д'Обервиль довѣрилъ вамъ дочь свою и спокойный, не оплакиваетъ своей разлуки съ нею.... Пріѣзжаю я безпечная, веселая въ полномъ убѣжденіи, что другъ моего дѣтства — блаженствуетъ, но каково мое удивленіе.... взглянула только на Клару, и тотчасъ же разочаровалась въ мечтѣ моей.... Ея блѣдность, невольная грусть, ея слезы, которыя она напрасно хотѣла скрыть отъ меня, сказали мнѣ все и сказали краснорѣчиво.... живя затворницей, въ уединеніи, въ этомъ городишкѣ, она даже въ своемъ домѣ, какъ бы не дома.... Вы не заботитесь о ней, пренебрегаете ею, а другіе ужъ оскорбляютъ ее и оскорбляютъ безнаказанно.... Вотъ ея участь, вотъ ея положеніе и согласитесь, что я, какъ лучшій другъ ея съ дѣтства, имѣла право потребовать у васъ отчета въ ея судьбѣ, могла кажется спросить васъ — за что вы ее не любите?

жоржъ (*падая на право на скамейку, и заливаясь слезами*). Я не люблю ее!... О, Боже милостивый! Ты все видишь!

полина (*подбѣгая къ нему*). Г. Морицъ, что съ вами?... Онъ плачетъ.... онъ задыхается отъ слезъ.... ему дурно, я позову кого нибудь.

жоржъ (*вскакивая, и удерживая Полину*). Не надо, не надо никого.... передъ вами, передъ вами только я могъ и могу плакать....

полина. Что все это значитъ?

жоржъ. Выслушайте вы теперь меня въ вашу очередь.... я не могу далѣе скрывать моей тайны, тайны, которая изрыла мнѣ всю мою душу.... я разскажу вамъ все.... вамъ, какъ ея сестрѣ, но вамъ однѣмъ, понимаете ли вы меня? Васъ удивила блѣдность Клары, не правда ли? Вы нашли ее грустной, жалкой, такъ ли? Но посмотрите на меня, тотъ ли и я, что былъ прежде?... Плакали ли когда нибудь эти глаза, — а вы видѣли, какъ они заливались слезами.... вы сказали правду, Полина, горе въ этомъ домѣ, но вы не знаете еще, какъ велико это горе, каждый день — мученье! каждая минута — пытка.... въ итогѣ, жажда смерти.

полина. Но ради Бога, скажите мнѣ, отчего все это?

жоржъ (*взявъ ее за обѣ руки, съ взрывомъ слезъ и грусти*). Отъ того, что я люблю мою жену, а она меня ненавидитъ!

полина. Возможно ли? Клара!... Нѣтъ, не вѣрю, не вѣрю, г. Морицъ!

жоржъ. Не вѣрите? оно точно странно, трудно повѣрить.... Всѣ знаютъ, что я не неволилъ ее быть моею женою.... напротивъ, я на колѣняхъ благодарилъ, благословлялъ ее за выборъ.... жалкій Морицъ, ты не понималъ тогда, что съ тобой разсчитывались за долгъ денежный.... что исполняли только обязанность доброй дочери.

полина. Я васъ не понимаю, Морицъ....

жоржъ. А между тѣмъ, все ясно.... она пошла за меня, какъ невольница за своимъ господиномъ, какъ осужденная за палачемъ.... и былъ одинъ случай, одинъ вечеръ, когда все объяснилось: на-единѣ я говорилъ съ ней о нашей будущности, которая казалась мнѣ болѣе, чѣмъ прекрасной.... чтожъ было отвѣтомъ ея? Слезы.... когда я намекнулъ ей только на любовь мою, любовь самую чистую и безкорыстную, и смертная блѣдность разлилась по ея лицу.... наконецъ, когда испуганный ея положеніемъ, я бросился къ ней, чтобы подать ей помощь, чѣмъ она меня встрѣтила, вы не повѣрите.... она безжалостно оттолкнула меня.... конечно, я видѣлъ послѣ, какъ она безъ силъ, безъ жизни почти ползала около меня на колѣнахъ, умоляя простить, — за что, до сихъ поръ не понимаю.... знаю одно только, одно, что эти мольбы, этотъ страхъ, это униженное положеніе, еще болѣе убѣдили меня въ томъ, что она не любитъ, не ненавидитъ меня!

полина. Я не вѣрю себѣ, не во снѣ ли я?

жоржъ. Не сомнѣваясь болѣе, что ея замужство было лишь жертвой ея любви къ отцу, я съ той же минуты обрекъ себя, на вѣчное одиночество, мое отчужденіе, вы видите теперь, было непроизвольное.... ни слова ей о любви, — было моимъ обѣтомъ, но съ нимъ нисколько не уменьшилась сама любовь; напротивъ, она ростетъ съ моимъ отчаяньемъ, огонь этотъ палитъ, разрушаетъ меня.... О! вы не повѣрите, что я люблю ее больше всего, больше моей матери! оканчивая мои работы, я запираюсь обыкновенно въ этой бесѣдкѣ, и тамъ одинъ.... всегда одинъ.. .. я очень несчастливъ, не правда ли? По крайней мѣрѣ, она свободна въ своихъ поступкахъ, и ничто не напоминаетъ ей, ни о правахъ моихъ, ни о ея обязанностяхъ.... когда нибудь она пойметъ меня... сжалится и призоветъ къ себѣ.... тогда, по крайней мѣрѣ, моимъ блаженствомъ я буду обязанъ ей и Богу, а не роковому случаю, обстоятельствамъ и какому-то долгу.... Вотъ моя тайна, сударыня, вотъ мои надежды — я люблю и выжидаю.... кто знаетъ, можетъ быть, никогда не будетъ конца этимъ ожиданіямъ....

(*Плачетъ, отворачиваясь*).

полина *(отирая слезы)*. А я васъ обвиняла.... какъ я была несправедлива! Да, вы напротивъ, поступили превосходно.... *(Протягивая ему руку)*. Г. Морицъ, благодарю, благодарю за то, что вы были со мной откровенны.... но увѣряю васъ, что Клара не можетъ ненавидѣть васъ; мало того — она также, можетъ быть, боится и убѣждена въ вашемъ презрѣніи, какъ вы въ ея отвращеніи. А все отчего, отъ того, что вы ни разу не объяснились другъ съ другомъ. Узнай она, какъ я узнала ваши настоящія чувства, она пришла бы къ вамъ, подала бы вамъ руку, и право, полюбила бы васъ-

жоржъ. Полюбила бы?... счастье, ходитъ тише, г-жа Ванласъ.

полина. Да помилуйте, будь я вашей женой, да я бы васъ боготворила.... Посмотрите, за минуту — я бы васъ приколотила, такъ была зла, а теперь — разцѣлую, какъ хотите. *(Бросается къ нему на шею)*. Я пойду сейчасъ же къ Кларѣ. До свиданья, и прошу не отчаяваться. *(Тихо)*. Да это ангелъ, а не человѣкъ....

(Уходитъ, пожавъ руку Морицу).

ЯВЛЕНІЕ IX.

ЖОРЖЪ, ПОТОМЪ АНТОНІЙ.

жоржъ *(одинъ)*. Пусть рѣшается судьба моя..... Клара, по крайней мѣрѣ, узнаетъ мою душу, мое сердце.... но повѣритъ ли? отстоитъ ли меня голосъ дружбы? хоть пожалѣетъ ли она меня....

антоній *(выходя съ письмомъ въ рукѣ)*. Поймалъ ерша, — не выскользнешь изъ рукъ, голубчикъ!

жоржъ. Надѣяться слишкомъ еще глупѣе, чѣмъ отчаяваться... но она убьетъ меня, если останется равнодушной.

антоній *(подходя)*. Я увѣренъ, что это письмо — любовное.

жоржъ *(увидѣвъ его)*. Ахъ, это ты. Что надо?

антоній. Если я помѣшалъ, то пожалуй уйду. Впрочемъ, мнѣ всего одно слово. Хочешь, чтобы я сдалъ всѣ счеты, и готовъ и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

жоржъ. Къ чему жъ такая поспѣшность?

антоній. А къ тому, что я хочу ѣхать.

жоржъ *(съ изумленіемъ)*. Ты хочешь ѣхать, оставить меня... ты, мой родной, мой другъ....

Антоній. Была ласточка, пока вила гнѣздышко — устарѣла — дѣти же выгнали.

Жоржъ. Говори Антоній яснѣе, къ чему эти басни.

Антоній. Да какъ яснѣе.... я точно думалъ, что мы съ родни другъ другу, что я твой вѣрный, кровный братъ, а потому-то, и не хотѣлъ, чтобъ со мной обращались, какъ съ лакеемъ, съ женой моей, какъ съ служанкой. Она хоть и простая, не изъ знатныхъ, не съ чопорными манерами, а право, не хуже другихъ. Поѣдемъ жить къ себѣ, въ свое имѣніе, мы хоть и не милліонщики, да будетъ съ насъ, къ тому же тамъ, по крайней мѣрѣ, никто не обидитъ насъ.

Жоржъ. Полно братецъ, Антоній.... я все устрою, увижусь съ Кларой, поговорю съ ней.

Антоній. Что мнѣ Клара.... Хоть она сама стань меня упрашивать, я все-таки не останусь.

Жоржъ. О, если такъ, если за какое нибудь необдуманное слово молодой женщины, ты готовъ жертвовать нашей дружбой, въ такомъ случаѣ, я тебя не удерживаю. Ступай, ступай себѣ куда хочешь.

Антоній. Что слово, Богъ съ нимъ.... не въ словѣ, а въ дѣлѣ дѣло.... слово всегда можно снести; но есть такіе поступки, которыхъ ни одинъ честный человѣкъ перенести не можетъ — вотъ это такъ, такъ.

Жоржъ. Что жъ это такое значитъ, я не понимаю тебя. Видно у тебя есть какая нибудь причина, по которой ты оставляешь меня, и которую ты скрываешь отъ меня?

Антоній. Можетъ быть есть, и пусть она при мнѣ и останется.

Жоржъ. Это вздоръ, я долженъ, я хочу ее знать.

Антоній. А если, я именно скрываю ее для тебя?

Жоржъ. Пустяки, ничего не должно быть отъ меня скрыто.

Антоній. И то правда; да и я, чтожъ такой за неблагодарный; за твою дружбу буду они тебя скрытничать.

Жоржъ. А хотѣлъ было?

Антоній. Да это такъ, сгоряча.

Жоржъ. Вотъ такъ-то лучше; — ну, говори.

Антоній. Да что тутъ говорить, и говорить-то немного, вся сказка въ трехъ словахъ: Жоржъ, тебя не любитъ Клара.

Жоржъ (*вспыхнувъ*). Кто говоритъ это? Кто смѣетъ?

Антоній. Да что ты разгорячился — ты самъ первый бредишь по ночамъ этимъ, разговариваешь одинъ самъ съ собою о томъ

же.... чудакъ ты, любишь ее такъ, какъ она, можетъ быть, любитъ другаго.

ЖОРЖЪ (*въ неистовствѣ*). Несчастный! (*Хватаетъ Антонія, и въ половину опрокидываетъ его*). Знаешь ли что, еслибъ кто нибудь могъ только подслушать тебя.... ты простился бы съ жизнью.

АНТОНІЙ. Убей меня! убей.... но прежде, по крайней мѣрѣ, прочти доказательство ея измѣны.

ЖОРЖЪ. Доказательство, прочесть доказательство.... Я обслышался.... это быть не можетъ.... это клевета, ложь.

АНТОНІЙ (*подавая ему письмо*). Прочти, прочти любезный, авось убѣдишься.

ЖОРЖЪ. Но, если ты солгалъ.... (*раскрываетъ письмо, и пробѣжавъ его*). Имя! имя этого человѣка.... Да, она любитъ его... она боится за него.... жалѣетъ объ немъ.... О, имя его, имя! онъ былъ близко насъ въ этомъ трактирѣ.... а я.... я ничего не зналъ, не подозрѣвалъ.... О! дайте мнѣ, дайте его!

АНТОНІЙ. Тише.... она идетъ.... удержи себя....

ЖОРЖЪ. Оставь насъ.... оставь, говорю тебѣ....

(*Антоній уходитъ на-право*).

ЯВЛЕНІЕ X.

ЖОРЖЪ, и КЛАРА (*выходя изъ дому въ волненіи*).

КЛАРА (*тихо*). Г. Ванласъ сказалъ мнѣ, что Карлъ возвратился уже во Францію. Благодаря Бога, онъ не знаетъ фамиліи моего мужа.... Полина права, совершенно права, что одна только теперь любовь Морица можетъ быть мнѣ защитой, и отъ Карла, и отъ меня самой!... Вотъ онъ.

ЖОРЖЪ (*по-одаль, тихо*). О, я узнаю, кто онъ! узнаю!

(*Онъ выходитъ на аван-сцену, и удерживаясь, становится на-право отъ Клары*).

КЛАРА. За чѣмъ я такъ дрожу при немъ. (*Громко*). Г. Морицъ, я пришла просить васъ.... Морицъ, простите меня....

ЖОРЖЪ. Простить, васъ?

КЛАРА. Я узнала теперь всю мѣру моего преступленія, все, въ чемъ виновата я передъ вами.... О! какъ я дурно дѣлала, что жаловалась на васъ, тогда, какъ напротивъ, вы были несчастливы

и скрывали ваши страданія.... Морицъ, я поручила вамъ судьбу мою, и ваше великодушіе, ваше благородство, ни разу еще не заставило меня раскаяваться.... но я клянусь вамъ, клянусь вамъ, что есть святаго на землѣ, что за любовь вашу обѣщаюсь вамъ отнынѣ самою неограниченною, нѣжною преданностью.... *(Остановясь)*. Жоржъ! Жоржъ! будущее въ рукахъ нашихъ.

ЖОРЖЪ *(тихо)*. Кто онъ?

КЛАРА (*съ бо́льшимъ еще смущеніемъ и кротостью*). Кто знаетъ, можетъ быть, придетъ еще день....

ЖОРЖЪ (*смотря ей въ глаза*). Вы не солжете мнѣ, Клара?

КЛАРА. Что вамъ угодно, Морицъ?

ЖОРЖЪ. Вы мнѣ скажете правду, вы мнѣ скажете, кто онъ, къ кому вы писали это письмо....

КЛАРА. Мое письмо! Какимъ образомъ, оно въ рукахъ вашихъ?

ЖОРЖЪ. Не вамъ меня допрашивать.... Кто онъ? Кто этотъ человѣкъ? Отвѣчайте вы мнѣ....

КЛАРА. Выслушайте, выслушайте меня, Морицъ, я разскажу вамъ все.... я буду искренна, потому что я право невинна.

ЖОРЖЪ. Безъ увертокъ, Клара.... Я хочу знать одно — кто онъ, къ кому вы писали?

КЛАРА. Чтобы найдти его? чтобы съ нимъ драться? чтобы я была виновницей вашей смерти, какъ была виновницей вашего несчастья и страданій? Никогда, никогда, Морицъ!

ЖОРЖЪ. Я говорилъ вамъ, что вы не умѣете лгать, а вы, все еще пытаетесь.... не меня вамъ жаль, а его.... и вы правы.... правы, потому что вы его любите и правы потому, что я его убью, убью, кто бы онъ ни былъ.

КЛАРА. Умилосердитесь, Жоржъ!... заклинаю....

ЖОРЖЪ. Да, да.... точно такъ, вы молили за него и въ гостинницѣ Серни.... и тогда былъ тотъ же страхъ, тѣ же слезы, не будетъ только улыбки радости, что вамъ удалось спасти его и обмануть меня.... безстыдная женщина!

КЛАРА. О! умоляю васъ, выслушайте меня.... выслушайте изъ состраданія.

ЖОРЖЪ. Изъ состраданія?... Не будетъ его ни къ вамъ, ни къ нему.... Нѣтъ! постойте.... я пощажу васъ.... пощажу.... скажите только, кто онъ?

КЛАРА. Никогда! никогда!

ЖОРЖЪ (*замахиваясь на нее руками*). Измѣнница!

КЛАРА. А!...

ЖОРЖЪ (*поднимая ее, грубо*). Идутъ.... оправтесь! Успокойтесь, сударыня.... Скройте ваши слезы, какъ я скрою стыдъ мой!

ЯВЛЕНІЕ XI.

ТѢ ЖЕ, ВАНЛАСЪ, ПОЛИНА, И АНТОНІЙ (*поодаль*).

ВАНЛАСЪ (*на крыльцѣ*). А! нашъ любезный кліентъ.

ЖОРЖЪ (*подходя къ нему скоро*). Здравствуйте, здравствуйте, нашъ любезный гость, къ вашимъ услугамъ.

ПОЛИНА. А что, г. Морицъ, успѣла ли я? и довольны ли вы мною?

ЖОРЖЪ (*стараясь улыбнуться*). О! г-жа Ванласъ.... совершенно, совершенно.... у насъ теперь съ нею одна мысль, одно чувство.... пожалуйста, господа, отправляйтесь обѣдать безъ меня.... я приду послѣ.... мнѣ надобно распорядиться кой о чемъ....

КЛАРА (*тихо Жоржу*). Именемъ Бога заклинаю....

ЖОРЖЪ. Что же вы, Клара, занимайте вашихъ гостей. (*Тихо*). Никому ни полслова, слышите ли? Я такъ хочу! (*Громко*). Черезъ минуту явлюсь и я къ вамъ....

(*Провожаетъ ихъ до крыльца, и возвращаясь, видитъ Антонія*).

ЯВЛЕНІЕ XII.

ЖОРЖЪ, И АНТОНІЙ.

АНТОНІЙ (*въ то время, когда Жоржъ еще былъ занятъ проводами гостей, — тихо*). Все кончено, она оправдалась, и мое дѣло проиграно. (*Громко Жоржу*). Ну, что? мнѣ кажется, приходится ѣхать.... потому что ты ее по-прежнему любишь?

ЖОРЖЪ. Люблю?... можетъ быть.... только прежде я все таки убью ее.... въ одномъ ей спасеніе — если она скажетъ мнѣ, кто онъ.... а самъ развѣ я не могу найти его.... въ деревнѣ я нападу на слѣдъ, на почтѣ мнѣ скажутъ, куда онъ выѣхалъ, и я послѣдую за нимъ, настигну его, хоть бы то было на краю свѣта!

АНТОНІЙ. Ты лучше этого не могъ выдумать? Прекрасно.... ну, послѣдуешь за нимъ, настигнешь, а потомъ?

ЖОРЖЪ. А потомъ мы будемъ драться.

АНТОНІЙ. И онъ убьетъ тебя — вѣдь оно можетъ случиться.... И тогда молодая вдова, съ своей бѣленькой, пухленькой ручкой — принесетъ ему въ приданное, все твое достояніе, добытое твоимъ трудомъ и кровью.

ЖОРЖЪ. Да будутъ они прокляты! Никогда! никогда! Все, что только можно будетъ выгадать закопами, скрыть неправдой, я запишу въ моемъ завѣщаніи, которое составлю на имя твоего сына.

АНТОНІЙ. Я отказываюсь.... моя услуга не платится деньгами.... Да и объ однихъ ли только насъ, ты долженъ думать, Жоржъ?

ЖОРЖЪ. Правда, правда, Антоній.... и я попрошу тебя доказать мнѣ еще разъ твою дружбу, исполнить мою просьбу. Есть одинъ бѣдный сиротка, я долженъ составить его счастіе и неупрочивъ его судьбы, не могу рисковать моею жизнью. Вотъ уже двадцать лѣтъ, какъ я исполняю для него долгъ втораго отца, его невидимаго покровителя.

АНТОНІЙ. Ты никогда не говорилъ мнѣ объ этомъ. По какому случаю это таинственное покровительство?

ЖОРЖЪ. Оно выкупаетъ роковую ошибку.... преступленіе.... но объ этомъ послѣ.... Антоній, я дамъ тебѣ двѣсти тысячъ ливровъ и ты доставишь ихъ этому молодому человѣку.

АНТОНІЙ. Двѣсти тысячъ....

ЖОРЖЪ. Да, ты вручишь ихъ ему и не скажешь, отъ кого они присланы, понимаешь ли? Завтра же ты долженъ отправиться часомъ прежде меня въ Парижъ по адресу, который я дамъ тебѣ.

АНТОНІЙ. Но если этотъ молодой человѣкъ, будетъ меня допрашивать?

ЖОРЖЪ. Ты все таки не скажешь.... станетъ предлагать деньги, ты откажешься.... Теперь понимаешь, что одинъ только ты мой честный Антоній, можешь исполнить какъ надо это порученіе.

АНТОНІЙ. Но кто же этотъ молодой человѣкъ?

ЖОРЖЪ. Карлъ д'Арбель.

АНТОНІЙ (*тихо*). Карлъ д'Арбель.

ЖОРЖЪ. Подожди меня здѣсь, Антоній.... въ минуту я напишу завѣщаніе и отдамъ его тебѣ; всего нѣсколько строчекъ, но въ нихъ, ты Антоній, мой другъ! мой истинный другъ! Ты получишь все. Ты стоишь этого... тебѣ стало жаль меня.... ты не купилъ моего сраму и безчестія.... (*Плачетъ*). Безсовѣстная женщина!

АНТОНІЙ. А все таки ты плачешь объ ней.

ЖОРЖЪ. Плачу какъ ребенокъ, какъ самый слабодушный человѣкъ, но можно ли не плакать?... Вѣдь я ее любилъ, какъ никто и никогда!

(*Уходитъ въ павильонъ, въ открытое окно видно, какъ онъ садится за столъ и пишетъ*).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

АНТОНІЙ (*одинъ*). Не сонъ ли это? Мой сынъ, его единственный наслѣдникъ.... но за чѣмъ же эти двѣсти тысячъ ливровъ въ чужіе руки? Разсудить, такъ ужъ вѣдь это выходитъ изъ нашего кармана, то есть, нашего сына.... подумаемъ, подумаемъ еще объ этомъ.... Ахъ, кабы онъ сломалъ себѣ шею въ этихъ изслѣдованіяхъ своего соперника.... или, ну что стоитъ ему промахнуться, а тому выждать, хорошенько прицѣлиться, — бацъ! и повалить его на мѣстѣ.... такъ нѣтъ.... смотри, они еще объяснятся, помирятся и счастливый мужъ вернется съ торжественнымъ прощеніемъ къ оклеветанной супругѣ.... очень будетъ мило, и всѣхъ милѣе буду я.... изъ Набобовъ Индѣйскихъ перейду опять въ прикащики, отъ котораго опять станутъ требовать отчетовъ.... нѣтъ, друзья мои, это не ладно; бить такъ бить на-вѣрное.

ЯВЛЕНІЕ XIV.

АНТОНІЙ и ЖОРЖЪ. (*Выходя изъ павильона. Музыка до конца дѣйствія*).

ЖОРЖЪ. Вотъ завѣщаніе на имя твоего сына, а въ этомъ бумажникѣ....

АНТОНІЙ. Двѣсти тысячъ ливровъ.

ЖОРЖЪ. По адресу, Карлу д'Арбелю.... ты помнишь, что я наказывалъ тебѣ.

АНТОНІЙ. Помню.

ЖОРЖЪ (*входя на крыльцо*). Завтра въ шесть часовъ утра, будь готовъ къ отъѣзду.

АНТОНІЙ. Буду готовъ. (*Уходя и тихо*). Только не къ отъѣзду!

=

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ДВѢ НЕДѢЛИ СПУСТЯ ПОСЛѢ ТРЕТЬЯГО.

Небольшая гостиная на половинѣ г-жи Морицъ. На лѣво отъ зрителей, на первомъ планѣ столъ и кресло, на лѣво на второмъ планѣ, каминъ съ зеркаломъ, на третьемъ планѣ боковая дверь, — дверь въ углубленіи ведетъ въ переднюю, на третьемъ планѣ, на право дверь ведетъ въ комнату Морица, на второмъ планѣ библіотека, на первомъ планѣ кресло. Мебель и обои темнаго цвѣта. — Чуть свѣтаетъ, — двѣ свѣчи почти догорѣли на столѣ. Тутъ же чернильница, сахарница, стаканъ воды.

ЯВЛЕНІЕ I.

ПОЛИНА (*одна пишетъ*). Кажется меня зоветъ кто-то? Нѣтъ, я обслышалась. (*Читаетъ письмо*). «Радуйся, любезный мой другъ, что ты не здѣсь, а въ Парижѣ, куда отозвали тебя дѣла твои. Что дѣлается у меня передъ глазами — страшно подумать, не только что сказать. Но все таки я никакъ не рѣшусь оставить моего друга, Клару. Ты знаешь, что г. Морицъ собирался было ѣхать съ тобой, но вдругъ занемогъ сильно и самою

страшною болѣзнію. Со дня твоего отъѣзда, болѣзнь эта еще болѣе увеличилась, Клара моя непостижима въ своей преданности; по милости ея неутомимыхъ попеченій и пособій доктора Жереро—человѣка весьма искуснаго, г. Морицъ, по крайнѣй мѣрѣ въ силахъ бороться съ своей болѣзнью. Онъ не бредитъ и не бѣснуется какъ въ началѣ. Страннѣе всего того, что онъ одинъ кажется не замѣчаетъ и не обращаетъ никакого вниманія на заботливость Клары. Съ будущей почтой я сообщу тебѣ еще болѣе новостей и подробностей, дай Богъ, чтобы онѣ только были гораздо радостнѣе настоящихъ».

(*Запечатываетъ письмо. — Въ это время Шарлотта выходитъ изъ комнаты Морица*).

ЯВЛЕНІЕ II.

ПОЛИНА И ШАРЛОТТА.

ШАРЛОТТА. Вы уже встали, г-жа Ванласъ?

(*Гаситъ свѣчи и ставитъ ихъ на каминъ*).

ПОЛИНА (*вставая*). Отъ безпокойства я не могла заснуть всю ночь.... вы видѣли г. Морица?

ШАРЛОТТА. Я отъ него.

ПОЛИНА. Ну что онъ?

ШАРЛОТТА. Ему лучше и онъ захотѣлъ встать, и г-жа Морицъ позвала меня. Бѣдняжка, она право умретъ. Шутка ли, не спать ни одной ночи, кто это выдержитъ?

ПОЛИНА. Да, тяжка ея участь, нечего сказать.

ШАРЛОТТА. Я вамъ правду скажу: прежде я не любила ее и можетъ быть, имѣла на то свои причины, — вы видите, я откровенна. — Но теперь, какъ посмотрю на этого ангела, на ея участье объ мужѣ, такъ становится совѣстно за прошедшее, а главное, досадно за настоящее, что объ ней разсказываютъ.

ПОЛИНА. Что еще такое? въ чемъ могутъ упрекнуть ее?

ШАРЛОТТА. Ужасныя вещи!... невѣроятныя... потому невѣроятныя, что развѣ прежняя любовь можетъ заставить измѣнить настоящей.

ПОЛИНА. Что вы хотите этимъ сказать?

ШАРЛОТТА. А то, что вы знаете, я думаю лучше меня... исторію письма.

ПОЛИНА. Письма?

ШАРЛОТТА. Да, письма.... что будто бы г-жа Морицъ хочетъ непремѣнно быть вдовой, и приняла уже на то всѣ свои мѣры...

ПОЛИНА. Я совершенно не понимаю васъ....

ШАРЛОТТА. Удивляюсь, отчего вы меня не понимаете, это такъ ясно: всѣ разсказываютъ, что г-жа Морицъ хотѣла помѣшать мужу убить своего любовника, тогда какъ г. Морицъ именно за тѣмъ ѣхалъ изъ С. Тропеза....

ПОЛИНА. Въ первый разъ слышу.

ШАРЛОТА. Нѣкоторые прибавляютъ, одни тихо, другіе вслухъ, что за это она его *(тихо)* отравила....

ПОЛИНА (*съ ужасомъ*). Что я слышу! Боже милостивый!... это ложъ, не правда.... Кто осмѣливается подозрѣвать Клару въ такомъ страшномъ преступленіи?... Да вы сударыня, вы?.... Развѣ не видите, съ какой заботливостію она ухаживаетъ за своимъ мужемъ, развѣ вы не знаете, что если онъ выздоровѣетъ, то этимъ будетъ одной ей обязанъ....

ШАРЛОТТА. Я то вижу и знаю, да они свое толкуютъ....

ПОЛИНА. Что жъ говорятъ они?

ШАРЛОТТА. Что г-жа Морицъ дѣлаетъ все это для того, чтобы лучше скрыть свое преступленіе....

ПОЛИНА. Въ вашихъ словахъ, что-то страшное?

ШАРЛОТТА. Будетъ еще страшнѣе, сударыня, когда эти матросы и работники, которые безъ ума любятъ г. Морица, въ случаѣ его смерти — представятъ ее въ судъ....

ПОЛИНА. Въ судъ, это ужасно....

ШАРЛОТТА. Тсъ.... она идетъ.... Ради Бога не говорите ей объ этомъ ни слова....

ЯВЛЕНІЕ III.

ШАРЛОТТА, ПОЛИНА И КЛАРА.

КЛАРА (*не увидя въ началѣ Полины*). Г-жа Коссадъ... Жоржъ требуетъ непремѣнно, чтобы я отдохнула.... При нихъ осталось Павелъ и Маріента не откажетесь и вы изъ дружбы къ нему присмотрѣть за нимъ.... да пожалуйста тотчасъ же дайте мнѣ знать если что случится....

ШАРЛОТТА. Непремѣнно сударыня, за чѣмъ же вы такъ себя изну-

ряете.... Позвольте мнѣ за васъ провести около него нынѣшнюю ночь, право, вѣдь вы не выдержите...

КЛАРА. Вы мать.... ваши попеченія нужны для вашего ребенка.... а я....

ШАРЛОТТА (*тихо*). Пусть, что хотятъ говорятъ, эта женщина не можетъ быть злодѣйкой.... (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

ПОЛИНА И КЛАРА.

ПОЛИНА (*подходя*). Клара!

КЛАРА. Полина.... За чѣмъ ты здѣсь, ангелъ мой, оставь меня одну моей участи, поѣзжай въ Парижъ....

ПОЛИНА. Мнѣ оставить тебя? въ такое время.... Никогда, никогда, Клара! Я не уѣду отсюда, пока твой мужъ неоправится совершенно, вѣдь будетъ скоро, не правда ли? а что г. Жоржъ?

КЛАРА. Все еще безпокоится.... до сихъ поръ онъ не можетъ еще овладѣть болѣзнію. Не далѣе какъ вчера, онъ сказалъ мнѣ, что не ручается ни за-что....

ПОЛИНА (*съ ужасомъ*). Господи! Ну, если онъ умретъ?...

КЛАРА. Нѣтъ, Полина! Богъ не попуститъ, чтобы я была причиною его смерти....

ПОЛИНА. Ты?

КЛАРА. Милая Полина.... Я недостойна твоей дружбы, недостойна нѣжности и любви моего мужа, потому что отдавая ему мою руку, я сохраняла любовь къ другому.

ПОЛИНА. Такъ это правда?

КЛАРА. Да, Полина.... я скрывалась отъ тебя, отъ него.... отъ этаго благороднаго, великодушнаго человѣка.... Я самымъ безсовѣстнымъ образомъ обманула его!

ПОЛИНА. Ты обманула?

КЛАРА. Да.... Это сердце всегда принадлежало Карлу д'Арбелю, котораго я не хотѣла никогда видѣть болѣе, но роковой случай свелъ насъ.

ПОЛИНА. Что сдѣлала ты, Клара!

КЛАРА. Да Полина.... ужасное преступленіе, но въ этомъ преступленіи — виновно только одно сердце, Жоржъ все узналъ, не

перенесъ и слегъ подъ бременемъ тяжкой болѣзни — умри онъ, во всемъ виновна.... я, Полина.... я его убила!...

ПОЛИНА. О Боже мой! Отлегло отъ сердца.... Прости меня, прости Клара!... Теперь я все понимаю... но была минута, когда я усомнилась въ тебѣ... Клара!... Ты забудешь Клара.... ты совершишь твой подвигъ, твою жертву, до конца.... когда Жоржъ оправится, сдѣлается спокойнѣе, онъ узнаетъ подробнѣе, вѣрнѣе это прошедшее, въ которомъ много горя, много страданій, но нѣтъ и тѣни преступленія.... онъ пожалѣетъ и проститъ тебя!...

КЛАРА. Въ эту ночь я была одна около него.... Я думала, что онъ спитъ и довольно громко молилась за него, молилась.... Жоржъ взглянулъ на меня и въ первый разъ протянулъ мнѣ руку, которую я оросила слезами.... бѣдная женщина.... сказалъ онъ. Я хотѣла было отвѣчать, но онъ сдѣлалъ знакъ, и я молчала. Потомъ взглянувъ на меня съ ангельскою кротостію, прибавилъ, за чѣмъ ты меня не любишь! (*плачетъ*) и закрылъ глаза.... съ какою радостію, я отдала бы жизнь мою за его спасеніе.

(*Слышенъ звонъ колокола*).

ПОЛИНА. Что значитъ этотъ звонъ?

КЛАРА. Это утренній колоколъ.... онъ сзываетъ жителей этого городка въ церковь.... ахъ Боже мой! если бы я могла отлучиться.... я пошла бы тоже въ церковь, помолилась бы еще за него.

ПОЛИНА. Почему же это не сдѣлать: пойдемъ Клара, и я пойду съ тобой въ церковь, два шага отсюда, помолимся обѣ и за тебя и за него. (*Она уводитъ съ собою Клару въ боковую дверь на лѣво*).

ЯВЛЕНІЕ V.

АНТОНІЙ И ШАРЛОТТА.

ШАРЛОТТА. Если ты для того вернулся изъ Парижа, чтобъ разсказывать мнѣ эти глупости, то лучше бы ты и не возвращался.

АНТОНІЙ. Ахъ, Боже мой! какая ты глупенькая.... Развѣ ты не понимаешь, что она всѣхъ насъ дурачитъ.... это такая лицемѣрка, что страхъ.... послушайка, что говорятъ въ околодкѣ, волосъ дыбомъ становится, ужасъ слушать.... на всѣхъ станціяхъ уже миль за тридцать только и рѣчи, что объ этомъ, еслибъ не

я, такъ можетъ быть, давно бъ ужъ ее потащили въ судъ.... (*Тихо*). По моему расчету еще не время.

ШАРЛОТТА. (*Снимая чернилицу и сахарницу со стола, ставитъ ихъ на каминъ*). Все вздоръ! пустяки! клевета!.... и ты бы сказалъ тоже, еслибъ взглянулъ на нее, когда она бываетъ съ нимъ.

АНТОНІЙ. Ну, хорошо, хоро.... полно объ ней. (*Подзывая къ себѣ жену*). Что докторъ, Жереро здѣсь?

ШАРЛОТТА. Не выходитъ почти.

АНТОНІЙ. Ну что онъ, ничего не подозрѣваетъ?

ШАРЛОТТА. (*Подойдя къ двери Морица и запирая ее осторожно*). Не знаю.... не.... (*Тихо*). Я подозрѣваю....

АНТОНІЙ. Ты? А что?

ШАРЛОТТА. Я открыла....

АНТОНІЙ. Что?

ШАРЛОТА. Я никому не говорила объ этомъ, никому, до твоего возвращенія.

АНТОНІЙ. Да что такое?

ШАРЛОТТА. Помнишь ты тотъ порошокъ, который съ мѣсяцъ тому назадъ, я выхватила изъ рукъ г-жи Морицъ?

АНТОНІЙ. (*Скрывая свое смущеніе*). Ну....

ШАРЛОТТА. Ты помнишь, что я спрятала его въ самый дальній ящикъ моего комода.

АНТОНІЙ. Помню, — такъ что жъ?

ШАРЛОТА. Нынче по утру, случайно я открыла этотъ ящикъ и....

АНТОНІЙ. И....

ШАРЛОТТА. Не нашла его.

АНТОНІЙ. (*Съ живостью*). Ты точно объ этомъ никому не говорила?

ШАРЛОТТА. Клянусь никому.... помилуй, узнай объ этомъ кто нибудь другой, да что бы изъ этого вышло?

АНТОНІЙ. (*Сдѣлавъ знакъ Шарлоттѣ подойти къ нему ближе*). Шарлотта! (*Значительно*). Приходила къ тебѣ когда нибудь въ комнату г-жа Морицъ?

ШАРЛОТТА. Никогда.

АНТОНІЙ. (*Утвердительно*). Приходила....

ШАРЛОТТА. Никогда, говорю тебѣ!

АНТОНІЙ. (*Еще утвердительнѣе*). Я говорю тебѣ, что приходила, потому что ядъ, который былъ въ твоемъ комодѣ.... пропалъ.... понимаешь ли?

ШАРЛОТТА. Что ты, что ты, Антоній! Знаешь ли, что за одно такое слово — ей не миновать эшафота... помилуй, Антоній!

АНТОНІЙ. Правда, правда, Шарлотта.... я ужъ черезъ чуръ занесся..... Но все таки, что ни говорю.... а порошокъ этотъ долженъ найтиться....

ШАРЛОТТА. *(Садясь въ кресло на право, вяжетъ чулокъ).* Разумѣется, долженъ найтиться....

АНТОНІЙ. Какъ ненайтиться.... (*Становится тихонько сзади кресла Шарлоты и громко*). Шарлотта, ты кажется говорила мнѣ, что Жоржъ вставалъ, нынче? это странно.... Помнишь, какъ я уѣзжалъ, онъ лежалъ пластомъ и былъ увѣренъ, что онъ не встанетъ.

ШАРЛОТТА. А ты все таки поѣхалъ, хорошо ли это....

АНТОНІЙ. Вотъ еще.... развѣ я сдѣлалъ это по своей волѣ? онъ же посылалъ меня.... (*Значительно*). Онъ ничего не говорилъ объ этой поѣздкѣ?

ШАРЛОТТА. Ни слова. Но мнѣ казалось, что онъ дожидался тебя съ большимъ нетерпѣніемъ.... не хочешь ли ты взглянуть на него?

АНТОНІЙ (*въ смущеніи*).... Да почему же нѣтъ.... и точно мнѣ надобно переговорить съ нимъ, пока жены нѣтъ при немъ.

ШАРЛОТТА *(вставая).* Я скажу ему.....

АНТОНІЙ (*увлряя ее*). Подожди.... (*Съ смущеніемъ*). Скажи, — онъ очень перемѣнился?

ШАРЛОТТА. Страшно взглянуть! не узнаешь!.... А вотъ онъ идетъ.... все пробуетъ свои силы.

АНТОНІЙ (*въ ужасѣ*). Идетъ! (*Оправляясь*). Дѣлать нечего.... (*Жоржъ входитъ — Шарлотта поддерживаетъ его. — Болѣзнь измѣнила всѣ черты его, онъ съ трудомъ доходитъ до креселъ на право.*

ШАРЛОТТА. Знаете, Антоній пріѣхалъ.... вотъ онъ!....

ЖОРЖЪ. Другъ мой, наконецъ....

АНТОНІЙ. (*Шарлоттѣ*). Поди вонъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

АТОНІЙ И ЖОРЖЪ.

ЖОРЖЪ. Но что съ тобою, ты и руки мнѣ подать не хочешь. (*Антоній принужденно подходитъ*). Ты не узнаешь меня? я очень

перемѣнился? Не правда ли? Успокойся.... и пока мы одни, разскажи.... мнѣ все, ты былъ въ Парижѣ?

АНТОНІЙ. Былъ.

ЖОРЖЪ. Видѣлъ д'Арбеля?

АНТОНІЙ. Видѣлъ.

ЖОРЖЪ. Въ руки отдалъ деньги?

АНТОНІЙ. Въ руки.

ЖОРЖЪ. Не сказалъ, отъ кого?

АНТОНІЙ. Все сдѣлано, какъ ты хотѣлъ.

ЖОРЖЪ. Спасибо.... но что съ тобой.... ты едва отвѣчаешь мнѣ, боишься на меня взглянуть, вѣрно лице мое пугаетъ тебя?... (*Поднимаясь съ трудомъ*). Пособи мнѣ дотащиться до этаго зеркала.... (*Антоній не рѣшается*). Я хочу, я требую.... этаго, дай мнѣ твою руку.... она всегда служила мнѣ вѣрою и правдою. (*Подходитъ къ зеркалу, опираясь на Антонія и взглянувъ въ него*). Они хотятъ спасти меня.... А смерть давно ужъ сдѣлала свое.... смерть, она можетъ придти, когда ей угодно, мнѣ нечего жалѣть въ этой жизни.... (*Садится въ кресло около стола на лѣво отъ зрителя*). Страданья — вотъ что ужасно, ты не знаешь, что перенесъ я, и что переношу еще, и въ эту минуту адскій огонь разрываетъ и палитъ всю мою внутренность, и ничто не можетъ утушить его.... право, изъ человѣколюбія — можно было бы убить меня.

АНТОНІЙ (*тихо*). За чѣмъ я вернулся.... О Боже мой!

ЖОРЖЪ. Но и при всемъ этомъ, я долженъ благодарить Бога... Онъ далъ мнѣ силы и я дожилъ по крайней мѣрѣ, до твоего возвращенія.... я могъ умереть вчера, но какъ?... въ отчаяньи, какъ самый нераскаянный грѣшникъ, одному я тебѣ сказалъ, что она преступница.... и тебѣ же говорю теперь съ радостью, что она невинна!

АНТОНІЙ. Невинна? а письмо?

ЖОРЖЪ. Чтожъ письмо?... я прочелъ его и увидѣлъ что рѣвность и отчаяніе, ослѣпляли меня.... она любила конечно, но любила свято и чисто.... любила того, кто назначенъ былъ ей прежде меня судьбою.... Да, Антоній, я совершенно убѣдился, что письмо это было писано женщиной честной ... а я.... я оскорбилъ ее.... она умоляла меня простить ее.... а я свирѣпо оттолкнулъ ее.... а знаешь ли чѣмъ она отмстила мнѣ? Знаешь ли, что сдѣлала эта женщина, этотъ Ангелъ.... (*Антоній приближается съ любопытствомъ*). О! ты ее полюбишь, полюбишь точно также, какъ и я.... выслушай меня.... у моего изголовья была самая

нѣжная дочь, самая преданная сестра, она переносила все, усталость, капризы, припадки моего неистовства, все, все.... угадывая каждое мое движеніе, каждый взглядъ, не переставая умолять меня о прощеніи, меня.... который и благословлялъ ее....

АНТОНІЙ (*тихо*). Я это предвидѣлъ.... но кажется еще не опоздалъ.

ЖОРЖЪ. И я увѣренъ Антоній, что и ты позабудешь все прошедшее и станешь отзываться о женѣ моей съ уваженіемъ.

АНТОНІЙ (*съ притворною нѣжностію*). Пожалуй, я буду вести себя, какъ тебѣ угодно... но что ни говори, а трудно перемѣнить объ ней общее мнѣніе.

ЖОРЖЪ (*съ удивленіемъ*). Мнѣніе?...

АНТОНІЙ. Да, любезный Жоржъ, я не понимаю, какъ это случилось, что нѣтъ ни одного человѣка въ городѣ, который не зналъ бы исторіи и объ письмѣ и о соперникѣ, и твоемъ желаньи, убить его и наконецъ о твоей болѣзни, какъ это разнеслось, одному Богу извѣстно.

ЖОРЖЪ. И что же — обвиняютъ Клару?...

АНТОНІЙ. О! безъ всякой пощады....

ЖОРЖЪ. О! я оправдаю ее передъ всѣми.... я призову нотаріуса, пастора, всѣхъ моихъ товарищей и подчиненныхъ и объявлю торжественно при всѣхъ, что Клара святая, чистая женщина, при всѣхъ на колѣнахъ, я буду молить ее, простить мое безуміе.... (*Хочетъ итти къ средней двери*).

АНТОНІЙ (*бѣжитъ за нимъ*). Что ты хочешь дѣлать?

ЖОРЖЪ. Ты слышишь, — оправдать ее сейчасъ же...

АНТОНІЙ (*удерживая его*). Подожди, Жоржъ, умоляю тебя.... у тебя не станетъ силъ.... подожди до вечера, что тебѣ.... ну, прошу тебя, сдѣлай для меня это....

ЖОРЖЪ (*возвращаясь*). За чѣмъ ты меня удерживаешь?

АНТОНІЙ. А за тѣмъ, что боюсь тебя — ты не вынесешь.... это объясненье — можетъ изволновать тебя, разстропть, погубить.... (*Значительно*). Ахъ, Жоржъ, если ты хочешь жить, такъ не торопись оправдывать жены твоей.

ЖОРЖЪ. Что ты хочешь сказать?...

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢ ЖЕ И СЛУГА.

СЛУГА (*у дверей*). Докторъ Жереро.

АНТОНІЙ. А, докторъ.... Я оставлю тебя съ нимъ.

ЖОРЖЪ. Пожалуй! я подожду до вечера, но все-таки сдѣлаю, что говорилъ тебѣ, — понимаешь?

АНТОНІЙ (*тихо*). Посмотримъ.

(*Антоній уходитъ на лѣво, не встрѣтясь Жереро, за которымъ входитъ Карлъ д'Арбель. — Въ рукахъ послѣдняго, ящикъ съ разными аппаратами химическими и медицинскими, который онъ ставитъ на столъ. Слуга подаетъ два стула*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ЖОРЖЪ, ЖЕРЕРО И КАРЛЪ.

ЖОРЖЪ (*идетъ на встрѣчу Жереро и пожимаетъ ему руку*). Вы удивлены, добрый мой докторъ, что видите меня на ногахъ? все отъ того, что помощникъ у васъ Ангелъ.... она не отходитъ отъ меня.

ЖЕРЕРО (*усаживая Жоржа въ кресло на право отъ зрителя*). Да, г. Морицъ, надобно сознаться, что попеченія вашей супруги важнѣе моего искусства. Я запоздалъ нынче потому, что ждалъ одного моего собрата по медицинѣ, я пригласилъ его пособить мнѣ, авось вдвоемъ и разгадаемъ вашу болѣзнь и сладимъ легче съ нею.

(*Жереро подводитъ д'Арбеля къ Жоржу и сажаетъ около его въ другое кресло*).

ЖОРЖЪ. Я васъ понимаю, любезный другъ... вы плохо надѣетесь на вашего больнаго.

ЖЕРЕРО (*садясь*). О, совершенно не то, г. Морицъ.

ЖОРЖЪ (*улыбаясь*). И, полноте, вы кажется лечите меня какъ женщину, какъ ребенка, которыхъ дразнятъ еще жизнью, когда смерть ужъ у нихъ за плечами.

ЖЕРЕРО. Вовсе нѣтъ, напротивъ, я лечу васъ, какъ человѣка смѣлаго и сильнаго.... и потому я именно и объясню вамъ мое мнѣніе, на счетъ вашей болѣзни самымъ откровеннымъ образомъ — не смотря, что это мнѣніе могло бы испугать всякаго другаго.... Вчера я еще былъ въ нерешимости, но нынче, сообщивъ моему товарищу всѣ признаки вашей болѣзни, мы согласились въ одномъ и скрывать отъ васъ долѣе результатъ нашего совѣщанія, было-бы уже преступленіемъ.

КАРЛЪ (*переглянувшись съ Жереро и прежде разсмотрѣвъ внимательно больнаго*). Г. Морицъ, нѣтъ ли у васъ какого нибудь врага?... Увѣрены ли вы во всѣхъ тѣхъ, которые окружаютъ васъ?

ЖОРЖЪ. Я хотѣлъ бы знать причину этаго вопроса....

ЖЕРЕРО. Отвѣчайте на него.

ЖОРЖЪ. Враговъ кажется нѣтъ.... но друзьями назову смѣло всѣхъ, кѣмъ окруженъ я....

КАРЛЪ (*нерѣшительно*). Мой долгъ, однако же вынуждаетъ меня объявить торжественно, что между нами есть вашъ тайный убійца.

ЖОРЖЪ. Возможно ли!

КАРЛЪ (*съ живостью*). Г. Морицъ — мы спасемъ васъ.... Богъ всемогущь, онъ поможетъ намъ.... но повторяю вамъ, въ этомъ скрывается тайный врагъ вашъ (*тихо*) убійца!

ЖОРЖЪ. Неужели?

КАРЛЪ. Оружіе его самое гнусное, но вѣрное.... Ядъ, и ядъ медленный.

ЖОРЖЪ (*вставая въ ужасѣ*). Ядъ!...

ЖЕРЕРО (*подбѣгая къ нему*). Успокойтесь, г. Морицъ — мы спасемъ васъ, поверьте намъ.

КАРЛЪ (*бывшій по-одаль, подходитъ*). Тише.... идутъ!...

ЯВЛЕНІЕ IX.

ТѢ ЖЕ И ШАРЛОТТА (*съ подносомъ, на которомъ чайникъ съ чашкой*).

ЖЕРЕРО (*тихо Морицу, снова усаживая его*). Заклинаю васъ, будьте осторожны.

ШАРЛОТТА (*ставя подносъ на столъ*). Извините, милостивые государи! въ отсутствіи г-жи Морицъ, я заступаю ея мѣсто.... это питье для нашего больнаго.... я бы вошла съ вами вмѣстѣ господа, но меня задержалъ Антоній въ этомъ темномъ коридорѣ, я не знала, что онъ тамъ и очень испугалась.

КАРЛЪ. Сударыня, скажите мнѣ пожалуста, кто приготовлялъ это питье?

ШАРЛОТТА. Сама г-жа Морицъ.

КАРЛЪ. Вы говорите, что одна она приготовливаетъ его обыкновенно?

ШАРЛОТТА. Никто другой.... да она и не позволила бы....

ЖЕРЕРО (*тихо Карлу*). Не говорилъ ли я тебѣ?.... (*Громко*). г-жа Коссадъ, не впускайте никого сюда, ни даже г-жу Моринъ.

ШАРЛОТТА (*тихо*). Это что такое значитъ? (*Уходитъ*).

(*Карлъ подходитъ къ столу, Жереро къ Морицу.*)

ЯВЛЕНІЕ X.

ЖОРЖЪ, КАРЛЪ И ЖЕРЕРО.

ЖОРЖЪ (*который едва удерживался при Шарлоттѣ*). Что со мной?... я въ бреду.... вѣдь вы не говорили, что....

КАРЛЪ. Страшную истину объявили мы вамъ, но что дѣлать.... Вы спасены по крайней мѣрѣ на будущее время.

ЖОРЖЪ. Въ чемъ же вы хотите убѣдить меня?... что я окруженъ убійцами? что я не долженъ полагаться на двадцати-лѣтнихъ друзей моихъ? къ тому же вы слышали сами, что это питье приготовляетъ и подаетъ мнѣ всегда сама же на моя....

ЖЕРЕРО. Боже сохрани насъ усумниться въ вашей супругѣ... я убѣжденъ въ ея чистотѣ души и искренней, сердечной къ вамъ преданности.

ЖОРЖЪ. (*тихо*). Сердечной!....

(*Карлъ вынимаетъ ключь изъ кармана, отворяетъ ящикъ, вынимаетъ оттуда склянку, разсматриваетъ ее внимательно, потомъ беретъ стаканъ, стоявшій на столѣ, чисто вытираетъ его платкомъ и наливаетъ въ него нѣсколько капель питья*).

ЖОРЖЪ. (*Который слѣдилъ за нимъ*). Что вы хотите дѣлать?

КАРЛЪ. Я исполняю свою обязанность.

ЖЕРЕРО. Теперь каждое обстоятельство, самое малѣйшее, болѣе чѣмъ важно.... (*Подходитъ къ Карлу*).

ЖОРЖЪ. (*Тихо*). Отъ чего я дрожу всѣмъ тѣломъ?

(*Карлъ наливаетъ нѣсколько капель изъ своей склянки въ стаканъ съ питьемъ, и въ одно мгновеніе питье дѣлается черно, какъ чернила*).

КАРЛЪ. (*Поставивъ стаканъ*). Откуда ни было бы это питье, кто бы ни приготовлялъ его, я клянусь передъ Богомъ, моею

совѣстью и честью объявляю торжественно, что въ немъ есть отрава.

ЖОРЖЪ (*вставая въ отчаяньи*). Это ложъ! обманъ! наука ваша клевещетъ вмѣстѣ съ вами! (*бѣжитъ къ столу*).

ЖЕРЕРО. Вы несправедливы, я повторяю слова и клятву моего собрата.

ЖОРЖЪ. О, Боже всемогущій!

ЖЕРЕРО. Но я никакъ не могу подозрѣвать г-жу Морицъ.

ЖОРЖЪ. Да развѣ можно подозрѣвать ангеловъ.

ЖЕРЕРО. Но какъ бы то ни было, я долженъ увидаться, переговорить, распросить ее.

ЖОРЖЪ (*стоя и опершись на столъ*). Не вы, а я? я самъ! прошу васъ господа, выйти на время въ эту комнату (*показываетъ на дверь на третьемъ планѣ, на право отъ зрителей*). Я позову и допрошу ее.... Но прежде повторите вашу клятву, дѣйствительно ли смерть таится здѣсь?.. (*Показываетъ на чайникъ*).

КАРЛЪ (*съ достоинствомъ*). Еще разъ передъ Богомъ, по совѣсти и чести! (*Уходятъ*).

(*Жоржъ падаетъ въ кресла и закрываетъ лицо руками*).

ЯВЛЕНІЕ XI.

ЖОРЖЪ (*одинъ послѣ нѣкотораго молчанія опустивъ руки*). Хорошо, ступайте! какъ! неужели всѣ эти ласки, заботы, попеченія, были лишь слѣдствіемъ расчета самаго хитраго лицемѣрства?.... Что значили слова Антонія! «не торопись оправдывать жены своей, если хочешь жить.» — Неужели она выжидала только удобной минуты, чтобъ нанести мнѣ послѣдній ударъ.... ударъ, который спасалъ ей любовника, спасалъ ея адскую любовь!.... О! пытки рѣвности, порывы злобы, вы снова просыпаетесь во мнѣ, снова палите меня..... мучте, лучше вашу жертву, любуйтесь ея жалкимъ безсиліемъ.... (*Вбегаетъ Клара въ черномъ платьѣ, блѣдная, разстроенная*). Она!....

ЯВЛЕНІЕ XII.

ЖОРЖЪ И КЛАРА.

КЛАРА. (*Опершись на столъ*). Боже милосердый!....

ЖОРЖЪ. (*Смотря на нее*). Что случилось?

КЛАРА. (*Оправляясь*). Я была въ церкви.... молилась за васъ....

ЖОРЖЪ. За меня....

КЛАРА. Еще въ началѣ, только что я вошла, всѣ на меня взглянули, нѣкоторые разступились, другіе отошли отъ меня.... ничего нѣтъ удивительнаго, подумала я: въ нашемъ домѣ горе, а люди боятся его.... я помолилась, встаю, вижу, что всѣ на меня смотрятъ, не съ участіемъ и не съ равнодушіемъ, а съ какимъ то ужасомъ и отвращеніемъ.

ЖОРЖЪ (*тихо*). Молва не за нее стало быть.

КЛАРА. Я пошла домой, но всю дорогу меня преслѣдовали ропотъ, какіе-то странные крики, даже угрозы.... я бѣжала, какъ во снѣ; будетъ однако же объ этомъ.... займемся вами.... (*Снимаетъ съ себя плащь, подходитъ къ мужу и взглянувъ на столъ*). Что г-жа Коссадъ въ точности исполнила мои приказанія?

(*Наливаетъ изъ чайника питье, стоя прямо противъ Жоржа*).

ЖОРЖЪ. А развѣ это питье приготовляла она?

КЛАРА (*наивно*). Нѣтъ, я....

ЖОЖРЪ (*не сводя глазъ*). Ты! И всегда ты?

КЛАРА. Всегда.

ЖОРЖЪ (*тихо*). Ни малѣйшаго смущенія, ни въ лицѣ, ни въ голосѣ.

КЛАРА (*взявъ его за руку*). У васъ жаръ.... отъ чего Жереро не подождалъ меня....

ЖОРЖЪ (*тихо отвернувшись*). Рука ея спокойна.... нѣтъ, это не она.

СЛУГА (*входя*). Не смотря на запрещеніе, извините, что я вошелъ по приказанію г. Коссада, эта записка и пакетъ отъ него.

ЖОРЖЪ. О чемъ онъ пишетъ? Подай сюда....

(*Слуга подаетъ пакетъ съ запиской*).

КЛАРА (*къ слугѣ*). Развѣ г. Коссадъ вернулся?

СЛУГА. Точно такъ, сударыня, ужъ болѣе часу тому назадъ. (*Уходитъ. — Клара запираетъ дверь за слугой, беретъ свою мантилью, ставитъ стулъ на мѣсто. Въ это время Жоржъ распечатываетъ записку и читаетъ*).

ЖОРЖЪ (*тихо*). «Въ присутствіи Павла и Маріетты, я нашелъ «прилагаемый при этой запискѣ пакетъ, въ комнатѣ твоей жены, «разверни его и ты узнаешь, что въ немъ?»

(*Развертываетъ пакетъ и вскрываетъ въ ужасѣ*).

КЛАРА (*подбѣгая къ нему съ лѣвой стороны*). Что съ вами, Жоржъ?

ЖОРЖЪ. Все кончено!... нечего сомнѣваться.

КЛАРА. Вамъ хуже.... а это отъ того, что меня не было.... вы даже и не дотрогивались....

ЖОРЖЪ. До питья.... вашей работы — не правда ли?

КЛАРА. Да.

ЖОРЖЪ (*вставая и едва удерживаясь*). Что жъ, хорошо ли вы разочли пріемъ.... Сжалились ли вы наконецъ надо мной?... Уменьшили ли вы мои предсмертныя страданья?

КЛАРА. Господи! онъ опять въ бреду....

ЖОРЖЪ. Въ бреду? да, но только не теперь.... Я точно былъ въ бреду, когда простилъ тебя.... когда снова предался тебѣ моимъ разбитымъ сердцемъ, я былъ въ бреду, когда не вѣрилъ твоимъ преступленіемъ.... вотъ когда я былъ въ бреду.

КЛАРА. Что вы хотите сказать?... я не понимаю васъ....

ЖОРЖЪ (*не выдерживая*). Я говорю, что ты отравительница!

КЛАРА (*въ ужасѣ отодвигается къ креслу*). А!...

ЖОРЖЪ. Ты отравляла меня для того чтобъ спасти твоего любовника!... отравляла, надѣясь разбогатѣть послѣ моей смерти.... отравляла каждый день, каждый часъ съ адскимъ расчетомъ и отрава твоя здѣсь! (*Бьетъ по чайнику*).

КЛАРА. Это не выносимо!...

(*Бѣжитъ къ столу, беретъ чайникъ и хочетъ пить*).

ЖОРЖЪ (*вырывая чайникъ*). Несчастная!...

КЛАРА. Кто смѣлъ подозрѣвать меня?

ЖОРЖЪ. Тебя не подозрѣваютъ, а обвиняютъ?

КЛАРА. Кто?... Кто?...

ЖОРЖЪ (*идя къ двери*). Войдите господа!

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ТѢ ЖЕ И КАРЛЪ СЪ ЖЕРЕРО.

ЖОРЖЪ (*взявъ за руку Карла*). Вотъ твой обвинитель (*показывая на Клару*) и вотъ убійца!...

КЛАРА. Карлъ!

КАРЛЪ (*подбѣгая къ ней*). Клара!...

ЖОРЖЪ (*въ изумленіи*). Они знакомы!

КАРЛЪ. Нѣтъ, г. Морицъ, эта женщина невинна.

ЖОРЖЪ. Невинна?...

КАРЛЪ. Клянусь всѣмъ, что есть святаго!

КЛАРА. О! я увѣрена, что ты не назовешь меня преступницей.

ЖОРЖЪ (*отодвигаясь въ ужасѣ*). Ты.... (*Бросается на Карла*). А! такъ это ты?... твое имя!... твое имя!...

КАРЛЪ. Карлъ д'Арбель!

ЖОРЖЪ. Д'Арбель!... Д'Арбель!... (*Падаетъ навзничь*).

(*Всѣ бѣгутъ къ нему*)

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ПРОВИДѢНІЕ.

НѢСКОЛЬКО ЧАСОВЪ СПУСТЯ ПОСЛѢ ЧЕТВЕРТАГО.

Спальня Жоржа. — Обои и мебель простыя. — На первомъ планѣ на лѣво отъ зрителей комодъ, на которомъ стоятъ скляники съ лекарствами, чашки и бѣлье, два ящика этого комода открыты. На второмъ планѣ окно до полу. На третьемъ дверь шкапомъ. На четвертомъ планѣ кровать, изголовье которой закрыто ширмами, передъ нею не большой столъ, на немъ лампа и чашка съ блюдечкомъ. На четвертомъ планѣ въ ногахъ постѣли въ стенѣ дверь. На третьемъ планѣ на право отъ зрителя дверь шкапомъ. На второмъ планѣ окно. На первомъ мебель, въ родѣ бюро и вмѣсто туалета. Надъ этимъ бюро или туалетомъ, зеркало настоящее, величиною въ аршинъ или болѣе. Мебель эта поставлена, какъ разъ противъ комода, такимъ образомъ, что все, что дѣлается передъ комодомъ, отражается въ этомъ зеркалѣ. На бюро двѣ свѣчи, чернилица, перья, бумага. На комодѣ колокольчикъ, лампочка, на лампочкѣ небольшой чайникъ. На первомъ планѣ на право отъ бюра козетка, передъ постелью маленькій коверъ, кресло у комода, кресло у постели. При поднятіи занавѣса, полусвѣтъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

АНТОНІЙ, ЖОРЖЪ И ЖЕРЕРО.

(*При поднятіи занавѣса, Жоржъ спитъ на постель, ширмы въ половину закрываютъ его. Жереро сидитъ у бюро и пишетъ рецептъ — Антоній въ ногахъ у постели, слѣдитъ какъ бы за Морицемъ*).

АНТОНІЙ (*тихо*). Со вчерашняго вечера онъ не переставалъ бороться съ этимъ тяжелымъ сномъ. Въ горячкѣ онъ называлъ

имена, говорилъ такія вещи, отъ которыхъ я невольно дрожалъ, онъ не переставая звать д'Арбеля, котораго кажется никогда и въ глаза не видѣлъ.—Ну что, если очнувшись, онъ проболтается кому нибудь объ этихъ двухъ стахъ тысячахъ ливрахъ, вѣдь мнѣ плохо будетъ. Сейчасъ узнаютъ, что я и не думалъ быть въ Парижѣ, не видѣлъ этого д'Арбеля и не думалъ отдавать ему денегъ.... а стоитъ разъ напасть на слѣдъ, чортъ знаетъ, чего не откроется.... Нѣтъ, Антоній, надѣюсь, что тебя станетъ.... Больному-то не приходится больше разговаривать....

(Отходитъ отъ постели и въ раздумьи бьетъ кулакомъ по столу).

ЖЕРЕРО *(вставая)*. Тише.... Надобно, чтобъ было готово успокоительное, которое я прописалъ. Пожалуйста, распорядитесь этимъ.

АНТОНІЙ *(взявъ рецептъ)*. Я самъ побѣгу за нимъ.

(Выходитъ въ дверь на право отъ зрителя. Полина входитъ въ дверь на лѣво).

ЯВЛЕНІЕ II.

ЖЕРЕРО И ПОЛИНА *(еще въ дверяхъ, не рѣшаясь войти).*

ЖЕРЕРО *(идя къ ней на встрѣчу)*. Это вы, г-жа Ванласъ?

ПОЛИНА *(въ полголоса)*. Ну, что любезный докторъ?

ЖЕРЕРО *(показывая на постель)*. Взгляните сами.

ПОЛИНА *(подходя и смотря)*. Вы не имѣете ни какой надежды?

ЖЕРЕРО *(помолчавъ)*. Гдѣ Карлъ?

ПОЛИНА *(тихо)*. Онъ уѣхалъ въ деревню Жерни.

ЖЕРЕРО. За чѣмъ.

ПОЛИНА. Онъ, кажется напалъ на слѣдъ.... я сказала ему о письмѣ, которое писала къ нему Клара и которое измѣной попало въ руки Морица.... Мысль его не безъ основанія, что тайный врагъ Клары, можетъ быть и тайнымъ убійцей Жоржа.

ЖЕРЕРО. Дай Богъ, чтобъ оправдались его предположенія.... спасти хоть бѣдную жену, если не удалось спасти обоихъ....

(Клара показывается въ дверяхъ на лѣво отъ зрителей. — Жереро и Полина идутъ къ ней и останавливаютъ ее).

ЖЕРЕРО. Ради Бога, не входите.

КЛАРА. Я хочу взглянуть на него.

ЖЕРЕРО. Нельзя.

КЛАРА. Пустите меня, умоляю васъ!

ПОЛИНА. Милая Клара, подумай только, что онъ можетъ проснуться.

КЛАРА. Для того-то я именно и пришла.... Я хочу быть при его пробужденіи, и ни что не перемѣнитъ моего намѣренія!

(*Вырывается, идетъ къ ногамъ постели, Жереро и Полина остаются у изголовья. Жоржъ шевелится въ кровати*).

ЖОРЖЪ (*привставъ*). Карлъ!... Клара!... вмѣстѣ, всегда вмѣстѣ.... (*Садится на кровати и озирается вокругъ себя. Жереро отодвигаетъ ширмы. Клара съ крикомъ опускается на колѣни. — Жоржъ взглянувъ на нее*). Опять на колѣнахъ.... Опять молишься.... за кого? За того ли, кто умираетъ.... или за ту, которая раскаивается!

КЛАРА. Я умоляю васъ, пощадите женщину и безъ того убитую вашими подозрѣніями.... заклинаю, не отгоняйте меня....

(*Рыдаетъ*)

ЖОРЖЪ. За чѣмъ же гнать тебя?... напротивъ, я хотѣлъ за тобой послать... г-жу Вапласъ... Докторъ, оставьте насъ.

(*Жереро и Полина не рѣшительно выходятъ въ дверь на лѣво отъ зрителей*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

ЖОРЖЪ И КЛАРА.

ЖОРЖЪ (*сидя на постели*). Встань, Клара.

КЛАРА. Позвольте мнѣ остаться у ногъ вашихъ.

ЖОРЖЪ. Встаньте.... разговоръ нашъ будетъ послѣдній!

КЛАРА (*вставая и садясь въ кресло*). Неужели послѣдній?

ЖОРЖЪ. Мнѣ остается жить нѣсколько минутъ.... что будетъ съ вами, если я не придумаю теперь какъ спасти васъ!....

КЛАРА. Меня, спасти? И вотъ ваша послѣдняя мысль.... меня спасти.... О Боже! такъ вы считаете меня виновной?

ЖОРЖЪ. Не спрашивайте, Клара.... Я люблю и прощаю васъ.

КЛАРА (*въ отчаяніи*). Вы меня прощаете?... Вы убѣждены, что

я виновна?... Я, которая отдала бы всю жизнь мою мгновенно за вашу.... а вы прощаете меня.... и въ чемъ же? О Боже! ты видишь всѣ, преступница ли я?

ЖОРЖЪ. И за что они погубили меня.... не отдалъ бы я самъ охотно моей жизни для этихъ двухъ созданій.... *(Клара въ волненіи)*. Не всего ли дороже въ мірѣ были для меня Клара и д'Арбель!

КЛАРА. Какъ? Карлъ д'Арбель?...

ЖОРЖЪ. Да, Карлъ д'Арбель, котораго я воспиталъ и устроилъ будущность.

КЛАРА. Неужели?... такъ этотъ невидимый покровитель.... этотъ таинственный другъ дѣтства.

ЖОРЖЪ. Былъ тотъ человѣкъ, который поразилъ невиннаго, считая его измѣнникомъ отечеству.

КЛАРА. Возможно ли?

ЖОРЖЪ. Мнимый измѣнникъ — былъ отецъ д'Арбеля—убійца я.... когда невинность его была доказана, я далъ себѣ слово заступить мѣсто отца для сироты. Въ нашей встрѣчи, въ моей любви къ тебѣ, Клара, въ нашемъ союзѣ, я видѣлъ прощенье неба за роковую мою ошибку.... Но не такъ было суждено промысломъ! оно избрало тебя орудіемъ своей справедливой кары, и ты убила меня, чтобы принадлежать д'Арбелю, такъ суждено было свыше.

КЛАРА *(снова въ отчаяніи)*. Клянусь вамъ всѣмъ, что есть святаго, клянусь всѣмъ, что вы сдѣлали для меня, для д'Арбеля — я невинна въ этомъ страшномъ дѣлѣ.

ЖОРЖЪ. Знаете ли вы, что съ моею смертью васъ обвинятъ, осудятъ....

КЛАРА. Пусть осудятъ....

ЖОРЖЪ. Я не допущу до этаго, я спасу васъ, я дамъ вамъ средство бѣжать....

КЛАРА *(вставая съ достоинствомъ)*. Бѣжать?.. нѣтъ, г. Морицъ, напротивъ, я останусь.

ЖОРЖЪ *(въ ужасѣ)*. Но судъ, Клара! Судъ!

КЛАРА *(подходитъ къ камоду, на которомъ колокольчикъ)*. Я небоюсь суда!... Я сама призову его!

ЖОРЖЪ *(привставъ)*. Возможно ли? *(Клара звонитъ)*. Что вы дѣлаете?

(Входитъ слуга въ двери на право отъ зрителей).

КЛАРА *(слугѣ)*. Вотъ письмо, садись верхомъ, скачи и доставь его по адресу. *(Слуга выходитъ)*.

ЖОРЖЪ (*садясь въ ногахъ своей постели*). Что это за письмо? Къ какому вы писали его?

КЛАРА. Что въ этомъ письмѣ спрашиваете вы? всѣ обстоятельства роковаго случая.... къ кому оно? къ главному судьѣ.

(*Слышенъ топотъ лошади*).

ЖОРЖЪ (*встаетъ*). Несчастная! Ты погибнешь!... слишкомъ много доказательствъ противъ тебя.... Они будутъ неумолимы.

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢ ЖЕ И ПОЛИНА

ПОЛИНА (*входя изъ дверей на лѣво*). Клара....

ЖОРЖЪ (*подходя къ ней*). Вы другъ ея.... сестра.... Спасите! спасите Клару.... скройте ее.

ПОЛИНА. Что такое?

ЖОРЖЪ. Я не́ могу.... страданья.... страхъ.... смерть.... я не могу.... не могу ничего.... (*Падаетъ на кушетку на право*).

ПОЛИНА (*тихо Кларѣ*). Карлъ вернулся... Онъ видѣлъ трактирщика Жерома.... говорилъ съ нимъ.... онъ кажется открылъ истину.... онъ хочетъ тебя видѣть.

КЛАРА. Пойдемъ.

ЖОРЖЪ (*на кушеткѣ*). Ты уѣдешь, Клара, бѣжишь, не правда ли?

АНТОНІЙ (*показывался въ дверяхъ на право*). Она бѣжитъ!

КЛАРА. Я повторяю вамъ, что не бѣгу, а дождусь суда....

(*Уходитъ на лѣво съ Полиной*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

ЖОРЖЪ И АНТОНІЙ.

АНТОНІЙ. Этотъ уговариваетъ бѣжать.... та толкуетъ о судѣ.... что это все значитъ?

ЖОРЖЪ. Это ты, Антоній?.... (*Вставая*). Послушай, другъ.... ты долженъ скрыть ее.

АНТОНІЙ. Скрыть?

ЖОРЖЪ. Да, какъ можно дальше отсюда... понимаемъ? гдѣ и законы не отыщутъ.

АНТОНІЙ. Но за чѣмъ это?

ЖОРЖЪ. За тѣмъ, чтобы спасти ее.... она погубила себя... сама послала за главнымъ судьею....

АНТОНІЙ (*въ ужасѣ*). За судьей!

ЖОРЖЪ. Что!.... тебѣ также страшно, какъ и мнѣ.

АНТОНІЙ (*остолбенѣвъ*). За судьей!...

ЖОРЖЪ. Спаси ее.... спаси... нѣтъ, она не послушается тебя.... одинъ человѣкъ можетъ только уговорить ее.... это Карлъ д'Арбель.

АНТОНІЙ. Карлъ д'Арбель!

ЖОРЖЪ. Я увижу его.... поговорю съ нимъ....

АНТОНІЙ. Онъ увидитъ.... поговоритъ съ нимъ....

ЖОРЖЪ. Ты позовешь его.... поведешь меня къ нему.

АНТОНІЙ. Что говоришь ты, Жоржъ? Гдѣ жъ теперь найдешь его? гдѣ увидишь?

ЖОРЖЪ. Развѣ онъ ужъ уѣхалъ?

АНТОНІЙ (*испуганный*). Развѣ онъ былъ здѣсь?

ЖОРЖЪ. Такъ ты его не видѣлъ?

АНТОНІЙ. Я.... да.... я.... (*Тихо*). Если это не бредъ, я погибъ!

ЖОРЖЪ. Онъ былъ здѣсь вчера, съ Жереро.

АНТОНІЙ. Вчера?

ЖОРЖЪ. Поди же.... поди скорѣй и приведи его.

АНТОНІЙ (*тихо*). Все открыто, если они свидятся!

(*Какъ будто бы выходитъ, но самъ запираетъ на ключь дверь на право*).

ЖОРЖЪ (*садясь на кушетку*). И ненависть, и ревность — все должно умереть съ смертью.... (*Къ Антонію*). Ну, что?

АНТОНІЙ (*какъ бы входя*). Онъ уѣхалъ.

ЖОРЖЪ (*въ отчаяніи*). Уѣхалъ! Боже милосердный! какъ теперь спасти ее? (*Тихо, послѣ нѣкотораго молчанія*). А!... я могу увѣрить, что я самъ лишилъ себѣ жизни.... она любила другаго.... и я въ отчаяніи.... О, они повѣрятъ....

(*Во время этого апарте, Антоній запираетъ дверь на лѣво*).

АНТОНІЙ (*тихо*). Теперь кажется трудно войти сюда!

ЖОРЖЪ (*садится писать*). Антоній! позови мнѣ кого нибудь.

АНТОНІЙ. Что тебѣ надо?

ЖОРЖЪ. Питье.... оно меня подкрѣпитъ.... дастъ силы, окончить это дѣло.... Боже! помоги мнѣ!

АНТОНІЙ *(взглянувъ вокругъ)*. Оно здѣсь.

ЖОРЖЪ *(въ то время, какъ пишетъ)*. Я спасу ее.

(Музыка до появленія Клары. — Антоній идетъ за чашкой, которая стояла на столѣ и возвращается съ нею къ комоду. Беретъ чайникъ съ лампады и наливаетъ изъ него въ чашку, потомъ вынимаетъ изъ кармана пакетъ, развертываетъ его и бросаетъ порошокъ, находившійся въ немъ, нерѣшительно, тоже въ чашку, убѣдившись прежде, что Жоржъ сидя къ нему спиной, ничего не видитъ; ибо онъ дѣлаетъ до время этаго, Антоній и Жоржъ говорятъ слѣдующее).

АНТОНІЙ. Одно слово Жоржа съ д'Арбелемъ, и я погибъ — докончу начатое.

ЖОРЖЪ *(пишетъ)*. Пусть никого не обвиняютъ въ моей смерти....

(Взглянувъ въ зеркало и увидѣвъ, что дѣлаетъ Антоній, оборачивается и съ ужасомъ слѣдитъ за каждымъ движеніемъ Антонія — нашедъ питье, Антоній подноситъ его Жоржу и отворачивается. — Жоржъ встаетъ и хватаетъ его за руку. Антоній поднимаетъ на него глаза и увидя его грозное положеніе, въ страхѣ пятится назадъ. Чашка выпадаетъ изъ рукъ Антонія и падаетъ къ ногамъ Жоржа.

ЖОРЖЪ. Отравитель!

АНТОНІЙ *(въ ужасѣ)*. А!...

ЖОРЖЪ. Такъ вотъ кто мой убійца! Вотъ онъ! Вотъ онъ!

АНТОНІЙ. Узналъ роковую тайну, такъ неси же ее съ собой въ могилу.

ЖОРЖЪ. Нѣтъ! меня спасутъ еще Клара! Карлъ! Сюда! Сюда! помогите.

АНТОНІЙ. Поздно, Жоржъ!

(Бросается на Жоржа и опрокидываетъ его на постель. — Въ это время входитъ Клара черезъ дверь въ стѣнѣ, но Антоній не видитъ ее за обоями.—Клара бросается между Антоніемъ и Жоржомъ и закрываетъ собой послѣдняго).

КЛАРА. Злодѣй! убійца!

(Антоній испуганный, бѣжитъ къ окну. Полина, вошедшая вслѣдъ за Кларой отворяетъ дверь на право, которую заперъ Антоній. — На сцену входятъ всѣ ра-

ботники, привлеченные шумомъ. Въ тоже время **Карлъ** *и Жереро и слуги разломавъ дверь на лѣво, входятъ такжe. — Взглянувшись во кругъ себя, Антоній быстро отворяетъ окно на лѣво).*

АНТОНІЙ. Лишь бы не эшафотъ.

(Бросается въ окно, Жереро и нѣсколько работниковъ идутъ къ окну, Карлъ подходитъ къ Жоржу).

ЖОРЖЪ *(приподнимаясь, съ восхищеніемъ прижимаетъ къ груди Клару).* Она невинна! Невинна!

РАБОТНИКИ. Невинна!

ЖОРЖЪ. Антоній! вотъ мой убійца....

РАБОТНИКИ. Антоній!...

ЖЕРЕРО *(отходя отъ окна).* Онъ мертвъ!

(Жоржъ собравъ свои послѣднія силы, становится по срединѣ сцены. Клара на колѣнахъ на право. Полина около Клары—работники съ слезами на глазахъ смотрятъ на умирающаго своего хозяина. Карлъ стоитъ на право отъ Жоржа нѣсколько по-одаль. Жереро поддерживаетъ Жоржа. — Музыка до конца акта).

ЖОРЖЪ. На колѣни передъ нею!... на колѣни передъ этимъ ангеломъ! *(Поднимая Клару).* Прости меня, прости Клара!... иначе, Богъ не проститъ меня.... А ты, Карлъ, послѣ моей смерти, будь ей опорой и защитникомъ, въ молитвѣ объ отцѣ твоемъ молись и за меня.

(Падаетъ и умираетъ. — Клара вскрикиваетъ. — Всѣ окружаютъ Жоржа. Картина).

=

ДУМА.

П. Г. Ободовскому.

. . . . . .

Нѣтъ, не воскреснешь ты отъ запустѣнья
Страна безмолвнаго забвенья:
Тебя забылъ Іелогимъ
И — отцвѣла краса востока!
Почти исчезъ въ пучинѣ рока
Державный твой Іерусалимъ....
Гдѣ эти башни вѣковыя,
Гдѣ тотъ великолѣпный храмъ,
Гдѣ рощи тополей густыя?
Добыча алчнымъ временамъ,
Нѣмая жертва разрушенья....
Погибло всё — легло во прахъ,
И — геній робкаго забвенья
Сидитъ на тлѣющихъ гробахъ!...
. . . . . .
. . . . . —
Гдѣ всенародною мольбою
Пѣснь откликалась въ небесахъ
Любимая Іеговою, —
Тамъ попираетъ легкій прахъ
Османъ нечистою ногою,
И свой коранъ поетъ Мулла,
И въ пѣсняхъ тѣхъ гремитъ — Алла!...

Тамъ тѣже горы и долины,
Всё тотъже свѣтлый Іорданъ
Шумитъ веселый средь полянъ, —
Но пораздолью Палестины
Идетъ лѣнивый караванъ,
И въ немъ, надменный сынъ востока,
Поетъ величіе Пророка, —
Иль по горамъ ничтожный Жидъ
Отъ власти Деспота бѣжитъ....

Страна забвенья и печали,
Куда твой геній отлетѣлъ?...
А сколько, сколько чудныхъ дѣлъ
Здѣсь Богъ и люди совершали! —
И гдѣ народъ Іеговы
Изгнанникъ падшія отчизны,
Презрѣнный рабъ презрѣнной жизни
И жертва тягостной молвы,
. . . . . .
Неужто обрекла судьба
Столкнуть его съ земнаго шара
Какъ недостойнаго раба?! . . . .
Но — люди предковъ не забыли,
Ихъ память вѣки протечётъ,
Какъ дивенъ этотъ былъ народъ,
Такъ дивны древніе ихъ были!...
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

А. СЛАВИНЪ.

Англійскій пистолетъ.

повѣсть.

Хотя осень этого года была дождливая и бурная, однакожъ, охотники продолжали бродить за дичью по полямъ и лѣсамъ, какъ будтобы у насъ была прекраснѣйшая погода. Въ первыхъ числахъ сентября, несмотря на ненастное время, г. Альфредъ де-Жермонъ, надѣлъ свою охотничью куртку, взялъ свое ружье, патронташъ и сумку, и съ Азоромъ, своею лягавою собакою, сѣлъ въ карету въ 8 часовъ утра. На другой день онъ былъ уже въ Шато-Тьери. Прибывъ въ отечество Лафонтена, онъ увидѣлъ, что ему оставалось проѣхать три мили, чтобы посѣтить г. Лансе, стариннаго друга его семейства, позволявшаго ему охотиться на своей землѣ. Г. Альфредъ де-Жермонъ не богатъ, онъ студентъ правовѣдѣнія, которому должно еще заботиться о пріобрѣтеніи состоянія, а когда не имѣютъ ни лѣсовъ, ни полей, ни садовъ, то весьма пріятно встрѣтить между семейными друзьями стараго маркиза, предоставляющаго въ полное

ваше распоряженіе своихъ куропатокъ и зайцовъ. Альфредъ былъ принятъ старикомъ, такъ дружелюбно и ласково, что онъ упрекалъ себя внутренно въ томъ, что отправился къ г. Лансе, только для того, чтобы охотиться на его землѣ, и не думалъ, о добродушіи и умѣ такого любезнаго хозяина, какъ маркизъ. А потому онъ не такъ ревностно сталъ заниматься охотою, и проводилъ болѣе время со старикомъ.

— Сегодня отличное время для охоты, сказалъ г. Лансе: ступайте стрѣлять куропатокъ, Альфредъ. Поваръ мой надѣется, что вы доставите ему дичи на жаркое.

— Позвольте мнѣ не ходить сегодня на охоту, господинъ маркизъ, отвѣчалъ Альфредъ: и провести вмѣстѣ съ вами время. Поваръ вашъ и безъ меня найдетъ дичи на жаркое.

Разумѣется, господину Лансе весьма пріятно было видѣть подлѣ себя молодаго человѣка, веселаго и остроумнаго, котораго присутствіе помогало ему убивать время и оживляло его уединенную жизнь. Г. Лансе бездѣтный вдовецъ, былъ очень богатъ; ему было уже 70 лѣтъ, но онъ былъ еще крѣпокъ и здоровъ и хотя уединенная жизнь, которую онъ велъ была тягостна для него, однакожъ онъ не признавался въ томъ и не хотѣлъ возвратиться въ Парижъ изъ своего помѣстья. Присутствіе Альфреда оживило внутреннюю жизнь маркиза. Молодой человѣкъ удивлялся его рощамъ, полувѣковымъ деревьямъ и особенно замку, который г. Лансе украсилъ, и въ которомъ онъ перемѣнилъ все внутреннее устройство. Маркизъ съ словоохотностію старика, разсказывалъ исторію каждой мебели. Но въ тоже самое время, какъ человѣкъ съ тонкимъ вкусомъ, онъ соединялъ съ каждымъ маловажнымъ предметомъ какія нибудь любопытныя подробности и воспоминанія. Черезъ недѣлю Альфредъ былъ уже въ состояніи составить лѣтопись замка Лансе. Но однажды, когда молодой человѣкъ сидѣлъ въ кабинетѣ маркиза, онъ нечаянно взглянулъ на маленькій пистолетъ, съ рукояткою изъ чернаго дерева, о которомъ старикъ до тѣхъ поръ еще ничего ему не разсказывалъ. Альфредъ осмѣлился протянуть руку и взять пистолетъ съ бархатной этажерки, на которой онъ лежалъ; это былъ карманный пистолетъ, работы Ментона, знаменитаго оружейника, славившагося въ Лондонѣ въ концѣ послѣдняго столѣтія, котораго двуствольныя ружья долгое время уважались охотниками. Альфредъ внимательно разсматривалъ это оружіе, и увидѣлъ, что мастеръ отдѣлалъ его съ величайшимъ стараніемъ, и употребилъ для этого все свое искусство. Молодой человѣкъ бросалъ вопро-

сительные взгляды отъ оружія, которое онъ держалъ въ рукѣ, на маркиза, и казалось, просилъ одного изъ тѣхъ старинныхъ разсказовъ, которыми не задолго предъ симъ, маркизъ такъ охотно дарилъ его.

— Въ этой вещи, сказалъ г. Лансе, взявъ пистолетъ въ руку, и сдувая пыль, которою онъ былъ покрытъ: въ этой вещи, мой милый Альфредъ, заключается исторія моей жизни. Она напоминаетъ мнѣ одно приключеніе моей молодости, отъ котораго я едва не погибъ и не потерялъ чести....

— Чести! воскликнулъ Альфредъ: вы, господинъ маркизъ, находились въ опасности потерять честь?

— Увы! точно такъ. Какимъ бы именемъ не называлось убійство, оно не менѣе того будетъ безчестно для убійцы, а я признаюсь вамъ, что имѣлъ въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ намѣреніе убить одного человѣка.

— Вы?

— Да.... этотъ пистолетъ, прибавилъ маркизъ: напоминаетъ мнѣ исторію моихъ любовныхъ шалостей, моей женитьбы, и въ тоже самое время продолжительнаго счастія съ моею супругою, госпожею де-Лансе, которой я обязанъ всѣмъ моимъ богатствомъ. Сегодня вечеромъ, Альфредъ, я разскажу вамъ мои приключенія; вамъ, вѣрно, онѣ покажутся занимательнѣе, чѣмъ игра въ пикетъ, на которую я осуждаю васъ вотъ уже цѣлую недѣлю.

Когда наступилъ вечеръ, то г. Лансе спокойно расположился въ своихъ креслахъ, велѣлъ своему слугѣ поправить огонь въ каминѣ, и остался одинъ съ своимъ молодымъ; потомъ когда всѣ двери были заперты и никто не могъ безпокоить ихъ, старый маркизъ началъ разсказывать слѣдующее:

— Вы знаете другъ мой, сказалъ онъ, что я происхожу отъ извѣстной, но не богатой фамиліи; пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ я былъ довольно незначительнымъ человѣкомъ и будущимъ наслѣдникомъ небольшой земли, доходы съ которой едва были достаточны для моего пропитанія. Отецъ мой занялъ деньги, чтобы отправить меня въ Парижъ, на службу, и я вступилъ въ полкъ королевской гвардіи. — Въ началѣ 1789 года мнѣ было 16 лѣтъ отъ роду. Вскорѣ отецъ мой умеръ, и неоставилъ мнѣ никакихъ другихъ покровителей, кромѣ короля и королевы; мы приближались къ тому времени, когда можетъ быть, въ первой разъ въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій, покровительство это должно было сдѣлаться ничтожнымъ. — Король неудостоилъ обратить на меня свое вниманіе, но королева

сжалилась надо мной, и пожаловала мнѣ пенсію изъ своей собственной казны. Эта неожиданная милость возбудила во мнѣ искреннюю признательность, и я поклялся пожертвовать моею жизнію для спасенія Маріи Антуанеты, если она когда либо будетъ имѣть надобность въ моей помощи. Скоро наступило для нея несчастное время, я не буду разсказывать вамъ ни опасностей, которымъ я подвергался, на усилій которыя я употребилъ для спасеній ея; это бы завлекло меня въ слишкомъ большія подробности, и отдалило бы отъ исторіи пистолета, которую вы желаете знать, и которую я обѣщалъ вамъ разсказать. Въ 1800 году я былъ въ Лондонѣ эмигрантомъ и имѣлъ 26 лѣтъ отъ роду. Какъ всѣ товарищи моего изгнанія, я питалъ, глубокую ненависть къ тогдашнему Французскому правительству. Мы были свидѣтелями великихъ произшествій временъ Французской республики; но подобно племенамъ израильскимъ, изгнаннымъ изъ своего отечества, всѣ чудеса поражали только нашъ слухъ, не тревожа сердца. Человѣкъ котораго счастіе въ особенности возбуждало нашу ненависть и презрѣніе, былъ Бонапартъ, первый консулъ Французской республики; мы не прощали ему, ни его славы ни его счастія. Изъ ложныхъ извѣстій мы заключили, что молодой республиканской генералъ хотѣлъ повторить во Франціи ту роль, которую Монкъ нѣкогда игралъ въ Англіи, и что овладѣвъ верьховною властію, онъ передастъ ее законному королю. Но первый консулъ объ этомъ вовсе не думалъ и мы почитали его самозванцемъ, отнявшимъ у Лудовика XVIII, его скипетръ и корону. Въ тоже самое время случился взрывъ адской машины: это произошло во время самаго сильнаго противодѣйствія противъ Якобинцевъ, черезъ мѣсяцъ послѣ покушенія, Демервиля, Арены, Чераги, Діаны и Топино-Лебрёня. Всѣ думали даже, что министръ полиціи Фуше, лишится своего мѣста обвиняя его въ томъ, что онъ покровительствовалъ Якобинцамъ и доносилъ на приверженцовъ короля, какъ на истинныхъ виновниковъ этаго преступленія. Самъ первый консулъ не иначе разувѣрился въ этомъ, какъ вслѣдствіе неоспоримыхъ и многочисленныхъ доказательствъ, и однакожъ хотя виновные сдѣлались извѣстными, гоненіе на Якобинцовъ не прекращалось, только немного поутихло. Сорокъ человѣкъ изъ нихъ были сосланы въ ссылку на Сешельскіе острова, за преступленіе здѣланное роялистами. Предпріятіе это началось въ Англіи, и тамъ-то родился этотъ умысель, поддерживаемый деньгами Англійскаго министра Питта. Онъ надѣлалъ тамъ много шума. Удивлялись сча-

стію Бонапарта, котораго по видимому благодѣтельное божество, охраняло отъ всякой опасности. Пико де Лимуелонъ, Сень Режань, Лаге-Сентъ-Илеръ, французскіе выходцы помощники Жоржа Кадудаля, имѣли въ Лондонѣ друзей, столько же какъ и они ненавидѣвшихъ перваго консула. Однажды одинъ изъ нихъ разговаривалъ со мною объ этомъ произшествіи....

— Съ вами? сказалъ Алфредъ, по этому вы знали этихъ людей.

— Увы! точно такъ, отвѣчалъ маркизъ, эти люди которыхъ образъ мыслей приводитъ меня теперь въ ужасъ, были тогда друзья мои и товарищи моего изгнанія.

— Я очень сожалѣю, сказалъ я этому человѣку, о предпріятіи на которое рѣшился Лимуелонь и Сенъ-Режанъ. избавить отечество отъ самозванца, это надобно предоставить Провидѣнію, а не посягать на злодѣйство. Такъ я думалъ, но вскорѣ мысли мои перемѣнились — и я самъ пѣшился на то, чего прежде ужасался.

— Ну, это для васъ будетъ очень легко сдѣлать, сказалъ мнѣ мой товарищъ, вы такъ искусно умѣете стрѣлять изъ пистолета, что бьете ласточекъ на лѣту и въ ста шагахъ сбиваете пробку съ бутылки, или разрѣзываете на двое пулю, объ лезвее ножа.

Этотъ разговоръ происходилъ въ одномъ лондонскомъ трактирѣ; пришло еще нѣсколько французскихъ эмигрантовъ, и товарищъ мой объявилъ имъ рѣшительное мое намѣреніе, убить Бонапарта. Они стали превозносить мою храбрость, осыпать меня похвалами, предсказывать мнѣ безсмертіе, такъ, что я упоенный ихъ славословіемъ, увидѣлъ себя принужденнымъ рѣшиться на это опасное дѣло, потому только, что указалъ средство для исполненія его. Въ безуміи своемъ мы думали, что послѣ смерти перваго консула, Бурбонамъ будетъ стоитъ сдѣлать только одинъ шагъ, для вступленія на престолъ считая при этомъ, какъ и всегда націю за ничто!... Однакожь должно признаться, что эта пагубная мысль мнѣ нравилась; я былъ напитанъ всѣми предразсудками моего сословія, и съ петерпѣніемъ желая отомстить за моего короля и мою королеву, ничего не понималъ въ великомъ переворотѣ совершившемся во Франціи; однимъ словомъ, я не зналъ что такое революція. Я покинулъ моихъ друзей рѣшившись исполнить это смѣлое предпріятіе и попробовать, какъ я говорилъ вызвать на дуэль Бонапарта. Одно только мнѣ не нравилось, а именно: что я разсказалъ объ этомъ тремъ или четыремъ друзьямъ, я не хотѣлъ имѣть ни какихъ сообщниковъ и

желалъ располагать по своему желанію, временемъ, мѣстомъ и средствами. Я опять увидѣлся съ моими друзьями, и объявилъ имъ, что новыя размышленія, заставляли меня покинуть, или по крайней мѣрѣ отложить, предпринятое мною вчера намѣренье: покушеніе Сенъ-Режана, недавно случилось; необходимо нужно было дать время разсѣяться подозрѣніямъ. У меня былъ одинъ старый родственникъ, такой же французскій выходецъ какъ и я, удалившійся въ г. Эдинбургъ. Я объявилъ, что прежде всего намѣренъ повидаться съ нимъ и притворился, будто бы отправляюсь въ Шотландію. Черезъ нѣсколько дней я вышелъ на берегъ Франціи въ Булонѣ, сопровождаемый только однимъ маленькихъ Англійскимъ слугою, малымъ расторопнымъ, котораго я недавно нанялъ къ себѣ. У меня было довольно значительная сумма денегъ, которыя я незадолго передъ тѣмъ выигралъ въ карты, а потому я могъ вести въ Парижѣ независимую жизнь, какую хотѣлъ. По прибытіи въ Парижъ, первымъ дѣломъ моимъ было, постараться вычеркнуть себя изъ списка эмигрантовъ, что мнѣ легко было сдѣлать. Потомъ мнѣ захотѣлось узнать новое общество меня окружавшее, я нашелъ новые нравы, новыя постановленія, пороки различные отъ прежнихъ и новыя добродѣтели. Франція вступивъ въ новый вѣкъ, казалось совершенно забыла о старомъ, и потеряла воспоминаніе о прошедшемъ.

Одна вещь только удивила меня, но однакожъ не вывела изъ заблужденія. — Бурбоновъ во все забыли, никто не думалъ объ ихъ возвращеніи, и не желалъ его. — Французы не спрашивали объ нихъ, не произносили даже ихъ имени, и были похожи на людей которые избавившись отъ дурнаго сновиденія, нехотятъ даже и вспоминать о немъ. Напротивъ того всѣ умы были наполнены славою перваго консула; только имъ однимъ и арміею его всѣ исключительно занимались: генералы его казалось сіяли отблескомъ его славы; онъ опредѣлялъ степени ихъ достоинствъ, охуждалъ, или хвалилъ ихъ, по своему желанію и слова его были приговоромъ. намѣреніе мое казалось мнѣ весьма удобнымъ къ исполненію; у меня небыло, ни повѣренныхъ ни сообщниковъ, я ходилъ въ оперный театръ одинъ. Тамъ я ожидалъ перваго Консула, и какъ скоро онъ появится то намѣренъ былъ вынуть пистолетъ изъ кармана, вотъ этотъ самый который вы видите передъ собою, Альфредъ, прицѣлиться и выстрѣлить въ великаго человѣка, и вѣрно бы я убилъ его на повалъ, потому что бью ласточекъ на лету.

— я присмотрѣлся нарочно къ оперной залѣ, и выбралъ самое лучшее мѣсто для исполненія моего предпріятія, а именно балконъ съ лѣвой стороны сцены, почти противъ самой ложи перваго консула. Вскорѣ капельдинерше сдѣлалось мнѣ совершенно преданною, она привыкла замѣчать это мѣсто, платкомъ перчаткою, или лорнетомъ. «Я сдѣлался однимъ изъ самыхъ привычныхъ посѣтителей оперы. А такъ какъ я былъ красивой наружности, и и всегда щегольски одѣтъ, то зрители и спрашивали другъ у друга не влюбленъ ли этотъ страстной посѣтитель театра въ танцовщицу Биготтини или Гардель, или не прельстился ли голосомъ пѣвца Лаиса.

Вотъ жизнь которую я велъ, въ продолженіе трехъ мѣсяцовъ, въ Парижѣ: утро я проводилъ дома вмѣстѣ съ моимъ Англійскимъ грумомъ Джономъ; въ четыре часа, я обѣщалъ у Легака, а вечеромъ отправлялся въ оперу; должно прибавить, что послѣ моего обѣда я возвращался домой переодѣться и взять мой пистолетъ, который я ежедневно снова заряжалъ.

Пришедши въ оперу я садился на свое мѣсто и патурально устремлялъ мои взоры, напустую ложу перваго Консула, и воображалъ себѣ сцену, которая послѣдуетъ за совершеніемъ моего преступленія. Я представлялъ себѣ что вынималъ изъ кармана этотъ маленькій Ментоновъ пистолетъ; взводилъ курокъ, протягивалъ руку, прицѣливался, выстрѣлъ раздавался, и Бонапартъ окровавленный падалъ въ своей ложѣ. — Тогда женщины начинали кричать, публика была поражена изумленіемъ оркестръ умолкалъ, Браншю, останавливалась посреди рулады, или Танцовщица Биготтинни, падала на полъ... а я! я! махая бѣлымъ платкомъ, восклицалъ: *Да здравствуетъ Король*! Все это представлялось воображенію моему ясными и яркими красками. Я былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ этой ужасной и шумной сцены, которой развязкою должна быть безъ сомнѣнія моя смерть, и тогда я подставлялъ мою грудь саблямъ и штыкамъ, консульскихъ гренадеръ, и въ свою очередь падалъ мертвый къ ногамъ разряженныхъ дамъ. Привыкая къ этимъ мыслямъ, я начиналъ понимать однакожъ что въ перваго консула нельзя стрѣлять, также хладнокровно какъ и въ ласточку; не менѣе того я упорствовалъ въ моемъ намѣреніи. — Опасность которой я подвергалъ себя облагороживала мойпоступокъ. — я былъ не убійца, а непріятель, который давалъ и принималъ смерть. — Я былъ саперъ зажигающій мину, которая поглотитъ его вмѣстѣ съ разрушенною имъ крѣпостію. Но однажды вечеромъ, неизвѣстный мо-

лодой человѣкъ сѣлъ подлѣ ложи, и послѣ минутнаго молчанія шепнулъ мнѣ на ухо.

— Не угодно ли вамъ будетъ милостивой государь удостоить меня разговоромъ съ вами на единѣ.

Я взглянулъ на этого молодаго человѣка; у него было самое обыкновенное лицо, онъ былъ одѣтъ богато, но безъ вкуса; и хотя показывалъ большое хладнокровіе, однакожъ смущеніе, противъ воли выражалось въ глазахъ его.

— Съ большимъ удовольствіемъ, отвѣчалъ я, о чемъ идетъ дѣло?

— О! о пустякахъ сударь!

— Но однакожь?

— Я вамъ объясню это въ фойе, если вамъ угодно будете идти за мною.

— Очень хорошо сударь, пойдемте въ фойе.

И я пошелъ за этимъ незнакомцамъ съ трепетаніемъ сердца, котораго не въ состояніи былъ удержать. — Въ это время очень много говорили о всевѣденіи Фуше, министра полиціи, и и этотъ молодой человѣкъ могъ быть однимъ изъ его шпіоновъ, но такъ какъ я никому никогда неговорилъ объ своемъ намѣреніи, то противъ меня не могло существовать никакихъ предлоговъ къ обвиненію кромѣ моего качества эмигранта и заряженнаго пистолета, который бы нашли у меня въ карманѣ. Въ первомъ изъ этихъ обвиненій меня могло оправдать исключеніе мое изъ списка выходцевъ; во второмъ, я могъ оправдаться опасностью ходить вечеромъ по улицамъ Парижа, и въ особенности въ томъ отдаленномъ кварталѣ города гдѣ я жилъ. Потому я и послѣдовалъ за этимъ незнакомцамъ который оставшись со мною на единѣ въ фойе, привелъ меня въ ужасъ слѣдующими первыми словами:

— Милостивый государь сказалъ онъ мнѣ, я долженъ просить васъ объ оказаніи мнѣ не большой услуги.

Съ трудомъ могъ я дать ему обкновенный отвѣтъ, по тогдашней формѣ:

— Что вамъ угодно Гражданинъ?

— Я пришелъ попросить васъ оставить то мѣсто которое вы занимаете въ театрѣ, и пересѣсть на другое.... На примѣръ, вмѣсто того чтобы садиться съ лѣвой стороны сцены какъ вы это обыкновенно дѣлаете, вы бы сѣли съ правой стороны ея я былъ бы вамъ очень обязанъ за эту учтивость.

— Я вамъ уже сказывалъ Альфредъ, продолжалф г. Лансей, что

я ничего не писалъ ничего никому не говорилъ, однако-жъ мнѣ показалось что геній хранившій дни перваго консула, открылъ Фуше самыя сокровенныя мои мысли и что я погибъ, наступало время умереть героемъ, а потому я отвѣчалъ ему совсевозможною учтивою надмѣнностію:

— Клянусь честію гражданинъ, я чрезвычайно сожалѣю что̀ немогу исполнить вашего желанія.... я васъ у вѣряю что это пожертвованіе для меня совершенно невозможно.

И я хотѣлъ уйти чтобы опять сѣсть на свое мѣсто но молодой человѣкъ удержалъ меня.

— И такъ вы не соглашаетесь сударь?

— Просите меня очемъ нибудь другомъ мнѣ очень пріятно будетъ услужить, вамъ... Но мѣсто на балконѣ.... нѣтъ это невозможно....

— Это ваше послѣднее слово?

— Клянусь вамъ честію что послѣднее, и прошу васъ больше не безпокоить меня.

— Въ такомъ случаѣ милостивый государь, вы вѣрно неотказитесь драться со мною на дуэли завтрашній день? Я ожидалъ совсѣмъ другаго, продолжалъ Маркизъ; и хотя очень непріятно драться съ первымъ встрѣтившимся человѣкомъ, я принялъ его вызовъ и отправился опять на свое мѣсто. Когда представленіе кончилось я пришелъ домой, и началъ размышлять о случившемся со мною. Я полагалъ что на другой день встрѣчу на мѣстѣ поединка не противника моего, но Агента министра полиціи Фуше, который безъ сомнѣнія арестуетъ меня, и отвезетъ въ Венсенскій замокъ, и удивлялся не ловкости полиціи, которая могла бы гораздо скорѣе арестовать меня тотчасъ же.

На другой день утромъ я пришелъ на мѣсто, назначенное для поединка, и увидѣлъ, что соперникъ мой дожидался меня тамъ съ двумя свидѣтелями.

— Гражданинъ сказалъ я ему, увидѣвъ, что дѣло идетъ точно о дуэли. Хотя я природный Французъ, но не имѣю въ Парижѣ ни родныхъ, ни друзей, а потому и прошу одного изъ этихъ господъ, быть моимъ секундантомъ.

Предложеніе мое было принято, и мы не говоря болѣе ни слова, обнажили шпаги и начали драться. Увы! мой милый другъ, этотъ по видимому храбрый молодой человѣкъ, который изъ за ничтожнаго предлога, поспѣшилъ вызвать меня на поединокъ, едва умѣлъ держать шпагу въ рукахъ; я скоро его ранилъ, и увѣряя его, что не покину моего мѣста въ театрѣ, не-

ресталъ драться. Раненаго противника моего уложили въ карету, а я оставшись одинъ съ человѣкомъ, который согласился быть моимъ секундантомъ, началъ говорить ему:

— Прошу васъ вѣрить милостивый государь, что я очень сожалѣю о случившемся, но меня утѣшаетъ нѣсколько то, что рана вашего друга неопасна.

— Вы думаете такъ? отвѣчалъ мнѣ секундантъ, смущенный, и по видимому, вовсе не привыкшій къ подобнаго рода дѣламъ. Вы думаете, что мой другъ Бернаръ не умретъ?

— Я отвѣчаю вамъ за это. А! мой противникъ называется Бернаромъ?

— Да сударь!

— Другъ вашъ Бернаръ очень страненъ; если онъ часто будетъ дѣлать подобные вызовы на дуэль, то не долго проживетъ.

— Отъ чего это сударь!

— Потому, что хотя онъ очень храбръ, но вовсе не умѣетъ владѣть оружіемъ. Онъ вызвалъ меня вчера на дуэль, самымъ неожиданнымъ и страннымъ образомъ.

— Страннымъ! воскликнулъ, мой секундантъ; когда дѣло идетъ объ его жизни, объ его счастіи.

— Какъ сударь! сказалъ я ему въ свою очередь, неужели жизнь г. Бернара, зависитъ отъ мѣста которое я занимаю въ Театрѣ?... Объясните мнѣ это пожалуйста; по одной причинѣ я не хотѣлъ самъ спрашивать у него объ этомъ; а мнѣ бы чрезвычайно было любопытно узнать обо всемъ.

— Но вы я думаю уже знаете все, отвѣчалъ мнѣ другъ г. Бернара.

— Я! ровно ничего не знаю!

Дѣло это легко можно было объяснить; вотъ что я узналъ: противъ того мѣста которое я занималъ въ театрѣ, во второмъ ярусѣ ложъ и слѣдовательно надъ ложею перваго консула, находилась ложа г. Фанъ-Бурнера, Голландца, который во времена Директоріи чрезвычайно обогатился отъ подрядовъ, и котораго имѣніе превосходило обыкновенные предѣлы частныхъ состояній. Господинъ Фанъ-Бурнеръ, считалъ деньги милліонами, и имѣлъ единственную дочь, на которой противникъ мой Бернаръ, предполагалъ жениться. Мое присутствіе въ Оперномъ театрѣ, гдѣ я, и самъ того не зная, садился противъ самой ложи дѣвицы Берты Фанъ-Бурнеръ, разстроило это намѣреніе. Бракъ былъ уже рѣшенъ, онъ долженъ былъ совершиться черезъ нѣсколько недѣль, какъ вдругъ дѣвица Берта, которая до сихъ поръ, непо-

казывала никакого отвращенія къ своему будущему супругу, начала вдругъ, дѣлать нѣкоторыя затрудненія. Она сказалась больною; потребовала времени чтобы подумать, и между тѣмъ съ каждымъ днемъ, все холоднѣе, принимала г. Бернара. Г. Фанъ-Бурнеръ, повиновался, малѣйшимъ капризамъ своей дочери; г. Бернаръ, съ проницательностію свойственною любовникамъ скоро замѣтилъ, что я произвелъ на любимую имъ особу глубокое впечатленіе и потому рѣшился удалить меня или убить на дуэли, если ему это удастся. Отъ этаго то онъ и вздумалъ принуждать меня оставить то мѣсто, на которомъ молодая дѣвица могла ежедневно видѣть меня въ театрѣ.

— Милостивый государь, сказалъ я холодно другу г. Бернара, который мнѣ разсказывалъ эти подробности, хотя мнѣ очень жаль, но я долженъ объявить вамъ также какъ я объявлялъ вчера вашему другу, что мнѣ невозможно перемѣнить мѣста.

Я поклонился ему и пошелъ завтракать въ трактиръ.

Не смотря на мою ненависть, къ первому консулу и мою рыцарскую, или если хотите буйную преданность Бурбонамъ, мнѣ очень пріятно было узнать, что молодая чрезвычайно богатая дѣвушка, такъ сильно, предпочтительно передъ другими меня вдругъ полюбиготова была разорвать уже почти заключенный бракъ. Я не зала, что мѣтилъ дѣвицы Фанъ-Бурнеръ, но другъ Бернара сказалъ мнѣ что она оченьхороша. Я могъ составить себѣ счастіе только отвѣчая на любовь молодой прекрасной дѣвушки; это было большое искушеніе и нравилось мнѣ гораздо болѣе чести сдѣлаться героемъ кровавой трагедіи. Я возвратился домой, хотя еще несовершенно отказавшись отъ моего намѣренія, но все таки думая, что весьма пріятно-бы было, имѣть женою, прекрасную женщину, жить безъ заботъ и печали, посреди самой утонченной роскоши, и пользоваться неистощимымъ богатствомъ подрядчика. На другой день, я отправился очень рано поутру въ Оперу. Когда я пришелъ, было еще очень мало публики, и первымъ моимъ дѣломъ было взглянуть на ту ложу о которой мнѣ говорили. Я увидѣлъ тамъ, прекрасную даму, 24 или 25 лѣтъ, съ смѣлымъ взглядомъ, одѣтую богато но не съ большимъ вкусомъ. Безъ сомнѣнія это была не дѣвица Фанъ-Бурнеръ. Я вышелъ, чтобы разспросить объ ней капельдинершу, которая отвѣчала мнѣ:

— Эта дама, гражданка Фульвія, одна изъ самыхъ модныхъ здѣшнихъ дамъ и заслуживаетъ это названіе.... Вы очень счастливы гражданинъ, что она обратила на васъ свое вниманіе;

многіе изъ генераловъ перваго консула позавидовали бы вамъ.... О! о! гражданинъ, не всякой мужчина можетъ понравится гражданкѣ Фульвіи.

Признаюсь, что гражданка Фульвія заслуживала всѣ эти похвалы, и я получивъ эти свѣденія, сѣлъ опять на свое мѣсто, и замѣтилъ что ложа сосѣдняя съ ложею гражданки Фульвіи, была занята мужчиною лѣтъ пяти-десяти и молодою дѣвицею; это были, г. Фанъ-Бурперъ и дочь его дѣвица Берта Фанъ-Бурперъ, которые только что пріѣхали въ театръ.

Дѣвица Берта, у которой блѣдность, и румянецъ поперемѣнно показывавшіеся на щекахъ, выражали любовь ея ко мнѣ, была чрезвычайна хороша собою. Прекрасные черные волосы, и глаза, совершенно овальное лице, все это показалось мнѣ способнымъ внушить страсть и не одному несчастному г. Бернару. Не смотря на робость и замѣшательство молодой дѣвушки, я прочиталъ въ глазахъ ея, что слѣдствіе вчерашней дуэли моей было для нее пріятно; я весьма обрадовался, что внушилъ любовь такой милой особѣ, и вышелъ изъ театра почти влюбленный; черезъ нѣсколько дней, послѣ того, одна старая дама пришла ко мнѣ; она называла себя графинею, или маркизою, розорившеюся отъ революціи. Кромѣ того; она сказала что была прежде въ большой дружбѣ съ моимъ семействомъ. Я подумалъ, что она пришла просить у меня пособія но казалось, что вовсе нѣтъ.

— Мой милый маркизъ де-Лансе, сказала она мнѣ, нѣтъ ничего непріятнѣе для меня, какъ видѣть такихъ людей какъ вы, добрыхъ дворянъ, лишенныхъ своего званія и имѣнія. Проклятая революція этому причиной. Она все перемѣшала, все разстроила. И теперь нужно самому стараться, чтобы показаться въ свѣтѣ съ тѣми преимуществами на которыя имѣютъ право. Напримѣръ вы г. Маркизъ, вы были прежде богаты, а революція разорила васъ.

— Я никогда не былъ богатъ, отвѣчалъ я ей.

— Ну такъ вы были рождены, для того чтобы сдѣлаться богатымъ, или по крайнѣй мѣрѣ, безъ революціи достигнули бы высокаго военнаго званія.

— Можетъ быть!

— Ну такъ маркизъ, опредѣлитесь на службу въ армію вы скоро тамъ дослужитесь до генерала.

— Мнѣ, служить Бонапарту! воскликнулъ я, никогда! И это предложеніе такъ раздражило меня, что я едва не открылъ моей тайны.

— Очень хорошо г. маркизъ отвѣчала старая дама, вы думаете точно также какъ и я; если бы у меня былъ сынъ, то я никогда бы не позволила ему носить на шляпѣ, этой проклятой трехъ-цвѣтной республиканской кокарды; и если бы онъ когда либо осмѣлился принять сторону корсиканца, то я задушила бы его собственными моими руками; но мой милый маркизъ продолжала она, не менѣе того нужно жить, и повѣрьте мнѣ, жить пріятно, это главное. Можетъ быть эта философія несообразна съ моимъ возрастомъ, но она прилична вашимъ лѣтамъ г. маркизъ, вы нехотите имѣть ни какого сношенія съ нынѣшнимъ правительствомъ; очень хорошо, я согласна съ вами въ этомъ. Ну да вы молоды, красивы собою, знатнаго произхожденія, кто какъ ниговори, а это все что нибудь да значитъ. Для чего вы не женитесь?

— Сударыня, отвѣчалъ я ей, объяснитесь короче. Вы пришли предложить мнѣ жениться на дѣвицѣ Фанъ-Бурнеръ?

— Точно такъ; г. Фанъ-Бурнеръ, имѣетъ три или четыре милліона, дѣвица Фанъ-Бурнеръ, единственная дочь его; она будетъ наслѣдницею этого огромнаго богатства, предохраненнаго отъ всѣхъ политическихъ бурь. Дѣвица эта прелестна, и рѣшительно умираетъ отъ любви къ вамъ. Это одинъ езъ такихъ случаевъ которые не встрѣчаются два раза въ жизни. Счастливы тѣ кокоторымъ они попадаются. Подумайте мой милый маркизъ.

Эта дама удивляла меня; она смѣло давала мнѣ запрещенный титулъ, и просила меня подумать о такомъ дѣлѣ которое не требовало большихъ размышленій. У меня ничего небыло кромѣ шляпы и шпаги, и послѣднюю, даже я не могъ употребить. Я согласился тотчасъ же на это предложеніе. Условились, что въ этотъ же самый вечеръ, по выходѣ моемъ изъ театра, моя услужливая новая знакомка отвезетъ меня; къ г. Фанъ-Бурнеру.

— Вотъ что значитъ быть, красавчикомъ! сказала мнѣ старая дама, оставляя меня; дѣвица Фанъ-Бурнеръ объявила своему отцу что она умретъ, если не выйдетъ за васъ замужъ.

Едва старая дама ушла, какъ я получилъ другое посѣщеніе. На этотъ разъ это былъ маленькій лакей въ синей ливреѣ, и съ смѣющимся лицомъ, который подалъ мнѣ письмо, отъ прекрасной Фульвіи, которая называвшей въ немъ, уже не маркизомъ а гражданиномъ, и употребляло слово *ты* которое тогда еще была въ модѣ.

«Гражданинъ писала она мнѣ, въ своей коротенькой записочкѣ, я хочу поговорить съ тобою о весьма важныхъ дѣлахъ, и

буду дожидаться тебя въ полночь послѣ окончанія спектакля. Я надѣюсь что ты слишкомъ учтивъ, чтобы отказаться отъ такого свиданія.

Я написалъ учтивый отвѣтъ прекрасной гражданкѣ и отдалъ ея посланнику, подаривъ ему нѣсколько червонцевъ.

— Очень хорошо, сказалъ я самъ себѣ. Богатство, женитьба и любовь, падаютъ вдругъ мнѣ съ неба! По выходѣ отъ г-на фанъ-Бурнера, я пойду къ гражданкѣ Фульвіи. Я весело провелъ этотъ день; а вечеромъ, прежде чѣмъ идти въ театръ, зашелъ домой, чтобы принарядиться. Машинально я взялъ этотъ пистолетъ, Алфредъ, и зарядилъ его по обыкновенію, потомъ, положивъ на столъ, поправилъ нарядъ свой передъ зеркаломъ; я всегда хорошо одѣвался, но въ этотъ вечеръ, я удвоилъ свои старанія. Мнѣ нужно было понравиться двумъ женщинамъ: отъ одной я ожидалъ минутнаго наслажденія, а отъ другой зависѣло мое счастіе.

Театръ былъ полонъ публики, когда я пришелъ въ Оперу. Въ коридорѣ я встрѣтился съ маленькимъ посланникомъ гражданки Фульвіи; онъ улыбнулся увидѣвъ меня. Въ нѣсколькихъ шагахъ далѣе я встрѣтился съ старою дамою, которая мнѣ сдѣлала честь, посѣтить меня утромъ. Она шла въ ложу г. фанъ-Бурнера.

— Хорошо! сказала она мнѣ: вы прекрасно одѣты.... Вы человѣкъ со вкусомъ.... сегодня же вечеромъ по окончаніи спектакля.... Не забудьте!

Капельдинерша, не забыла меня, и я могъ сѣсть на обыкновенное мое мѣсто. Я имѣлъ удовольствіе видѣть въ одно и тоже время дѣвицу фанъ-Бурнеръ, блистающую красотою и молодостію, и гражданку Фульвію, которой взоры имѣли необыкновенную живость и выраженіе. Тонкая перегородка отдѣляла этихъ двухъ женщинъ, которыя вовсе не подозрѣвали, что онѣ были соперницы. Я смотрѣлъ на нихъ со вниманіемъ, которое равно нравилось имъ обѣимъ. Вы должны Алфредъ, имѣть очень дурное мнѣніе о вашемъ старомъ другѣ; но я не хочу скрывать отъ васъ теперь безнравственности моего поведенія, и откровенно вамъ въ томъ признаюсь; впрочемъ, вспомните, что я тогда былъ еще молодъ, и въ особенности, что еще не имѣлъ чести видѣть дѣвицу фанъ-Бурнеръ; я не сдѣлалъ ей еще ни признаній, ни обѣщаній. И однакожъ, знаете ли, что въ эту самую минуту, и не смотря на удовольствіе, ожидавшее меня у модной женщины, не спускавшей съ меня глазъ; я спрашивалъ самъ у себя,

долженъ ли я согласиться на опасное свиданіе, отъ котораго могъ лишиться прекрасной жены и милліона приданаго.

— А! да вѣдь я еще свободенъ теперь, говорилъ я самъ себѣ: и буду свободенъ, по-крайней мѣрѣ, еще двѣ недѣли, лучше же сдѣлать шалость прежде моей свадьбы, нежели послѣ. Дѣвица фанъ-Бурнеръ никогда не будетъ объ этомъ знать, а что касается до моего будущаго тестя, то это старый подрядчикъ, и вѣрно, самъ дѣлалъ въ молодости любовныя проказы!

Такимъ образомъ я успокоивалъ свою совѣсть, а между тѣмъ, забавлялся, сравнивая этихъ женщинъ, которыхъ сердце и воображеніе были такъ сильно заняты мною. Будущая супруга моя, была одна изъ самыхъ прелестныхъ молодыхъ дѣвицъ; не смотря на ту любовь, которою она воспламенилась ко мнѣ, и за которую впрочемъ, я не могъ на нее сердиться, ея милое личико сіяло невинностію и спокойствіемъ. Напротивъ того, гражданка Фульвія имѣла въ себѣ, какое-то сладострастное выраженіе, возбуждавшее желаніе. Ея красивое и насмѣшливое лицо, имѣло въ себѣ нѣчто обольстительное и заманчивое, обѣщавшее въ ней несравненную любовницу.

Вдругъ, въ театральной залѣ показывается необыкновенное волненіе; раздается барабанный бой, и первый консулъ входитъ въ ложу.

Это былъ онъ самъ, и притомъ одинъ.

Сложивъ руки крестомъ на груди, онъ поклонился публикѣ, привѣтствовавшей его своими восклицаніями, и представленіе началось. Я видѣлъ Бонапарта въ первый разъ. До сихъ поръ, я избѣгалъ встрѣчи съ этимъ человѣкомъ, котораго я не хотѣлъ знать, но хотѣлъ убить. Мнѣ досадно было видѣть изображеніе его на деньгахъ, и портреты его во всѣхъ картинныхъ магазинахъ столицы. При видѣ этого худощаваго, но блѣднаго и прекраснаго лица, прикрытаго черными волосами, этихъ глазъ, пріятныхъ и сверкающихъ, и этого глубокомысленнаго лба, меня обдало холоднымъ потомъ, я чувствовалъ, что мнѣ сдѣлалось дурно, и невольно, прижавъ руку къ сердцу, я ощупалъ въ боковомъ карманѣ моего фрака этотъ пистолетъ, Альфредъ, это орудіе смерти, неоставлявшее меня, и заряженное двачаса тому назадъ.

Тогда я вспомнилъ о своемъ намѣреніи, о которомъ я было совершенно позабылъ въ продолженіи нѣсколькихъ дней.... Я не за тѣмъ пріѣхалъ во Францію, чтобы обогатиться посредствомъ женитьбы, чтобы проводить мои ночи въ любовныхъ шалостяхъ.

Нѣтъ, я былъ прежній гвардѣецъ Лудовика XVI, французскій эмигрантъ, и человѣкъ, котораго я долженъ былъ убить, находился тутъ передо мною; случайно, устремилъ на меня проницательные взоры свои, какъ бы выражая этимъ, что презираетъ мой гнѣвъ и мое мщеніе. И дѣйствительно, первый консулъ пристально глядѣлъ на меня съ равнодушнымъ и гордымъ видомъ. Можно было подумать, что онъ угадалъ мои намѣренія; но, что въ тоже самое время, онъ былъ покровительствуемъ невидимымъ щитомъ Минервы, или предохраняемъ отъ всякой опасности своей звѣздою. Я колебался. Тайный голосъ сердца понуждалъ меня дѣйствовать, но моя онѣмѣвшая рука отказывалась повиноваться внушенію этаго голоса. Состояніе, въ которомъ я находился, трудно описать; я не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на представляемую піесу, вовсе позабылъ о ней, и думалъ только о своихъ чувствахъ. Вѣроятно, что въ піесѣ встрѣтилось мѣсто, относившееся къ первому консулу, потому что изо всѣхъ угловъ театральной залы раздались восклицанія: «Да здравствуетъ первый консулъ!» Я вздрогнулъ. Это восклицаніе возбудило мое мужество, и я, собравъ всѣ мои силы, готовъ былъ дѣйствовать, какъ вдругъ, взоры мои обратились на ложу дѣвицы Фань-Бурюръ: мнѣ показалось, что она глядѣла на меня съ умоляющимъ видомъ, говорила мнѣ:

— Несчастный! не погуби себя; если ты умрешь, то и я также погибну.

Гражданка Фульвія также улыбалась мнѣ, и казалось будто розовыя губки ея произносили:

— Жизнь коротка, другъ мой, брось смертоносное оружіе, и спѣши въ мои объятія.

Лудовикъ XVIII проигралъ свое дѣло. Я оставилъ свое мѣсто, и вышелъ изъ ложи въ фойе, чтобы немного успокоиться и освѣжиться. Я ничего не сдѣлалъ, я сказалъ самъ себѣ, что, вѣрно бы, и самъ Лудовикъ XVIII не одобрилъ этого способа избавляться отъ врага.

— Можетъ быть, продолжалъ маркизъ, взявъ за руку Алфреда, слушавшаго его съ величайшимъ вниманіемъ: можетъ быть, когда я разсуждалъ такимъ образомъ, я былъ нечто иное, какъ молодой влюбленный человѣкъ, котораго, прекрасные глаза любовницы, и надежда на полученіе неожиданнаго богатства въ приданое, заставляли забывать политическія ненависти. Я такъ думалъ самъ.... Въ такомъ случаѣ согласитесь, что любовь и богатство спасли меня.... Отказавшись совершенно отъ моего намѣренія, я

хотѣлъ выйдти на улицу, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ на бульварѣ.

Но, при выходѣ моемъ изъ театра, четыре человѣка окружили меня, схватили подъ руки и посадили въ карету, въ которую слѣдомъ сѣли вмѣстѣ со мною. Я считалъ себя погибшимъ. Женитьба моя разстроилась. Первая мысль, пришедшая мнѣ въ голову, была та, что я былъ жертвою соперника моего г. Бернара, человѣка богатаго, и принадлежавшаго къ знаменитому семейству, имѣвшему большія связи и знакомства. Этому тѣмъ легче можно было повѣрить, что бракъ его съ дѣвицею фань-Бурнеръ, былъ бракъ по-разсчету, и потому только, что г. Бернаръ имѣлъ равное съ г. фанъ-Бурнеромъ состояніе. Досадуя, что невѣста его влюбилась въ меня, онъ узналъ мое имя и званіе, узналъ, что я служилъ нѣкогда въ королевской гвардіи и получалъ пенсію отъ королевы. Какой нибудь эмигрантъ изъ моихъ товарищей, описалъ меня опаснымъ человѣкомъ, и меня арестовали, тѣмъ болѣе, что консульскому правленію непріятно было видѣть роялиста, вдругъ разбогатѣвшимъ. Я подумалъ, что меня везли въ Венсенской замокъ, или въ Теренскую крѣпость, что я буду посаженъ въ казематъ, и проснжу тамъ до тѣхъ поръ, пока г. Бернаръ не сдѣлается счастливымъ супругомъ богатой наслѣдницы. Хотя надежда жениться на дѣвицѣ фань-Бурнеръ была очень пріятна для меня, я болѣе сожалѣлъ о потерѣ свободы, нежели о разстроившемся бракѣ. Но однакожь, притворившись равнодушнымъ, я спросилъ:

— Господа, куда вы везете меня? Долго ли хотите вы продержать меня въ неволѣ? И во первыхъ, по чьему приказанію вы арестовали меня?

— Мы исполняемъ приказаніе министра полиціи, отвѣчали мнѣ.

— Г. министръ полиціи, сказалъ я: дѣлаетъ мнѣ слишкомъ много чести, обративъ на меня свое вниманіе.... Онъ бы сдѣлалъ мнѣ величайшее одолженіе, если бы приказалъ погодить арестовать меня до завтра; у меня есть сегодня вечеромъ особенныя частныя дѣла, нисколько некасающіяся до полиціи, но очень важныя для меня.

Но я увидѣлъ, что находился въ рукахъ полицейскихъ чиновниковъ, которые, вѣроятно, получили приказаніе арестовать меня безъ шума и гвалта, и не получилъ никакого отвѣта. Къ счастію, путешествіе мое съ этими господами, продолжалось недолго; черезъ десять минутъ корета остановилась, и меня ввели въ домъ г. министра полиціи.

— На васъ сдѣлали доносъ? воскликнулъ Альфредъ, слушавшій до сихъ поръ въ молчаніи.

— Вы увидите сейчасъ, отвѣчалъ маркизъ. Меня ввели въ пріемную г. министра, и одинъ молодой человѣкъ одѣтый щегольски, остался тамъ, и для препровожденія времени началъ разговаривать со мною, что однакожъ была не очень для меня пріятно.

— Вы только что вышли изъ Оперная театра? спросилъ меня этотъ молодой человѣкъ.

— Да, сударь.

— Что касается до меня то я признаюсь вамъ что опера надоѣла мнѣ, мнѣ лучше нравится представленіе Николе, и въ особенности театры Варьете. Бывали ли вы, сударь когда нибудь въ театрѣ Варіете.

— Никогда, сударь: я обыкновенно посѣщаю оперу.

— Вы вѣрно видѣли тамъ сегодня перваго консула.... Онъсегодня хотѣлъ быть тамъ.

— Да, сударь, я видѣлъ перваго консула въ оперѣ.

— Каково приняла его публика?

— Должно признаться вамъ, что я очень виноватъ въ отношеніи къ консулу.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Да, сударь.... я едва замѣтилъ его.... и право не понялъ что тогда происходило въ театрѣ.... я влюбленъ милостивый государь, влюбленъ безъ ума, и въ оперѣ я видѣлъ только одну любимую мною женщину; я не могъ свести съ нее глазъ, а слѣдовалъ за всѣми съ движеніями къ сожалѣнію, я долженъ признаться вамъ что ничто другое не могло занять меня.

— Это похоже на меня, отвѣчалъ молодой человѣкъ, я влюбленъ въ актрису театра Варьете, и признаюсь, вамъ, что это единственная причина предпочтенія, которое я оказываю этому театру и такъ, сударь, когда консулъ..., ибо театръ Варьете также достоинъ присутствія консула, когда консулъ Камбасересъ, бываетъ въ этомъ театрѣ, то я тоже не замѣчаю его. Онъ входитъ и выходитъ, а я и не вижу его вовсе, и однакожъ консулъ Камбасересъ ...

— Весьма достойный человѣкъ, поспѣшилъ я прибавить, и потомъ простодушно, спросилъ у него:

— Не можете ли вы сказать мнѣ милостивый государь, за что г. министръ полиціи приказалъ арестовать меня?

— Арестовать? — Вы арестованы?

— Да и этотъ арестъ лишилъ меня любовнаго свиданія.

— Ахъ сударь, когда г. министръ узнаетъ эти обстоятельства, то ему будетъ очень непріятно что онъ не отложилъ до другаго времени удовольствія имѣть свиданія съ вами.

Все это было сказано такъ просто и натурально, съ такою учтивостію и съ такимъ простодушіемъ, что я бы успокоился еслибы не помнилъ о своемъ намѣреніи, и о томъ что пистолетъ находящійся у меня въ карманѣ можетъ обличить меня,— потому я замолчалъ, и принялъ съ нѣкоторымъ наружнымъ достоинствомъ сдѣланное мнѣ извиненіе.

Въ туже самую минуту, полицейскій чиновникъ отворилъ дверь ведущую въ кабинетъ министра и сказалъ мнѣ:

— Господинъ Лансе! пожалуйте!

Я вошелъ въ кабинетъ министра.

Министръ полиціи стоялъ обернувшись ко мнѣ лицемъ, которое я въ первый разъ видѣлъ, и которое въ послѣдствіи сдѣлалось очень мнѣ знакомымъ; Фуше былъ тогда еще республиканецъ и хотя онъ способствовалъ, честолюбивымъ замысламъ перваго консула, и угадывалъ уже можетъ быть самовластіе, которымъ будущій императоръ намѣревался подавить Францію; но однакожъ онъ былъ изъ числа тѣхъ людей, у которыхъ первыя убѣжденія никогда не изглаживаются совершенно. — и которые тѣмъ болѣе бываютъ виновны, перемѣняя свои мнѣнія, что они повинуются только чувству самолюбія, какъ любовники, оставляющіе любимую женщину и привязывающіеся къ другой, все таки сожалѣя о первой. — Бонапартъ никогда въ этомъ не обманывался, только въ половину вѣрилъ Фуше, и для собственной своей пользы, желалъ бы и совершенно ему не вѣрить.

Этотъ человѣкъ, въ послѣдствіи герцогъ Отрантскій, имѣлъ блѣдное лице, живые маленькіе глаза, былъ высокаго роста, и хотя умѣлъ говорить весьма убѣдительно; но его ловкой и суровой разговоръ имѣлъ въ себѣ нѣчто принужденное. — Однакожъ онъ искусно началъ говорить со мною. Я былъ тогда похожъ на птичку попавшуюся въ западню и для такого умнаго и могущественнаго человѣка, допрашивать меня было самымъ пустымъ и ничтожнымъ дѣломъ. — Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ въ передъ, учтиво поклонился, мнѣ, потомъ назвалъ меня по имени.

— Г. Лансе, сказалъ онъ извините мнѣ тотъ нѣсколько насильственный способъ, который я употребилъ чтобы повидаться съ вами. Я опасался, что пригласивъ васъ письменно къ себѣ, я

испугаю васъ, и возбужу въ васъ подозрѣнія. А потому я поручилъ одному другу моему....

— Одному другу вашему г. министръ? скажите лучше четыремъ друзьямъ вашимъ....

Фуше, казалось былъ удивленъ что четыре человѣка схватили меня; онъ заставилъ меня разсказать ему всѣ подробности моего ареста, которыя были ему уже очень хорошо извѣстны, и послѣ нѣсколькихъ извиненій продолжалъ:

— Поговорите теперь о дѣлѣ; первый консулъ очень доволенъ вами!

— Мною, г. министръ! воскликнулъ я.

— Да вами, вы оставили Англію; для того чтобы возвратиться въ свое отечество, вы отстали отъ партіи непріятелей Франціи чтобы присоединиться къ истиннымъ патріотамъ; прибывъ въ Парижъ вы поспѣшили исключить себя изъ списка эмигрантовъ. Все это очень хорошо.

Говоря это онъ улыбался страннымъ образомъ и рукою указывая мнѣ на бюстъ бонапарта украшенный лаврами и стоявшій на комодѣ, повторилъ мнѣ:

— Первый консулъ, очень доволенъ вами г. Лансе, но я сердитъ на васъ.

Нѣсколько изумленный этимъ пріемомъ, котораго я вовсе не ожидалъ, и не зная еще, не обманываетъ ли меня Фуше, и не кончится ли это свиданіе трагически для меня, я поспѣшилъ сказать ему.

— Я никогда не имѣлъ чести быть знакомымъ съ вами г. министръ; и не думалъ что буду имѣть несчастіе....

— Да, да, я сердитъ на васъ г. Лансе, сказалъ онъ мнѣ шутливо.... зачѣмъ это вы ходите всегда съ оружіемъ въ карманѣ?... Знаете ли что за это можно попасть въ Венсенской замокъ на казенную квартиру?... А это было бы очень непріятно для такого человѣка какъ вы, у котораго сегодня вечеромъ столько дѣла, не правда ли?... Свиданіе и притомъ, свиданіе любовное!... Дайте мнѣ этотъ пистолетъ, который у васъ въ карманѣ....

Пораженный изумленіемъ, я вынулъ пистолетъ свой изъ кармана и подалъ его Фуше.

Но удивленіе мое еще не кончилось.

Фуше небрежно взялъ пистолетъ, внимательно посмотрѣлъ на него, повертѣлъ его въ рукахъ и потомъ сказалъ.

— Боже мой! да это просто шутка! потому что оружіе вовсе неопасно.

Говоря такимъ образомъ, онъ взялъ свою тросточку и опустилъ ее въ пустой и разряженной стволъ пистолета.

Вы помните другъ мой, продолжалъ маркизъ, что я зарядилъ мой пистолетъ отправляясь въ оперу, видя этотъ пистолетъ разряженнымъ, это оружіе которое я не выпускалъ изъ рукъ, я подумалъ, что это сдѣлалось посредствомъ волшебства.

— Милостивый государь, сказелъ мнѣ Фуше, отпуская меня, теперь такъ какъ вы принадлежите къ нашей партіи, я могу говорить съ вами откровенно; отошлите, этаго маленькаго слугу, котораго вы привезли изъ Лондона, я сомнѣваюсь чтобы онъ вамъ былъ когда либо полезенъ, а мнѣ онъ теперь болѣе не нуженъ.

Я покраснѣлъ и хотѣлъ выдти вонъ. Онъ кликнулъ меня.

— Вы можете понять, сказалъ онъ мнѣ, что я ни сколько не думаю, что вы когда либо имѣли намѣреніе сдѣлать дурное употребленіе изъ этаго пистолета.... Я отъ природы неподозрителенъ; но вижу только, изъ вашихъ поступковъ, что вы не почитаете себя въ безопасности ночью на улицахъ Парижа и это обижаетъ меня. Будьте спокойны господинъ де-Лансе, полиція наблюдаетъ за вами, какъ и за всѣми прочими гражданами. Съ вами не случится ничего дурнаго.

Я обѣщалъ министру полиціи, ходить съ тѣхъ поръ безъ оружія по улицамъ Парижа.

— И въ особенности безъ Англійскаго оружія; прибавилъ онъ съ хитрою улыбкою, ему свойственною.

Наконецъ я вышелъ отъ Фуше. Очутившись на улицѣ я ощупалъ свою голову, едва вѣря самъ себѣ, что я нахожусь на свободѣ; однакожь въ этомъ нельзя было сомнѣваться, одинъ только пистолетъ мой остался въ плѣну; что касается до меня, то я могъ свободно идти въ ту сторону въ какую мнѣ будетъ угодно. Я пошелъ къ Оперному театру. Когда я подошелъ къ крыльцу его, то первая піеса, уже кончилась, и я видѣлъ не бывъ самъ замеченнымъ, какъ дѣвица Фанъ-Бурнеръ вмѣстѣ съ своимъ отцомъ садилась въ карету. Старая дама, эта мнимая знакомая моего семейства и которую я имѣлъ тогда причины подозрѣвать, гораздо болѣе знакомою съ министромъ полиціи, нежели съ моимъ семействомъ подошла ко мнѣ.

— Куда вы это дѣвались, въ продолженіи двухъ послѣднихъ актовъ, мой милый маркизъ, сказала она мнѣ, я думала что какія нибудь, прекрасныя дамы васъ похитили.

— Я ходилъ къ одному изъ моихъ друзей, отвѣчалъ я ей....

дѣлалъ такой визитъ который нельзя было мнѣ отложить до другаго времени.

— И такъ, вы свободны теперь маркизъ?

— Совершенно свободенъ сударыня.

Мы взяли наемную карету, чтобы отправиться въ домъ занимаемый г. Фанъ-Бурнеромъ, и моя сваха представила меня, какъ одного изъ своихъ короткихъ пріятелей, пріѣхавшаго изъ Англіи, который можетъ сообщить, бывшему подрядчику, нѣкоторыя подробности о различныхъ коммерческихъ домахъ въ Лондонѣ. Г. Фанъ-Бурнеръ отвелъ меня въ сторону и сказалъ мнѣ на прямикъ.

— Дочь моя любитъ васъ сударь, для васъ она отказалась отъ весьма богатаго жениха; я предлагаю вамъ ея руку.

Я готовъ былъ упастъ на колѣни предъ дѣвицею Бурнеръ и осыпать выраженіямм моей благодарности отца ея, но онъ остановилъ меня.

— Вы понимаете, сказалъ онъ мнѣ потупивъ глаза, что я дѣйствую не по своей волѣ, я уступаю желанію моей дочери, которое говоритъ мнѣ, что она умретъ, если я не позволю ей выдти за мужъ за того человѣка, котораго она любитъ; отцу не прилично бы было въ другомъ случаѣ, самому предлагать руку дочери такой какъ моя: прекрасной, добродѣтельной и богатой, мнѣ должно бы было дожидаться, чтобъ у меня просили ея руки. Я дѣлаю это по принужденію, но отъ васъ зависитъ, чтобы я былъ одинаковаго мнѣнія съ моею дочерью.... Я полагаю, что вы честный человѣкъ сударь, и сдѣлаете счастливою дочь мою.

— Милостивый государь, отвѣчалъ я ему, я не принимаю драгоцѣннаго подарка, который мнѣ дѣлаетъ ваша дочь; я хочу получить его не отъ нее а отъ васъ самихъ. Позвольте мнѣ посѣщать васъ и тогда вы узнаете меня.

— Вы легко можете понять, мой милый Альфредъ, продолжалъ маркизъ, что я совершенно позабылъ о тѣхъ важныхъ дѣлахъ, о которыхъ хотѣла говорить со мною гражданка Фульвія. Напрасно посылала она ко мнѣ несколько разъ своего маленькаго лакея въ голубой ливреѣ. Я полюбилъ отъ всего сердца дѣвицу Берту Фанъ Бурнеръ, и сказалъ черезъ нѣсколько дней послѣ того отцу ея.

— Почтеннѣйшій г. Фанъ-Бурнеръ, я небуду говорить вамъ, что я желалъ бы чтобъ дочь ваша имѣла только одну красоту свою и добродѣтель, это показалось бы вамъ невѣроятно, хотя

это правда, а скажу только что я желалъ бы, чтобы вы были не такъ богаты.

— Полноте мой милый зять, отвѣчалъ г. Фанъ-Бурнеръ, я увѣренъ что дочь моя сдѣлала очень хорошій выборъ; пойдемте въ церковь.

Я сдѣлался мужемъ Берты, продолжалъ маркизъ, обладателемъ огромнаго богатства, владѣльцемъ этаго прекраснаго помѣстья, въ которомъ вы забавляетесь охотою мой милый Альфредъ, навсегда покинулъ мое мѣсто въ оперномъ театрѣ и пріѣхалъ жить сюда съ моею женою и тестемъ. Я былъ совершенно счастливъ. Фуше говорилъ правду; пріѣхавъ во Францію и женившись на богатой невѣстѣ, я сдѣлался приверженцемъ Наполеона. Въ послѣдствіи времени потерявъ моего тестя и жену, я остался одинъ и рѣшился не выѣзжать изъ этого помѣстья, гдѣ все напоминаетъ мнѣ прежнее мое счастіе. Принужденный пріѣхать по нѣкоторымъ важнымъ дѣламъ въ Парижѣ, я рѣшился побывать у Фуше, сдѣлавшагося герцогомъ Отроитскимъ, онъ принялъ меня какъ стараго знакомаго и послѣ обыкновеннаго разговора сказалъ мнѣ:

— Признайтесь г. маркизъ, что вы хотѣли сдѣлать важное преступленіе?

Я потупилъ глаза въ землю.

— Къ стати у меня остался вашъ пистолетъ. И Фуше вышелъ въ кабинетъ свой, вынесъ оттуда этотъ пистолетъ, который вы видите передъ собою и отдалъ его мнѣ.

Я взялъ пистолетъ, положилъ его въ карманъ и просилъ герцога перемѣнить разговоръ, но Фуше казалось не расположенъ былъ слушать меня.

— Знаете ли вы сказалъ онъ мнѣ, что вашъ маленькой Англійскій слуга былъ большой плутъ.... этотъ Джонъ.... кажется такъ онъ назывался?

— Точно такъ герцогъ.

— Ну такъ этотъ Джонъ стоилъ мнѣ очень дорого, я платилъ ему за его доносы о васъ, въ двое болѣе, чѣмъ бывшимъ графинямъ которыхъ я употреблялъ по полиціи.... Да, я вспомнилъ про эту графиню старинную пріятельницу вашего семейства, вы невидали ее послѣ того, не правда ли?

— Никогда г. герцогъ.

— Очень вѣрю этому.... эта была хитрая женщина маркизъ: она устроила бракъ вашъ съ дѣвицею Фанъ-Бурнеръ.... Она уже умерла теперь.

— Вѣчная память ей г. герцогъ.

— Вы не можете вообразить, продолжалъ Фуше какъ я люблю вспоминать о прошедшемъ; иные думаютъ что я люблю забывать; къ стати а гражданка Фульвія? я надѣюсь что вы воспользовались ея предложеніемъ? Я отвѣчалъ что рѣшившись вступить въ бракъ, съ дѣвицею Фанъ-Бурнеръ, я счелъ за нужное остаться ей вѣрнымъ даже до совершенія брака, Фуше похвалилъ мое благоразуміе, и увѣдомилъ меня, что эта дама накопила множество денегъ и что въ 1806 году онъ выдалъ ее за-мужъ за одного порядочнаго человѣка, который теперь служитъ при дворѣ, ибо полиція сказалъ онъ мнѣ не забываетъ никогда тѣхъ кто ей служилъ.

— Какъ, воскликнулъ я, неужели и она служила по полиціи?

— Чтожъ дѣлать! отвѣчалъ онъ мнѣ, нужно вездѣ имѣть друзей.

УЛЕТѢВШЕЙ.

К. П. Бр — ву.

Въ то мгновенье, когда ты одѣтая смертнымъ покровомъ
Надзвѣздной страны голубица, земную корону
Тихо сняла
И землѣ отдала,
И улетая, Крестомъ осѣнила себя —
Все застонало,
Все зарыдало!
Плакалъ, кто только слыхалъ о тебѣ, — но болѣе плакалъ
Знавшій тебя, — а тѣ, съ кѣмъ ты сердцемъ сжилась....
У нихъ не было слезъ, — за то послѣ ихъ счесть не могли! —
Время придетъ — и люди завидовать будутъ
Намъ въ счастьи, которое насъ посѣтитъ, но скорби —
Скорби, съ какой мы его отъ себя проводили — гдѣжъ вспомнить?!..

Въ то мгновенье, какъ жизнь для нея начиналась,
Ангелъ жизни, явившись предъ Богомъ, сказалъ:
Много вѣнковъ у меня для ребенка: изъ лилій сплетенный
Свѣжій вѣнецъ красоты, и брачный изъ миртъ, и корона, —
Есть и лавровый вѣнецъ — борьбы и побѣды духовной....
Есть и терновый — страданья, величья и славы....
Который избрать повелишь вновь прибывшему въ мірѣ? —
«Всѣ для него! — Сказалъ Всемогущій, — одинъ лишь оставь —
Всѣ награждающій!..

Въ день смерти ея — снова Ангелъ предсталъ
Предъ небесный Престолъ и молчалъ —

Лишь слезы текли у него и потокомъ своимъ судью вопрошали, —
И слышенъ былъ голосъ: воззри! и Ангелъ взглянулъ —
И увидѣлъ онъ взоръ — дѣвы взоръ умоляющій,
А надъ ней кротко, мирно стоялъ —
И ее утѣшалъ
Искупитель благословляющій!...

А. С.

Елена,

или

ОНА ЗАМУЖЕМЪ.

КОМЕДІЯ-ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ,

ПЕРЕДѢЛАННАЯ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

П. С. Ѳедоровымъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Ѳедоръ Ивановичъ Кобринъ, отставной генералъ, богатый помѣщикъ.
Елена Петровна, его жена.
Евгеній Павловичъ Саранскій, воспитанникъ Кобрина.
Артемій Васильевичъ Бѣлянкинъ, деревенскій школьный учитель.
Паша, племянница управителя деревни Кобрина.

Дѣйствіе происходитъ въ деревнѣ Кобрина, не влалекѣ отъ Петербурга.

Большой залъ. Въ глубинѣ, чрезъ открытыя окна и дверь, видѣнъ садъ. По сторонамъ двери; впереди, на-право отъ актеровъ, маленькій столъ; на лѣво ломберной столъ; на немъ пустая корзина.

ЯВЛЕНІЕ I.

САРАНСКІЙ и БѢЛЯНКИНЪ (*выходятъ изъ заднихъ дверей*).

БѢЛЯНКИНЪ. Такъ вы, сударь, только что изъ Петербурга?...

САРАНСКІЙ. Лучше сказать изъ Берлина.... Я, мимоѣздомъ, пробылъ въ Петербургѣ не болѣе пяти часовъ.

БѢЛЯНКИНЪ. Изъ Берлина?... Вы, должно быть, ужасно устали!... Легко ли свершить такой путь!... Нѣтъ-съ, вотъ я такъ далѣе Новгорода нигдѣ не бывалъ, хотя по географіи знаю всю вселенную, какъ свои пять пальцевъ.... Позвольте вамъ рекомендоваться.... я имѣю честь быть главнымъ инспекторомъ и учителемъ здѣшней школы....

САРАНСКІЙ. Какъ? ужъ здѣсь заведена школа?

БѢЛЯНКИНЪ. Да-съ.... Еще въ прошломъ году его превосходительство Ѳедоръ Ивановичъ Кобринъ.... то есть, нашъ помѣщикъ, чрезвычайно заботился о просвѣщеніи своихъ крестьянъ....

САРАНСКІЙ. Скажите, проснулся ли Ѳедоръ Ивановичъ?...

БѢЛЯНКИНЪ. Какъ проснулся?... Что вы этимъ хотите сказать?.. Я васъ не понимаю?...

САРАНСКІЙ. Странно!... Я васъ спрашиваю, кажется, по-русски: проснулся ли Ѳедоръ Ивановичъ?... Вѣдь онъ, я думаю всякій день спитъ....

БѢЛЯНКИНЪ. Должно быть, такъ-съ.... но проснулся ли онъ, я, право, не знаю.... у насъ въ деревнѣ нѣтъ телеграфа, и мы съ Петербургомъ не ведемъ переговоровъ....

САРАНСКІЙ. Да развѣ онъ въ Петербургѣ?...

БѢЛЯНКИНЪ. Не могу вамъ сказать, въ Петербургѣ ли онъ.... но по крайней мѣрѣ, сюда еще не пріѣзжалъ....

САРАНСКІЙ. Такъ его здѣсь нѣтъ?... это удивительно!... Бывало, за-всегда онъ проводилъ здѣсь лѣто....

БѢЛЯНКИНЪ. Да-съ, проводилъ.... въ прошломъ году еще онъ прожилъ здѣсь до сентября.... у насъ было превесело.... тьма гостей перегостило.... и мужчины, и дамы, и дѣвицы.... и какія еще дѣвицы!... преотмѣнныя! въ особенности одна.... совершенная роза!... И такая веселая, такая рѣзвая.... всѣ поля здѣсь обѣгала.... Превесело было!... А вотъ [въ нынѣшнемъ году, что-то его превосходительство замѣшкался.... мы и придумать не можемъ причины.... ждемъ его каждую минуту....

САРАНСКІЙ. Вы думаете, что онъ скоро пріѣдетъ?...

БѢЛЯНКИНЪ. Должно быть очень скоро.... Нашъ управитель получилъ извѣстіе.... По моему расчету онъ уже въ дорогѣ другой день, и долженъ пріѣхать сегодня сюда....

САРАНСКІЙ *(снимаетъ перчатки и ставитъ шляпу на маленькой столикъ)*. Такъ я его дождусь.... я не могу уѣхать, не взглянувъ на моего благодѣтеля, на моего втораго отца!...

БѢЛЯНКИНЪ. Да вы, должно быть, коротко знакомы съ его превосходительствомъ?...

САРАНСКІЙ. Боже мой! да я обязанъ ему всѣмъ.... Онъ съ малолѣтства заботился обо мнѣ, сиротою принялъ меня въ свой домъ.... я выросъ на его глазахъ.... пользовался и совѣтами его, и деньгами.... Это рѣдкій человѣкъ!

БѢЛЯНКИНЪ. Удивительнѣйшій человѣкъ!... Я живу у него только еще второй годъ, а ужъ такъ имъ облагодѣтельствованъ, что, кажется, никогда съ нимъ не разстанусь.... не смотря на то, что я въ столицѣ могъ бы пріобрѣсть и извѣстность, и состояніе.... Надобно вамъ сказать, что я воспитывался сначала въ семинаріи.... и хотѣлъ было перейти въ академію, да пріѣхалъ на ваканцію, по сосѣдству съ здѣшнимъ селомъ, къ одному родственнику.... въ это время его превосходительство заводилъ у себя школу и искалъ учителя.... мѣсто было и видное, и выгодное.... я тотчасъ явился къ нему.... онъ меня проэкзаменовалъ, и нашелъ, что я силенъ во всѣхъ наукахъ.... и въ грамматикѣ, и въ ариѳметикѣ.... въ особенности въ чистописаніи.... мы мигомъ по-

ладили!... Пребезподобная бы жизнь была здѣсь, еслибъ не одна причина.... а надобно вамъ сказать, что у меня почти все есть....

№ 1.

Свой домикъ, свой домашній скотъ,
Свой садъ, работникъ для услуги....
Да одного не достаетъ!...

САРАНСКІЙ.

Чего же?

БѢЛЯНКИНЪ.

Молодой супруги!

Ахъ, если бы вы знали, какъ я влюбленъ!... Эта ужасная любовь довела меня до ужаснаго положенія!... все она, да она на умѣ!...

Теперь летятъ всѣ мысли къ ней....
Они меня грызутъ и мучатъ,
Я какъ дуракъ учу дѣтей!...

САРАНСКІЙ.

У насъ и многіе такъ учатъ!...

БѢЛЯНКИНЪ (*идетъ въ глубину театра, и смотритъ на-право—въ садъ*). Ахъ, Боже мой!...

САРАНСКІЙ. Что съ вами?

БѢЛЯНКИНЪ (*также*). Ничего-съ.... ничего-съ....

САРАНСКІЙ. Вы пожалуйста предувѣдомте меня, когда пріѣдетъ.... Да вы меня вовсе не слушаете?....

БѢЛЯНКИНЪ. Ничего-съ.... говорите.... говорите....

САРАНСКІЙ. Однакожъ это не очень учтиво.... съ вами говорятъ, а вы....

БѢЛЯНКИНЪ. Ахъ, извините.... мнѣ показалось, что тамъ, вонъ въ той аллеѣ.... шла одна особа....

САРАНСКІЙ. А! вы вѣрно, кого-нибудь ожидаете?....

БѢЛЯНКИНЪ (*посматривая въ садъ*). Да-съ, я жду ее каждую

минуту.... но она только-что по утрамъ приходитъ сюда.... за молокомъ для управителя....

САРАНСКІЙ. Ктожъ это?... Его жена?...

БѢЛЯНКИНЪ. О, нѣтъ-съ.... вовсе не жена.... нашъ управитель человѣкъ вдовый.... нѣтъ-съ.... его племянница.... Прасковья Семеновна.... Она въ прошломъ году пріѣхала сюда къ дядюшкѣ.... и осталась у него жить.... Безподобная дѣвица!...

САРАНСКІЙ. Да ужъ не она ли это побѣдила ваше сердце?...

БѢЛЯНКИНЪ. Ахъ! она-съ!...

САРАНСКІЙ. Чтожъ вы на ней не женитесь?...

БѢЛЯНКИНЪ. Да я готовъ хоть сейчасъ жениться.... да вотъ, изволите видѣть, что: она живетъ подъ строгимъ присмотромъ у дяди и совершенно отъ него зависитъ.... а дядюшка ея хоть человѣкъ и препочтенный.... но такъ строгъ, что я вотъ ужъ съ полгода сбираюсь поговорить съ нимъ о моей любви.... да все не осмѣливаюсь.... бывали и случаи къ разговору.... да какъ только начнешь.... такъ вотъ такъ духъ и займетъ....

САРАНСКІЙ. Это странно.... вѣдь вы, вотъ, говорите же со мной?...

БѢЛЯНКИНЪ. Съ вами — дѣло другое.... вы мнѣ вовсе не страшны.... къ вамъ я не чувствую такой страсти, какъ къ племянницѣ нашего управителя.... а вѣдь отъ него зависитъ все....

№ 2.

Я вамъ безъ сомнѣнья
Во всемъ признаюсь,
А съ нимъ объясненья
Ужасно боюсь!
Его повстрѣчаешь
Такъ весь пропадешь,
И умъ потеряешь,
И словъ не найдешь....

Да, ужъ гдѣ замѣшалась любовь, — тамъ по-неволѣ сдѣлаешься безсловеснымъ!...

Случись мнѣ съ Прасковьей
Семеновной быть,
Такъ, стыдъ, о здоровѣ
Не смѣешь спросить....
Огромныя рѣчи

Безъ ней затвердишь,
При первой же встрѣчи
Глядишь да молчишь!...

САРАНСКІЙ. Это удивительно!...

БѢЛЯНКИНЪ. Да-съ!... Надобно вамъ сказать, однакожъ, что я и въ семинаріи былъ очень робокъ.... Бывало, учитель заставитъ сочинить рѣчь.... ну, и сочинишь по всѣмъ правиламъ риторики... да какъ придется встать на кафедру, да говорить.... такъ и станешь въ тупикъ.... Это мнѣ много вредило.... а то бы я могъ быть, просто, ораторомъ!... Впрочемъ, въ письменныхъ сочиненіяхъ я всегда отличался.... я въ день могу написать самымъ мелкимъ и четкимъ почерткомъ, по крайней мѣрѣ, четыре страницы.... По воскресеньямъ я всегда упражняюсь въ этихъ занятіяхъ.... очиниваю новинькое перышко.... исписываю кругомъ листъ бумаги.... и при удобномъ случаѣ, подношу Прасковьѣ Семеновнѣ цѣлую главу самыхъ страстныхъ любовныхъ изъясненій....

САРАНСКІЙ. И она ихъ принимаетъ?...

БѢЛЯНКИНЪ. Принимаетъ!... Но до сихъ поръ не отвѣчала мнѣ еще ни на одно посланіе.... Это меня рѣшительно мучитъ.... я не имѣю еще никакого понятія о ея чувствахъ.... а то бы ужъ давно послалъ къ ея дядѣ письмо.... оно уже мѣсяцъ тому назадъ у меня приготовлено.... Ахъ!... (*Смотритъ въ садъ*).

САРАНСКІЙ. Вѣрно идетъ сюда предметъ вашей страсти?.... Останьтесь же съ нею на-единѣ.... я не хочу вамъ мѣшать.... да будьте посмѣлѣе....

БѢЛЯНКИНЪ. Да не угодно ли, до пріѣзда его превосходительства, пожаловать ко мнѣ позавтракать?..

САРАНСКІЙ. Благодарствуйте....

БѢЛЯНКИНЪ. Пожалуйте, сдѣлайте милость... меня легко найдти.. спросите у перваго мальчишки, гдѣ школа, такъ васъ тотчасъ же приведутъ ко мнѣ.... вотъ тамъ, по большой дорогѣ, первый деревянный домъ за садомъ.... съ мезониномъ.... а я сію минуту явлюсь къ вамъ....

САРАНСКІЙ. Не безпокойтесь.... я погуляю по саду, по деревнѣ, а потомъ зайду и къ вамъ....

БѢЛЯНКИНЪ. Такъ до свиданія....

(*Саранскій уходитъ въ садъ; вдали раздается пѣсня Паши*).

ЯВЛЕНІЕ II.

БѢЛЯНКИНЪ И ПОТОМЪ ПАША.

БѢЛЯНКИНЪ (*въ глубинѣ театра смотритъ въ садъ*). Ахъ, вотъ она! вотъ моя прелесть!... Боже мой! я дрожу, какъ въ лихорадкѣ!... а сердце-то, сердце-то, вотъ такъ и хочетъ выскочить!... Ну, не глупъ ли я!... Боюсь дѣвушки.... а еще принадлежу къ классу ученыхъ людей!... (*Въ сторону*). Боже мой!... какъ она безподобна!...

ПАША (*вбѣгая*).

№ 3.

Безъ росы цвѣтокъ отъ зноя
Въ полѣ засыхаетъ,
А безъ милаго дѣвица
Съ горя пропадаетъ.

Люди злые у несчастной
Счастье отнимаютъ,
Не за нравъ ее, за бѣдность
Съ другомъ разлучаютъ.

Лучше съ жизнію разстаться,
Чѣмъ въ тоскѣ томиться,
Что́ и жизнь, какъ нѣтъ надежды
Съ милымъ съединиться!

(*замѣтивъ Бѣлянкина, съ сторону*). А! нашъ безсловесный учитель здѣсь.... Боже мой! да скажетъ ли онъ мнѣ хоть сегодня что-нибудь?... Только что пишетъ все письма.... а что мнѣ въ нихъ, когда я не умѣю читать....

БѢЛЯНКИНЪ (*въ сторону*). Какъ бы это начать разговоръ... Ну... смѣлѣе.... (*Робко подходя къ Пашѣ*). Прасковья Семеновна!... Позвольте....

ПАША. Ахъ, это вы, Артемій Васильичъ?...

БѢЛЯНКИНЪ. Да-съ.... я.... позвольте.... позвольте вамъ сказать....

ПАША. Что-съ?...

БѢЛЯНКИНЪ. А вотъ что-съ!... что вы.... что вы....

ПАША. Вамъ, вѣрно, странно, что я сегодня очень весела?...

БѢЛЯНКИНЪ. Да-съ.... точно такъ....

ПАША. Мудрено мнѣ не веселиться.... я получила сегодня прерадостное извѣстіе....

БѢЛЯНКИНЪ. А смѣю ли узнать-съ.... какое это извѣстіе?...

ПАША. Почему же.... это вовсе не секретъ.... вотъ видите.... вы знаете, что я сирота и кромѣ дядюшки теперь нѣтъ у меня никакой родни.... послѣ смерти моихъ родителей, онъ принялъ меня къ себѣ въ домъ.... но дядюшка, хоть и управитель, а ничего не имѣетъ... онъ все горевалъ о моей участи... но вообразите, сегодня утромъ вдругъ подозвалъ меня къ себѣ дядюшка, и сказалъ мнѣ: «радуйся Паша!... я сейчасъ получилъ письмо изъ Петербурга отъ Ѳедора Ивановича.... онъ тебѣ далъ чудесное мѣсто при здѣшнемъ домѣ.... ты съ нынѣшняго дня — главная смотрительница надъ фермой!...» Я чуть съ ума не сошла отъ радости.... и до сихъ поръ, не могу еще понять, какъ это вздумалось ему дать мнѣ такое прекрасное мѣсто....

БѢЛЯНКИНЪ. Да-съ, это пріятно!... Да отъ него кромѣ хорошаго нечего ожидать.... у него, не смотря на восемьдесятъ лѣтъ, слишкомъ хороша еще память для добрыхъ дѣлъ....

ПАША. Удивительный человѣкъ!... теперь я ужъ истинно счастлива!... вѣдь я буду получать пять сотъ рублей въ годъ! Это не бездѣлица для бѣдной дѣвушки....

БѢЛЯНКИНЪ. Да-съ, это очень хорошо.... особенно для нѣкотораго обстоятельства....

ПАША. Для какого же обстоятельства?...

БѢЛЯНКИНЪ. Для нѣкотораго-съ.... оно теперь меня чрезвычайно занимаетъ....

ПАША. Что жъ это такое?... (*Въ сторону*). Вѣрно, не скажетъ....

БѢЛЯНКИНЪ (*съ смущеніемъ показывая письмо*). Вотъ, если бы вы изволили взять это письмо.... такъ узнали бы все....

ПАША (*въ сторону*). Опять письмо!... Боже мой, да когда этому будетъ конецъ?.. (*Вслухъ*). Нѣтъ-съ, я не возьму!...

БѢЛЯНКИНЪ. Сдѣлайте милость, прочтите....

ПАША. Нѣтъ-съ.... не могу.... (*Въ сторону*). По неволѣ не могу, когда не умѣю читать....

БѢЛЯНКИНЪ. Такъ вы не прочтете-съ?...

ПАША. Да-съ, не прочту!...

БѢЛЯНКИНЪ (*въ сторону*). Ну, что ты станешь дѣлать съ такой скромницей.... (*Вслухъ*). Помилуйте, да вѣдь вы получали же отъ меня прежде письма....

ПАША. Получала.... да еще и не распечатывала....

БѢЛЯНКИНЪ. Что вы говорите?

ПАША. Ей Богу!...

БѢЛЯНКИНЪ (*въ сторону*). Ахъ, ты Господи!... вотъ ужъ дѣвушка, подумаешь!...

ПАША (*вынимая изъ передника нѣсколько писемъ, и отдавая ихъ Бѣлянкину*). Вотъ они!... Посмотрите!...

БѢЛЯНКИНЪ (*взявъ письма, и разсматривая*). Да-съ.... всѣ до одного тутъ.... и печати цѣлы....

ПАША. Счастливы еще вы, что я не показала ихъ дядюшкѣ.... а то бы онъ съ вами поговорилъ....

(*Вдали слышенъ шумъ*).

БѢЛЯНКИНЪ. Что это за шумъ?...

ПАША (*смотря въ аллею*). Посмотрите, посмотрите.... крестьяне бѣгутъ за какой-то каретой.... Боже мой!... Ужъ не Ѳедоръ ли Иванычъ?...

БѢЛЯНКИНЪ. Вѣрно онъ!... вѣрно онъ!... А меня тамъ нѣтъ.... Ахъ, Боже мой!... А между тѣмъ, здѣсь... такой случай....

ПАША. Бѣгите, бѣгите скорѣе.... это точно онъ!...

БѢЛЯНКИНЪ. Сію минуту.... (*Убѣгаетъ въ садъ, на-право*).

ЯВЛЕНІЕ III.

ПАША (*одна*).

ПАША. Опять ни слова!... Да это пренесносно! Еще учитель, а боится говорить съ дѣвушкой.... (*Подходитъ къ задней двери, и смотритъ въ садъ*). Какая прекрасная карета!... А!... вотъ какая-то дѣвушка выскочила изъ дверецъ.... какая она живая!... вотъ помогаетъ нашему старику.... даетъ ему руку.... какъ она объ немъ заботится!... Остановились у бесѣдки.... Какъ онъ ее обнимаетъ.... цѣлуетъ въ лобъ.... показываетъ, чтобъ она шла.... уфъ, какъ пустилась!... точно стрѣла!... бѣжитъ сюда.... Ахъ, тише, тише....

ЯВЛЕНІЕ IV.

ЕЛЕНА И ПАША.

ЕЛЕНА (*вбѣгая съ прыжками*). Что за цвѣты! что за садъ! Прелесть!... (*Увидя Пашу, вскрикиваетъ*). Паша!... да это ты?...

(*Подбѣгаетъ къ ней*)

ПАША. Ахъ, Боже мой! Елена Петровна!

ЕЛЕНА. Такъ ты меня еще не забыла?

ПАША. Помилуйте.... да какъ же мнѣ васъ забыть?... помните ли прошлое лѣто?...

ЕЛЕНА. Какъ не помнить! я превесело провела здѣсь каникулы.... Ну, скажи, ты ужъ опредѣлена?...

ПАША. Такъ вы знаете, сударыня, что мнѣ дали мѣсто?...

ЕЛЕНА. Какъ не знать?... я вѣдь для тебя тотчасъ же выпросила это мѣсто, какъ только вышла замужъ....

ПАША (*скоро*). Развѣ вы замужемъ?....

ЕЛЕНА. Ужъ два мѣсяца!... Я тебѣ разскажу, какъ это случилось.... престранное произшествіе....

ПАША. Ахъ, разскажите скорѣе, сударыня....

ЕЛЕНА. Ты, ужъ знаешь, что я года три тому назадъ лишилась матушки.... у меня, кромѣ моего вотчима, не оставалось въ мірѣ ни одного родственника.... и къ нему-то, по несчастію, попала я подъ опеку!...

ПАША. Да объ вашемъ вотчимѣ не очень-то хорошая шла молва.... говорятъ, все имѣніе ваше разтранжирилъ....

ЕЛЕНА. Да, онъ очень дурно со мной поступалъ.... я была пренесчастная.... Мы жили тогда въ Семеновскомъ полку, въ маленькихъ двухъ комнатахъ.... я занималась вышиваньемъ и по цѣлымъ днямъ плакала.... меня никто не зналъ, кромѣ одного молодаго студента.... онъ жилъ на однихъ сѣняхъ съ нами.... всякой разъ, когда я встрѣчалась съ нимъ, онъ мнѣ преучтиво кланялся.... и хоть никогда ни слова со мной не говорилъ, но я его полюбила... всей душой. Надобно тебѣ сказать, что мой вотчимъ, съ нѣкотораго времени, приводилъ ко мнѣ очень часто какого-то богатаго урода.... онъ возилъ насъ на гулянья въ своей каретѣ.... и хоть былъ чрезвычайно услужливъ и любезенъ со мною.... но ужасно мнѣ не нравился!... Какъ-то, въ одинъ день, вздумалъ онъ везти насъ къ себѣ на дачу.... Не понимаю, какимъ образомъ узналъ объ этомъ мой милый студентъ.... Наканунѣ отъѣзда нашего, онъ вдругъ вбѣжалъ ко мнѣ въ комнату.... блѣдный, какъ смерть.... Послушайте, сказалъ онъ мнѣ, васъ хотятъ погубить!... вамъ угрожаетъ большая опасность!... Какая опасность?... Я не смѣю вамъ открыть ее.... но вы погибли, если не позволите мнѣ защитить васъ.... Имѣете ли вы ко мнѣ довѣренность?... Я посмотрѣла на него — и сказала: да!... Онъ пожалъ мою руку и убѣжалъ. На другой день, вдругъ явился къ намъ какой-то чиновникъ въ мундирѣ съ краснымъ воротникомъ и серебрянымъ шитьемъ....

спросилъ моего вотчима.... и вышелъ съ нимъ въ другую комнату.... я слышала ужасный крикъ.... брань, угрозы.... кончилось тѣмъ, что чиновникъ въ мундирѣ прескромно и превѣжливо проводилъ меня въ женскій пансіонъ, представилъ меня начальницѣ и просилъ имѣть обо мнѣ попеченіе.... Чрезъ нѣсколько часовъ явился ко мнѣ и мой милый покровитель. — Здѣсь вы найдете убѣжище отъ опасностей, сказалъ онъ мнѣ.... я ѣду изъ Петербурга и возвращусь къ вамъ, когда пріобрѣту что-нибудь.... Прощайте, прощайте.... я бы хотѣлъ не такъ проститься съ вами.... но не смѣю.... Почему же не смѣете, закричала я.... и бросилась къ нему на шею.... я плакала, и онъ плакалъ.... выбѣжалъ въ двери и исчезъ — и съ тѣхъ поръ я его больше не видѣла....

ПАША. Бѣдняжка!... а я думала, что вы за него-то и вышли замужъ?...

ЕЛЕНА. Нѣтъ, не за него....

ПАША. Какъ жаль!

ЕЛЕНА. Отъ чего?...

ПАША. Да, я и сама не знаю отъ чего.... По только я увѣрена, что онъ былъ бы безподобнымъ мужемъ.... Ну-съ, извольте же разсказывать.... васъ отдали въ пансіонъ.... къ мадамъ....

ЕЛЕНА. Къ мадамъ Дюкро.... Она меня очень полюбила.... да и всѣ почти меня полюбили тамъ.... За то я и старалась ужасно.... училась съ большимъ успѣхомъ.... и на экзаменѣ была изъ первыхъ!.. Не смотря на это, мнѣ было очень грустно.... Всѣ подруги мои были окружены родителями, родными.... всѣ были вкругъ меня счастливы.... одна только я не обращала на себя никакого вниманія.... Въ первый разъ въ жизни, я замѣтила свое сиротство — и стала плакать.... вдругъ подошелъ ко мнѣ старичекъ.... на лицѣ его написана была доброта.... онъ съ участіемъ сталъ со мною разговаривать, и такъ подружился со мной, что послѣ экзамена подвелъ меня къ мадамъ Дюкро, и сказалъ ей: представляю вамъ, мой старый и почтенный другъ, мою дочь.... она проситъ васъ провести всѣ каникулы въ моей деревнѣ....

ПАША. Такъ это былъ Ѳедоръ Ивановичъ?....

ЕЛЕНА. Да.... кому жъ болѣе и быть, какъ не ему?... Боже мой, я не знала чѣмъ отплатить ему за его ласки.... но наконецъ я нашла случай: нынѣшней зимой онъ сдѣлался очень, очень боленъ.... только-что я узнала объ этомъ, тотчасъ же отпросилась къ нему у мадамъ Дюкро....

ПАША. И вы жили у него во все время его болѣзни?...

ЕЛЕНА. Да.... и еслибъ ты знала, какъ онъ былъ доволенъ!..

Въ одинъ день, только что сдѣлалось ему полегче, онъ подозвалъ меня, и сказалъ мнѣ: Елена! согласна ли ты быть моей женой?... Вашей женой, закричала я!... Ахъ, Боже мой, да это превесело.... я останусь на-всегда съ вами.... буду васъ любить....

ПАША (*скоро*). И вы согласились?...

ЕЛЕНА. Въ туже минуту....

ПАША. И онъ женился на васъ?....

ЕЛЕНА. Черезъ мѣсяцъ!...

ПАША. Ахъ, Боже мой!

ЕЛЕНА. Ну, что ты?... Что за аханье?...

ПАША. Да какъ же не ахать! Вамъ сколько лѣтъ?

ЕЛЕНА. Восемнадцать!...

ПАША. А ему, вонъ говорятъ, ужъ семьдесятъ девять....

ЕЛЕНА. Восемьдесятъ!...

ПАША. Бездѣлица!

ЕЛЕНА. Да это ничего не значитъ!...

№ 4.

Онъ старъ, и очень старъ, конечно,
Я съ этимъ спорить не должна;
Но я люблю его сердечно,
Люблю, какъ вѣрная жена!
Его какъ дочь я почитаю!
Пусть сѣдина на немъ блеститъ....
Но въ немъ я лѣтъ не замѣчаю,
Когда со мной онъ говоритъ!

ПАША. Ну, а кудажъ дѣлся молодой-то человѣкъ?...

ЕЛЕНА. Не знаю....

ПАША. Вы вѣрно его ужъ позабыли?....

ЕЛЕНА. Позабыла?.... Помилуй, да за кого ты меня считаешь?... Я его никогда не забывала, и теперь еще чаще вспоминаю о немъ.... я его жду не дождусь.... онъ вѣрно меня не обманетъ, и по обѣщанію, скоро возвратится въ Петербургъ..... Я думаю о немъ и днемъ и ночью.... а она еще говоритъ, что я его забыла!.... Да развѣ я забываю своихъ друзей.... развѣ я забыла тебя?....

ПАША. Ну, простите меня!....

ЕЛЕНА. То-то, простите!.... Ты не знаешь, что я еще хочу для тебя сдѣлать..... я хочу выдать тебя за-мужъ..... да, я теперь рада всѣхъ переженить!.... Постой, я сыщу тебѣ жениха!....

ПАША (*скоро*). Да у меня ужъ есть!

ЕЛЕНА. Ужъ есть?.... ну, и онъ тебя любитъ?....

ПАША. Кажется, что любитъ.

ЕЛЕНА. Какъ кажется?.... развѣ онъ тебѣ не говорилъ?....

ПАША. Онъ никогда ничего не говоритъ..... онъ только что пишетъ.... и вообразите, я не умѣю читать, а онъ все отдаетъ мнѣ письма.....

ЕЛЕНА. Такъ мы станемъ читать ихъ вмѣстѣ, и будемъ сочинять отвѣты.....

ПАША. Неужели?.... да будто вы согласитесь?....

ЕЛЕНА. Ужъ будь покойна..... это будетъ превеселое занятіе... А! вотъ и Ѳедоръ Ивановичъ!

ЯВЛЕНІЕ V.

ПАША, ЕЛЕНА, КОБРИНЪ И БѢЛЯНКИНЪ. (*Елена, при видѣ Кобрина, подбѣгаетъ къ нему и беретъ его подъ руку*).

№ 5.

КОБРИНЪ.

О, какъ пріятно возвратиться
Изъ шума къ мирной тишинѣ!
Здѣсь духъ мой бренный укрѣпится,
Здѣсь буду счастливъ я вполнѣ....
Тамъ дружбы тяжкая измѣна,
Губила радость лучшихъ дней,
Но здѣсь одна моя Елена
Замѣнитъ всѣхъ моихъ друзей....
О, будь же ты, моя Елена,
Отрадой старости моей!

БѢЛЯНКИНЪ (*Кобрину*). Вы, я думаю, очень устали отъ дороги, ваше превосходительство?

КОБРИНЪ. Нѣтъ.... Когда я увидѣлъ моихъ друзей, моихъ дѣтей и мои завѣтныя деревья, тогда я позабылъ объ усталости....

БѢЛЯНКИНЪ. А каковы деревья, ваше превосходительство? вѣдь чудо, что такое!... взглянешь на верхушку, такъ шапка валится.....

КОБРИНЪ. Да, они однихъ лѣтъ со мною, но не похожи вовсе

на меня.... они еще крѣпки и здоровы, а я.... Елена, береги ихъ, когда меня не станетъ....

ЕЛЕНА. Ну вотъ, опять.....

КОБРИНЪ. Все можетъ случиться!.... Молодые наслѣдники любятъ все передѣлывать по своему..... столѣтніе дубы падаютъ часто отъ ихъ рукъ..... но они не знаютъ, что въ свѣтѣ не возможно пріобрѣсти двухъ вещей ни какими богатствами: вѣрной дружбы и старыхъ деревьевъ..... Они пріобрѣтаются однимъ только временемъ.....

ЕЛЕНА. А у васъ здѣсь есть и то и другое..... здѣсь васъ всѣ любятъ, всѣ уважаютъ..... здѣсь всѣ счастливы, всѣ облагодѣтельствованы вами..... Вотъ еще и недавно одна дѣвушка.... Паша..... она пришла васъ благодарить.

(Подводитъ къ нему Пашу).

КОБРИНЪ. А! твоя фаворитка..... племянница управителя?..... Здравствуй, душенька..... твой дядя славный человѣкъ..... я имъ очень доволенъ..... жаль только, что онъ не здоровъ..... что съ нимъ сдѣлалось?.....

ПАША. Да и самъ не знаетъ..... то у него лихорадка, то жаръ.....

КОБРИНЪ. Я зайду къ нему и посмотрю..... Ну, а ты Артемій Васильевичъ, каково поживаешь?...

№ 6.

Ну, какъ ты возишся съ дѣлами,
Исправно ль въ школѣ у тебя?
Доволенъ ли учениками?

БѢЛЯНКИНЪ.

О, въ школѣ всѣмъ доволенъ я:
Столы и лавки очень новы,
Ихъ не ломаютъ, не скоблятъ
Да всѣ и мальчики здоровы,
Прекрасно кушаютъ и спятъ!

КОБРИНЪ *(улыбаясь)*. И слава Богу!..... Старайся только, чтобъ они по лучше читали, да писали.... крестьянину необходима иногда грамота.....

ЕЛЕНА *(посматривая на Пашу)*. Я думаю и дѣвушкамъ она нужна.....

ПАША *(вздыхая въ сторону)*. Правда.....

КОБРИНЪ. Да, конечно нужна..... *(Еленѣ)*. Тебѣ надобно будетъ объ этомъ позаботиться..... изволь учреждать для нихъ свою школу..... вотъ тогда ты можешь свою Пашу сдѣлать начальницей.....

ПАША *(въ сторону)*. Хороша будетъ начальница!

КОБРИНЪ. Однакожъ, всѣ дѣльныя распоряженія отложимъ мы до другаго времени..... сегодня же у насъ будетъ деревенскій праздникъ.....

ЕЛЕНА *(съ радостію)* Деревенскій праздникъ? неужели?

КОБРИНЪ. Да, пѣсни, пляски, хороводы..... и все это въ нашемъ саду.....

ЕЛЕНА. Нѣтъ..... напрасно..... это васъ обезпокоитъ..... вы не любите шума....

КОБРИНЪ. Ничего, мой другъ..... я предоставлю тебѣ всѣхъ угощать..... а самъ отправлюсь на покой въ кабинетъ..... онъ далеко отъ саду.....

ЕЛЕНА. Да васъ и тамъ разбудятъ.....

КОБРИНЪ. Нужды нѣтъ..... я буду думать о тебѣ..... о твоемъ удовольствіи..... Да еще изволь-ка ожидать къ себѣ гостей изъ города.....

ЕЛЕНА. Гостей?.....

КОБРИНЪ. Да.... Я пригласилъ твою мадамъ Дюкро и двухъ твоихъ подругъ: Машу и Вѣрушку....

ЕЛЕНА (*прыгая отъ радости*). Ахъ, Боже мой! неужели онѣ пріѣдутъ?..... неужели?..... Ахъ, какъ вы милы, какъ вы добры!...

КОБРИНЪ. Но что жъ ты призадумалась?....

ЕЛЕНА. Да вотъ что.... у меня нѣтъ новаго платья....

КОБРИНЪ. Не правда, есть....

ЕЛЕНА. Неужели....

КОБРИНЪ. Оно въ твоей комнатѣ....

ЕЛЕНА. Какого цвѣта....

КОБРИНЪ. Увидишь.... поди, посмотри....

ЕЛЕНА. Сейчасъ, сейчасъ.... Ахъ, какой вы милый мужъ!.... *(Пашѣ)*. А ты поди на свою ферму, да приготовь сливокъ, масла, всего, всего....

(Убѣгаетъ на право, Паша въ средніе двери. Кобринъ садится въ кресла подлѣ стола; Бѣлянкинъ стоитъ подлѣ него).

ЯВЛЕНІЕ VI.

КОБРИНЪ И БѢЛЯНКИНЪ.

КОБРИНЪ. Ты, у меня, Артемій Васильевичъ, позаботься, чтобъ исправнѣе угощали крестьянъ.... видишь, управитель не здоровъ....

БѢЛЯНКИНЪ. Очень хорошо-съ.... Но я забылъ сказать, вашему превосходительству, что сюда пріѣхалъ какой-то господинъ, который васъ спрашивалъ и дожидается васъ у меня въ домѣ....

КОБРИНЪ. Кто жъ это такой?

БѢЛЯНКИНЪ. Позвольте.... онъ мнѣ сказалъ фамилію.... какъ бишь.... Сар.... помню что начинается съ Сары.... да! Саранскій!....

КОБРИНЪ. Евгеній!.... Евгеній здѣсь!... какимъ чудомъ?... вотъ уже другой годъ какъ онъ оставилъ меня, я не зналъ гдѣ онъ, что съ нимъ дѣлалось.... и вдругъ.... Поди, бѣги, проси его сюда....

БѢЛЯНКИНЪ (*смотря въ садъ*). Да вотъ-съ онъ идетъ сюда и самъ....

САРАНСКІЙ (*входя, видитъ Кобрина и бросается въ его объятія*). Мой благодѣтель!...

КОБРИНЪ (*сжимая его въ объятіяхъ*). Другъ мой!.... (*Бѣлянкину*). Оставь насъ.... (*Бѣлянкинъ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

КОБРИНЪ И САРАНСКІЙ.

КОБРИНЪ. Тебя бы надобно порядкомъ побранить!.... Ну, похвально ли это, бросить меня на такое долгое время?... хорошо еще, что ты нашелъ меня въ живыхъ.

САРАНСКІЙ. Слава Богу!.... я вижу васъ и не нахожу въ васъ ни какой перемѣны.

КОБРИНЪ. И въ продолженіи полутора года ни словечка не написать!... Не хорошо, право не хорошо.... вдругъ собрался — и уѣхалъ не простившись....

САРАНСКІЙ. Знаю, что я дурно поступилъ.... но не обвиняйте меня.... мнѣ въ это время было очень грустно.... я былъ такъ не здоровъ....

КОБРИНЪ. Я угадываю отъ чего.... вѣрно у тебя было воспаленіе, называемое иначе любовью....

САРАНСКІЙ. Вы угадали.... я точно любилъ одну дѣвушку.... это ангелъ!.... но у нея ничего не было, я также ничего не имѣлъ.... и я рѣшился....

КОБРИНЪ. На что?

САРАНСКІЙ. Изъ вашихъ благодѣяній я накопилъ порядочную сумму, которая могла меня содержать нѣкоторое время въ чужихъ краяхъ.... я отправился за границу, слушалъ лекціи въ Германскихъ Университетахъ — и теперь намѣренъ посвятить себя службѣ по ученой части.... Труды мои, можетъ, быть увѣнчаются успѣхомъ и тогда....

КОБРИНЪ. Ты женишься?.... Прекрасно! я хвалю твои намѣренія.... трудись — и ты не останешься безъ награды.... Теперь я совершенно примиренъ съ тобою.... когда ты вздумаешь жениться — я буду твоимъ посаженымъ отцемъ, я помогу тебѣ....

САРАНСКІЙ. Нѣтъ, вы ужъ и такъ много для меня сдѣлали....

КОБРИНЪ. Я дѣлалъ только то, чего требовала моя обязанность и дружба твоего отца, моего вѣрнаго товарища.... я дѣлалъ для тебя то, что и для меня нѣкогда дѣлали.... Въ молодости моей я также не имѣлъ ничего, но судьба послала мнѣ благодѣтеля.... онъ былъ старый холостякъ, не любилъ своей родни и умирая, оставилъ мнѣ свое состояніе, съ условіемъ, чтобъ я непремѣнно женился.... да.... иначе все мое богатство, послѣ смерти моей, должно бы было перейти къ его родственникамъ.

САРАНСКІЙ *(слушая его со вниманіемъ)*. Странное условіе....

КОБРИНЪ. Мнѣ было тогда 30 лѣтъ.... я подумалъ, рано жениться.... но внезапно небо послало мнѣ ангела, милую дѣвушу, сиротку.... Любовь и желаніе устроить ея счастіе, рѣшили мою судьбу.... я.... женился!....

САРАНСКІЙ. Неужели? вы женились?.... во время моего отсутствія?

КОБРИНЪ. Да, мой другъ.... я подготовлялъ тебя къ этой вѣсти, чтобъ не показаться слишкомъ смѣшнымъ....

САРАНСКІЙ. Смѣшнымъ?.... но, полноте, кто же можетъ подумать....

КОБРИНЪ. Много есть злыхъ языковъ на свѣтѣ, мой другъ!... По крайней мѣрѣ теперь имѣніе мое не перейдетъ въ чужія руки.... и несчастная сиротка не останется въ бѣдности....

САРАНСКІЙ. О, вы прекрасно поступили!... я увѣренъ, что она достойна васъ!....

КОБРИНЪ. Теперь я вполнѣ счастливъ!.... это ангелъ!

№ 7.

Въ ней мило все, все прелестью сіяетъ,
Она душой чиста какъ херувимъ;
Она меня лелѣетъ, услаждаетъ,
Я какъ отецъ, какъ вѣрный другъ любимъ!
Она со мной быть скрытной не умѣетъ,
Въ ней не мрачитъ души коварства тѣнь,
И взглядъ ея меня подъ старость грѣетъ,
Какъ солнца лучь въ холодный зимній день!

(*Показывая на право въ дверь*).

Но вотъ она, я сейчасъ тебя познакомлю съ нею....

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ЕЛЕНА, КОБРИНЪ И САРАНСКІЙ.

(*Елена входитъ, держа альбомъ, письма и журналы,*)

САРАНСКІЙ (*разсматривая Елену въ то время, когда Кобринъ подходитъ къ ней*). О, Боже!.... это она!.... она замужемъ!....

ЕЛЕНА (*Кобрину*). Вотъ ваши журналы.... и три письма.... сейчасъ только получены съ почты....

КОБРИНЪ (*взявъ ея за руку*). Это послѣ.... а вотъ рекомендую тебѣ моего друга.... онъ такъ желалъ тебя видѣть....

ЕЛЕНА (*увидя Саранскаго, съ крикомъ подбѣгаетъ къ нему*). Какое счастіе!... это онъ!

КОБРИНЪ. Кто?

ЕЛЕНА. Ахъ, Боже мой, да онъ!... вы еще такъ много говорили о немъ съ Мадамъ Дюкро... онъ отдалъ меня въ пансіонъ... онъ заботился обо мнѣ.

КОБРИНЪ (*подходя къ Саранскому*). Такъ это былъ ты?... ты Евгеній!... Да, я узнаю тебя по этому поступку!... я горжусь тѣмъ, что сдѣлалъ изъ тебя честнаго человѣка!

САРАНСКІЙ. Да, мой благодѣтель, вы вдохнули въ душу мою истинныя чувства чести и, повѣрьте, я никогда имъ не измѣню...

ЕЛЕНА. О, я въ этомъ увѣрена... но разскажите пожалуйста, гдѣ вы это такъ долго были?... Что вы дѣлали?

КОБРИНЪ. Онъ былъ за границею... но объ этомъ мы поговоримъ послѣ; у насъ будетъ еще довольно времени... мы устроимъ его дѣла... вѣдь онъ останется съ нами....

САРАНСКІЙ. Нѣтъ, это не возможно; важныя причины заставляютъ меня сегодня-же ѣхать въ Петербургъ...

ЕЛЕНА. Вотъ это мило!... бросить насъ!.. нѣтъ, я не позволю... я не хочу... *(смотря на Кабрина)*. Мы не хотимъ, не правда ли? *(Саранскому)*. У насъ сегодня праздникъ... будутъ гости... мы будемъ играть, пѣть, танцовать, да, хоть вальсировать... (*Кобрину*): Вѣдь онъ танцуетъ?...

КОБРИНЪ. Танцуетъ и прекрасно!

ЕЛЕНА. Ну, видите!... такъ ужъ это рѣшено, вы не уѣдите...

САРАНСКІЙ *(сухо)*. Сожалѣю, сударыня, что не могу повиноваться вашей волѣ... но я ужъ сказалъ, что важныя причины....

ЕЛЕНА. Какія-же причины?

САРАНСКІЙ (*съ смущеніемъ*). Я не могу вамъ ихъ открыть.

КОБРИНЪ. Стало быть, и я не долженъ знать?...

САРАНСКІЙ (*такъ же*) О, нѣтъ...

КОБРИНЪ. Но я угадываю ихъ... поди-ка сюда... (*отводитъ его на сторону и говоритъ въ полголоса*). Ужъ вѣрно тебя притягиваетъ въ Петербугъ любовь... въ твои лѣта, другой причины быть не можетъ... правда?...

САРАНСКІЙ. Можетъ быть...

КОБРИНЪ. Дѣвушка, о которой ты мнѣ говорилъ, вѣрно, живетъ въ Петербургѣ?

САРАНСКІЙ (*скоро*). Да!

КОБРИНЪ. Въ такомъ случаѣ я не смѣю тебя удерживать. (*громко Елень*). Онъ долженъ ѣхать, мой другъ...

ЕЛЕНА. Какъ, и вы ужъ противъ меня?

КОБРИНЪ. Впрочемъ, онъ поѣдетъ не ранѣе, какъ завтра утромъ.. онъ, вѣрно, не откажется сдѣлать намъ это одолженіе...

ЕЛЕНА. Одолженіе?... да, для васъ... а мнѣ такъ все равно... я такъ сердита, такъ сердита...

САРАНСКІЙ. Не ужели я такъ виноватъ предъ вами?

ЕЛЕНА. Очень виноваты... прежде вы были гораздо любезнѣе....

САРАНСКІЙ. Можетъ быть, вы смотрѣли на меня не тѣми глазами...

ЕЛЕНА. Да-съ, можетъ быть... вы тогда были такъ услужливы... такъ вѣжливы... а теперь...

№ 8.

Теперь совсѣмъ другіе стали....
Васъ убѣдить нельзя ни чѣмъ;
Какъ за границей побывали,
Такъ измѣнилися совсѣмъ.

КОБРИНЪ.

Нѣтъ онъ, мой другъ, всегда сердечно
Друзей и родину любилъ;
Онъ на глупцовъ не походилъ,
И за границею, конечно,
Душевныхъ чувствъ не измѣнилъ.

ЕЛЕНА. Впрочемъ, мнѣ что за нужда... Если угодно имъ ѣхать... такъ нечего пхъ и удерживать... Пускай ѣдутъ!...

САРАНСКІЙ (*колко*). Я не замѣдлю воспользоваться вашимъ позволеніемъ...

ЕЛЕНА. Можетъ быть, въ Петербургѣ они скорѣе исправятся.... можетъ быть, они будуть вѣжливѣе, добрѣе, снисходительнѣе....

КОБРИНЪ. Ты, мой другъ, говоришь о снисходительности, а сама вовсе не снисходительна къ своимъ друзьямъ....

САРАНСКІЙ (*съ досадою*). Мнѣ кажется, что друзья слишкомъ ничтожны для Елены Петровны....

ЕЛЕНА. (*съ сердцемъ*). Скорѣе для васъ ничтожны...

КОБРИНЪ. Ну, вотъ теперь ужъ оба!... Боже мой, какъ вспыльчива эта молодежъ?.. перестаньте... ну, объ чемъ тутъ спорить!.. Евгеній вѣрно останется здѣсь до завтрашняго утра, и отправится отсюда съ тѣмъ, чтобъ какъ можно скорѣе возвратиться...

САРАНСКІЙ. Я не могу....

КОБРИНЪ. А я этого требую... я берусь устроить твою участь.... въ ожиданіи хорошаго мѣста, ты долженъ жить у меня... ты будешь моимъ секретаремъ, и я увѣренъ, что всѣ будутъ ласковы съ тобою....

ЕЛЕНА. Мнѣ вовсе не нужно секретаря....

КОБРИНЪ. Конечно не нужно.... но для твоего рисованья, очень полезны могутъ быть уроки или совѣты.... а Евгеній мой славный живописецъ... Ну, поди, принеси для начала послѣдній твой рисунокъ....

ЕЛЕНА. Нѣтъ-съ, ужъ какъ угодно, а я не покажу ему ни одного моего рисунка....

КОБРИНЪ. Елена! я тебя не узнаю... мнѣ кажется, лучше показать ему рисунки, чѣмъ дурной характеръ....

ЕЛЕНА (*со слезами*). Дурной характеръ?... развѣ онъ можетъ думать?

КОБРИНЪ. Всякой бы на его мѣстѣ подумалъ....

ЕЛЕНА. Не уже ли и вы?... Ахъ, Боже мой!.... вы еще въ первый разъ сердитесь на меня.... а все причиною онъ!.... да, онъ одинъ!... Но простите меня, для васъ я готова все сдѣлать.... я покажу ему мои рисунки, я не буду болѣе капризничать.... только бы вы простили меня.... и онъ такъ же....

КОБРИНЪ (*Саранскому*). Ты слышишь?...

САРАНСКІЙ. Сожалѣю очень, что совершенные пустяки могли надѣлать столько непріятностей.... не знаю, впрочемъ, кто виноватъ....

ЕЛЕНА. Ну, видите, онъ все еще не перестаетъ.... онъ изволитъ сердиться, а не я....

КОБРИНЪ (*подходитъ къ Саранскому и говоритъ ему въ полголоса*). Она справедлива, ты самъ что-то не въ духѣ....

САРАНСКІЙ (*холодно*). Повѣрьте, впередъ этаго не случится....

КОБРИНЪ. Ну, слава Богу!... намъ не должно ссориться, мои друзья.... мы будемъ жить вмѣстѣ.... ну, я отправлюсь читать журналы и письма. — (*Елент*). Ты, Елена, изволь рисовать. (*Саранскому*). А ты, господинъ профессоръ, займись съ нею урокомъ.... да смотрите, чтобъ къ моему возвращенію, непремѣнно былъ подписанъ миръ!

(*Елена даетъ Кобрину шляпу. — Онъ уходитъ въ дверь на право*).

ЯВЛЕНІЕ XI.

САРАНСКІЙ (*стоитъ на лѣвой сторонѣ театра*). ЕЛЕНА, (*отодвигаетъ нѣсколько впередъ маленькой столикъ, кладетъ на него альбомъ и садится рисовать*).

САРАНСКІЙ (*въ сторону, разсматривая Елену*). Когда я вспомню только, что она его жена, — такъ сердце наполняется какою-то досадою!... Она замужемъ! и ни однаго слова сожалѣнія, ни однаго утѣшительнаго слова....

ЕЛЕНА (*сидя и рисуя*). Ну, чтожъ вы тамъ стоите?... развѣ такъ должно учить?... надобно, по крайней, мѣрѣ посмотрѣть, что я дѣлаю....

САРАНСКІЙ (*подходя къ ней и разсматривая черезъ ея плечо рисунокъ*). Прекрасно!...

ЕЛЕНА. Ну, не думаю!... вы боитесь сказать, что это дурно.... не правда ли?...

САРАНСКІЙ. О, нѣтъ.... (*Послѣ минутнаго молчанія*). Вы давно уже замужемъ?...

ЕЛЕНА. Два мѣсяца!

САРАНСКІЙ. Ваша свадьба была здѣсь?...

ЕЛЕНА. Нѣтъ, въ Петербургѣ!... (*Поднимая голову*). Мнѣ кажется, что теперь долженъ интересовать васъ мой рисунокъ, а не свадьба....

САРАНСКІЙ (*смотря на рисунокъ*). Вы сдѣлали большіе успѣхи...

ЕЛЕНА. За чѣмъ вы говорите такимъ сердитымъ тономъ?...

САРАНСКІЙ. О, вовсе нѣтъ.... какъ я жалѣю, что не былъ въ Петербургѣ во время вашей свадьбы....

ЕЛЕНА (*рисуя*). А я бы васъ позвала.

САРАНСКІЙ (*съ досадой*). Я увѣренъ....

ЕЛЕНА. Да, непремѣнно бы позвала.... какъ бы это было пріятно;...

САРАНСКІЙ. О, превесело!

ЕЛЕНА. Да... а какая была сватьба!... прелесть!.. какое на мнѣ было платье! какая вуаль! чудо!... всѣ дамы были въ восторгѣ!... А знаете ли, что у насъ было вечеромъ, когда насъ обвѣнчали?...

САРАНСКІЙ (*съ ироніей*). Нѣтъ, не знаю....

ЕЛЕНА. У насъ былъ прелестнѣйшій балъ!... Ѳедоръ Ивановичъ самъ не танцуетъ, но все заставлялъ танцовать другихъ.... и ужъ какъ же я натанцовалась! не пропустила ни однаго кадриля.... (*Весело*). Послѣ бала я осталась одна.... и потомъ....

САРАНСКІЙ (*съ досадой*). Потомъ....

ЕЛЕНА. Было ужъ очень поздно.... Ѳедоръ Иванычъ нѣжно пожалъ мнѣ руку, позвалъ ко мнѣ горничную и ушелъ въ свою комнату. (*Весело*). Я осталась одна въ великолѣпной спальнѣ.... вездѣ золото, серебро.... и преспокойно заснула.... въ сладкихъ мечтахъ о своемъ счастіи.... и о васъ.... (*Встаетъ*).

САРАНСКІЙ (*съ радостію*). Не ужели?

ЕЛЕНА. Я воображала себѣ ваше удивленіе, когда вы найдете меня богатою и счастливою.... у меня были прекрасныя пред-

положенія.... но вы возвратились — и все испортили.... я васъ со всѣмъ не узнаю....

САРАНСКІЙ. О, простите, простите меня.... я виноватъ.... я безумецъ... я недостоинъ вашей дружбы.... Бываютъ минуты, въ которыя мы не можемъ отдать отчета въ своихъ чувствахъ... иногда сердимся на себя, на другихъ, безъ всякой причины....

ЕЛЕНА. Вы ужасно какъ вспыльчивы!... это не хорошо.... вотъ теперь вы стали гораздо веселѣе.... вѣрно вы очень любите рисовать....

САРАНСКІЙ. О, чрезвычайно!...

ЕЛЕНА. Такъ вы должны поправлять мои рисунки и учить меня живописи.... Ѳедоръ Ивановичъ сказалъ, что вы отличный живописецъ!... А какого рода живопись вы болѣе любите?...

САРАНСКІЙ. Миніатюру.... (*Во время разговора Саранскаго, Елена ставитъ столикъ на свое мѣсто*). Въ вояжахъ, въ разлукѣ, она служитъ утѣшительнымъ средствомъ къ изображенію тѣхъ особъ, которыя намъ дороги, и которыхъ мы не видимъ ... она соединяетъ насъ съ друзьями, съ милыми сердцу....

ЕЛЕНА. А мнѣ кажется, что вы, во время поѣздки, такъ же мало думали о своей миніатюрѣ, какъ и о своихъ друзьяхъ. (*Саранскій вынимая изъ жилетнаго кармана маленькій портретъ, показываетъ ей*). Что я вижу?... эта дѣвушка.... о, нѣтъ, нѣтъ....

№ 9.

О, нѣтъ, у меня лицо не такое,
Портретъ вашъ ужъ слишкомъ хорошъ для меня!...

САРАНСКІЙ.

Нѣтъ, нѣтъ, это вы, въ то время былое,
Когда дружбой вашей такъ счастливъ былъ я!
Глядя на портретъ — я имъ восхищаюсь!...
Вотъ ваша улыбка, вотъ нѣжный вашъ взглядъ....

ЕЛЕНА (*улыбаясь и нѣжно смотря на Саранскаго*).

Ну, чтожъ, и теперь я такъ улыбаюсь,
Глаза мои такъ же и нынче глядятъ!

САРАНСКІЙ. Да, это вы, это вы!.. теперь я васъ снова узнаю!

ЕЛЕНА. Я и всегда была одна и таже.... вотъ вы такъ перемѣнились....

САРАНСКІЙ. Нѣтъ.... вы давича были совсѣмъ другіе.

ЕЛЕНА. Да, на минуту, правда!... но мнѣ было досадно, что вы хотѣли отъ насъ уѣхать.... Теперь вы не поѣдете.... а если и поѣдете, такъ скоро возвратитесь?... да?... покляпитесь мнѣ, и тогда я повѣрю, что вы все еще мой другъ....

САРАНСКІЙ (*страстно*). О, до конца жизни!

ЕЛЕНА. Какъ я васъ часто вспоминала.... безпрестанно думала о васъ.... только вотъ нарисовать васъ не умѣла.... но и безъ этаго....

САРАНСКІЙ (*приближаясь къ ней съ нѣжностію*). Елена!...

ЕЛЕНА. Что?...

САРАНСКІЙ (*опомнившись*). Этотъ портретъ доставилъ вамъ удовольствіе?...

ЕЛЕНА (*смотря на портретъ*). Ужасное!... я не знаю, какъ васъ благодарить за него....

САРАНСКІЙ. Я знаю какъ.... возвратите мнѣ его....

ЕЛЕНА. За чѣмъ вамъ?

САРАНСКІЙ. О, если вы отдадите мнѣ его теперь, онъ будетъ въ тысячу разъ для меня дороже....

ЕЛЕНА (*отдавая портретъ*). Возьмите....

САРАНСКІЙ (*съ радостью кладетъ его къ сердцу*). Онъ останется здѣсь навсегда, и пусть буду я его недостоинъ, пусть я лишусь его, если измѣню когда нибудь дружбѣ, въ которой клялся вамъ.... (*Остановясь*). и вашему мужу....

ЕЛЕНА. О, я увѣрена въ васъ!... Такъ смотрите же, не смѣйте отъ насъ уѣзжать!... Какъ обрадуется Ѳедоръ Ивановичъ.... онъ такъ любитъ, и васъ и меня... мы его дѣти.... при васъ онъ будетъ счастливѣе.... мы оба будемъ его любить.... будемъ заботиться о его спокойствіи, будемъ ему читать.... у насъ на все достанетъ времени.... учиться рисовать, заниматься музыкой, бѣгать въ саду....

САРАНСКІЙ (*съ радостью*). И всегда съ вами?

ЕЛЕНА. Всегда со мной!... у насъ будутъ сельскія праздники, а иногда и маленькія балы....

САРАНСКІЙ. Я буду вашимъ кавалеромъ.

ЕЛЕНА. Разумѣется.... съ нынѣшняго же вечера?...

САРАНСКІЙ. Какъ пріятно, какъ весело мнѣ будетъ здѣсь!...

ЕЛЕНА. Такъ вы довольны?

САРАНСКІЙ. Лучшей жизни я не желаю!... вы снова довѣрчивы ко мнѣ, снова дружны со мной....

ЕЛЕНА (*улыбаясь*). Снова!... да я никогда и не перемѣнялась.

САРАНСКІЙ. Какъ вы добры....

(*Беретъ ее за руку и остается такъ до разговора Кобрина*).

ЯВЛЕНІЕ X.

ТѢ ЖЕ И КОБРИНЪ.

КОБРИНЪ (*услыша послѣднія слова*). Ну, видишь, не правду ли я говорилъ?... я былъ увѣренъ, что вы тотчасъ же помиритесь....

ЕЛЕНА. О, конечно.... я такъ была передъ нимъ виновата....

САРАНСКІЙ. Нѣтъ, не вы, а я!

ЕЛЕНА. Не правда!

САРАНСКІЙ. Я вамъ говорю, что я....

КОБРИНЪ. Ну, вотъ, опять спорить!...

ЕЛЕНА. Нѣтъ, теперь мы съ нимъ совершенные друзья.

КОБРИНЪ. Такъ ты, какъ другъ, вѣрно обрадуешься нечаянному его счастію....

ЕЛЕНА. Счастію!... о, конечно, онъ въ полной мѣрѣ его заслуживаетъ.... но говорите же, что случилось?...

КОБРИНЪ. Только ты не перебивай меня....

ЕЛЕНА. Ни слова не скажу!... ну, я слушаю.... да что же вы?

КОБРИНЪ (*Саранскому*). Я говорилъ тебѣ давича, что не надобно ни когда отчаяваться.... между письмами, которыя ты мнѣ отдала, я получилъ одно отъ друга моего и стараго товарища, изъ Харькова.

ЕЛЕНА. Изъ Харькова?...

КОБРИНЪ. Да.... недавно онъ лишился жены и остался съ двумя сыновьями, почти еще малютками.... теперь онъ проситъ меня, чтобъ я отыскалъ ему образованнаго молодаго человѣка, который бы могъ приготовить его дѣтей въ казенное заведеніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ бы другомъ въ его домѣ.... онъ предлагаетъ превыгодныя условія....

ЕЛЕНА. Къ чемужъ это ведетъ?

КОБРИНЪ. Какъ къ чему?... я подумалъ о немъ!...

САРАНСКІЙ (*въ сторону со страхомъ*). О, Боже!... (*Вслухъ*). Обо мнѣ?...

КОБРИНЪ. Вотъ мѣсто, какого ты желалъ; это истинное счастіе для тебя!...

ЕЛЕНА. Удивительное счастіе — жить въ Харьковѣ!

КОБРИНЪ. Не все ли равно, гдѣ бы не жить!...

ЕЛЕНА (*скоро*). Нѣтъ, онъ не имѣетъ ни какой надобности ѣхать въ такую даль.... онъ остается съ нами... здѣсь... да, онъ обѣщалъ мнѣ остаться.... (*Саранскому*). Да чтожъ вы молчите?... не правда ли, вѣдь здѣсь будетъ покойнѣе, пріятнѣе?...

КОБРИНЪ. Для насъ, такъ; но не для него.

ЕЛЕНА. Онъ не думаетъ вовсе о богатствѣ....

КОБРИНЪ. Такъ мы должны думать о немъ; тамъ онъ можетъ хорошо устроиться.... откроетъ себѣ дорогу къ счастію.... можетъ жениться....

ЕЛЕНА (*съ удивленіемъ*). Жениться?... зачѣмъ это?...

КОБРИНЪ (*улыбаясь*). Неужели ты думаешь, что ты одна только въ мірѣ за-мужемъ?..

ЕЛЕНА (*наивно*). Да.... я объ этомъ и не подумала....

КОБРИНЪ. Ну, а онъ только и думаетъ, что о своей женитьбѣ.... въ ней заключаются всѣ его надежды, все счастіе.... у него есть одна особа въ Петербургѣ, которую онъ любитъ....

ЕЛЕНА. Любитъ?...

САРАНСКІЙ (*въ сторону*). О, Боже!

КОБРИНЪ. Онъ долженъ устроить свое положеніе.... и тогда можетъ на ней жениться.... (*Елена поражена печальностію и печальна; Саранскому*). Я сейчасъ же напишу моему другу о твоемъ согласіи.... не надобно терять времени.... завтра утромъ ты отправишься отсюда въ Петербургъ, можешь пробыть тамъ день, другой, а послѣ и въ Харьковъ!...

САРАНСКІЙ (*со страхомъ, глядя на Елену*). Какъ, завтра?...

КОБРИНЪ. Да, не упускай счастія.... оно теперь предъ тобою....

САРАНСКІЙ. О, мой благодѣтель!...

(*Удаляется въ глубину сцены*).

КОБРИНЪ. Пойдемъ, Елена. (*Увидя Елену безмолвною, какъ бы углубленною въ размышленія*). Елена!... ты меня не слышишь?... что съ тобою....

ЕЛЕНА (*придя въ себя, какъ бы пробудясь отъ сна*). Ничего.... ничего.... но что вамъ угодно?..

КОБРИНЪ. Дай мнѣ твою руку.... я не много усталъ....

(*Елена даетъ руку Кобрину; Саранскій приближается къ ней и съ осторожностію дотрогивается до ея руки; но она не взглянувъ на Саранскаго и не сказавъ ему ни слова, удаляется отъ него, прижимается къ Кобрину и уходитъ съ нимъ въ дверь налѣво отъ актеровъ*).

ЯВЛЕНІЕ XI.

САРАНСКІЙ (*одинъ, смотря на ихъ уходъ*).

Она не хочетъ меня выслушать!... она не смотритъ на меня!... она увѣрена, что я люблю другую.... Боже мой.... что мнѣ дѣлать?... неужели я долженъ увезти съ собою ея гнѣвъ.... не заслуживъ ни малѣйшаго сожалѣнія!... Нѣтъ, нѣтъ.... я не въ силахъ.... нѣтъ, прежде моего отъѣзда, я долженъ открыть ей все.... я скажу ей, что она одна всегда была предметомъ моей любви.... что мысли мои, надежды и самое существованіе мое, заключались въ ней одной... я долженъ ей все открыть.... я долженъ ее предупредить.... она такъ неопытна.... такъ невинна.... ея печаль можетъ легко открыть ея мужу тайну, которая слишкомъ теперь ясна для меня!... Она любитъ меня!... да, она любитъ меня!... а ея мужъ!.. что скажетъ онъ, что подумаетъ обо мнѣ, если узнаетъ истину?.. и мнѣ быть преступникомъ передъ моимъ благодѣтелемъ?... нѣтъ, никогда!...

№ 10.

Нѣтъ, я преступникомъ не буду,
Я тайну въ сердцѣ сохраню...
Скорѣй Елену я забуду,
Чѣмъ долгу чести измѣню!
Но еслибъ истину открыла
Судьба жестокая предъ нимъ?...
Тогда.... тогда одна могила
Должна удѣломъ быть моимъ!...

Бѣги, несчастный.... бѣги!...

(*Въ ту минуту, какъ онъ хочетъ войти въ дверь налѣво, — встрѣчается съ нимъ Паша, которая оттуда выходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XII.

САРАНСКІЙ И ПАША (*выноситъ цвѣты и въ рукахъ и въ передникѣ*).

ПАША (*остановивъ его*). Куда это вы бѣжите?

САРАНСКІЙ. Мнѣ нужно поговорить съ Еленой Петровной....

ПАША. Теперь пельзя....

САРАНСКІЙ (*громко*). Отчего?

ПАША (*дѣлая знакъ, чтобъ онъ молчалъ*). Тише.... Ѳедоръ Иванычъ спитъ.... онъ немножко усталъ.... и только что отдалъ приказанія къ вашему отъѣзду, такъ тотчасъ же уснулъ въ креслахъ.... Елена Петровна у него въ кабинетѣ.... сидитъ подлѣ него.... и заперла дверь....

САРАНСКІЙ (*съ нетерпѣніемъ*). Но если онъ долго проспитъ?...

ПАША. Не думаю.... часъ, другой, не больше....

(*Беретъ со стола корзину*).

САРАНСКІЙ (*въ сторону*). Завтра, утромъ!... (*Вслухъ*). А Елена Петровна?... развѣ она сюда не выдетъ?...

ПАША. Не знаю.... врядъ ли.... Она сказала мнѣ, что и на праздникѣ нашемъ не будетъ.

САРАНСКІЙ. Не ужели?..

ПАША. Да.... приказала вотъ мнѣ только нарвать цвѣтовъ, и поставить въ свою спальну.... да велѣла еще, чтобъ я никого къ ней не пускала....

САРАНСКІЙ. Никого?...

ПАША. Да, никого на свѣтѣ.... кромѣ Ѳедора Иваныча и меня... вотъ я — такъ во всякое время могу входить къ ней въ комнату.... она такъ милостива ко мнѣ....

(*Беретъ корзину, высыпаетъ въ нее цвѣты, садится на право, у столика, оборотясь спиною къ Саранскому и приводитъ въ порядокъ букеты*).

САРАНСКІЙ (*въ сторону*). Что, если бы?... нѣтъ, нѣтъ... на нея не возможно положиться.... Но что же мнѣ дѣлать?... сегодня, быть можетъ, я уже болѣе ея не увижу, а завтра, со свѣтомъ долженъ буду уѣхать отсюда....

ПАША (*занимаясь своими цвѣтами*). О чемъ это вы тамъ разсуждаете?....

САРАНСКІЙ. Я удивляюсь добротѣ вашей барыни....

ПАША (*также*). Да, ужъ не говорите.... такой барыни и со свѣчкой не сыскать.... вѣдь какъ добра ко мнѣ.... удивительно!... повѣрите ли, вызвалась быть моимъ секретаремъ....

САРАНСКІЙ. Какъ секретаремъ?...

ПАША. Да-съ, она сама сказала.... я, говоритъ, буду твоимъ секретаремъ....

САРАНСКІЙ. Для чего же это?

ПАША. Да вотъ для чего.... вы вѣдь видѣли нашего учителя?...

САРАНСКІЙ. Видѣлъ.... ну?...

ПАША. Ну, вотъ, онъ, знаете, пишетъ все ко мнѣ письма.... а я, признаться вамъ, не умѣю читать.... такая право, скука!... такъ Елена Петровна и сказала мнѣ: приноси, говоритъ, твои письма ко мнѣ.... я тебѣ буду ихъ читать.... и буду писать отвѣты.... Ну, не добра ли она, скажите?...

САРАНСКІЙ. О, чрезвычайно!... (*Быстро садится на лѣво къ столу и пишетъ въ то время, какъ Паша, оборотясь къ нему спиною, вяжетъ свои букеты*). Вотъ случай!... (*Окончивъ письмо, встаетъ и подходитъ къ Пашѣ*). Скажи мнѣ.... не ожидаешь ли ты и теперь какого нибудь письмеца отъ своего возлюбленнаго?

ПАША. Онъ ужъ сегодня приносилъ ко мнѣ письмо, да я не взяла.... а вотъ, теперь и боюсь, не разсердился ли онъ?...

САРАНСКІЙ. О, вовсе не разсердился!...

ПАША. А почему вы знаете?

САРАНСКІЙ. Онъ мнѣ встрѣтился сейчасъ въ саду.... ему велѣно куда-то ѣхать — такъ онъ и просилъ меня отдать тебѣ вотъ эту записку.... въ ней есть что-то очень интересное....

ПАША (*оставляя цвѣты, встаетъ*). Неужели?...

САРАНСКІЙ (*отдавая ей записку*). Вотъ она!

ПАША. Объ чемъ же это онъ пишетъ?...

САРАНСКІЙ. Не знаю.

ПАША. Какой онъ несносный!... не ужели не могъ бы мнѣ сказать... прочтите же, пожалуйста....

САРАНСКІЙ. Нѣтъ... попроси твою госпожу.... быть можетъ, тутъ есть какой нибудь секретъ..... я не хочу знать вашей тайны.....

ПАША. И то правда.... пойду же я, попрошу Елену Петровну...

САРАНСКІЙ. Да, ступай скорѣе....

ПАША (*взглянувъ на лѣво въ дверь*). А! да вотъ, кстати, она и сама идетъ сюда....

САРАНСКІЙ. Отдай же ей записку....

ПАША. Она съ мужемъ.....

САРАНСКІЙ (*скоро*). Нѣтъ, не отдавай!....

ПАША. Отчего это?.... я его вовсе не боюсь.... (*Саранскій хочетъ удержать Пашу, но въ это время входитъ Кобринъ, опираясь на руку Елены. Паша подходитъ къ нимъ*).

ЯВЛЕНІЕ XIII

САРАНСКІЙ, КОБРИНЪ, ЕЛЕНА И ПАША.

ПАША (*Кобрину*). Вы ужъ и проснулись?....

КОБРИНЪ. Да.... небольшой сонъ подкрѣпилъ меня. Елена захотѣла было еще меня уложить.... насилу упросилъ ее пойти не много прогуляться.....

ПАША. И прекрасно сдѣлали.... а мнѣ же нужно показать кое-что Еленѣ Петровнѣ....

ЕЛЕНА. Что такое?

ПАША. Да вотъ письмо Артемія Васильевича....

КОБРИНЪ. А! нашего учителя!

ПАША. Да-съ!

КОБРИНЪ (*Еленѣ*). Посмотримъ, что за письмо?...

САРАНСКІЙ (*стараясь помѣшать Кобрину*). Вы хотѣли мнѣ дать нѣкоторое понятіе о Харьковѣ....

КОБРИНЪ. Погоди, сейчасъ.... дай намъ прежде прочесть письмо.... мы можемъ всѣ слушать.... нашъ учитель человѣкъ отличныхъ правилъ.... (*отдаетъ письмо Еленѣ*).

ЕЛЕНА (*читаетъ*). «Нынѣшнимъ вечеромъ, во время праздника, я долженъ васъ видѣть на единѣ, хотя на одну минуту.... иначе, я на все рѣшусь....»

КОБРИНЪ. Какъ, не ужели онъ это пишетъ?

ЕЛЕНА. Да.....

КОБРИНЪ. Каковъ!.... требуетъ свиданія у молодой дѣвушки!

ПАША. И еще глазъ на глазъ, вдвоемъ!.... ахъ, какой страхъ!

КОБРИНЪ. Нѣтъ.... ужъ это черезъ чуръ смѣло!.... я не ожидалъ этаго.... требовать свиданія!.... подвергать злословію бѣдную дѣвушку!... Дурно! очень дурно!.... не правда-ли, Евгеній?....

САРАНСКІЙ (*въ затрудненіи*). Можетъ быть, онъ не хотѣлъ.....

КОБРИНЪ. А вотъ мы все сейчасъ узнаемъ.... онъ самъ сюда идетъ!....

САРАНСКІЙ (*въ сторону*). Боже! что мнѣ дѣлать!....

ЯВЛЕНІЕ XIV.

ТѢ ЖЕ И БѢЛЯНКИНЪ.

КОБРИНЪ. Поди-ка сюда, Артемій Васильевичь!....

БѢЛЯНКИНЪ. Что прикажете, ваше превосходительство?

КОБРИНЪ. Да вотъ нужно кое-о чемъ тебя пораспросить....

БѢЛЯНКИНЪ. Очень радъ-съ.... извольте....

САРАНСКІЙ (*въ сторону*). Я не знаю, на что рѣшиться?....

ПАША (*подходя къ Бѣлянкину*). И вы еще не краснѣете?.... стыдитесь!....

БѢЛЯНКИНЪ (*въ удивленіи*). Что-съ?

КОБРИНЪ (*сурово*). Я не ожидалъ отъ тебя, почтеннѣйшій, такихъ проказъ....

ПАША. Да.... и я никогда не ожидала!

БѢЛЯНКИНЪ (*Кобрину*). Помилуйте-съ.... какихъ проказъ?....

КОБРИНЪ. Стыдись!

БѢЛЯНКИНЪ. Да что же я сдѣлалъ, ваше превосходительство?..

ЕЛЕНА. А ваша сегодняшняя записка?

САРАНСКІЙ. Да, записка къ Пашѣ?...

БѢЛЯНКИНЪ. Да онѣ-съ отдали мнѣ ее не читавши....

КОБРИНЪ. И прекрасно сдѣлала!.... она добрая дѣвушка!

БѢЛЯНКИНЪ. Да-съ.... я и самъ это знаю....

ЕЛЕНА. Но вы сегодня написали къ ней еще другую записку?..

БѢЛЯНКИНЪ. Да-съ.... написалъ!....

САРАНСКІЙ (*въ сторону съ радостью*). Онъ меня спасаетъ!

КОБРИНЪ. Записка эта изобличила тебя!.... признаюсь, я былъ о тебѣ не такого мнѣнія.... теперь я вижу, что ты хитрый, дурной человѣкъ!....

БѢЛЯНКИНЪ. Почему вы такъ думаете, ваше превосходительство?

ЕЛЕНА. Потому, что мы читали вашу записку.

БѢЛЯНКИНЪ. Читали?

ПАША. Да, читали!

БѢЛЯНКИНЪ. Удивительно!... какъ же это такъ?... она еще у меня въ карманѣ.... и я только что еще сбирался отдать ее Прасковьѣ Семеновнѣ....

ПАША. Ахъ, какой безстыдникъ!.. еще запирается! А это что? взгляните-ка!

БѢЛЯНКИНЪ (*разсматривая записку*). Нѣтъ-съ.... это не моего сочиненія.... да и почеркъ другой!

ПАША. Что такое!

БѢЛЯНКИНЪ. Да-съ.... во первыхъ, я и пишу чище, а во вторыхъ... да я пошлюсь на его превосходительство, самаго Ѳедора Ивановича, что въ этой запискѣ и тѣни нѣтъ сходства съ образомъ моихъ мыслей и со стилемъ моихъ сочиненій!....

КОБРИНЪ (*разсматривая записку*). Погоди!.... мнѣ кажется.... (*Пашѣ*). Паша! кто тебѣ отдалъ эту записку?

ПАША (*показывая на Саранскаго*). Да вотъ они-съ....

БѢЛЯНКИНЪ (*съ негодованіемъ*). Они!....

ПАША. Да.... они сказали, что эта записка отъ васъ....

БѢЛЯНКИНЪ. Съ чего онъ это взялъ?....

ЕЛЕНА (*Саранскому*). Извольте отвѣчать....

КОБРИНЪ. Успокойся, мой другъ.... (*Пашѣ*) Паша! оставь насъ, и ты такъ же, Артемій Васпльевичъ!

БѢЛЯНКИНЪ. Сію минуту-съ.... (*показывая на Саранскаго*) Вотъ еще какой хватъ явился.... вздумалъ писать записки.... а я еще ему повѣрилъ мой секретъ.... да нѣтъ, я этого такъ не оставлю.... это не человѣкъ а змѣя!... (*Паша уходитъ; Бѣлянкинъ слѣдуетъ за ней; но она отталкиваетъ его и уходитъ на право, а Бѣлянкинъ въ среднюю дверь*).

ЯВЛЕНІЕ XV.

САРАНСКІЙ, КОБРИНЪ И ЕЛЕНА.

КОБРИНЪ. Я не хотѣлъ говорить при нихъ.... но я по почерку узналъ, кѣмъ написана эта записка.... ты, Евгеній, писалъ ее!....

ЕЛЕНА (*съ негодованіемъ*). Какъ? онъ?.... онъ писалъ къ Пашѣ.... неужели онъ ее любитъ!....

САРАНСКІЙ (*скоро*). Люблю?.... и вы можете думать?.... нѣтъ, нѣтъ....

ЕЛЕНА. Слава Богу!.... мнѣ самой казалось это невѣроятнымъ.... но однакожъ, скажите, къ кому же вы писали.... ужъ вѣрно къ кому нибудь изъ здѣшнихъ?...

КОБРИНЪ (*разсматривая ихъ обоихъ*). Изъ здѣшнихъ?....

САРАНСКІЙ (*въ сторону со страхомъ*). О, Боже! (*Вслухъ, въ чрезвычайномъ смущеніи*). Такъ.... я долженъ открыться во всемъ.... знаю, что я поступилъ дурно.... но узнайте.... я точно писалъ къ ней — къ этой дѣвушкѣ.... къ Пашѣ....

ЕЛЕНА. Неужели?

САРАНСКІЙ. Капризъ.... шалость.... не болѣе....

ЕЛЕНА. И вамъ это не стыдно?....

САРАНСКІЙ. Я виноватъ....

ЕЛЕНА (*Кобрину*). А вы и не сердитесь на него?.... вы не браните его?.... а еще сегодня вы такъ его хвалили.... и вотъ.... но мы теперь узнали васъ.... теперь мы васъ вовсе не любимъ.... да.... я отрекаюсь отъ всего, что давича вамъ говорила....

КОБРИНЪ. А что ты ему говорила?

САРАНСКІЙ (*въ сторону*). О, Боже!

ЕЛЕНА. Да все, что чувствовала.... что я скучала безъ него.... что всегда думала о немъ.... но теперь, пускай онъ ѣдетъ.... я не могу его видѣть....

САРАНСКІЙ. Я исполню ваше желаніе!....

ЕЛЕНА. И прекрасно сдѣлаете.... а ужъ я вамъ ни за что на свѣтѣ не отдамъ портрета....

КОБРИНЪ. Что такое?

ЕЛЕНА. Онъ нарисовалъ мой портретъ во время вояжа....

КОБРИНЪ. Портретъ!

ЕЛЕНА. Да... и просилъ позволенія оставить его у себя, какъ знакъ моей дружбы.... я было и согласилась.... потому что считала его достойнымъ.... но послѣ его дурнаго поступка, не можетъ существовать между нами дружбы.... вы одни въ мірѣ другъ мой.... моя надежда.... О, какъ я несчастна.... (*Бросается въ объятія Кобрина*).

САРАНСКІЙ. Богъ свидѣтель, что я старался употребить всѣ средства къ вашему спокойствію.... но мнѣ болѣе здѣсь ни въ чемъ не вѣрятъ.... я теряю все.... я ѣду!.... (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ. XVI.

КОБРИНЪ И ЕЛЕНА.

КОБРИНЪ (*все еще держа ея въ объятіяхъ*). Ну, полно, мой другъ.... успокойся!

ЕЛЕНА (*вытирая слезы*). Слава Богу! онъ ушелъ.... теперь я спокойнѣе.... вѣдь я должна была на него разсердиться?... не правда ли?....

КОБРИНЪ (*холодно*). Конечно.... но ты еще не знаешь истинны....

ЕЛЕНА. Боже мой, что еще такое?

КОБРИНЪ (*холодно*). Я боюсь, чтобъ ты еще больше на него не разсердилась.... онъ любитъ тебя!

ЕЛЕНА (*съ радостію*). Меня?.... неужели это правда?....

КОБРИНЪ. Постигаешь ли ты его преступленіе?.... онъ любитъ жену своего благодѣтеля.... онъ хотѣлъ отнять сокровище, утѣшеніе, единственное счастіе у дряхлаго старика.... это ли благодарность?....

ЕЛЕНА. Нѣтъ.... нѣтъ.... онъ не способенъ къ этому!.... онъ

такъ къ вамъ почтителенъ.... такъ признателенъ!.... онъ любитъ меня какъ сестру.... мы оба васъ любимъ, уважаемъ....

КОБРИНЪ. Такъ я еще не лишался твоей дружбы?

ЕЛЕНА. Никогда! никогда!.... и могу ли я предпочесть кого нибудь вамъ?.... съ вами я вполнѣ счастлива и спокойна.... но при немъ, я чего-то боюсь.... все меня безпокоитъ, все сердитъ.... я не довольна собою, не довольна цѣлымъ свѣтомъ.... и послѣ этого, неужели вы еще можете думать, что я люблю его больше васъ?....

КОБРИНЪ (*качая головой*). Да.... больше!.... Выслушай меня; дочь моя.... въ поступкахъ молодой жены, все важно, все значительно.... часто отъ одной неосторожности зависитъ счастіе всей ея жизни!... Да, дочь моя, въ глазахъ свѣта.... а еще болѣе въ глазахъ этаго молодаго человѣка, который тебя любитъ, ты должна казаться за-всегда чистою, непорочною.... Выслушай меня внимательнѣе.... твой старый другъ не будетъ всегда съ тобою, скоро онъ возвратитъ тебѣ свободу и право располагать своимъ сердцемъ.... но тогда, какой бы ты ни сдѣлала выборъ, прошлое твое поведеніе будетъ отзываться въ твоемъ будущемъ.... безъ уваженія не можетъ существовать прочной любви.... и тотъ, кто поможетъ тебѣ обмануть стараго твоего мужа, будетъ также обманутъ въ свою очередь....

ЕЛЕНА. О, не думайте....

КОБРИНЪ. Я говорю тебѣ объ этомъ для твоей же пользы!.... я уже близокъ къ могилѣ.... земное поприще мое оканчивается ... но твое только еще начато.... и потому, слѣдуй моимъ совѣтамъ.

ЕЛЕНА. О, готова на все.... на все.... говорите, что мнѣ должно дѣлать?

КОБРИНЪ. Евгеній ѣдетъ....

ЕЛЕНА. Завтра?....

КОБРИНЪ. Сегодня, вечеромъ.... ты сейчасъ увидишь его въ послѣдній разъ.... ты должна проститься съ нимъ тихо, холодно.... не оставляй въ немъ ни малѣйшаго подозрѣнія о своихъ чувствахъ....

ЕЛЕНА. Я все исполню....

КОБРИНЪ. Старайся преодолѣть свое смущеніе.... прими равнодушный видъ.... гляди на него спокойно....

ЕЛЕНА (*рыдая*) Все обѣщаю вамъ, все....

КОБРИНЪ. А! ты плачешь, ты сожалѣешь о немъ?....

ЕЛЕНА. Нѣтъ.... нѣтъ.... по его отъѣздъ... быть можетъ, вѣчная разлука....

КОБРИНЪ *(съ твердостью)*. И такъ.... если это правда.... если должно уже выбирать!....

ЕЛЕНА (*съ крикомъ, бросаясь въ его объятія*). Я остаюсь съ вами.... съ вами, мой отецъ!.....

КОБРИНЪ. О, дочь моя..... я постигаю твою горесть.... часто сама добродѣтель налагаетъ на насъ жестокія пожертвованія..... но она вознаграждаетъ насъ за нихъ въ послѣдствіи..... вооружись твердостью, дочь моя..... не томи себя печалью..... жизнь наша и безъ того полна горя.....

ЕЛЕНА (*скоро*). Я не плачу уже болѣе..... пусть онъ сюда придетъ..... вы останетесь мною довольны.....

ЯВЛЕНІЕ XVII.

ЕЛЕНА, КОБРИНЪ, БѢЛЯНКИНЪ.

БѢЛЯНКИНЪ. Ваше превосходительство!.... теперь все ясно.... нѣтъ болѣе сомнѣнія.....

КОБРИНЪ. Что еще случилось?....

БѢЛЯНКИНЪ. Этотъ господинъ не отстаетъ отъ Прасковьи Семеновны..... онъ просто, свелъ ее съ ума....

ЕЛЕНА (*подходя къ нему*). Опять!....

(*При одномъ жестѣ Кобрина, она останавливается*).

БѢЛЯНКИНЪ. Изволь понимать этихъ женщинъ!.... человѣкъ не умѣетъ держать порядочно пера.... пишетъ кое какъ.... а она его любитъ..... слушаетъ, что онъ говоритъ.....

КОБРИНЪ. Ты подслушалъ ихъ разговоръ?.....

БѢЛЯНКИНЪ. Нѣтъ-съ, ваше превосходительство..... хуже..... я спрятался въ саду за кустомъ и все видѣлъ..... она, изволите видѣть, шла..... а онъ замѣтилъ ее, да и пустился за ней, какъ сумасшедшій.... такой разстроенный.... такой блѣдный.... остановилъ ее и сталъ упрашивать, чтобъ она взяла отъ него письмо.....

ЕЛЕНА (*въ волненіи*). Еще.....

КОБРИНЪ (*тихимъ голосомъ*). Елена!....

ЕЛЕНА (*стараясь улыбнуться*). Письмо.....

БѢЛЯНКИНЪ. Да-съ..... вотъ другое ужъ сегодня..... она, сначала, повидимому и не хотѣла взять.... да онъ бросился предъ

ней на колѣна, протянулъ къ ней руки и сказалъ: «чрезъ два часа, не прежде...» Что значатъ эти слова, я, право не понимаю.... ну, и она, жестокая, вѣдь не устояла.... взяла письмо..... у меня сердце чуть не выскочило..... я едва стоялъ на ногахъ... однако же имѣлъ еще силы вырвать у нея изъ рукъ это ужасное письмо..... вотъ оно!.....

КОБРИНЪ (*разсматривая адресъ*). Покажи!... да оно ко мнѣ....

БѢЛЯНКИНЪ. Къ вамъ?

КОБРИНЪ. Развѣ ты не умѣешь читать?

БѢЛЯНКИНЪ. Умѣю-съ!....

КОБРИНЪ. Поди, отыщи мнѣ Саранскаго....

БѢЛЯНКИНЪ. Но, ваше превосходительство..... увѣрены ли вы?....

КОБРИНЪ. Поди, отыщи мнѣ Саранскаго!....

(*Бѣлянкинъ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

ЕЛЕНА И КОБРИНЪ.

КОБРИНЪ (*подходя къ Еленѣ, которая сидитъ у маленькаго столика*). У тебя глаза по-лучше моихъ..... (*Отдавая ей письмо*). У меня же нѣтъ отъ тебя ни какихъ и секретовъ.... возьми, прочти.....

ЕЛЕНА (*сидя, читаетъ*). «Я никогда не былъ неблагодарнымъ... Я любилъ Елену, когда она не была еще женою моего благодѣтеля..... но никогда ни одно слово, не измѣняло моей любви!.....» Это правда!.....

КОБРИНЪ. Продолжай!

ЕЛЕНА. «Знаю, что вы мнѣ не повѣрите..... Вы лишили меня вашей довѣренности и вашего уваженія..... но я не могу жить безъ нихъ!..... я не въ силахъ перенесть одной мысли, что вы меня презираете..... Когда вы получите это письмо.... я не буду уже существовать!.... (*Она встаетъ*). Прощайте, благодѣтель мой, прощайте, мой второй отецъ.... послѣдняя мысль моя будетъ посвящена вамъ и той, которую я не смѣю назвать по имяни....» Ахъ! онъ умеръ! (*Увидя Саранскаго, съ радостію вскрикиваетъ*). Ахъ!...

(*По немногу оправляется и снова принимаетъ улыбку*).

ЯВЛЕНІЕ XIX.

ТѢ ЖЕ БѢЛЯНКИНЪ, ПАША И САРАНСКІЙ.

БѢЛЯНКИНЪ. Ваше превосходительство! приказаніе ваше исполнено!

САРАНСКІЙ (*Кобрину*). Вы меня спрашивали?.....

КОБРИНЪ (*сидя за столомъ*). Да..... ты хочешь ѣхать сегодня вечеромъ?.....

САРАНСКІЙ. Я ѣду сію минуту....

КОБРИНЪ (*становясь между Саранскимъ и Еленой*). Насъ ждутъ крестьяне..... у нихъ скоро начнется праздникъ.... и такъ простимся..... (*Смотря на Елену*). Простимся теперь....

ЕЛЕНА. Да.... теперь....

КОБРИНЪ. Я знаю, что прощаніе друга всегда утѣшительно сердцу.....

САРАНСКІЙ. Друга?.... неужели у меня еще есть друзья?....

КОБРИНЪ. Здѣсь, предъ тобою, двое.... (*Смотря на Елену*). Неправда ли, Елена?.....

ЕЛЕНА (*тихо*). Да.....

КОБРИНЪ. Эти друзья, и въ разлукѣ съ тобою, будутъ всегда думать о твоемъ счастіи..... что жъ касается до твоего письма.....

САРАНСКІЙ. О, Боже! неужели мнѣ измѣнили?....

(*Смотритъ на Пашу*).

ПАША. Это не я.... вотъ онъ....

КОБРИНЪ. Я получилъ его раньше двумя часами..... мнѣ кажется это лучше, чѣмъ двумя часами позже!.... Ты, любезный Артемій Васильичъ, можешь успокоиться..... Евгеній уѣзжаетъ отъ насъ....

БѢЛЯНКИНЪ. Слава Богу!....

ПАША. Отъ чего это?.... (*Елена знакомъ заставляетъ ее замолчать*).

КОБРИНЪ. Письмо это совершенно примирило насъ съ вами..... я возвращаю вамъ мое уваженіе!

БѢЛЯНКИНЪ (*съ важностью*). И я такъ же!

КОБРИНЪ (*Саранскому, который хочетъ взять у него руку*). Мнѣ не нравятся въ немъ однакожъ нѣкоторыя слова. (*Съ суровостью*). Да, очень не нравятся..... они не заслуживали-бъ отвѣта..... но я написалъ отвѣтъ..... онъ заключается въ одномъ сло-

вѣ..... вы увидите его въ этомъ письмѣ, внизу..... когда вы прочтете, вы будете имѣть силу и мужество перемѣнить ваши мысли..... (*Вдали слышенъ хоръ унылой Русской пѣсни, продолжающійся до конца піесы*). Праздникъ нашъ начался..... пойдемъ, Елена..... пойдемъ..... дай мнѣ твою руку..... (*Съ добродушіемъ*). Прощай, Евгеній!

ЕЛЕНА (*взявъ руку Кобрина и проходя мимо Саранскаго*). Прощайте!.....

КОБРИНЪ (*въ дверяхъ, дѣлая прощальный знакъ рукой*). Прощай! Прощай, мой другъ!....

ПАША. Бѣдненькой! (*Уходитъ*).

САРАНСКІЙ (*остается одинъ на сценѣ, смотритъ нѣсколько времени на удалившихся, потомъ ходитъ по сценѣ въ ужасномъ волненіи*). Нѣтъ!..... я не могу перенесть моего отчанія.... намѣреніе мое свято!..... безъ нея я не могу жить!..... я долженъ умереть!..... (*Взглянувъ на письмо*). О, Боже! что я вижу!... это слово!.... «Дожидайтесь!....»

(*Бросается на колѣна и смотритъ въ ту сторону, куда ушелъ Кобринъ съ Еленой.— Вдали пѣніе переходитъ въ веселый мотивъ.*

(*Занавѣсъ опускается*).

ЮМОРИСТИКА.

СЦЕНЫ ИЗЪ ЖИЗНИ ДОМОРОЩЕННАГО ГЕНІЯ.

Господи ты Боже мой! да что́ же это за любезнѣйшій человѣкъ Никита Аммонычъ! Добръ, нѣженъ, молчаливъ, сговорчивъ, съ маленькой лысиной и съ носомъ.... и что́ у него за носъ! О, вамъ невидать такого носа! Чуть чуть не тридцать лѣтъ живу я на бѣломъ свѣтѣ, но невидалъ носа, подобнаго носу Никиты Аммоныча. Это носъ не XIX вѣка, *исковерканный страстями*.... нѣтъ, это носъ *чистый*, *прямой*, со всѣми признаками не испорченности, носъ красноватый, съ горбиною, длинный носъ....

Никита Аммонычъ *жительство*, *имѣетъ* на краю Москвы, за Лефортовымъ, въ собственномъ домѣ, который онъ выстроилъ на *чистаганѣ*, и который онъ ни за что въ свѣтѣ не продастъ: въ немъ узналъ онъ первую любовь, когда еще былъ молодъ; въ немъ жилъ онъ съ *нею*, владычицею мыслей его и желаній, болѣе десяти лѣтъ; она прекрасная, по мнѣнію Никиты Аммоновича, какъ первый лучъ солнца, — она увѣрила его въ своей любви, подаривъ ему сына, точь въ точь похожаго на Никиту Аммоновича, и Никита Аммоновичъ, упоенный, увлеченный, очарованный такимъ сходствомъ и, слѣдовательно, вѣрностью любимой имъ женщины, тотчасъ же переписалъ домъ на ея имя, а она залогъ любви — новорожденнаго, назвала, какъ любящая и признательная жена, именемъ папиньки — Никиташею.

Но вотъ уже болѣе пяти лѣтъ прошло, какъ Никита Аммонычъ вдовъ и сиръ; она умерла! предметъ его сердца, желаній и наслажденій оставила этотъ міръ въ слѣдствіе какой то болѣзни и — Никита Аммонычъ одинъ въ цѣломъ мірѣ; для него нѣтъ уже счастія; онъ лишился друга и — жизнь его теперь страданіе!.... Въ какой-то страннаго цвѣта бекешѣ, которую онъ сшилъ еще при жизни своей любезной, въ таковомъ же картузѣ, съ корневою палкою въ рукахъ, видали его часто на кладбищѣ, гдѣ погребенъ цвѣтокъ его счастія.... Онъ былъ печаленъ, угрюмъ и изрѣдка утиралъ платкомъ глаза. Бѣдный Никита Аммонычъ! Какъ къ нему шли стихи Василья Кириловича Тредьяковскаго, *Елоквенвенціи* профессора.

Во мірѣ семъ все ужасть тлѣнно
И само счастье страхъ премѣнно....

Одно, что могло радовать и занимать его въ жизни, это былъ Никиташа. Никита Аммонычъ ничего не жалѣлъ на воспитаніе Никиты Никитича, и сынъ вполнѣ оправдывалъ надежды своего папаши. Онъ кончилъ три гимназическихъ курса и не желая продолжать наукъ, поступилъ на службу въ какое-то Правленіе, гдѣ и служилъ, кажется, съ годъ. Быть можетъ Никита Никитичъ прослужилъ бы и всю жизнь въ этомъ Правленіи, но ему пришла въ голову странная мысль, что онъ поэтъ и — философъ, и вотъ нашъ Никита Никитичъ забылъ о дѣлахъ службы и — пошла писать! — Началъ было разсуждать о душѣ; но этотъ предметъ показался ему немножко трудноватымъ, и — онъ перешелъ къ поэзіи. Въ одну недѣлю была написана имъ цѣлая тетрадь стихотвореній: къ *ней*, къ *лунѣ*, къ *звѣздочкамъ*, ко всѣмъ вздорамъ въ мірѣ. Съ этой-то тетрадью нашъ поэтъ въ одинъ прекрасный вечеръ гордо вошелъ въ комнату отца.

— Батюшка! сказалъ онъ, держа подъ мышкою свое созданіе. Батюшка, порадуйтесь за вашего сына, онъ — поэтъ, — Да, батюшка, я поэтъ!

Съ этими словами онъ положилъ на столъ толстую тетрадь своихъ стихотвореній.

— А что-жъ бы это значило такое, Никитинька, *паэтъ*? спросилъ съ умиленіемъ Никита Аммонычъ сына.

— И вы не знаете, батюшка, что такое и кто такой поэтъ? О верхъ невѣжества и срамоты! — Батюшка! сказалъонъ, поднявъ указательный палецъ: поэтъ значитъ тотъ, который сочиняетъ книги, а особенно *стихотворную поэзію*.... Понимаете?

— Понимаю! А въ какомъ же онъ, сударикъ мой, чинѣ числиться?

— Подите на гору парнасскую и спросите у седми музъ, въ какомъ чинѣ числится поэтъ! отвѣчалъ нашъ поэтъ.

— Видишь ли! А гдѣ бы это находилось такое присутственное мѣсто? я что то объ немъ не слыхивалъ, — знать изъ новыхъ... Хорошее жалованье?

— Жалованье! *славная слава и безсмертное безсмертіе*! Никиташа былъ изъ нынѣшнихъ поэтовъ: онъ чрезвычайно любилъ эпитеты.

— Ну, это жалованье не такъ-то прочно, сударикъ мой! Съ нимъ находишься безъ рубашки. Хоть и есть пословица: не надо денегъ ни гроша, была бы слава хороша, но не вѣрь ей, Никитинька: ее выдумалъ какой нибудь сумазбродъ: *безъ денегъ вездѣ худенекъ*, есть другая пословица, болѣе вѣрная и испытанная!

— Батюшка! мы не поймемъ съ вами другъ друга: вы рождены пройти стезю, назначенную вамъ судьбою, и только! умрете вы, и потомство не будетъ знать, былъ ли на свѣтѣ Никита Аммонычъ. — Моя участь высокая, блестящая, какъ.... какъ блестящій червякъ, который свѣтитъ въ темнотѣ, или во мракѣ.... Вы не читали нигдѣ, батюшка, о блестящихъ червякахъ, а я читалъ въ одномъ журналѣ удивительную статью о червякахъ. — Я рожденъ или созданъ, все равно — быть путеводителемъ человѣчеству во мракѣ просвѣщенія, раскрыть тайны природы и быть однимъ изъ главныхъ членовъ или представителей отечественной музы или образованія.... Меня ждетъ вѣнецъ, увѣнчанный безсмертіемъ вѣчнымъ и міровою славою, и мои сочиненія не умрутъ во вѣки вѣчные и потомки будутъ благоговѣть предъ ними, и памятникъ, подобный кедру ливанскому, покрайней мѣрѣ въ половину Ивана Великаго будетъ воздвигнутъ въ честь мнѣ, въ память вашему сыну Никитѣ Никитину, по отцѣ Безсмыслину.... слышите ли, видите ли, ощущаете ли вы чувствіями вашего сердца, что ждетъ меня, вашего Никиту, послѣ — лѣтъ этакъ, черезъ двадцать? И потому, въ силу сего служить въ Правленіи я больше желанія не имѣю, а хочу посвятить мое бытіе на пользу успѣховъ отечественнаго просвѣщенія и образованія....

Фу! какъ былъ доволенъ нашъ доморощенный поэтъ, проговоривъ за одинъ залпъ свой надуто-безсмысленный и безмысленный монологъ! надобно было видѣть это глупое лицо, ко

гда оно приняло на себя обыкновенную всѣмъ нашимъ доморощеннымъ геніямъ гордость. Никита Никитичъ ждалъ, что отецъ бросится обнимать его, что съ нимъ отъ радости сдѣлается обморокъ, — мало ли что́ думалъ нашъ поэтъ; но Никита Аммонычъ, призадумавшись, ковырялъ перстомъ въ носу и молчалъ.

Никита Никитичъ болѣзненно посмотрѣлъ на отца, ухватилъ съ необыкновеннымъ трагедизмомъ (*) себя за волосы, потомъ сильно треснулъ по ляжкамъ кулаками, чмокнулъ губами, закрылъ, глаза, — и на распѣвъ началъ читать слова великаго Шекспира которыхъ онъ не понималъ:

«Для чего
Ты не растаешь, ты не распадешься прахомъ,
О, для чего ты крѣпко тѣло человѣка.....

Испугался Никита Аммонычъ, видя такой *удивительный случай и странное происшествіе* съ сыномъ; понюхалъ табаку Никита Аммонычъ, и тихо и не борзясь, замѣтилъ любезному своему Никиташенькѣ, что дескать, не хорошо такъ *терзательно* рвать себя заволосы и бить по ляжкамъ: отъ *сихъ причинъ* можетъ головка заболѣть и ляжечки распухнутъ. Какой опытной старикъ, былъ Никита Аммонычъ!

— *Паетомъ* быть не мѣшаетъ, продолжалъ немного спустя Никита Аммонычъ да и служить хорошо: и чины-то своимъ порядкомъ, и жалованье-то!... Если-бы ты спросилъ меня, сударикъ мой, что́ дискать, батюшка! а какъ бы поступили вы въ этакомъ происшествіи? а я бы тебѣ и сказалъ: послужи, дискать, Никиташа! а какъ дослужишься до офицерскаго, ну, такъ, пожалуй, ступай и въ *паеты*.

— Служить бы радъ, прислуживаться тошно! замѣтилъ нашъ поэтъ, поднявъ вверхъ плеча, нахмуривъ чело, и сдѣлавъ ужаснѣйшую гримасу.

— Батюшка! продолжалъ Никита Никитичъ: предоставьте мнѣ располагать моею будущностью. О, я вижу, знаю, чувствую куда влечетъ меня мой жребій....

— Смотри, сударикъ мой, чтобы послѣ не каяться!... однако девять часовъ! Кузминишна! дай-ка намъ поужинать!

И кухарка начала накрывать вечерній столъ.

(*) Новое словцо.

— Мой отецъ меня не понимаетъ! Онъ не понимаетъ того, что я рожденъ геніемъ! говорилъ нашъ поэтъ, развалившись на диванѣ въ своей комнатѣ и докуривая трубку. — О если бы онъ зналъ, что ожидаетъ меня въ будущности! чувствую, что теперь могу уже состязаться съ Пушкинымъ, что́ же будетъ послѣ? Я образую по своему всѣ литературы, и достигну того, что меня за мои созданія назовутъ вторымъ Аполлономъ!... Рѣшено! завтра же отправлюсь съ моею рукописью въ цензуру, а — черезъ недѣлю книгопродавцы осыплютъ меня золотомъ, если я позволю имъ печатать мои стихотворенія.... Я велю книгопродавцамъ издать мои стихи со всѣми типографскими причудами и роскошью; велю напечатать мою фамилію всю вполнѣ, крупными литерами, и когда мои сочиненія выдутъ въ свѣтъ, то мои знакомые ахнутъ отъ удивленія: каковъ же, скажутъ они, Никита-то Никитичъ! сочинительствуетъ! въ стихотворцы пустился! мы давно знали, что онъ умная голова! И батюшкѣ моему будутъ говорить: какой же, дискать, у васъ, Никита Аммонычъ, сынокъ-то умница! умная голова! Да и вездѣ будутъ говорить, что я умная голова! Господи ты Боже мой! какъ подумаю я о славѣ, которая ждетъ меня, такъ вотъ ноги и подкашиваются отъ радости!... Это идетъ сочинитель Никита Никитичъ! будутъ говорить знающіе меня своимъ знакомымъ: — какое выразительное у него лицо, истинно сочинительское! А взглядъ-то! взглядъ-то! уфъ! чудо! ястребиный! А ужъ какъ пишетъ! всякія штучки пишетъ, и любовныя, и пѣвческія, и заунывныя, и.... далъ же Богъ такой умъ человѣку! Я съ нимъ знакомъ! какъже-съ, очень коротко знакомъ! Не хотите ли, васъ познакомлю!... А я вдругъ возьму лихача съ биржи, да и ну кататься! тогда у меня денежекъ то будетъ вдоволь, хоть прудъ пруди! тысячи двѣ, если не больше.... Меньше двухъ тысячъ не возьму съ книжниковъ за мои сочиненія, — и дадутъ: вѣдь платятъ же Пушкину по золотому за строчку! почему же мнѣ не взять двухъ тысячъ за цѣлую тетрадь стихотвореній? Хоть я и не извѣстенъ еще какъ Пушкинъ, но ужъ въ сочиненіяхъ-то право не уступлю ему! Напишемъ и по чище, стоитъ только присѣсть.... Однако я зафантазировался! пора и уснуть.

И Никита Никитичъ погасилъ свѣчу, перекрестился, закуталъ голову одѣяломъ и скоро заснулъ.

На другой день нашъ поэтъ отнесъ свою рукопись въ цензурный комитетъ. Черезъ недѣлю ему была выдана рукопись изъ цензуры обратно, съ позволеніемъ печатать. Боже мой! какъ

любовался Никита Никитичъ подписью почтеннаго цензора! сколько разъ принимался онъ разсматривать печать, которая обыкновенно прикладывается цензурою на одобренныхъ къ печати сочиненіяхъ!... съ какою отеческою любовью прочитывалъ онъ, быть можетъ, въ пятидесятый разъ свои стихоплетенія! Да! счастливъ, доволенъ былъ въ это время Никита Никитичъ, доволенъ такъ, какъ, можетъ быть, еще никто не былъ доволенъ!!...

— Къ Базунову! воскликнулъ онъ, полный радости, надеждъ, мечтая о славѣ и золотѣ.

И вотъ онъ въ лавкѣ почтеннаго книгопродавца Базунова.

— Хозяинъ дома? гордо спросилъ нашъ поэтъ у прикащика.

— Что вамъ угодно? спросилъ его прикащикъ.

— Я, братецъ, хочу продать вамъ оригиналъ — мои стихотворенія.

— Иванъ Васильичъ пересталъ печатать и потому не покупаетъ оригиналовъ.

— Но — мой милый! Это не такое сочиненіе, котораго бы не купилъ твой хозяинъ. .. Это мои стихи.... понимаешь?

— Все это прекрасно, сударь! и я увѣренъ, что плоды вашихъ трудовъ будутъ..., но извините! мы ничего не печатаемъ.... Впрочемъ вы можете предложить ваши стихотворенія М., тотъ навѣрное напечатаетъ ваше сочиненіе.

— Но я хочу, чтобы труды мои были напечатаны вашимъ хозяиномъ.... его нѣтъ дома? Я подожду.

— Это напрасно! и онъ вамъ скажетъ тоже, что я....

— Такъ вы совѣтуете мнѣ ѣхать къ М?... Но что-же онъ заплатитъ за мои труды?...

— Я вамъ не умѣю сказать этого! Но вы сойдетесь съ нимъ вѣрно!... Онъ весьма богатый человѣкъ!...

— Поѣду къ М.... Прощайте!

И Никита Никитичъ отправился съ своимъ оригиналомъ къ извѣстному книгопродавцу, производителю московскихъ романовъ Логинову.

— Вы покупаете оригиналы для напечатанія, почтеннѣйшій? спросилъ нашъ поэтъ Московскаго книгопродавца.

— Случается-съ.

— Не угодно ли вамъ напечатать мои стихотворенія, которыя уже одобрены и цензурою.

— Очень хорошо-съ! позвольте взглянуть-съ! купимъ-съ! отчего же не купить-съ: у насъ *Афенямъ-съ* всякая дрянь сойдетъ-съ! то есть я не говорю о вашихъ сочиненіяхъ-съ, а такъ-съ.... вѣдь,

согласитесь, милостивѣйшій государь, что не всѣ такъ хорошо пишутъ, какъ вы-съ! есть и дрянца-съ сочинители!.... А какъ заглавіе вашимъ стишкамъ съ!

— Мои стихотворенія называются: *Звѣзда любви и пылкихъ мечтаній.*

— Да-съ, заглавіе хоть куда-съ! громковато-съ! Можно напечатать-съ! Не повѣрите-съ, нынче только и взять заглавіями! Куда гг. сочинители мизерно пишутъ! Иной притащитъ романъ въ трехъ претолстыхъ частяхъ, а читатели обижаются, что, дискать, читать нечего! Не угодишь-съ.... А сколько вы изволите назначить суммы-съ за ваши стихотворенія-съ?

— Да я, право, не знаю! Двѣ тысячи я взялъ бы пожалуй!

— Какъ-съ! сколько-съ! двѣ тысячи-съ! воскликнулъ, разинувъ ротъ отъ удивленія, книгопродавецъ. — Извините съ! мы не печатаемъ такихъ дорогихъ сочиненій-съ! Да нынче же и стиховъ то ужъ не читаютъ! Мы платимъ, не повѣрите какъ дешево.... за иной романъ, въ четырехъ частяхъ, дадимъ рублей триста да десять печатныхъ экземпляровъ сочинителю — да и баста!

— Я самъ напечатаю, или изорву, но не возьму меньше тысячи рублей за мои сочиненія! воскликнулъ Никита Никитичъ, ударивъ кулакомъ по столу.

Книгопродавецъ вздрогнулъ.

— Такъ ужъ въ самомъ дѣлѣ вы напечатайте лучше сами-съ! А намъ коли понадобятся ваши стишки-съ, мы купимъ у васъ экземплярчиковъ сотенку-съ!

— Прощайте! сказалъ съ презрѣніемъ нашъ поэтъ.

— Прощайте! произнесъ умильно книгопродавецъ.

—

— Батюшка!

— Что́, сударикъ мой?

— Я получилъ мою рукопись изъ цензуры.

— Ну, такъ что́же, Никитинька?

— Надобно печатать.

— Ну, такъ что же? печатай съ Богомъ!

— Но для этого надобны деньги.

— А вонъ возьми у меня въ кошелькѣ краснинькую.... да смотри будетъ ли польза-то!

— На что́ красненькую?

— Ну, да на печатанье-то?

— Да для этого нужно сто красненькихъ.

— Сто красныхъ, то есть тысячу рублевъ? А гдѣ жъ бы я для тебя взялъ ихъ?

— Надобно будетъ заложить домъ! Вы понимаете ли, сколько наживемъ мы отъ моего сочиненія?

— Заложить домъ, Никиташа? А чѣмъ же мы его выкупимъ?

— Да, вѣдь мы получимъ пользы въ десятеро противъ того, что́ будетъ сто́ить напечатать мои стихотворенія. Напримѣръ, мнѣ обойдется каждая книжка рубль себѣ, а публикую я ее по десяти рублей; мы напечатаемъ тысячу книжекъ и — видите, пользы намъ будетъ девять тысячъ.

— Хорошо бы твоимъ ртомъ медъ пить, Никиташа! Ну, а если твои книжки не распродадутся? тогда что́ мы будемъ дѣлать?

— Вотъ еще не распродадутся! положитесь на меня! будьте увѣрены....

— Смотри, Никитушка! чтобы не попасть намъ въ лабетъ! Я для тебя ничего не пожалѣю.... боюсь, чтобы не выгнали насъ изъ дому....

— Что́ за мысли!...

Чрезъ недѣлю домъ Никиты Аммоныча былъ заложенъ въ тысячѣ рубляхъ. Черезъ мѣсяцъ отпечатались стихотворенія Никиты Безсмыслина; спустя два мѣсяца въ нихъ завертывали сукно, ситцы, табакъ, мыло и прочую рухлядь. Нашъ поэтъ, проклиная публику, величая ее всѣми названіями, какъ только можетъ величать обиженный поэтъ неблагодарныхъ читателей, на которыхъ поэты по самолюбію надѣются и которые всегда измѣняютъ поэтамъ, потому что не раскупаютъ ихъ твореній, — продалъ на рынкѣ какому-то торговцу на обертку всякой-всячины свои дивныя, чудныя, которыми онъ столько гордился — стихотворенія.

Черезъ годъ Никита Аммонычъ былъ въ своемъ домѣ уже не хозяиномъ, а жильцомъ: онъ не заплатилъ въ срокъ тысячу рублей, которую занималъ для напечатанія стихотвореній любимаго имъ сына Никиташи, какъ величалъ его всегда Никита Аммонычъ.

— Батюшка!

— Ну, что̀ еще, сударикъ! Не еще ли хочешъ печатать что нибудь? да ужъ братъ денегъ-то никто не повѣритъ....

— Не то батюшка! я хочу сдѣлаться стряпчимъ, вѣдь это лучше чѣмъ сочинять?

— Да поприбыльнѣе, сударикъ мой! Да что̀ же ты будешь стряпать-то?

— О, дѣлъ много найдется! Я же въ законахъ-то кое-что смыслю!...

— Смотри, я тебѣ не помѣха! дѣлай, что̀ лучше.... памятникъ законовъ у меня есть, чего не знаешь, спроси меня.... а между тѣмъ, Кузминишна! дай-ка намъ пообѣдать, чѣмъ Богъ послалъ.

И Кузминишна стала накрывать обѣденный столъ.

НИКОЛАЙ ПРОТ — ВЪ.

СМѢСЬ.

ДВѢ ПРИМАДОННЫ.

I.

Въ благоухающемъ будоарѣ, кругомъ низкаго, турецкаго дивана, на которомъ лежала небрежно раскинувшись прекрасная женщина, сидѣло нѣсколько молодыхъ людей. Молодые люди, — были Венеціанцы; прекрасная женщина, — была Марина, знаменитая пѣвица театра *de la Fenice*.

— Этотъ вѣнокъ еще свѣжъ, Марина, сказалъ графъ Спози, указывая на кучу завядшихъ вѣнковъ, между которыми былъ одинъ, еще неувядшій.

— Мнѣ бросили его вчера въ *Семирамидѣ*.

— А когда бросили вамъ этотъ, прекрасный *Арзасъ*?

— Этотъ брошенъ три дни тому назадъ въ *Ченеренполѣ*.

— Онъ уже завялъ, сказалъ аббатъ Форнетти, поэтъ-импровизаторъ; завялъ какъ всѣ старшія его братья, какъ завянетъ къ вечеру и этотъ.

— Что́жъ такое, перебилъ графъ Спози? У Марины есть вѣнокъ, который никогда не завянетъ и этотъ вѣнокъ энтузіазмъ Венеціи.

Молодые люди приняли этотъ комплиментъ рукоплесканіями, а Марина поблагодарила графа улыбкой, которая отзывались однакожъ грустію.

— Венеція любитъ меня, сказала она: но только любитъ и не болѣе. Три мѣсяца тому назадъ Венеція обожала меня. Когда имя мое появлялось на афишѣ, то день походилъ на праздникъ, а вечеромъ.... о! когда вечеромъ я появлялась на сцену, крики

восторга потрясали залу и переполняли душу мою наслажденіемъ!

— Вы имѣете все это и теперь, Марина, сказалъ маркизъ Роми, почитавшійся однимъ изъ первыхъ красавцевъ Италіи.

— Вы думаете, маркизъ? Но повѣрьте мнѣ, что руки, бросающія мнѣ вѣнки, холодны и не дрожатъ отъ восторга, что уста, кричащія браво безчувственны; все это слѣдствіе уваженія, можетъ быть привычки, но не энтузіазма.

— Впрочемъ, надо сознаться, сказалъ графъ Спози, что Беллина прекрасна и поетъ съ неподражаемымъ вкусомъ....

— Въ самомъ дѣлѣ? перебила съ явнымъ неудовольствіемъ Марина: зачѣмъ же вы теперь здѣсь, и не аплодируете этому неподражаемому вкусу? Конечно, одно сожалѣніе заставило васъ раздѣлить со мной сегодняшній вечеръ! О! я ненавижу эту женщину! я ненавижу ее бѣшено, неистово, какъ истинная Итальянка! Сколько разъ, когда театръ оглашался рукоплесканіями ея пѣнію, я дрожала отъ бѣшенства, и страшныя, кровавыя мысли тѣснились въ моемъ раскаленномъ воображеніи. Мнѣ было восьмнадцать лѣтъ, господа, когда я мстила соперницѣ своей въ любви; теперь мнѣ двадцать-четыре года, а Беллина, соперница моя въ славѣ.

— Вы напрасно отчаяваетесь, Марина, вы, попрежнему, царствуете надъ Венеціей, но раздѣлили власть съ другой.

Слава и любовь не могутъ быть дѣлимы.

— Но положеніе ваше все еще не такъ отчаянно; вы видите, что всѣ друзья ваши здѣсь, въ то самое время, когда соперница ваша подвергается на сценѣ одному изъ труднѣйшихъ испытаній.

— Благодарю васъ, друзья мои; вы пожертвовали сегодня вечеромъ своимъ моей хандрѣ, но послѣ завтра вы будете въ числѣ судей Беллины, и какъ толпа, вы будете рукоплескать ей.

— Но развѣ вы не лучшій другъ, не обожаемая любовница герцога Аквавита, знатнѣйшаго и могущественнѣйшаго изъ вельможъ венеціанскихъ, судъ котораго можетъ перевѣсить судъ цѣлой Венеціи?

— Аквавита, говорите вы? да онъ любилъ меня, но только тогда, когда меня любила Венеція, или лучше сказать, онъ любилъ во мнѣ любовь Венеціи. Я была царицею города, а онъ былъ моимъ царемъ; вотъ что нужно было его гордости. И вы называете это любовью, графъ Спози! Скажите лучше самолюбіе! Доказательствомъ этому можетъ служить то, что съ тѣхъ поръ, какъ Беллина торжествуетъ, имя ея не сходитъ съ устъ герцога; недѣлю тому назадъ я упрекнула его въ этомъ, и вотъ уже недѣля, какъ онъ теперь у Беллины!...

Марина наморщила брови и черные глаза ея были влажны отъ слезъ.

— Но этотъ вѣнокъ, продолжалъ графъ, этотъ вѣнокъ, который вчера еще блисталъ на челѣ Арзаса....

II.

Въ это мгновеніе баронъ Рюллеманъ вошелъ къ Маринѣ. Баронъ былъ толстый Нѣмецъ, человѣкъ разсудительный и умный; онъ уже цѣлый годъ жилъ въ Венеціи, и дворянство дорожило имъ, хотя и прозвало его *философомъ* за рѣзкія мнѣнія и нѣсколько грубую откровенность рѣчей.

Онъ вошелъ въ то самое мгновеніе, когда графъ говорилъ о вѣнкѣ.

— Я сейчасъ видѣлъ точно такой же вѣнокъ, сказалъ онъ, между сотнею другихъ, брошенныхъ Беллинѣ.

— Вы изъ театра? спросила покраснѣвъ Беллина.

— Да, сударыня.

— Что́жъ.... торжество Беллины было полно?...

— Полно. Ее вызвали послѣ піесы.

— Мнѣ только одинъ разъ оказали эту честь.

— Послѣ спектакля музыканты отправились давать ей серенаду.

— Мнѣ никогда серенадъ не давали.

Марина сдѣлалась блѣдна, какъ алебастръ близь-стоявшаго бюста.

— Я былъ у ней, прибавилъ баронъ и видѣлъ тамъ герцога Аквавиту.

— Онъ остался тамъ!...

Марина не могла болѣе говорить: она была въ обморокѣ.

Когда она очнулась, Венеціянцы удалились вмѣстѣ съ Рюллеманомъ, который, глядя на эту сцену, пожималъ плечами. Аббатъ Фарветти, которому не удалось сказать, во все это время, ни одного стиха, вознаградилъ себя цѣлымъ десятистишіемъ на случай обморока.

Я ошибаюсь, говоря, что всѣ Венеціянцы удалились, потому что никто въ въ этотъ вечеръ не видалъ болѣе графа Спози.

III.

На другой день, въ небольшомъ, изящно-меблированномъ салонѣ, двое мужчинъ и одна замаскированная женщина сидѣли за столомъ, накрытымъ на четыре прибора.

— Будетъ ли она? спросилъ герцогъ Аквавита барона Рюллемана. Успѣла ли она оправиться послѣ вчерашняго дня?

— Она будетъ.

— Удастся ли намъ помирить ее съ Беллиной?

— Мнѣ кажется, что еслибъ Беллина простудилась, или спала

съ голоса, то это скорѣе бы привело къ цѣли, нежели посредничество герцога Аквавиты.

— Нѣтъ, чортъ возьми, это была бы слишкомъ дорогая плата за примиреніе.

Беллина поблагодарила герцога улыбкой.

У дверей раздался шумъ. Беллина поспѣшно надѣла маску, и соперница ея, въ черномъ домино и съ маскою въ рукѣ, вошла въ комнату.

IV.

— Аквавита, сказала она, въ то самое время, когда герцогъ собирался говорить ей: я знаю, за чѣмъ ты заставилъ меня прійти сюда. Зависть плохая совѣтница, а досада моя можетъ увеличить торжество моей соперницы. Я буду рукоплескать ей въ глазахъ цѣлой Венеціи, и это послужитъ мнѣ лучшимъ и вѣрнѣйшимъ мщеніемъ.

— Хорошо, Марина! Твой поступокъ благороденъ, и повѣрь мнѣ, что и я и Венеція будемъ объ этомъ помнить....

Сѣли за столъ, и обѣдъ былъ веселъ. За дессертомъ Беллина пила за будущее торжество Марины, которая должна была черезъ день играть въ «Семирамидѣ».

Марина отвѣчала тѣмъ же, и пила за успѣхъ Беллины въ «Цирюльникѣ».

— Обѣщаю вамъ, сказала она, что я брошу *Розинѣ* такой вѣнокъ, который не завянетъ подобно расточаемымъ вамъ восторгомъ Венеціянцевъ.

Когда Марина произносила эти слова, то лицо ее приняло странное выраженіе. Беллина плакала отъ радости, и цѣловала Марину.

— Завтрашній день, будетъ прекраснымъ днемъ для Венеціи, сказалъ герцогъ.

Рюллеманъ покачалъ головой.

V.

На другой день въ залѣ театра de la Fenice, не было ни одного пустаго мѣста Извѣстіе о примиреніи двухъ соперницъ уже распространилось въ городѣ. Всякій разъ, какъ Марина аплодировала Беллинѣ, браво потрясали залу. Но между этимъ множествомъ радостныхъ лицъ, одинъ Рюллеманъ сохранилъ безпокойный и озабоченный видъ.

По окончаніи оперы стали вызывать Беллину.

Когда Беллина явилась, то цѣлый дождь вѣнковъ покрылъ сцену. Марина также бросила вѣнокъ, среди неистовыхъ криковъ одобренія и восторга.

Вдругъ раздается пронзительный крикъ, и Беллина безъ чувствъ падаетъ на рампу. Вѣнокъ Марины ударилъ ее въ голову.

Этотъ вѣнокъ былъ вылитъ изъ бронзы.

VI.

— Какой прекрасный день для Венеціи, сказалъ Рюллеманъ, онѣмѣвшему отъ удивленія герцогу. Еслибъ вы послушались меня....

Пока аббатъ Фарнетти импровизировалъ въ коридорѣ эпитафію умершей, Марину схватили, и она, проходя мимо Фарнетти и его товарищей, сказала имъ:

— Вѣдь я говорила ей, что мой вѣнокъ никогда не завянетъ.

Приключеніе съ г-жею Дорваль.

У г-жи Дорваль, знаменитой драматической артистки театра *de la Porte Saint-Martin* была недавно служанка по имени Лойе, которой она оставалась очень довольна. Разъ, перестилая постель своей госпожи, Лойе нашла подъ матрацомъ прекрасный портфейль, который ей очень понравился.—Къ несчастію, въ ней пробудилось желаніе узнать, что̀ заключается въ этомъ портфелѣ и она нашла въ немъ три банковыхъ билетовъ въ 1000 франковъ, каждый. Она говоритъ, что вовсе не видала никогда банковыхъ билетовъ и что прельстилась только цвѣтнымъ рисункомъ, — потому «взяла одинъ а остальные положила на мѣсто; взятый билетъ или *картинку*, по ея словамъ, она отнесла къ своей сестрѣ, гдѣ его и нашла полиція. Парижскій судъ присяжныхъ повѣрилъ этой простотѣ и отпустилъ Лойе безъ наказанія.

Слухи о Россини.

Многіе журналы увѣряютъ, что новая опера—Россини будетъ скоро поставлена на сценѣ Большой Оперы. Это новое произведеніе называется *Робертъ Брюсъ*.

Россини вдовѣвшій со смерти пѣвицы Кольбранъ, теперь снова женился, на дѣвицѣ Олимпіи Пелиссье. По этому случаю журналы приводятъ письмо г-жи Россини второй къ ея пріятельницѣ въ Парижъ слѣдующаго содержанія: «Я пишу къ «вамъ по выходѣ изъ церкви, съ такимъ волненіемъ въ сердцѣ, «что едва могу держать въ рукахъ перо. Я почти боюсь того, «что Провидѣніе для меня сдѣлало, дозволивши мнѣ быть женою

«Россини. Да принесетъ ему моя живая признательность все сча-«стіе, какого онъ заслуживаетъ. Я считала бы себя неблагодар-«ною въ отношеніи къ вамъ, еслибы вы узнали о моемъ бракѣ, отъ кого-нибудь другаго, а не отъ меня.»

Бѣда отъ люстры.

Въ большомъ гамбургскомъ театрѣ недавно повѣсили огромную люстру, выписанную изъ Лондона, вѣсомъ въ 1999 килограммовъ.—Веревка, по несчастію, оборвалась; люстра упала и убила двухъ англійскихъ работниковъ, которые привезли ее изъ Лондона въ Гамбургъ. Увѣряютъ, что люстра была первоначально назначена для одного изъ англійскихъ театровъ, но что дирекція этого театра отказалась отъ нея по причинѣ ея тяжелаго вѣса. Надобно сознаться, что она поступила очень догадливо.

Мужество одной Актрисы.

Вотъ что случилось недавно съ дѣвицей Д., актрисою однаго бульварнаго театра въ Парижѣ. Она отправилась гулять съ Шарантонъ съ одною изъ своихъ пріятельницъ и въ двумя молодыми людьми. До обѣда предложили партію плаванья. Мамзель Д. одна изъ лучшихъ воспитанницъ школы Ламберъ разумѣется, не отказалась, но никто изъ молодыхъ людей не умѣлъ, по несчастію, плавать. Вдругъ раздается крикъ, и оказывается, что одинъ изъ нихъ тонетъ. Мамзель Д. бросается въ воду, и не вытаскивая его, дѣйствуетъ такъ искусно, что прибиваетъ его почти къ берегу. Потомъ послѣдовала, разумѣется пирушка, гдѣ было выпито неисчислимое количество шампанскаго.

Рашель въ Лондонѣ.

Мамзель Рашель, принужденная, для спокойствія, удалиться отъ свѣта жила въ Лондонѣ, чрезвычайно уединенно. Чаще всѣхъ она принимала знаменитаго изгнанника Людовика Наполеона. Прощаясь съ ней, онъ подарилъ ей брилліантовую булавку съ орломъ. Директоръ Сентъ-Джемскаго театра также не хотѣлъ отстать и подарилъ ей браслетъ въ 6000 франковъ.

Ссора Гризи съ директоромъ лондонскаго театра.

Г-жа Гризи поссорилась съ г. Ломлей, директоромъ королевскаго театра. Она соединялись съ капельмейстеромъ Коста, который переманилъ къ себѣ всѣхъ музыкантовъ и артистовъ, за исключеніемъ Лаблаша. Г. Ломлей теперь въ большихъ хлопотахъ и отправилъ добраго Лаблаша въ Италію набирать новыхъ талантовъ.

Слухи о Женни-Линдъ.

Женни Линдъ ангажирована въ Вѣну на пять мѣсяцевъ; она будетъ дебютировать 10-го октября. Мейерберъ пріѣдетъ туда самъ, для постановки своего «Лагеря въ Силезіи».

Въ Гамбургѣ на ея имя спекулируютъ и на афишахъ красуется имя нѣкоей Дженни-Биндъ. Публика, увлеченная сходствомъ именъ, тѣснится въ театръ.

Театръ Одеона.

Построенный въ 1781 году, архитекторами Вальи и де-Пейромъ старшимъ, театръ Одеона былъ тотчасъ же занятъ Французскими актерами, которые давали представленія въ его залѣ до 1799 года, когда пожаръ истребилъ это зданіе.

Императоръ Наполеонъ велѣлъ построить опять Одеонъ и отдалъ его охранительному Сенату. Александръ Дюваль и Гоберъ были его директорами, и черезъ нѣсколько лѣтъ потомъ, Императоръ приказалъ давать въ немъ представленія труппамъ, италіянской и французской — и назвалъ его театромъ Императрицы.

Гоберъ умеръ въ 1814, и директоромъ назначенъ Пикаръ, который и былъ имъ до вторичнаго пожара, въ 1818 году. Театръ былъ снова перестроенъ, но Пикаръ подалъ въ отставку и директорами были, одинъ за другимъ, Жантиль, Гюшель и Бернаръ.

Теперь на немъ играютъ трагедіи, драмы и комедіи.

Новый способъ театральныхъ поощреній.

Новый способъ поощреній драматическихъ артистовъ введенъ теперь въ употребленіе въ Сѣверной Америкѣ: вмѣсто букетовъ, болѣе или менѣе великолѣпныхъ, публика бросаетъ къ ногамъ артистовъ доллары. Недавно одной любимой танцовщицѣ брошено было 100 долларовъ (500 франковъ), около 490 рублей Росс. ассигнац. Должно предполагать, что эта мода, какъ слишкомъ убыточная, продолжится недолго.

АНЕКДОТЫ И МЕЛОЧИ.

Господинъ Габенекъ, старшій, — дирижёръ оркестра Большой-Оперы въ Парижѣ, очень боленъ. Въ то самое время, когда его почитали выздоравливающимъ, съ нимъ случился сильный ударъ паралича. Самыя старательныя попеченія отвратили пагубныя послѣдствія оного. Но больной все еще не поправился. Г. докторъ Монсенди объявилъ, что онъ не можетъ еще сказать ничего рѣшительнаго; а потому директору перваго лирическаго театра въ Парижѣ, нужно подумать о замѣщеніи этой вакантной должности, на которую, вѣроятно, явится много охотниковъ.

— Съ самаго основанія оперы до нашихъ временъ, оркестръ Королевской Музыкальной Академіи былъ управляемъ *палочкою* дирижёра. Палочка эта, похожаяна маршальскій жезлъ, производила нѣкоторое сходство между дирижёромъ оркестра и маршаломъ, сходство, которое остряки и журналисты прославляли въ стихахъ и прозѣ. Но явился синьйоръ Россини! Онъ представилъ на театрѣ Буфъ небольшую піесу, написанную по случаю коронаціи Карла X и названную: «Путешествіе въ Реймсъ». Король удостоилъ ее своимъ присутствіемъ, но она имѣла мало успѣха. Однакожъ музыка этой піесы почиталась хорошею, и была приложена въ послѣдствіи времени къ оперѣ: «Графъ Ори», игранной артистами Королевской Музыкальной Академіи. Съ этого-то времени произошло новое расположеніе оркестра. Сначала дирижёра музыки, съ палочкою въ рукахъ, замѣнили директоромъ пѣнія, обязаннымъ поддерживать артистовъ, играющихъ на сценѣ, и подсказывать имъ. Въ продолженіе этого времени, капельмейстеръ помѣщался въ углу оркестра, на такомъ разстояніи отъ дирижёра пѣнія, чтобы могъ быть удобно видимъ имъ и слышимъ. Это устройство было невыгодно и представляло многія неудобства, почему его и оставили, и согласно съ общимъ желаніемъ, помѣстили опять дирижёра музыки тамъ, гдѣ стоялъ дирижёръ съ палочкой; но дали ему вмѣсто ея скрипку, для руководства музыкантовъ посредствомъ смычка. Съ сего-то времени началось это устройство, которымъ уже пользовался г. Габенекъ, старшій. Отъ этого новаго расположенія произошло то, что, вмѣсто того, чтобы имѣть передъ собою *большую партитуру*, то есть ту, которая содержитъ въ себѣ всѣ партитуры оркестра, дирижёръ имѣетъ передъ собою только краткое извлеченіе изъ оной, и это, при помощи скрипки, способствуетъ къ точности игры музыкантовъ. Съ этого же времени введенъ въ употребленіе въ Оперѣ суфлёръ, какъ и въ другихъ театрахъ, ибо въ то время, когда дирижёръ управлялъ оркестромъ посредствомъ палочки, онъ исполнялъ эту должность, и обязанъ былъ подсказывать пѣвцамъ.

— Вотъ, что разсказываетъ г-жа Фюзи въ своихъ весьма-занимательныхъ *Запискахъ актрисы*, изданныхъ въ 1840 году, о первой женитьбы знаменитаго французскаго актера Тальмы: «Первую жену Тальмы называли всегда Юліей, для отличія ее отъ второй его жены, г-жи Пети Ванъ-говъ, бывшей актрисы Французскаго-Театра; первая славилась своимъ умомъ, своими качествами и отличнымъ обществомъ, собиравшемся у нея въ ея прекрасномъ домикѣ, въ улицѣ Шантерель, который она продала послѣ генералу Бонапарту. Эта Аспазія своего вѣка была бы прелестна, если бы этотъ вѣкъ былъ похожъ на вѣкъ Перикла. Она не обладала красотою знаменитой Аспазіи, но имѣла ея умъ и прелести, привлекавшія къ ней всѣхъ извѣстныхъ литераторовъ; и даже самые знатные и знаменитые люди почитали за честь быть принятыми въ ея общество. Первые дебюты молодаго человѣка, долженствовавшаго сдѣлаться знаменитѣйшимъ актеромъ своего времени, прельстили Юлію, поэтическій умъ которой такъ хорошо понималъ искусство. Она употребила все свое вліяніе, чтобы подружить Тальму со всѣми молодыми авторами, учавствовавшими въ собраніяхъ ея, и которые сами надѣялись на блестящую будущность, если-бы Революція не подавила поэтическіе таланты у однихъ изъ нихъ, чтобы обратить ихъ къ политикѣ, а другихъ не заставила бы молчать совершенно. Это общество много способствовало къ тому, чтобы выказать талантъ молодаго Тальмы. Безъ него талантъ этотъ, можетъ быть, былъ бы подавленъ установленіями французской комедіи. Сочинители сопровождали его на поприще республиканскаго театра. Тенье, Дюсисъ, Легуве, Мерсье, открыли тотъ блистательный путь, который онъ въ послѣдствіи прошелъ съ такою славою. Живописецъ Давидъ, съ помощію антикваріевъ, убѣдилъ его бросить смѣшные костюмы, употреблявшіеся до того времени. Онъ составилъ себѣ достойный гардеробъ, такой, какого прежде не видывали на театрѣ. Юлія за счастіе почитала употреблять свое богатство для доставленія своему мужу возможности показываться въ бо́льшемъ блескѣ.

Но увы! этотъ театральный Наполеонъ во многихъ отношеніяхъ былъ похожъ на героя своего вѣка, даже и въ отношеніи развода съ женою. Всегда и всѣ хотятъ видѣть великихъ людей на какомъ нибудь пьедесталѣ, видѣть одну блестящую сторону ихъ жизни: генерала, начальствующаго арміею; оратора, говорящаго рѣчь съ кафедры; актера, на сценѣ. Но почему-же не посмотрѣть ихъ иногда и за-просто, въ домашнемъ быту? Если правда, что великій человѣкъ не кажется великимъ своему камердинеру, то какимъ же кажется онъ своей женѣ? Вскорѣ послѣ развода Тальмы съ Юліею начались его несчастія: онъ потерялъ двухъ сыновей своихъ. Печаль жены его была чрезмѣрна; она такъ была увѣрена, что скоро соединится съ своими дѣтьми, что даже болѣе не оплакивала ихъ. Тальма, сохранившій къ Юліи уваженіе и дружбу, часто посѣщалъ

ее, когда имѣлъ свободное отъ занятій время, въ особенности послѣ потери дѣтей. Присутствіе его всегда было для нея пріятно и возбуждало ее къ жизни. Однажды, Юлія казавшаяся не такъ печальною, сказала ему на прощеньи: «Приходите обѣдать ко мнѣ въ четвергъ, Тальма».—«Въ четвергъ я не могу придти, но въ понедѣльникъ буду навѣрно». «Ну хорошо, въ понедѣльникъ». Они разстались довольно-разстроганные, и Юлія, не-смотря на слабость свою, хотѣла провожать его, и слѣдовала за нимъ глазами. Тальма часто оборачивался назадъ, и наконецъ сдѣлалъ ей прощальный знакъ рукою. Вѣрный своему обѣщанію, онъ пришелъ къ ней въ понедѣльникъ. Но каково было его изумленіе и ужасъ, когда онъ увидѣлъ ту, которую онъ такъ любилъ, лежащею въ гробу.... Онъ такъ былъ пораженъ этою внезапною смертію, которую покойница какъ будто бы предчувствовала, что погрузился въ мрачное уныніе, препятствовавшее ему нѣсколько времени являться на сценѣ. Это истинное происшествіе и очень мало похоже на смерть бѣдной вдовы Пьошъ, второй жены Тальмы, неимѣвшей никакого сходства съ блистательною и остроумною Юліею.

— Повсюду, гдѣ есть тайна, тамъ есть и любопытств. Странное происшествіе, случившееся недавно съ однимъ молодымъ офицеромъ изъ хорошей фамиліи, возбудило всеобщее вниманіе. Этотъ офицеръ, проходя вечеромъ черезъ Мостъ Согласія, встрѣтилъ женщину, одѣтую въ платье рабочаго сословія, но нѣжное и красивое лицо которой обратило его вниманіе. Все выказывало въ ней чрезвычайное безпокойство и разстройство. Офицеръ подошелъ къ ней, сдѣлалъ ей нѣсколько вопросовъ, сказалъ нѣсколько утѣшительныхъ словъ, и наконецъ, предложилъ ей пособіе. «Оставьте меня, сударь», отвѣчала ему дрожащая и смущенная женщина: «я не нищая.» И она быстро удалилась. Офицеръ отсталъ отъ нее, но полагая, что эта женщина имѣетъ пагубныя намѣренія, рѣшился идти издали за нею. Вскорѣ эта женщина возвратилась назадъ къ мѣсту, оглянулась кругомъ, стала на колѣни, помолилась Богу, влѣзла на перила, и хотѣла бросится въ воду; но офицеръ, внимательно наблюдавшій за нею, предупредилъ ее, схватилъ и удержалъ. «Теперь я не оставлю васъ болѣе одну, сказалъ онъ ей: я вижу, что вы въ отчаяніи и хотите погубить себя, — кто вы такія? Пожалуйте со мной на ближнюю гауптвахту.» — Ради Бога, сударь, избавьте меня отъ этого стыда! «Стыда! вы боитесь идти на гауптвахту, а не подумали о томъ, что, бросившись въ воду, попали бы завтра въ анатомическій театръ!» — Мертвые не чувствуютъ стыда, отвѣчала незнакомка. При этихъ словахъ она залилась слезами и стала просить, чтобы ее отвели въ предмѣстье Св. Антонія. Въ продолженіе этого путешествія, совершеннаго частію пѣшкомъ, частію въ каретѣ. Офицеръ тщетно старался вывѣдать что нибудь отъ нее. Прибывъ къ назначенному мѣсту, бѣдная женщина попросила его еще разъ отпустить ее, и позволить ей одной отправиться на свою квартиру. Вспомнивъ, что вблизи находится каналъ, офицеръ не

хотѣлъ отстать отъ нее, и послѣдовалъ за нею по узкой и мрачной лѣстницѣ. Поднявшись въ третій этажъ, она остановилась и постучалась въ маленькую дверь, которую какая-то старуха отворила тотчасъ же. Какъ скоро офицеръ увѣдомилъ ее о происшедшемъ, то она въ сильномъ смущеніи воскликнула: «*Какъ! сударыня, для этого-то вы заняли у меня это платье!*» Потомъ, ухаживая за нею, какъ за госпожею, старуха спросила у нее, пріѣхала ли за нею ея карета, и прибавила: «Ну, моя милая госпожа, пора уже и домой. Долговременное отсутствіе ваше, можетъ возбудить безпокойство; возьмите скорѣе опять ваше платье», и она указала ей на лежащее на кровати щегольское модное платье. Скромный офицеръ почувствовалъ, что ему нужно удалиться; тогда спасенная имъ женщина, сказала ему, пожавъ руку: «Будьте спокойны, сударь, я бросила свое намѣреніе, и буду всегда помнить услугу, вами мнѣ оказанную. Что касается до вашего имени, то оно очень хорошо извѣстно всѣмъ, для того, чтобы я могла забыть его». Офицеръ, котораго любопытство было возбуждено въ высочайшей степени, и желая, во чтобы то ни стало, проникнуть эту тайну, сказалъ нѣсколько словъ кучеру кареты, въ которой поѣхала дама, и сунулъ ему въ руку денегъ. Но, опасаясь потерять слѣдъ отчаянной красавицы, онъ поспѣшилъ на Бастильскую площадь, гдѣ стоятъ извощики и сталъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ экипажа, въ которомъ поѣхала интересная незнакомка. Вскорѣ онъ увидѣлъ, что она сѣла въ карету, поѣхала ко бульвару, повернула въ улицу Лафитъ, и остановилась не далеко оттуда. Теперь, когда великодушному и услужливому офицеру удалось открыть ту даму, которой онъ былъ спасителемъ, увѣряютъ, что онъ проситъ о продолженіи своего отпуска; и уже заботится не о томъ, чтобы предохранять ее отъ самоубійства, а объ чемъ-то другомъ. — Кто же раздѣлитъ она?

=

ТЕАТРАЛЬНАЯ
ЛѢТОПИСЬ.

СЕНТЯБРЬ.

ИНОСТРАННЫЕ ТЕАТРЫ.

ПАРИЖСКІЕ.

COLOMBE ET PERDREAU (Коломба и Пердро) идиллія въ трехъ актахъ, гг. *Жюля Кордье* и *Клервиля*.

Г. Баржонь, мужъ прачки, ревнуетъ свою жену. Пердро — ловлесъ средней руки, который непремѣнно перемѣняетъ своихъ любовницъ зимой и лѣтомъ: ему попадается *нѣкая* дѣвица Коломба, съ которой онъ и начинаетъ любезничать. У Баржоня есть дочь, которую любитъ *Леонъ де-Бовези* письмо, которое жена Баржоня пишетъ къ одному господину, у котораго ей хочется купить поле, весьма анакреонтически попадается въ руки Пердро.

Второй актъ. Всѣ дѣйствующія лица въ Монморанси. Мужъ продолжаетъ преслѣдовать жену, а Леонъ ухаживаетъ за дочерью, пока Коломба и Пердро наслаждаются счастіемъ любви.

Третій актъ. Комната Пердро. Леонъ уходитъ отъ Баржоня въ окно, по крышѣ — но его видятъ. Объясненіе — оканчивается бракомъ.

ГОСПОЖА ДЕ-ТАНСЕНЪ, драма въ 4 актахъ. КАВАЛЕРЪ ДЕ-ТУШЪ — прологъ, — соч. гг. *Ежения де Миркуръ* и *Маркъ Фурнье*.

Прологъ. Дѣвица де-Тансенъ, обольщенная графомъ де Ріомъ, бѣжала изъ монастыря Св. Коломбы въ Парижъ. Ея братъ помогаетъ графу де-Ріомъ и дѣйствуетъ за него у Регента. Графъ де-Ріомъ вѣтренъ до того, что забываетъ свою любовницу и хочетъ жениться на герцогинѣ де-Берри. Узнавши объ этомъ, Тансенъ пріѣзжаетъ къ сестрѣ, объявляетъ эту новость и совѣтуетъ разстаться съ ребенкомъ, который теперь можетъ быть для нея позоромъ. Но дѣвица Тансенъ, устрашенная намѣреніями брата, поручаетъ своего ребенка кавалеру де-Тушу, и даетъ ему записку, гдѣ пишетъ, что кавалеръ — отецъ ребенка: эта странная мысль пришла ей въ голову потому, что ей хочется отмстить за себя Ріому; но едва только оставилъ ее кевалеръ какъ является Ріомъ. Но уже поздно. Герцогиня Беррійская умерла, и графъ принужденъ бѣжать. Марія де-Тансенъ, безъ любовника и безъ сына, остается въ добычу честолюбію своего брата.

Первый актъ. Харчевня въ улицѣ Пруверъ. Здѣсь живетъ Матюрина, вдова стекольщика Руссо. Кавалеръ де-Тушъ, возвратившійся изъ Индіи, послѣ 18-лѣтняго пребыванія тамъ — вѣчный посѣтитель этой харчевни. У Матюрины есть сынъ, котораго она воспитываетъ какъ только можетъ. Это д'Аламберъ — она его любитъ, но ее терзаютъ угрызенія совѣсти, потому-что когда то, ея мужъ продалъ знатной дамѣ за пятдесятъ луидоровъ маленькую дочь. Д'Аламберъ тоже мучится, но отъ любви. Въ свѣтѣ, гдѣ онъ бываетъ, онъ встрѣтилъ Луизу де-Поншартренъ, и узнаетъ, что его соперникъ самъ король Людовикъ XV. Едва онъ успѣлъ разсказать это матери, на улицѣ слышенъ крикъ; является Луиза — она бѣжала отъ гнусныхъ преслѣдованій г-жи де-Поншартренъ, которая сказала ей что она не дочь ея. По разсказу Луизы, Матюрина узнаетъ въ ней потерянную дочь свою и чтобы успокоить Д'Аламбера, который въ отчаяніи отъ того что Луиза его сестра, говоритъ ему, что онъ не сынъ ея. Де-Тушъ, который все слышалъ, хлопаетъ по плечу молодаго человѣка, и видя на шеѣ его брилліантовый крестъ, говоритъ: *Я знаю твою мать.*

Второй актъ. Де-Тушъ воротился изъ Индіи съ капитаномъ Морисомъ, который не кто иной, какъ изгнанникъ Ріомъ — но онъ знаетъ всю жизнь г-жи де-Тансенъ, онъ знаетъ что разныя похожденія совершенно погубили ея репутацію и что графъ де-Ріомъ не хочетъ ее и видѣть. Онъ рѣшается самъ принести себя въ жертву. Онъ представляется Маріи и предлагаетъ ей свою руку — права его засвидѣтельствованы ея собственно-руч-

ной запиской. — Если Марія приметъ его руку, онъ признаетъ Д'Аламбера своимъ сыномъ. Но г жа де-Тансенъ слишкомъ высоко поставлена въ свѣтѣ, чтобы унизиться до простаго солдата — она искусно выманиваетъ у него записку и раздираетъ ее при немъ же. Является Ріомъ, чтобы осыпать упреками эту женщину, которую онъ прежде любилъ такъ сильно. Марія открываетъ ему всѣ свои горести. Братъ ея сказалъ ей: — *Дай мнѣ сдѣлаться министромъ и я отдамъ тебѣ твоего ребенка.* И чтобы сдѣлать его министромъ, Марія прошла всю придворную грязь: послѣднее дѣло — доставить королю Луизу де-Понтартренъ. Ріомъ въ негодованіи, но Марія кляпется ему, что она спасетъ Луизу, и за это Ріомъ обѣщается простить ее. Де-Тушъ вбѣгаетъ въ ужасѣ; на дворѣ стража для того, чтобы схватить Ріома. Молчите! говоритъ онъ: я васъ спасу. Онъ выдаетъ себя за Ріома, и уходя со стражею, говоритъ, чтобы онъ вечеромъ былъ въ Версали.

Третій актъ. Мы въ Версали, въ маленькомъ домикѣ Д'Аламбера, Луиза подлѣ него. Матюрина входитъ и говоритъ имъ, что на лѣстницѣ встрѣтила двухъ замаскированныхъ кавалеровъ, и что въ одномъ изъ нихъ она узнала Де-Туша; является г-жа де-Тансенъ, которая, не зная даже, что Д'Аламберъ ея сынъ, любитъ его и покровительствуетъ молодому человѣку. Д'Аламбера преслѣдуютъ, какъ похитителя знатной дѣвицы. Надобно спасти его, и спасти Луизу — она хочетъ обоихъ ихъ отправить за границу. Но г. де-Тансенъ не даетъ ей выполнить ея намѣренія — онъ входитъ, говоритъ Маріи, что Д'Аламберъ ея сынъ, что черезъ часъ Луиза должна быть въ Тріанонѣ, или онъ въ Бастиліи. Тогда Марія не колеблется болѣе, и чтобъ спасти своего сына выдаетъ Луизу. — Но едва они ушли, вбѣгаетъ Де-Тушъ — онъ успѣлъ убѣжать, онъ тащитъ Д'Аламбера вмѣстѣ съ собою догонять карету, въ которой увезли Луизу. У дверей стоитъ незнакомецъ. Кто это? спрашиваетъ Д'Аламберъ. На коня! отвѣчаетъ ему незнакомецъ — я твой отецъ!

Четвертый актъ. Марія мучится угрызеніями совѣсти, ей хотѣлось бы оправдаться передъ сыномъ, — появляется не Д'Аламберъ, а Матюрина требовать своей дочери. Входитъ де-Тушъ, освободившій Луизу; надобно бѣжать; но увы! Луиза, садясь въ карету, которая везла ее въ Тріанонъ, выпила ядъ, чтобы спастись отъ безчестья. Марія на колѣнахъ проситъ прощенія у Д'Аламбера, но тотъ, прощая ей, оборачивается къ Матюринѣ и говоритъ г-жѣ де-Тансенъ: «*я васъ не знаю.*»

UN COEUR DE GRANDMERE (Сердце бабушки), комедія съ куплетами, г. *Амеде де-Боплана.*

Графиня де-Люберзакъ (бабушка) воспитываетъ у себя племянницу Адель и внука Рауля, котораго любитъ съ безпредѣльною нѣжностію. — Она воспитала его въ самыхъ строгихъ правилахъ, — семнадцати лѣтъ онъ вполнѣ невиненъ и готовъ еще играть, какъ ребенокъ. Но онъ узнаетъ, что у горничной дѣвушки Жоржеты, есть любовникъ, а каммердинеръ Филиппонъ тайно женатъ на дочери дворецкаго и имѣетъ даже ребенка. Графиня строга, но виновные надѣются, что ихъ защититъ Рауль, который дѣйствительно берется за это. Слѣдуя ихъ внушеніямъ, онъ сначала объявляетъ, что влюбленъ въ Жоржету, потомъ выдаетъ себя за мужа Мальвины и за отца. Можно себѣ представить изумленіе и гнѣвъ старой бабушки, но ея сердце торжествуетъ надо всѣмъ, и она начинаетъ ласкать ребенка. Рауль между тѣмъ успѣлъ влюбиться въ Адель. Все разумѣется кончается согласіемъ бабушки и полной амнистіей.

PLACE VENTADOUR (Вантандурская площадь), водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. *Поль-де-Кока.*

Герой новаго произведенія знаменитаго романиста нѣкто Бурсино, тоже романистъ... и воръ. Работы ему нѣтъ, хлѣбъ добывать очень трудно; а онъ между тѣмъ большой охотникъ до женщинъ — и что это за чудесныя женщины! дѣвица Аталанта — прачка, дѣвица Бишетта, дѣвица Юнона. — Бурсино, кончивши романъ въ 12 томахъ, чувствуетъ особенную наклонность къ разнаго рода удовольствіямъ. Онъ приходитъ къ редактору одного журнала, предлагаетъ романъ и требуетъ денегъ впередъ, но журналистъ; взглянувши на его грязные сапоги, непосредственно за тѣмъ угадываетъ качество его слога и объявляетъ ему, что онъ недавно заказалъ уже романъ г. Александру Дюма. Бурсино кричитъ въ бѣшенствѣ, что г. Дюма, просто, разбойникъ, и уходитъ въ ярости, съ адскимъ аппетитомъ. Но возвращаясь къ себѣ домой, онъ находитъ на улицѣ портфель и въ немъ десять билетовъ, каждый въ тысячу франковъ. Романистъ Бурсино былъ бы прескернымъ извозчикомъ, потому что извозчики отдаютъ находки въ полицію, а Бурсино просто на просто кладетъ портфель въ карманъ и проч. и проч. Вообще весь водевиль написанъ, кажется, въ оправданіе подобныхъ бездѣльниковъ.

РУССКІЕ ТЕАТРЫ.

САНКТПЕТЕРБУРГСКІЕ.

I.

АЛЕКСАНДРЫНСКІЙ ТЕАТРЪ.

1) *Бенефисъ г. Шемаева.*

Юрій милославскій, романтическое представленіе, въ пяти дѣйствіяхъ, взятое изъ романа *Загоскина*, *княземъ Шаховскимъ*. Юрій — г. *Максимовъ* 1. — Кирша — г. *Сосницкій*. — Кручина-Шаловскій — г. *Брянскій*. — Истома-Туренинъ — г. *Григорьевъ* 1. — Мининъ — г. *Каратыгинъ* 1. — Анастасія — г-жа *Самойлова* 2. — Юродивый Митя — г. *Самойловъ*. — Никаноръ — г. *Мартыновъ*.

Habent sua fata libelli! Кто изъ насъ во время оно, въ блаженное время дѣтства, не читалъ Юрія Милославскаго, кого изъ насъ не занимали и удаль Кирши и плутни Кудимыча и народныя сцены 1612 года. *Юрій Милославскій*, явился тогда очень кстати; — публика, т. е. средней руки публика, пресытилась ужасами Пиринейскихъ замковъ, Удольфскихъ таинствъ и проч. и съ неимовѣрною жадностью бросилась на романъ. Явись бы тогда какое нибудь высокое произведеніе въ этомъ родѣ, каково у насъ на примѣръ Басурманъ, оно можетъ быть, не произвело бы такого страшнаго эффекта, такого furore, какъ Юрій Милославскій: публикѣ былъ бы слишкомъ рѣзокъ переходъ отъ разныхъ героевъ добродѣтели, къ грубымъ, человѣческимъ образамъ Іоанна и Марѳы: — Загоскинъ угадалъ, чего было надо въ ту эпоху публикѣ средней руки, онъ составилъ свое созданіе изъ двухъ элементовъ, *комическаго*, который вышелъ у него чрезвычайно хорошъ и *сентиментальнаго*. Лица Кирши, Алексѣя и Омляша, до сихъ поръ еще интересны, — лица Юрія, Мити юроднваго, Анастасіи, нелѣпы и до отвратительности сентиментальны. Къ сожалѣнію, всякое произведеніе Московскаго романиста, носитъ въ себѣ два этихъ элемента, такъ что мы бы съ удо-

вольствіемъ читали его романы, въ изданіи *очищенномъ*, предоставляя ихъ не комическій элементъ *публикѣ*, которая лучше насъ знаетъ въ нихъ толкъ. Признаемся, что на насъ вѣетъ невыразимою пошлостью, отъ лица добродѣтельнаго Юрія. Но — *de gustibus non est disputandum*. Піеса — еще болѣе романа производитъ это впечатлѣніе, потому, что въ ней преобладаетъ не комическій элементъ, а именно тотъ, который бы мы желали видѣть отдѣленнымъ отъ произведеній романиста. Покойный князь Шаховскій, былъ человѣкъ умный и хорошо изучившій сцену, но нельзя сказать, чтобы всегда удачно выбирались имъ сюжеты для своихъ произведеній и какъ будто нарочно, все что было прекрасно въ самомъ источникѣ, до невѣроятности опошлялось на сценѣ; что на примѣръ сдѣлалъ онъ изъ Бахчисарайскаго фонтана, изъ эпизода Финна? за чѣмъ посягалъ онъ на эти роскошные цвѣты генія Пушкина, за чѣмъ передѣлывалъ онъ Вальтера Скотта и профанировалъ Шекспировскаго Фальстафа?

Но дѣло не въ старой піесѣ, а въ ея выполненіи. Съ нѣкотораго времени, ансамбль выполненія на нашей Русской сценѣ, сталъ таковъ, что самую скучную вещь въ свѣтѣ, можно просидѣть до конца — по всюду видна забота Дирекціи о монтировкѣ. Мы, два раза даже имѣли терпѣніе высидѣть Юрія Милославскаго, благодаря прекрасномувыполненію.

В. А. Каратыгинъ, — въ первый разъ взявшій на себя роль Минина, поразилъ и увлекъ насъ своей глубокообдуманной, художественной и одушевленной игрой. Чтеніе имъ рѣчи къ народу — nec plus ultra, простоты и естественности, — онъ умѣлъ скрыть даже ея плохую реторику.

Г. Брянскій, — въ роли Кручины-Шалонскаго, былъ таковъ, какъ всегда,

Г. Самойловъ, — игралъ юродиваго. Недавно еще создалъ этотъ талантливый артистъ, истинный типъ юродиваго, въ драмѣ: *смерть Ляпунова*, гдѣ это лицо вѣрно дѣйствительности и страшно, какъ гробовой призракъ. Но что прикажете сдѣлать, изъ типа юродиваго въ Юріѣ Милославскомъ? Это — не лицо, а ходячая сентенція, весьма сладкая и въ романѣ, а еще болѣе сладкая въ драмѣ, гдѣ ему приданъ трагическій колоритъ, близкимъ родствомъ его съ княземъ Курбскимъ. Г. Самойловъ какъ истинный артистъ, былъ хорошъ и въ этой ничтожной роли, но естественно, что трагическая выходка въ концѣ драмы не могла ему удаться.

Г. Сосницкій, — въ ролѣ Кирши.... Сосницкій не можетъ быть дуренъ нигдѣ; ясно, что онъ былъ хорошъ и здѣсь.

Г. Григорьевъ 1, — въ роли Истомы Туренина, выдержалъ вполнѣ этотъ единственный искусно начертанный характеръ въ пьесѣ.

Пустая, безцвѣтная, сантиментальная роль Анастасіи, выполнена была г-жею Самойловой 2, и признаемся, намъ было досадно видѣть въ этой роли талантливую артистку.

Г. Максимовъ 1, — удивилъ насъ благородствомъ, простотой, драматическими порывами, съ которыми онъ сыгралъ Юрія.... и послѣ этаго, не грѣхъ ли даровитому артисту, прибѣгать къ утрировкамъ, которыя пріятны только *нѣкоторой* части публики и безъ которыхъ весьма легко могъ бы обойтись его *истинный* талантъ.

Но, кто былъ вполнѣ художникомъ — это г. *Мартыновъ*. Лице Никанора, только набросано авторомъ піесы — и никто кромѣ Мартынова, не могъ бы создать изъ него страшный въ самомъ комизмѣ типъ. Рабская, животненная преданность этаго человѣка, его моральное отупѣніе въ злодѣйствѣ и вмѣстѣ доброе сердце — были переданы Мартыновымъ съ удивительною, ужасающею вѣрностью.

Г. Славинъ, — игралъ князя Черкасскаго, и сыгралъ его очень хорошо, — видно было, что онъ подумалъ о своей роли.

Танцоръ въ хлопотахъ, водевиль въ одномъ дѣйствіи. Бенефиціантъ игралъ танцора, въ этомъ пустенькомъ водевилѣ и къ величайшему сожалѣнію, должны мы сказать, что онъ былъ просто дуренъ. Лучше всѣхъ былъ опять г. Славинъ, въ роли Блажковскаго и опять потому, что подумалъ о своей роли. Совѣтуемъ ему вообще почаще *думать* о томъ, что онъ играетъ — и тогда онъ будетъ *въ своемъ правѣ*, по выраженію Голядкина старшаго. Насъ недавно одинъ Фельетонистъ обвинялъ въ пристрастіи къ г. Славину — спрашивается, въ чемъ же высказывалось это пристрастіе? Не въ томъ ли, что мы не топчемъ въ грязь талантовъ, каковы бы они ни были, — не въ томъ ли, что осторожные даже въ отношеніи къ г. Николаеву, мы не произносимъ, *un jugement sans appel* объ артистѣ, котораго видѣли весьма недурнымъ въ большихъ трагическихъ роляхъ, и котораго публика по нѣскольку разъ вызывала за Гамлета, Кина, игрока и другія роли.

2) *Прихоть кокетки*, оригинальная комедія г. Бруннера.

Есть пьесы скучныя, но есть другія, которыя выводятъ изъ границъ всякаго терпѣнія, потому что они портятъ вкусъ массы, потому что они ложны. Къ такимъ ложнымъ вещамъ принадле-

житъ пользующаяся успѣхомъ комедія: *Прихоть кокетки.* Совершенно французская интрига, перенесенная не кстати на Русскую почву, пошлость всѣхъ характеровъ, дикій языкъ, совершенно *переводный* и претензія выдать все это за нравы Русскихъ порядочныхъ гостиныхъ! Лицо молодаго философа Япохтова, до того приторно, что вы истинно не поймете, изъ чего этотъ человѣкъ бѣснуется! Вообразите, къ этому что г. Максимовъ сыгралъ его для *нѣкоторой* части публики. *Г-жа Самойлова 2-я* была конечно не виновата въ тѣхъ пошлостяхъ, которыя должна была дебитировать — но мы замѣтимъ прекрасной артисткѣ, которой талантъ уважаемъ слишкомъ глубоко, что есть всему границы, что *растянутость* рѣчи, (не знаемъ лучшаго выраженія, для понятія *trainer*), должна же имѣть границы, въ противномъ случаѣ, она перейдетъ въ манерность и *minauderie*, нетерпимыя ни въ одной порядочной гостиной. Скажемъ откровенно, г-жа *Самойлова* 2, была выше всѣхъ другихъ лицъ піесы, за исключеніемъ Сосницкаго, но она была ниже самой себя. Одинъ Сосницкій — по своему создалъ типъ Московскаго барина.

Вотъ почти и все покамѣсть, сколько нибудь замѣчательнаго на нашей сценѣ. Еще нѣсколько частныхъ замѣтокъ:

3) Въ послѣднее представленіе Льва Гурыча, *Мартыновъ* сыгралъ роль стараго пройдохи-актера, съ изумительнымъ совершенствомъ.

Представленіе *Заколдованнаго дома*, было какъ всегда торжествомъ нашего великаго артиста и торжествомъ *В. В. Самойловой*, игравшей роль Маріи. Мы восхищались высокимъ драматическимъ порывомъ въ 3 актѣ.

4) Спектакль сентября 20.

ВЕЛИЗАРІЙ.... Была эпоха такъ называемой классической или, лучше сказать, псевдо-классической трагедіи: много было страннаго, много было даже смѣшнаго въ этой трагедіи съ ея огромными, реторическими рѣчами, съ ея вѣчными наперсниками и неумѣстною, неизбѣжною любовью на закуску. Реакція романтизма въ лицѣ первыхъ и великихъ своихъ представителей, *Лессинга* и *Шиллера*, вооружилась на этотъ дѣйствительно-ложный родъ, вооружилась даже на своего предводителя вѣчнаго старца Гёте, который, какъ человѣкъ, поглубже всѣхъ смотрѣвшій на искусство находилъ, говоря по-русски — *смакъ* въ этой трагедіи и перевелъ Вольтерова *Магомета*. Такъ или иначе, романтизмъ объявилъ не прекрасную натуру, а просто, натуру мѣриломъ искусства — и

въ этомъ его великая заслуга, — но бѣда та, что подъ знаменемъ романтизма выступили самыя поверхностныя, самыя филистерскія воззрѣнія на жизнь въ нѣсколькихъ томахъ сочиненій Коцебу и самыя отвратительныя безумства въ драмахъ Вернера. Такъ было у Германцевъ: Французы, народъ par excellence практическій, пошли въ романтизмѣ до его крайней стороны — до апотеозы уродства нравственнаго и физическаго; мы Русскіе, привыкшіе съ незапамятныхъ временъ смѣяться надо всѣмъ, развили до пес plus ultra другую крайнюю грань романтизма, апотеозу мелочныхъ личностей

И полѣзли изъ щелей
Мошки, да букашки,...

по словамъ пѣсни покойнаго Д. В. Давыдова. Это бы еще ничего, — въ этомъ заключается даже общая задача нашего вѣка: *личность*, права какъ *личность*, глубока ли, мелка ли она — но бѣда въ томъ, что романтизмъ проявился и у насъ, даже своею слизью, отвратительной Коцебятиной; знаменитый эпилогъ романа *Аббадоны* — перваго нашего *нѣмецкаго* романтика, вывелъ на свѣжую воду требованія романтизма, которыхъ драмы почтеннаго его автора, были только поясненіемъ. Вліяніе этой нѣмецкой язвы на массу было пагубно: ей одной обязаны мы слѣдующими несомнѣнными фактами:

Во первыхъ: испытанною и дознанною силою обниманій, неожиданныхъ узнаній и разставаній подъ сантиментальную музыку, на приведеніе въ дѣйствіе рукъ почтеннѣйшей публики.

Во вторыхъ: всегда и постоянно вѣрнымъ расчетомъ на слабые нервы человѣческіе, посредствомъ представленія болѣзни физической, или нравственной. Факты неоспоримые: выведите безобразнаго старика и заставьте его сперва ссориться, а потомъ мириться съ такою же безобразною старухою, заставьте всякаго ссыльнаго сѣтовать о судьбѣ своей и горько раскаяваться — публика расплачется.

Въ третьихъ: всегдашнимъ *смѣхотворнымъ* изображеніемъ подъячихъ, влюбленныхъ стариковъ и проч. и проч., со включеніемъ даже фатовъ-князей, которые непремѣнно должны говорить въ носъ.

И когда въ числѣ этихъ безобразно-пошлыхъ фигуръ, появится мастерская картина Гогарта, въ родѣ Гоголева «Ревизора», или грозно бичующая, пламенная сатира Грибоѣдова, или что-либо новое въ этомъ родѣ — чѣмъ встрѣчаютъ подобныя произведенія?...

«Авторъ — говорятъ романтики-Нѣмцы объ одномъ — не вывелъ ни одного свѣтлаго образа въ піесѣ, въ ней нѣтъ никакой Poetische Gerechtigkeit» (!?). — «Что это за лицо Чацкаго — кричатъ романтики-юмористы, русскіе романтики — это не образъ, не лице, это ходячая проповѣдь?» Да, мм. гг., отвѣтимъ мы первымъ, — ни въ Гоголѣ, ни въ его продолжателяхъ точно нѣтъ Poëtische Gerechtigkeit потому, что ея нѣтъ на свѣтѣ, потому что мораль, которую обыкновенно читаютъ въ концѣ Шекспировыхъ драмъ, разные Фортинбрасы и Эскалы — злая иронія стараго скептика, древній хоръ, безсмысленный и непосредственный, какъ народный голосъ. Вы правы, господа, отвѣтимъ мы съ другой стороны юмористамъ натуральной школы, — Чацкій не личность среди насъ: *мошекъ и букашекъ*, но Чацкій — личность въ ряду великихъ, старыхъ образовъ Греціи и Рима.

Величавыя древнія изваянія, какъ отрадно, какъ свѣтло становится на сердцѣ, какою благородною гордостью наполняется духъ, когда встрѣтишь ваши, даже невѣрныя изображенія! мы готовы прослушать пожалуй всѣ длинные монологи старика Горація, чтобы только слышать изъ устъ его слово мужа: *Qu'il mourut*, всѣхъ наперсницъ Эмиліи за разговоръ ея съ *Цинною*, разсказъ Терамена за лаву страсти, которая исторгается изъ древней души Федры, или за ея скорбныя, божественно-тихія элегіи, — всѣ непристойности подругъ Шекспировой Клеопатры за римскія сцены этой великой трагедіи — и за эти образы, мы съ радостью отдадимъ *желающимъ* цѣлыя сотни сценъ съ объятіями, съ узнаваніями и проч. и проч. Не даромъ XVIII вѣкъ, даже и русскій XVIII вѣкъ, такъ раболѣпно любилъ эти образы, недаромъ знаніе древней исторіи *анекдотически*, стояло во главѣ воспитанія: эти образы питаютъ любовь къ жизни и развиваютъ равнодушіе къ смерти; эти люди, отрываютъ человѣка отъ семейства для государства, — эти анекдоты, воспитали *героевъ вѣчной памяти 12-го года*.

Торжественно-свято было у насъ на душѣ, когда вчера вечеромъ съ благоговѣніемъ смотрѣли мы на колоссальный образъ: Велизарія, такъ вѣрно переданный намъ нашимъ великимъ трагикомъ — и только вчера стало намъ понятно, почему всякой посредственности такъ любо, такъ привольно вооружаться на талантъ *В. А. Каратыгина*. Посмотрите, что онъ дѣлаетъ изъ нелѣпой романтической драмы, гдѣ изуродованъ образъ послѣдняго изъ Римлянъ, гдѣ есть даже сцены объятій и признаній. Всякое движеніе его — пластика; всякая драпировка тогою, старою рим-

скою тогою — верхъ художническаго разсчета; вездѣ величавый, вездѣ могучій хранитель Византіи! когда онъ является слѣпцемъ, онъ не ищетъ состраданія, онъ не вымаливаетъ слезъ у публики, но съ тихимъ лагоговѣніемъ смотришь на этаго дивнаго, мощнаго старца, но непонятное чувство человѣческаго достоинства объемлетъ душу, когда онъ стоитъ передъ сенатомъ, но сжимается сердце, когда неподвижный, какъ Агамемнонъ, закрывшійся тогою, слушаетъ онъ обвиненія Антонины: это величавое безмолвіе древняго Грека не сильнѣе ли неистовыхъ судорогъ?... Да, не по плечамъ намъ талантъ г. *Каратыгина*, не по плечамъ онъ этимъ филистерскимъ драмамъ, или ложно-народнымъ произведеніямъ. Другаго *Каратыгина* мы уже не увидимъ, это — послѣдній изъ Римлянъ.

Разумѣется, все мелѣло передъ гигантскимъ образомъ Велизарія, все, не исключая даже и нашей прекрасной артисткн *В. В. Самойловой*, хотя у нее были высокіе драматическіе порывы, равно какъ и у г-жи *Дюръ*. Обо всемъ остальномъ — грустно даже говорить.

Г-жа Колосова, дебютировала въ роли *Параши-Сибирячки*. Роль эта, какъ всѣ женскія роли у Полеваго безцвѣтна, но *благодарна* потому, что представляетъ случай къ сильнымъ драматическимъ эффектамъ, хотя конечно подобные эффекты, съ *высшей*, т. е. съ *вѣрной* точки зрѣнія, на искусство кажутся акробатическими кунштиками. Что сказать о дебютанткѣ? Наружность у нея прекрасная — но голосъ очень не выработанъ и еще больше кажется такимъ отъ невѣроятной аффектаціи. Впрочемъ, она можетъ быть *полезною* артисткою.

Возобновленіе *Говоруна*, покойнаго Н. А. Хмѣльницкаго, не произвело особеннаго впечатлѣнія на публику, да мы ее и не винимъ въ этомъ. Комедійка очень мила и умна, очень бойко написана — но она выросла, не на почвѣ Русской дѣйствительности, а взята на прокатъ изъ Французскаго репертуара. Во всей пьесѣ есть одна истинно-комическая сцена, бесѣда говоруна съ старухами: особенно же вредятъ по нашему мнѣнію, комедіи псевдо-классическія названія лицъ, имена Прелестъ, Модестовъ и проч., опошленныя крайне сладкою поэзіей до — Пушкинской эпохи. Притомъ же, эта комедія, должна быть непремѣнно играна въ пудрѣ и въ костюмахъ 18 вѣка. Максимовъ былъ не хорошъ — онъ не умѣлъ *заговариваться*, хотя прекрасно зналъ свою роль.

Тереза или Женевская сирота, мелодрама въ трехъ дѣйствіяхъ. Наши отцы и матери плакали отъ *сей* чувствительной штуки, — мы готовы до упаду смѣяться отъ нея. Въ *оной* удивительной

мелодрамѣ, злодѣй непремѣнно ходитъ трагическою выступкой, съ ярлыкомъ на лбу, что бы знала публика, что вотъ де идетъ злодѣй. Въ нашъ вѣкъ, когда

Толпа играючи идетъ
Своей дорогою привычной,
На лицахъ праздничныхъ чуть видѣнъ слѣдъ заботъ
Слезы не встрѣтишь не приличной
А между тѣмъ изъ нихъ едва ли есть одинъ,
Душевной пыткой неизмятый,
Да прежде временныхъ добравшійся морщинъ,
Безъ преступленья иль утраты

Когда вся драма страданій и страстей ушла внутрь человѣка, когда все наружное тихо и обманчиво — ровно, какъ болото — трагическія выступки наводятъ зѣвоту, если не возбуждаютъ смѣха.

И увы! *Sic transit gloria mundi!* Давно ли, — назадъ тому лѣтъ семь иль восемь, въ *нѣкоей* газетѣ раздавались возгласы о г. *Брянскомъ*, возгласы, которые ставили его выше В. А. Каратыгина. *O tempora, o mores!* Молодое поколѣніе рѣшительно потеряло всякій вкусъ, — посмотрѣло оно, это вѣчно зѣвающее поколѣніе, на вновь явившагося *великаго* артиста, — и ничему никогда не удивляющееся, удивилось однако страшной монотоніи его дикціи, и сказало истину премудраго Соломона, — *всему свое время подъ солнцемъ*, что значитъ въ переводѣ: *все преходитъ, кромѣ не преходящаго, кромѣ истиннаго, кромѣ прекраснаго*, и вслѣдствіе *сего* пошло *оное*, дерзкое молодое поколѣніе благоговѣть, предъ величавымъ Велизаріемъ, изучать страннаго Людовика XI; плакать отъ царственнаго старца Лира....

В. В. Самойлову, намъ было непріятно видѣть въ роли Терезы, хотя выполненіе ея было совершенство, совершенство до того, что многіе упрекали ее за излишество лихорадочнаго волненія, — лестный упрекъ вполнѣ равносильный вопросу одного суфлера, который въ первый разъ слыша человѣческое чтеніе стиховъ однимъ актеромъ, спросилъ его: «*когда же вы станете репетировать*?»

Г. Славинъ, за котораго такъ сильно вооружается на насъ г. X. Z. не могъ конечно ничего сдѣлать, изъ своей ничтожной роли, но могъ бы по крайней мѣрѣ, не читать ее, а говорить. Въ этотъ разъ г. Славинъ только отлично выучилъ свою роль, онъ выдавалъ все — даже дикія фразы, которыми написана пьеса.

А. ГРИГОРЬЕВЪ.

II.

КАМЕННО-ОСТРОВСКІЙ ТЕАТРЪ.

Французскія спектакли.

Спектакль 1-го Сентября.

LE LEGS (Завѣщаніе), comedie en un acte par ***Marivaux.***

Авторъ этой пьесы Мариво (Marivaux), былъ основателемъ и главой цѣлой драматической школы, и однимъ изъ первыхъ бойцевъ въ войнѣ новыхъ съ древними, онъ осмѣлился даже пародировать Гомера, и извѣстенъ своей *Illyade travestie*. Мариво имѣлъ много достоинствъ и недостатковъ. Онъ не любилъ Мольера и часто употреблялъ во зло данный ему природою умъ; онъ изобрелъ себѣ какое-то неестественное и вычурное нарѣчіе, которое сохранилъ до конца, увѣряя, что подражаетъ языку современнаго общества. Но среди всѣхъ этихъ недостатковъ, мы встрѣчаемъ у него много счастливыхъ идей, большое знаніе сцены и оригинальность. Мариво написалъ много комедій, между которыми попадаются и плохія, написалъ даже трагедію Аннибалъ неимѣвшую никакого успѣха. *Le Legs* одна изъ лучшихъ піесъ Мариво, и роль кокетки — графини вынужденной вызывать объясненія тупо-умнаго Маркиза, и даже признаться ему въ любви, видя что онъ непонимаетъ полусловъ и намековъ, роль истинно-граціозная и г-жа Плесси исполнила ее превосходно. Мы могли-бы многое сказать о достоинствахъ выполненія этой роли, но говоря о г-жѣ Плесси, боимся заговориться а передъ нами цѣлая серія спектаклей. — И такъ, ограничимся сказаннымъ, надѣясь вознаградить и себя и читателей, разборомъ какой нибудь болѣе значительной роли.

Г-нъ *Дивъ-луи*, въ роли Маркиза, былъ хорошъ.

Спектакль 3-го Сентября.

UNE CHAINE (Цѣпь), comedie en 5 actes par ***E. Scribe.***

Мы недолго ждали случая поговорить о г-жѣ Плесси; вотъ роль которую она *создала* и выполняетъ съ возможнымъ совершенствомъ. Скажемъ прежде нѣсколько словъ объ авторѣ піесы.

Скрибъ одинъ изъ даровитѣйшихъ современныхъ драматурговъ, и безъ всякаго сомнѣнія самый плодовитый. Слѣдившіе съ нѣкоторымъ вниманіемъ за развитіемъ таланта этого писателя, замѣтили вѣроятно сами, что послѣ нѣсколькихъ искусныхъ и удачныхъ попытокъ, Скрибъ успѣлъ пріобрѣсти столько опытности, что положилъ себѣ правиломъ избирать самые трудные сюжеты, положенія самыя противуположныя, принятымъ до него драматическимъ идеямъ и что изъ всѣхъ этихъ попытокъ, онъ вышелъ побѣдителемъ. До Скриба, писатели комедій смотрѣли на вещи съ общей точки зрѣнія человѣчества; у нихъ всда торжествовала юность, а любви и счастія, по ихъ мнѣнію, должно было искать въ тѣхъ чувствахъ, которыя гонимы и подавлены общественными условіями. Найдя этотъ источникъ исчерпаннымъ, Скрибъ бралъ жизнь и общество, такими какъ они есть и чувствуя себя мастеромъ своего искуства, доходилъ иногда до того, что даже возставалъ противу первоначальныхъ инстинктовъ, которые въ обществѣ не романическомъ и не сантиментальномъ, часто влекутъ за собою проступки и несчастія. Въ *Une Chaine*, какъ и вовсѣхъ почти піесахъ Скриба, видно удивительное умѣніе располагать и вести интригу піесы; характеры удачно выбраны, вѣрны и выдержаны.

Піеса эта была разыграна прекрасно. Г-жа *Плесси*, въ роли графини де-Сенъ-Жеранъ, была высока и прекрасна. Объемъ нашей театральной лѣтописи слишкомъ сжатъ, для того что бы вполнѣ оцѣнить игру г-жи *Плесси* въ этой роли, да и болѣе обширная статья, едва ли могла бы дать полное понятіе о ней. У г-жи *Плесси*, каждый звукъ, каждый взглядъ, каждое движеніе, такъ полны смысла и выраженія, что для передачи ихъ, недостаточно пера и искуства писателя. Какъ передать напр. тотъ поворотъ ея умной головки и тотъ полный любви и кокетства взглядъ, который она бросаетъ на молодаго артиста, когда остается съ нимъ вдоемъ во второмъ актѣ, взглядъ, способный подарить цѣлую бездну счастія, взглядъ которымъ можно упиться до безпамятства. А какъ выражаетъ г-жа *Плесси*, радость и страданіе! Развѣ можно удержаться отъ дрожи, при крикѣ ея «oh! il est jaloux.... il est jaloux!.....» Развѣ можно не страдать, глядя на ея страданія, на тѣ поцѣлуи, которыми она осыпаетъ руку отца своей соперницы? Нѣтъ, глядя на г-жу *Плесси*, нельзя не перечувствовать вмѣстѣ съ ней всѣй роли ея, но повторяемъ, мы не беремся пересказать вамъ игру ея; такъ

много въ игрѣ ея оттѣнковъ чувства и жизни, переданныхъ съ искуствомъ, доводящимъ зрителя до самозабвенія.

Г-нъ *Давъ-луи*, исполнилъ свою роль добросовѣстно, г-жа *Л. Майеръ*, была мила и граціозна по обыкновенію, г-нъ *Бертонъ*, былъ слабъ.

III.

МИХАЙЛОВСКІЙ ТЕАТРЪ.

а) *Французскіе спектакли.*

Спектакль 5-го сентября.

UN MARIAGE SOUS LOUIS XV (Бракъ при Людовикѣ XV), comedie en 5 actes par *Alex. Dumas.*

Піеса эта играется въ Парижѣ на *Théatre Français*, привилегія, достающаяся немногимъ избраннымъ, но на этотъ разъ данная имени автора а не достоинству піесы. Четыре первые акта этой комедіи слишкомъ растянуты, а пятый актъ слишкомъ сжатъ, развязка быстра и не отвѣтствуетъ растянутости піесы. Кромѣ того въ піесѣ нѣтъ ни одного, сколько нибудь обработаннаго характера и если она имѣла у насъ успѣхъ, то вѣроятно благодаря игрѣ г-жи *Плесси* (Графиня де Кандаль) и г-жа *Давъ-луи* (Графъ де Кандаль), богатой обстановкѣ и наконецъ, можетъ быть и тому, что она воспроизводила тѣ *изящные* нравы временъ Людовиковъ XIV и XV, которые до сихъ поръ еще нравятся очень многимъ!!..

Спектакль 7-го сентября.

L'AMI GRANDET (Пріятель Гранде), comedie en trois actes, entremélé de couplets.

Съ стесненнымъ сердцемъ отдаемъ мы отчетъ объ этомъ представленіи, въ которомъ учавствовала, въ первый разъ въ нынѣшнемъ году, *M-me Allan*. Она все таже даровитая артистка, которой

такъ еще недавно восхищались въ *Stella*, *Un ver d'eau* и другихъ піесахъ, талантъ ея не старѣетъ и не увядаетъ, на противъ, онъ во всѣмъ цвѣтѣ, во всей силѣ своей и роль *Герцогини де Ланжэ* была исполнена такъ, что и самый строгій критикъ не могъ бы сдѣлать за нее упрека артисткѣ, а между тѣмъ, публика видимо охладѣла къ ней, самое ея появленіе на сцену, не было встрѣчено, какъ бывало, громкими рукоплесканіями. Отчего это?... Понять не трудно....

Мы не упрекаемъ публику въ предпочтеніи къ г-жѣ *Плесси*, но зачто же такая холодность къ нашей заслуженной и истинно-даровитой артисткѣ? Боже сохрани насъ отъ сравненія между ними, мы вообще не любимъ сравнивать такіе таланты, которые хотя и различны, но оба стоятъ на высокихъ степеняхъ искусства и потому, не высказываемъ предпочтенія своего ни къ той ни къ другой, боясь, чтобы такое предпочтеніе не было слѣдствіемъ личности или другихъ обстоятельствъ, а не добросовѣстной критики. Роль *Герцогини де Ланжэ* была исполнена прекрасно, и кокетство, и истинное чувство, были равно переданы г-жею Алланъ, т. е. съ возможнымъ совершенствомъ. Г-нъ *Варле* въ роли *Гранде* былъ хорошъ. Г-нъ *Alexandre* былъ хорошъ только тогда, когда говорилъ, но онъ не умѣетъ, ни молчать, ни слушать. На сценѣ, какъ и въ жизни, труднѣе хорошо молчать, нежели красно говорить.

Въ тотъ же вечеръ. *Le Manteau ou le reve d'un mari* (Плащь или сонъ мужа), comedie en un acte et en vers.

Старая піеса, играющаяся и на Русской сценѣ въ переводѣ г-на Афанасимова. Г-жа *Плесси* и г-нъ *Давѣлуи* были очень хороши въ своихъ роляхъ и благодаря имъ, комедія отжившая уже свой вѣкъ, довольно успѣшно явилась снова на театральномъ помостѣ.

Спектакль 10-го Августа.

LE CHEVALIER DU GUET (Davelouis), vaudeville en deux actes. — Le 2-d et le 3-e actes de LES DEUX FRÈRES OU LE MÉDECIN RÉCONCILIATEUR (M-me Arnould-Plessy). LES FEMMES D'ENPRUNT, vaudeville en un acte.

Всѣ этѣ піесы играны въ первый разъ по возобновленіи. *Le Chevalier du Guet* миленькая піеска, весьма занимательная по множеству смѣшныхъ и искусно запутанныхъ сценъ, была исполнена прекрасно и г-нъ *Давѣлуи* былъ главнымъ виновникомъ ея успѣха. Мы уже высказали наше мнѣніе объ этомъ артистѣ и

повторяемъ еще разъ, что г-нъ *Давѣлуи*, не будучи первокласснымъ артистомъ, имѣетъ дарованіе, опытенъ въ своемъ дѣлѣ и мы радуемся пріобрѣтенію его нашею сценою. Второй и третій актъ комедіи *Les deux frères ou le médecin réconciliateur* были даны для г-жи *Плесси*. Здѣсь показала она намъ еще новую сторону своего обширнаго дарованія; роль молоденькой, стыдливой и чувствительной дѣвушки была передана ею вѣрно и отчетливо. Послѣдняя піеса уже давно извѣстна публикѣ, играется и на русской сценѣ (Заемныя жены), и потому мы позволяемъ себѣ умолчать о ней.

Спектакль 12-го августа.

TARTUFE OU L'IMPOSTEUR, comedie en cinq actes et en vers par *Molière* (Tartufe—М-г *Davelouis*, Elmire—M-me *Arnould-Plessy*).

Тартюфъ лучшая піеса Мольера и нѣтъ сомнѣнія, что она еще долго, очень долго проживетъ на сценѣ. Натуральность характеровъ и личностей доведена въ ней до высочайшей степени, отъ г-жи Пероль, старой и вздорной балтуньи до г-на Лойяля, типа французскихъ полицейскихъ чиновниковъ. Обратите вниманіе на самаго Тартюфа и вы увидите, что невозможно встрѣтить болѣе истиннаго ипокрита. Онъ не измѣняетъ себѣ даже передъ публикой, исключая того мѣста гдѣ онъ увлеченъ страстію; недозволяетъ себѣ *a parte* даже въ то мгновеніе, когда уличенъ на мѣстѣ преступленія ибо и тогда не снимаетъ онъ маски своей и осмѣливается говорить о небесномъ мщеніи. А сколько прелести въ характеры Маріанны, сколько изящества въ характерѣ Эльмиры! Эльмира женщина благородная, но безъ пуританскаго цѣломудрія; она заставляетъ уважать себя не драпируясь добродѣтелью и не притворяясь глухою къ рѣчамъ свѣта, изъ опасенія услышать слово любви. Никогда еще воображеніе поэта не создавало болѣе истинно-честной женщины. Мужъ Эльмиры дуракъ, но она вѣрна своему мужу и защищается отъ любовныхъ нападеній, какъ слѣдуетъ матери семейства, т. е. безъ шума и огласки. Заключенная въ дѣйствительность, она идеализируется чистотой души своей и чувствомъ долга, доведеннымъ до самоотверженія. Недумайте, однакожъ, чтобъ Эльмира мало чувствовала, нѣтъ, много вздоховъ подавила она въ груди своей.... Да и могла ли она нестрадать отъ мелочности мужа своего и отъ несносности тещи, она, такъ высоко стоящая надъ ними высо-

тою чувства и ума. Личность Дорины тоже мастерски очерчена а Оргонъ есть типъ пустыхъ и безхарактерныхъ людей.

Піеса была разыграна очень умно и добросовѣстно. Мы въ особенности должны благодарить г-на *Давлуи* за вѣрное и отчетливое исполненіе роли *Тартюфа* и г-жу *Варле* за прекрасное исполненіе роли *Дорины*. Мы не говоримъ объ исполненіе роли *Эльмиры* — эту роль занимала г-жа *Плесси*.

Спектакль 17-го сентября.

MADEMOISELLE DE BELLE-ISLE, comedie en 5 actes par *Alex. Dumas*. (Г-жи Алланъ и Плесси).

Признаемся, что мы не знаемъ что сказать объ этомъ представленіи. Первые четыре акта этой комедіи прослушали довольно спокойно, многое собирались похвалить, многое похулить, но просмотрѣвъ пятый актъ, мы забыли четыре первые и незнаемъ что сказать. Конечно мы помнимъ, что M-m Allan была очень хороша въ своей роли, что M-r *Berton* былъ слабъ, но если бы насъ спросили отчего одна была хороша адругой слабъ, то мы рѣшительно стали бы въ тупикъ. Тотъ кто вмѣстѣ съ нами видѣлъ игру г-жи Плесси въ Mademoiselle de Belle-isle, тотъ вѣроятно пойметъ насъ. Возвратясь домой послѣ этого представленія, мы почувствовали себя утомленными физически отъ первической дрожи наведенной на насъ игрою г-жи Плесси, мы были утомлены и нравственно, отъ того что г-жа Плесси заставила насъ перечувствовать. Не требуйте же отъ насъ отчета, онъ невозможенъ, но если хотите испытать одно изъ возвышеннѣйшихъ, эстетически-чувственныхъ наслажденій, ступайте смотрѣть г-жу *Плесси* въ пятомъ актѣ *Mademoiselle de Belle-isle*.

Спектакль 19-го сентября, Бенефисъ г-жи *Коррежъ*.

a) Первое представленіе GÈNEVIÈVE OU LA JALOUSIE PATERNELLE (Женевьева или ревность отца), комедія въ одномъ дѣйствіи *Е. Скриба*, игранная въ первый разъ на театрѣ Gymnase dramatique въ Парижѣ, 20 марта 1846 года. b) Первое представленіе LES FRÈRES DONDAINE (Братья Донденъ), водевиля въ одномъ дѣйствіи играннаго въ первый разъ на театрѣ Vaudeville, 28-го мая 1846 года. c) По возобновленіи въ первый разъ: LE MARI A LA COMPAGNE (Мужъ въ деревнѣ), комедія въ трехъ дѣйствіяхъ.

Первая изъ этѣхъ піесъ, весьма умная и милая комедія, принадлежащая перу даровитаго *Скриба*. Въ ней явился, въ первый разъ въ нынѣшнемъ театральномъ году г. *Алланъ*. Публика видимо радовалась появленію любимца своего и встрѣтила его рукоплесканіями. Г. Алланъ былъ очень хорошъ въ роли *ревниваго отца*, и былъ вызванъ; г-жа Плесси *создала* роль Женевьевы, какъ выразились парижскіе журналы, этого довольно, чтобъ дать понятіе объ игрѣ ея. Г. *Бертонъ* игралъ не дурно, но былъ очень дурно одѣтъ. — *Les frères Dondaine*, плоскій и пошлый фарсъ, понравился однакожъ публикѣ, благодаря игрѣ гг. Руже, Верне и Готи, но особенно, кажется, благодаря г-жѣ *Эстеръ, явившейся въ мужскомъ костюмѣ.* О послѣдней піесѣ, очень любимой нашей публикой, мы уже давали отчетъ въ нашей лѣтописи.

В. ПЕТРОВЪ.

b) *Нѣмецкіе спектакли.*

Въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ возобновлено нѣсколько піесъ изъ стараго репертуара, и играно нѣсколько новыхъ, такъ напр. Die Temperamenten, — Graf Essex, — der furchtbare Mann im Schwarzwalde и нѣкоторыя другія. Всѣ этѣ піесы болѣе или менѣе понравились публикѣ, и всѣ артисты занимавшіе главныя роли, были вызываемы. Наше мнѣніе и взглядъ діаметрально-противуположны мнѣнію и взгляду публики, и потому мы не знаемъ, сообщать-ли читателямъ нашимъ — то и другое. Труппа и репертуаръ нравятся публикѣ, ясно, слѣдовательно, что цѣль нѣмецкаго театра достигнута вполнѣ, и намъ остается молчать, или смотрѣть глазами публики, отказавшись отъ своего собственнаго сужденія. Но, такъ какъ, по многимъ причинамъ, мы не можемъ рѣшиться ни на то, ни на другое, то мы выскажемъ однажды на всегда нашъ взглядъ и мнѣніе въ слѣдующей книжкѣ, чтобы сообразоваться потомъ съ мнѣніемъ и взглядомъ публики.

В. ПЕТРОВЪ.

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЕ ТЕАТРЫ.

ЯРОСЛАВСКІЙ ТЕАТРЪ.

Ѳ. Г. Волковъ.

. . . . и рѣшился, хотя бы стоило это жизни, завесть у насъ, въ Ярославлѣ, первый Русскій театръ: и вотъ онъ!...

Изъ ком. вод. «Ѳедоръ Григорьевичъ Волковъ, Дѣй. I. Явл. I.
Князь Шаховской.

Прошло болѣе трехъ четвертей вѣка, какъ на нашей матушкѣ Руси, былъ человѣкъ, рода незнатнаго, — но ума большаго, глубокаго, сметливости далекой, — это, простой мужичокъ, кожевникъ, Ѳедоръ Григорьевичъ Волковъ. Имя его потомство должно помнить, какъ основателя перваго на Русси русскаго театра, въ Ярославлѣ. Фактъ историческій и вмѣстѣ достопамятный. Сама судьба благопріятствовала осуществленію великой идеи русскаго мужика. Я говорю о бытности его въ Петербургѣ, гдѣ онъ наглядѣлся диковинокъ, вывезенныхъ Нѣмцами, изъ-за моря, представляемыхъ въ *кіятрѣ*. Гибкій русскій умъ тотчасъ смекнулъ: что́ если-бы, подобное зрѣлище да завести у насъ?... Подумано, обдумано — и сдѣлано. Въ то время, когда русское упрямство еще сильно боролась съ нововведеніями Запада — это должно было казаться труднымъ обстоятельствомъ, когда и въ наше время не всякаго, съ коренной бородой, втащишь въ театръ. Этотъ предразсудокъ, по немногу излечиваемый — видимо долженъ исчезнуть скоро съ лица земли. Но, повторяю, Волкову было много ломки съ своими земляками. Что́-же такое такъ сильно подѣйствовало на него? Отчего же онъ одинъ, между тѣмъ, какъ

многіе имѣли случай видѣть *нѣмецку камедь*, могъ сочувствовать прекрасному, понимать дѣльное?... Ясно, что самому Провидѣнію угодно было избрать этого человѣка и поставить его отцомъ русскаго театра. Конечно, его не та пустая мысль руководила, чтобы только перенять, такъ сказать, переобезъянить Нѣмцевъ, и чтобы завести подобную потѣху, такъ себѣ, отъ нечего дѣлать; нѣтъ — онъ провидѣлъ будущее, у него рождались въ воображеніи дивныя, великія идеи, что, можетъ, на Русси, съ его легкой руки, авось счастливо привьется этотъ молодой отростокъ, и современемъ такъ стройно, такъ роскошно раскинетъ гордыя вѣтви, — и, можетъ быть, думалъ онъ, пройдетъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, и люди съ гордостью будутъ глядѣть на это высокое, прекрасное дерево, посаженное моей рукой. Сбываются твои надежды, почтенный, умный Ѳедоръ Григорьевичъ! Не попустому ты трудился: добрыя семяна производятъ добрые плоды. Много сорвано съ этаго гордаго дерева сучковъ и привито, такъ счастливо, такъ удачно. И вотъ теперь, въ 1846 году, не только гдѣ есть, но гдѣ только нѣтъ разсадниковъ этого полезнаго растѣнія? Только одного жаль, одно больно, что тамъ, гдѣ впервые были внѣжены эти сѣмяна такъ плохо, такъ невнимательно заботятся объ этомъ нѣжномъ деревцѣ.

Нашъ бѣдный, батюшка Ярославль, не въ укоръ ему, даже отстаетъ въ этомъ отъ многихъ своихъ собратовъ. Заведите рѣчь съ ярославцемъ, объ этомъ предметѣ. «Ну что же «такое, что въ Ярославлѣ театръ сперва завели? эка важность! «мало ли что заводится; ну васъ.... Да что и хорошаго-то больно «много нашли, деньги-то выманиваютъ; видали-ста мы евти вещи». Вотъ какъ отзовется на вашъ благородный возгласъ землякъ безсмертнаго Волкова. Разумѣется, тутъ нечего и спорить.

Такимъ образомъ, при всѣхъ усиліяхъ партіи образованныхъ людей, и то немногихъ, которые старались и стараются, сколько возможно улучшать нашъ родной театръ — все тщетно. Вся сила, которою приводится механизмъ этой земной жизни, т. е. денежки, какъ и вездѣ, должны играть здѣсь въ особенности первую роль. А у кого, какъ не у купцовъ и богатыхъ мужичковъ трещатъ сундуки отъ клада а только намекни; эдакъ въ родѣ пожертвованія что нибудь, — куда тебѣ!... «Гдѣ у насъ «много-то валяется?... Да и что проку-то въ эвтихъ вашихъ ко«медіяхъ»?... Нѣтъ, нѣтъ! Надобно дорого дать, чтобы заставить идти его въ театръ, да заставить его понимать всю великость, всю важность сценическаго искусства. И вотъ причины, почему

оно такъ медленно двигается у насъ; а потому-то нашъ театръ ярославскій, держится только Богъ знаетъ какими-то геніальными изворотами г. Алексѣева, здѣшняго антрепренера. Онъ пожертвовалъ рѣшительно всѣмъ небольшимъ достояніемъ, единственно, можно сказать, изъ любви къ искусству, конечно не упуская изъ вида и часть существенную. И какъ видно, онъ и теперь жертвуетъ всѣмъ, только бы угодить почтеннѣйшей публикѣ, но почтеннѣйшая публика не слишкомъ радушно его посѣщаетъ. Было много недостатковъ, много непріятнаго, грязнаго, въ прежнемъ храмѣ Мельпомены; онъ выстроилъ, въ 1841 году, новое, прехорошенькое зданьице; украсилъ его внутри, какъ только позволяли средства. И я скажу, положа руку на сердце, что въ нашемъ театрѣ, право не сконфузясь просидитъ спектакль — посѣщающій постоянно и Александрынскую залу. Простомило, со вкусомъ, декораціи хоть куда, костюмы тоже; машины хоть не многосложны, а все-таки исправно сдѣланы и дѣйствуютъ исправно. Вѣдь у насъ, впрочемъ, ужасовъ столичныхъ нѣтъ; ни летаній по воздуху, ни порханій по цвѣточкамъ, ни прочихъ подобныхъ чудесъ; все ставится на сцену, сообразно средствамъ. У насъ нѣтъ этихъ волшебниковъ: ни Роллера, ни Сѣркова, ни Нино. Что дѣлать, будемъ довольны и тѣмъ, что есть, а впрочемъ мы, вѣдь, люди простые, ѣдимъ пряники неписаные....

Между антрактами можно слушать порядочную музыку, исполняемую оркестромъ, подъ управленіемъ опытнаго, знающаго свое дѣло капельмейстера, г. Лаврова. Всѣ извѣстныя въ наше время увертюры изъ оперъ: «Лукреція», «Норма», «Вильгельмъ-Тель», «Пиратъ» и пр. — все это играется, и играется очень недурно.

Теперь о дѣйствователяхъ.

Въ послѣдній сезонъ, труппа Алексѣева состояла человѣкъ изъ 30, со всѣми, разумѣется, дѣйствующими на сценѣ и дѣйствующими тайно, внѣ сцены. Изъ этой труппы — можно отдать полную справедливость и благодарность артистамъ двумъ, или тремъ, за ихъ умное, мастерское исполненіе ролей и постоянное усердіе угождать публикѣ. Наша труппа вамъ представитъ что угодно! И трагедію, и драму, и водевиль, и если угодно и оперу.

Намъ и оперы подъ силу
И пожалуй, хоть сейчасъ,
Вамъ Аскольдову-могилу
Отхватаютъ на заказъ....

И, право, передадутъ вамъ вѣрно многое, и очень многое; даже все, даже и прибавятъ, чего и нѣтъ вовсе. Однимъ словомъ, что только дѣется на провинціальныхъ театрахъ — тоже самое и здѣсь, въ Ярославлѣ, и невольно пожалѣешь объ немъ, что онъ, при своей знаменитости, ограничивается провинц. репертуаромъ. Подождемъ: авось, можетъ и у насъ залетаютъ Гитаны, Сильфиды, Жизель и пр.... И то ужъ многіе восклицаютъ: «да-«вайте намъ этакъ, балетъ! ну оперу-то, Богъ, съ ней»!

Представителемъ труппы драматической — г. Самойловъ, потомокъ пѣвца, которымъ славилась нѣкогда петербургская сцена. Это его сынъ, и братъ родной петербургскаго артиста. Г. *Самойловъ* избралъ себѣ тяжкое амплуа, амплуа первыхъ сюжетовъ въ драмѣ и трагедіи, и, къ чести его, должно сказать, очень порядочно выдерживаетъ многія первыя роли. Имъ только и существуютъ и по временамъ даются — Велизарій, Ляпуновъ, Фердинандъ и подобные герои временъ прошедшихъ. Природа была такъ милостива, что гармонировала его прекрасному таланту и прекрасной фигурой, первымъ условіемъ для драматическаго актера. Одно только, что поражаетъ непріятно зрителя съ первыхъ его словъ, такъ это голосъ, какой-то странный, необъяснимый. По видимому, онъ болѣе всего изучалъ пластику, и болѣе всего ею занятъ.

Вторыя роли у насъ держитъ нѣкто г. *Ленскій*; надобно сознаться, что актеръ не безъ дарованія; онъ пробовалъ себя даже и въ первыхъ, которыя иногда ему удавались; даже до пріѣзда Самойлова онъ постоянно ихъ игралъ.... даже.... право, что-то перо не пишетъ. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, трудно говорить объ этихъ людяхъ, которые ни то, ни се, ни два, ни полтора. Нельзя сказать, чтобы былъ бы хорошъ, однако нельзя сказать чтобы и худъ; во всякомъ случаѣ, на сценѣ ярославской, онъ — актеръ полезный.

На женской половинѣ только одна *Голованова* и поддерживаетъ драму. Актриса безъ большаго образованія, но съ дарованіемъ чисто-драматическимъ. Въ ея пользу много говоритъ ея хорошій ростъ, классическія формы и пріятная физіономія. — Въ сценахъ Ляпунова съ Екатериной Шуйской — ею даже можно любоваться; не дурно играетъ роль «Агнесы», въ драмѣ: «Отецъ и дочь».

На поддержку ей выступаетъ какая-то дѣв. *Смирнова*, и вѣроятно, по призванію къ театру. Объ ней нельзя много говорить, потому что она недавно еще на сценѣ, не свыклась съ условіями

сценическими. Впрочемъ, она, какъ видно, дома изучала нашихъ классиковъ, и недурно читаетъ стихи Озерова.

И вотъ, на этихъ четырехъ сюжетахъ держится драма въ Ярославлѣ. Теперь поговорю о водевилѣ.

Водевиль идетъ иногда такъ, какъ дай Богъ, чтобъ и вездѣ такъ играли. Онъ имѣетъ многихъ актеровъ, которые заставляютъ забывать даже, что вы сидите въ креслахъ провинціальнаго театра. Въ январѣ нынѣшняго года наша сцена лишилась незамѣнимаго актера Громова. Онъ-то несъ на своихъ могучихъ раменахъ всѣ водевили, и къ сожалѣнію всей образованной публики, и публики, возсѣдающей *горѣ* — Провидѣнію угодно было отозвать его изъ сего міра въ міръ лучшій, дальній. — Комикъ презамѣчательный, а въ роляхъ Григорьева 2-го — онъ рѣшительно не уступалъ ему. И вотъ онъ умеръ, а съ нимъ чуть чуть не умеръ и водевиль, если-бы не спасъ его отъ неминуемой смерти г. *Красовскій*.

Красовскій уже нѣсколько разъ показывался на сценѣ ярославской, и вотъ онъ теперь единственный актеръ, который можетъ *только напоминать* зрителю о незабвенномъ Громовѣ. Я не буду тревожить праха почтеннаго артиста; скажу, что человѣкъ былъ съ огромнымъ высокимъ талантомъ. Грустное, тяжелое воспоминаніе!...

Красовскій будетъ по дарованію очень и очень пониже Громова; впрочемъ комикъ хорошій. Ловокъ, непринужденъ, вѣчно веселый, — онъ веселитъ и публику. Побольше разнообразія въ игрѣ — онъ былъ бы хоть куда. Лучшія роли его, это: *Прикупки* въ «Герояхъ преферанса»; *Пузыревскаго*, въ «Квартирѣ на Бугоркахъ» и *Гренулье*, въ водевилѣ «Маленькія непріятности человѣческой жизни». Довольно ловко владѣетъ куплетомъ, постоянно твердъ въ роли, и мы ему свидѣтельствуемъ наше наиглубочайшее....

Барышовъ, актеръ молодой, не болѣе 25 лѣтъ, и такъ свыкся съ сценой, что любо—дорого смотрѣть. Его амплуа — любовниковъ въ водевиляхъ; хорошъ очень въ роляхъ переодѣванья; мастерски поетъ куплеты. Не знаю, съ чего только онъ взялъ, что у него голосъ? Какъ онъ былъ смѣлъ, даже дерзокъ, когда взялся за оперныя роли. Опера въ провинціи — это только можно вообразить, что̀ это такое. Конечно, со временемъ, опера становится даже народною по мотивамъ, но на сценѣ надобно пѣть, надобно умѣть пѣть. А на-примѣръ, отвалять «вѣетъ вѣтерокъ» можетъ и извощикъ, и, право, другой премило споетъ. Впрочемъ, надобно

замѣтить, что на провинціальныхъ театрахъ, актеры, нанимаемые антрепренёрами, должны все дѣлать, что̀ онъ ни велитъ, и это значитъ, что за неимѣніемъ гербовой — пишутъ на простой. — И все-таки, такъ строго нельзя судить Барышова: если онъ въ музыкальномъ отношеніи и слабъ, за то игра его такъ хороша, что, право, почти выкупаетъ этотъ недостатокъ. Репертуаръ его неисчислимъ. Онъ играетъ и въ драмѣ, и въ комедіи и въ водевиляхъ и въ оперѣ, и употребляется въ дивертисманѣ въ качествѣ пѣвца. Болѣе всего онъ нравится въ водевиляхъ: «Актеръ», въ роли *Струйскина*; *Питерскаго*, въ «Комедіи съ дядюшкой», *Субботина*, въ водевилѣ «Домъ на Петербургской сторонѣ»; *Охова*, въ «Двое за шестерыхъ»; *Хлестакова*, въ «Ревизорѣ», и наконецъ, въ піесѣ, труднѣйшей для провинціальныхъ артистовъ — это въ роли *Губкина*, въ водевилѣ «Студентъ артистъ, хористъ и аферистъ». Эта роль исполнена имъ очень удачно, и по ней можно судить и заключить, что Барышовъ имѣетъ сценической даръ.

Бѣшенцовъ — актеръ уже пожилой, можетъ-быть, трудится лѣтъ 25 на сценѣ, не имѣя особенныхъ способностей, съ терпѣніемъ могъ кое-что пріобрѣсть, и теперь красуется на роляхъ благородныхъ отцовъ. Хорошъ въ *Брандтѣ*, въ драмѣ «Дѣдушка Русскаго флота, и въ *Миллерѣ*, въ «Коварство и любовь». — Онъ во времена давно минувшей молодости, вѣроятно, имѣлъ порядочный теноръ, и увлекаясь юношескими воспоминаніями — пускается въ оперу. Онъ членъ ея; даже болѣе, занимаетъ первые сюжеты оперные, такъ, напримѣръ, *Неизвѣстнаго*, въ «Аскольдовой могилѣ», *Цампы*. и пр. и пр. Къ несчастію, — вѣроятно, это уже осталось отъ молодости, — онъ ужасно разѣваетъ ротъ. Оно и непривлекательно, и немножко этакъ страшно....

Славинъ, ярославскій доморощенный режиссёръ здѣшняго театра, и какъ видно, по исполненію піесъ и раздачѣ ролей — не мастеръ своего дѣла. Между небольшимъ его репертуаромъ, одна только роль была изрядно исполнена — это *Вурма*, въ «Коварство и и любовь», и въ прочихъ, подобныхъ ей, онъ еще можетъ себя ставить.

Муравьевъ 1-й, молодой человѣкъ, развязный и держитъ амплуа молодыхъ людей. Очень недурно исполняетъ роль Михаила Васильевича Скопина. Особенностей никакихъ нѣтъ; развѣ только что играетъ на скрипкѣ довольно бѣгло и чисто.

Смирновъ. Странно! человѣкъ единственно по призванію къ искусству поступилъ на сцену — и до сихъ поръ пищетъ въ архивѣ театральномъ какую нибудь роль по его силамъ. Не

знаю, какъ это объяснить; а вѣдь, человѣкъ съ головой, и образованъ. Что прикажете дѣлать, не далъ Богъ таланта.

*Голованов*ъ, это обломокъ, остатокъ старой школы. Еслибы онъ существовалъ въ 1775 году, — онъ могъ бы кое-что значить; но при теперешнемъ образованіи, при теперешнихъ понятіяхъ и требованіяхъ сценическихъ, — онъ не можетъ нравиться.

Ленской, *Епифановъ*, *Степановъ*, *Александровъ*, *Васильевъ*, *Муравьевъ* 2-й, — это хористы и исполнители всего, что касается до механическаго отношенія: подаютъ письма, ставятъ стулья, столы, свѣчи, и дружно поднимаютъ занавѣсъ. Здѣсь, кстати, замѣтимъ г-ну Алексѣеву, антрепёру, и попросимъ, чтобы онъ не позволялъ этимъ господамъ говорить; а то они, иногда, за неимѣніемъ кого нибудь, пускаются въ объясненія и рѣшительно наводятъ скуку, мѣшаютъ и портятъ піесу. Пускай знаютъ свое дѣло, и пожалуй, составьте изъ нихъ хоть кор-де-балетъ, только, ради Бога, чтобъ молчали. Они, право, заставляютъ уходить иногда, не досидѣвши спектакля.

Теперь очередь доходитъ до женской половины. Здѣсь какъ-то немного труднѣе говорить и писать; вѣдь, какъ бы-то ни было, прекрасный полъ, какъ отзовешься?... Положеніе довольно щекотливое. Заранѣе прошу у нихъ извиненія, можетъ быть, за строгой приговоръ, — но я человѣкъ, любящій истину и безпристрастіе.

1-е мѣсто, безспорно, принадлежитъ г-жѣ *Ленской;* эта артистка еще молодая, но при ея сценическомъ талантѣ, она можетъ сдѣлаться замѣчательною. Миленькая наружность, прекрасный бюстъ, умѣнье держаться на сценѣ — все это заставляетъ говорить многое въ ея пользу. Голосъ она имѣетъ хоть и необширный—но пріятный. Репертуаръ ея разнообразенъ. Ни одинъ водевиль существовать не можетъ безъ нея; въ особенности она мила въ мужскихъ роляхъ, какъ напр. Въ «Полковникѣ старыхъ временъ», въ роли «*Юлія де-Креки*»; *Лелева* въ «Гусарской стоянкѣ», и наконецъ, въ роли *Фрица*, въ водевилѣ «Барабанщикъ».— Повторю, одной, и только одной ею, водевиль держится на сценѣ ярославской.

Въ pendant Ленской — идетъ дѣвица *Косицкая.* Не обладая счастливою наружностію, она за то чаруетъ публику своимъ прелестнымъ, чистымъ, серебрянымъ контральто. Діапазонъ его хоть не великъ, но, признаюсь откровенно, природа не многихъ надѣляетъ такимъ рѣдкимъ голосомъ. Русскія пѣсни она поетъ такъ, какъ дай Богъ слышать подобное пѣніе и посѣтителямъ столич-

ныхъ театровъ. Она исправляетъ должность примадонны, а потому на нее возлагаются всѣ первыя извѣстныя роли въ операхъ, напр. *Агаты* въ «Фрейшюцѣ»; *Надежды* въ «Аскольдовой могилѣ»; *Камиллы* въ «Цампѣ», и проч.

Далѣе, на поддержку идутъ Гг. *Барышова* и д. *Соловьева*. Вторая еще молода, но такъ, какъ она на сценѣ уже лѣтъ 8 — то теперь, въ 17 лѣтъ, она очень непринужденна и игра ея почти всегда естественна. Недурна собой. *Барышова* рѣшилась вступить въ театральный міръ еще недавно и пропустивши самые лучшіе годы для сценическаго образованія; ее очень рѣдко видно на сценѣ, а потому въ игрѣ ея мало жизни, натуры; при внимательномъ изученіи она можетъ быть очень полезною актрисою.

Г-жа *Орлова*, пожилая актриса, опытная; теперь уже не въ первой молодости перешла на амплуа старухъ, и исполняетъ ихъ мастерски. Особенно въ роляхъ деревенскихъ бабъ, мелкихъ чиновницъ, она доставляетъ истинное наслажденіе зрителю; а въ роли *Пошлёпкиной*, въ «Ревизорѣ», это—верхъ искусства. Изрядно танцуетъ en deux, съ Ленской, по казацки.

Дѣвица *Семенова* — такъ, молоденькая дѣвочка....

Г-жа *Нѣмчинова*. Это та самая знаменитая Нѣмчинова, которая существуетъ едва ли не столько же, сколько и театръ русскій. Во времена оны, она имѣла порядочный голосишко и отличалась въ «Русалкѣ». Но время, неумолимое время, все измѣнило, даже и г-жу Нѣмчинову, и г. Алексѣевъ слишкомъ рискуетъ довѣріемъ публики, выпуская ее на сцену. Вѣдь, ужъ кажется, можно бы наиграться; пора и честь знать....

Вотъ бѣглый очеркъ нынѣшняго современнаго состоянія ярославскаго театра. Вотъ всѣ на лицо; всѣ и все, безъ преувеличенія и безъ прикрасъ. — Скажу слова два, три, объ исполненіи піесъ; мнѣ удалось быть разъ 15 или болѣе; изъ этихъ 15 разъ, право, неудачныхъ посѣщеній не много найдется; слѣдовательно, по этому частному можно заключить о цѣломъ общемъ.

Первый разъ, въ прошломъ году, я посѣтилъ театръ въ октябрѣ; давались водевили: *Маіоръ bon vivant* и *Отецъ какихъ мало*. Въ антрактѣ потѣшалъ публику заѣзжій артистъ Далло, акробатъ. Дѣйствительно, надо дивиться легкости, непринужденности этого человѣка, человѣка уже въ лѣтахъ; надо видѣть, какъ свободно онъ танцуетъ на канатѣ. Онъ то явится какимъ ни будь существомъ, прыгающимъ, какъ пробка, то стройно, какъ настоящій гвардеецъ, машируетъ, выкидывая ружьемъ всѣ военныя хитрости. Непостижимо! Художникъ въ своемъ родѣ дивный!

Но это эпизодъ. «Маіоръ bon vivant», пустой водевилишка, гдѣ даже Барышовъ-Шелкуша былъ, не въ своей тарелкѣ. Зато *Отецъ какихъ много*, — это chef d'oeuvre покойнаго Громова. *Пузинъ*— Громовъ нѣчто нераздѣльное, родное. Было, конечно, и Дюровское кое-что, но во всякомъ случаѣ характеръ чудака Пузина переданъ неподражаемо. Ленская, въ роли Катеньки, была, какъ и всегда, очень интересна, особенно же, въ сценѣ съ своимъ папашей, когда она заставляетъ его танцовать мазурку. 10-го октября. *Герои преферанса*. Этотъ знаменитый водевиль, такъ понравившійся публикѣ петербургской и московской — понравился и намъ, грѣшнымъ; тѣмъ болѣе, что сюжетъ такъ извѣстенъ всѣмъ и каждому, лица такъ вѣрны, сцены неизмѣнны вездѣ за преферансомъ. — Удачное распредѣленіе ролей способствовало успѣху піесы. — Какъ я выше уже замѣтилъ, роль *Прикупки*, одна изъ счастливыхъ ролей Красовскаго. Чудно переданъ характеръ этого отца-чиновника, живущаго преферансикомъ. Сцена съ *Минусомъ* выдержана артистически. Громовъ маленькую роль *Паса* обрисовалъ, какъ настоящій художникъ. Недуренъ былъ бы и Ленскій — *Минусъ*, денди, прозванный душою общества, еслибы побольше свѣтской ловкости, побольше свободы; а то онъ смахивалъ на что-то этакъ слишкомъ обыкновенное, провинціальное. Прочіе аксессуары піесы— были на своемъ мѣстѣ. — *Тамбуръ-Мажоръ* пустѣйшій изъ самыхъ безтолковыхъ водевилей.

12-го октября *Ножка*. Миленькая миніатюрная ножка держалась ножкою г-жею Ленской. Она, по обыкновенію, была мила рѣзва и очень вѣрно обрисовала типъ парижской субретки. Ея супругъ — monsieur *Родѣ*, какъ чудакъ въ своемъ родѣ, — Громовъ вѣренъ do nec plus ultra. *Ямщики*, этотъ фарсъ, благодаря геніальному Громову, въ роли старосты, удержался и на нашей сценѣ. Сколько натуры, комизма было въ игрѣ Громова— неподражаемо!

22-го октября. Бенефисъ антрепренёра г. *Алексѣева*. Желая блеснуть новинкою, и новинкою хорошенькою, онъ выписалъ и поставилъ «Ермака Тимофѣевича», Полеваго. Можно было бы кое-что сказать объ этой піесѣ, но при одномъ воспоминаніи, ей-ей, становится грустно. «Ермакъ Тимофеичъ» попался въ когти Ленскому; ну, ужъ онъ и далъ же себя знать. И притомъ надо сказать, что эта піеса слишкомъ эффектна; она требуетъ много декорацій, машинъ, однимъ словомъ, приличной обстановки; а такъ какъ сего не имѣлось—то мы преспокойно узрѣли степи Сибирскія, Искеръ и проч., — видѣнное нами доселѣ уже сто

разъ. Да въ добавокъ, къ этой жалкой, бѣдной постановкѣ, явились еще жалче—люди,—ну тутъ и баста!

Во весь сезонъ, начиная съ октября почти по мартъ спектаклей было 80, бенефесовъ 17.

Вотъ бѣглый очеркъ нашего театра, артистовъ и піесъ, болѣе интересныхъ по содержанію и по исполненію ихъ. Этотъ эскизъ вѣренъ, по возможности. Нашъ театръ, какъ и всякой провинціальный, имѣетъ репертуаръ не слишкомъ разнообразный; вы не увидите оперъ, изрядно выполненныхъ; о балетѣ и помину нѣтъ; драма идетъ очень рѣдко, но все остальное, что видѣли и глядѣтъ въ столицѣ — это и мы видимъ; только съ разницею, довольно иногда ощутительною: тамъ болѣе выходитъ удачно, — здѣсь же менѣе удачно. — А что болѣе интересуетъ любителя — такъ это ходъ современной драматической литературы. Мы, благодаря Алексѣеву, пересмотрѣли почти все новинькое, что давалось въ послѣднее время на сценахъ Александрынской и московской, и за это принесимъ ему большое спасибо.

А то, при жизни скромной, одинакой, прозаической, убійственной жизни провинціальной гдѣ удовольствій, особенно у насъ въ Ярославлѣ, рѣшительно нѣтъ ни какихъ, гдѣ просидѣвши 10 часовъ ежедневно, на стулѣ скромнаго чиновника, — и когда право отъ души готовъ удѣлить часъ другой, и разсѣять себя. Но вопросъ, чѣмъ? — Ярославцы, не охотники до веселостей. Сидятъ себѣ дома, въ халатахъ, Богъ знаетъ о чемъ думаютъ — и довольны этимъ il dolce far niente. Съ нѣкотораго времени, впрочемъ, у насъ проснулись; и теперь, напротивъ, почи не спятъ. Этотъ весельчакъ, который всѣхъ тѣшитъ, которымъ всѣ почти довольны и который рѣшительно отбилъ послѣдній доходъ у театра, — это преферансъ. Не шутя. Оно съ нѣкоторой стороны и выгодно. Вы преспокойно, съ трубкой, какъ угодно, въ чемъ угодно, дуетесь 10 часовъ битыхъ, и глядишь вознаграждается вашъ трудъ 40, 50, руб., иногда съ -1-, а иногда и съ — А завтра тожъ, завтра тожъ, и славно зиму проведешь. Когда же тутъ удѣлить время на другое удовольствіе, болѣе полезное, болѣе пріятное, и даже болѣе выгодное?.... Вотъ причина, почему такъ мало ходятъ въ театръ. Вы засмѣетесь? Да! вы правы. Надобно смѣяться надъ людскимъ родомъ; дѣйствительно, причина смѣшная, жалкая — но вѣрная....

Но вотъ наступилъ май. Наша труппа укладывается со всѣми пожитками и отправляется вверхъ по матушкѣ по Волгѣ, въ Рыбинскъ. Здѣсь бываетъ Петровская ярмарка, 29 іюня, и какъ

всѣ живущіе оборотами двигаются съ своими произведеніями, для выгоднаго сбыта товару, такъ и этотъ походный храмъ искусства является сюда, раскладываетъ развѣшиваетъ имущество, торгуетъ продаетъ, и большею частію очень удачно, счастливо. Тамъ то они обыкновенно трудятся мѣсяца 3 сряду, и зашибя деньжонокъ — снова являются къ намъ, для новыхъ издержекъ. Подождемъ будущаго сезона, и тогда можетъ при новыхъ средствахъ, при новыхъ, болѣе удачныхъ обстоятельствахъ, г. Алексѣевъ заставитъ невольно многихъ посѣщать его театръ.

А propos, маленькое замѣчаньице. По пословицѣ «*не красна избауглами*, а красна пирогами» — просимъ обратить вниманіе антрпренёра не на углы, а на пироги, а то большая часть ихъ недопечена, и не можетъ быть годна къ употребленію. Вѣрно вы скажете: «въ семьѣ не безъ урода». Отвѣтствуемъ и речемъ: постарайтесь, какъ можно менѣе имѣть такихъ уродовъ, и по больше людей, за которыми бы, не такъ рѣдко видно было уродство этихъ господъ.

А — й К — ъ.

Ярославль.
май 1846 годъ.

ТЕАТРЪ ВЪ РОСТОВѢ (что́ на Дону).

Мы, жители города Ростова (что́ на Дону), не имѣемъ постояннаго театра; но каждый годъ, вмѣстѣ съ весною, пріѣзжаютъ къ намъ изъ разныхъ городовъ труппы актеровъ и гостятъ у насъ съ мая по августъ, и потомъ въ сентябрскую ярмарку. — Наѣзды на насъ дѣлаютъ три труппы: ставропольская, подъ управленіемъ г. Зелинскаго, саратовская, подъ управленіемъ г. Залѣсскаго, — умныхъ и дѣятельныхъ антрепренёровъ, и таганрогская, подъ вѣденіемъ дирекціи, составленной изъ людей образованныхъ, вполнѣ понимающихъ сценическое искусство. Въ послѣдніе три года дарила насъ своими посѣщеніями таганрогская труппа, и мы, положа руку на сердце, скажемъ (да не обидятся этимъ гг. Зелинскій и Залѣсскій), что таганрогская труппа, имѣя почти одинакія средства, — далеко превосходитъ ихъ во многихъ отношеніяхъ; въ особенности талантливостію своихъ сюжетовъ. Порядокъ же, существующій на таганрогскомъ театрѣ, можетъ служить примѣромъ для всѣхъ провинціальныхъ. Приносимъ за то искреннюю нашу благодарность гг. директорамъ: А. А. Цельнеру, Э. О. Флуки и А. В. Содомцеву.

Говоря о піесѣ вообще, нужно прибавить, что обстановка ея была хороша, сколько возможно требовать отъ средствъ провинціальнаго театра. Игра гг. Кочевскихъ и Розановой, много способствовала успѣху намъ.

Гость прибылъ къ намъ изъ Одессы — г. Деклеръ, извѣстный уже по «Репертуару», въ статьѣ объ одесскомъ театрѣ. Онъ дебютировалъ здѣсь въ піесахъ: «Дебютантъ», «Записки демона» (ролью Робена) и «Симонъ Сиротинка» въ нихъ показалъ разнообразіе своего молодаго дарованія, непринужденность и развязность его на сценѣ обличаютъ въ немъ опытнаго актера. Послѣ дебютовъ онъ явился въ роли купца Вислоухова въ піесѣ «Полька на Нижегородской ярмаркѣ», и былъ такъ натураленъ безъ тривіальности, что придалъ интересъ этому пустѣйшему

водевилю. Одинъ порокъ не твердо учитъ роли, — но это почти незамѣтно.

Вотъ очеркъ игры новыхъ артистовъ, пріобрѣтенныхъ таганрогской дирекціей; и надобно сказать, что этимъ пріобрѣтеніемъ, она ничего не проиграла.

Что́ касается до старыхъ артистовъ этой труппы, то первое мѣсто въ ней принадлежитъ г. Кочевскому, какъ режиссёру и актеру, который хорошъ и въ драмѣ, и въ водевилѣ, и въ комедіи, и который необходимъ для здѣшняго театра. Жаль только, что или званіе режиссёра, или маленькая лѣнь, заставляютъ его отказываться отъ нѣкоторыхъ лучшихъ комическихъ ролей своихъ; а что́ еще хуже, — передавать ихъ г. Горскому, который сыгравши разъ *Наумыча* въ «Женѣ кавалериста», вообразилъ, что онъ *страшный* комикъ и поэтому берется, желая доставлять публикѣ чаще удовольствіе своей игрою, за все, — и вездѣ смотритъ Наумычемъ. Г. Горскій до того однообразенъ во всѣхъ роляхъ, въ драмѣ и водевилѣ, что трудно отгадать, къ какому амплуа можно его причислить. Вездѣ Наумычъ!

Г. Петровскій 1-й, ветеранъ провинціальныхъ театровъ. 30 лѣтъ онъ усердно служитъ Мельпоменѣ. Кромѣ драматическаго таланта, онъ извѣстенъ переводами нѣсколькихъ піесъ съ польскаго и нѣмецкаго на русскій языкъ. Болѣе 25-ти лѣтъ, онъ былъ антрепренёромъ въ Полтавѣ, Одессѣ, Таганрогѣ и въ другихъ городахъ, и исполнялъ эту обязанность честно и добросовѣстно. Теперь, не смотря на глубокую старость, онъ продолжаетъ играть въ драмахъ и занимаетъ въ нихъ значительныя роли, какъ-то: *Руджіеро* въ «Уголино», *Полонія* въ «Гамлетѣ», *Доминика* въ «Серафимѣ (Лафайль» и другія. — Не-смотря на иностранное произношеніе (онъ родомъ изъ Лемберга) и *пьвучесть* голоса, онъ играетъ съ большимъ чувствомъ и одушевленіемъ. Опытность, знаніе своего дѣла и твердое заучиваніе ролей заставляютъ уважать и удивляться подобнымъ достоинствамъ въ 75-тилѣтнемъ старикѣ.

Г. Петровскій 2-й служитъ при театрѣ суфлёромъ; онъ исполняетъ эту должность какъ нельзя лучше; но въ немъ выказывается желаніе быть актеромъ; и онъ появлялся уже нѣсколько разъ на сценѣ: *Шемякой* въ «Басенкѣ,» *Іоранымъ* въ «Іоаннѣ Герцогѣ Финляндскомъ,» *Францомъ* въ «Кетли» и другихъ — Роли эти онъ выполнялъ сносно. Замѣтно, что онъ изъ своей будки наблюдалъ надъ искусствомъ. Отъ-души желаемъ ему успѣха. Если жъ вы не чувствуете въ себѣ большаго призванія

— то лучше не покидайте своей будки: пріятнѣе знать васъ хорошимъ суфлёромъ, нежели плохимъ актеромъ. Во всякомъ званіи мы можемъ быть полезными обществу и себѣ.

Г. и Г-жа Дорошенковы, состоя вмѣстѣ съ г. г. Качевскими и г-й Розановой въ числѣ любимцевъ таганроской и ростовской публике, продолжаютъ свое поприще съ видимымъ стараніемъ поддержать это названіе.

Г. Дорошенко имѣетъ талантъ; это неоспоримо. Онъ доказалъ не одной, а многими комическими ролями, что можетъ дебютировать и быть хорошо прижатымъ на любомъ провинціальномъ театрѣ. Несмотря на это, мы надѣемся, что онъ не оскорбится нашими замѣчаніями, а еще лучше сдѣлаетъ, если постарается исправиться отъ нѣкоторыхъ недостатковъ. На примѣръ играя роль любовника, свѣтскаго и молодаго человѣка, онъ становится къ дамѣ, — какъ-бы сказать? en face, подбоченившись. Это невѣжливо потому что въ порядочныхъ обществахъ, говоря съ дамами, не кобенятся. Главный недостатокъ г. Дорошенко — это однообразіе мимики, съ какою онъ играетъ и въ драмѣ и въ водевилѣ. Комизмъ и фарсы хороши въ комедіи, въ серьезномъ они идутъ и даже мѣшаютъ интересу піесы. Мы помнимъ, какъ, играя роль *Гонзаго* въ «Уголино», онъ своей утрированной манерой до того смѣшилъ *почтеннѣйшую*, что часто мѣшалъ эффектомъ и нѣкоторые лучшіе монологи *Нино* и *Руджіеро*, за смѣхомъ, вполовину только были слышны. Мы недумаемъ, что это происходитъ отъ безталантливости г. Дорошенко; напротивъ, намъ кажется, что должно винить въ этомъ его комическій талантъ, который такъ полюбился публикѣ, что еслибъ г. Дорошенко явился въ роли Уголино, то и тогда бы произвелъ такой-же смѣхъ, какимъ сопровождается Гамлетъ Сидорычъ.

Жаль, что малочисленность труппы заставляетъ г. Дорошенку играть не свои роли: это дѣлаетъ имъ въ мнѣніи публики много вреда; талантамъ же ихъ вдвое больше.

Г. Лебедевъ играетъ вторыя роли любовниковъ; онъ можетъ быть полезнымъ для театра актеромъ, чему способствуетъ статная его фигура, если постарается сдѣлаться развязнѣе и подражать г. Деклеру въ непринужденности на сценѣ.

Не надо думать, что если роль заключается въ нѣсколькихъ строчкахъ, то ее можно проговорить какъ нибудь, лишь бы скорѣе кончить. И пять словъ, сказанныхъ съ толкомъ, дѣлаютъ замѣтнымъ актера. Небольшая роль, сыгранная хорошо, даетъ

вспомоществованіе главнымъ ролямъ, и отъ этого вся піеса округляется и пмѣетъ успѣхъ.

Г. Выходцевъ также играетъ второстепенныя роли, и также не старается выполнять ихъ отчетливо; а еслибъ постарался, то могъ бы быть очень полезнымъ актеромъ для провинціи.

Г. Анастасьевъ хорошо играетъ комическихъ слугъ. За каждую его роль — спасибо. Жаль, что мало обращаетъ на себя вниманія — онъ можетъ быть современемъ хорошимъ комикомъ.

Замѣтно, что всѣ эти господа, уча роли, никогда не читаютъ цѣлой піесы, тогда, какъ это необходимо для отчетливаго выполненія ролей. Чтобы передать зрителямъ характеръ представляемаго лица вѣрно, — надобно самому сперва узнать отношенія его къ прочимъ дѣйствующимъ лицамъ, а не составлять по репликамъ свой нелѣпый характеръ; отчего запутываешься въ дикціи и жестикуляціи, а въ слѣдствіе того, дѣлаешься смѣшнымъ и неестественнымъ на сценѣ.

Г. Охотниковъ недавно поступилъ и еще молчитъ; подождемъ, пока онъ заговоритъ.

Г-жа Кочевская была, какъ замѣтно, прекрасной драматической актрисой. Она и теперь хорошо играетъ эти роли, но какая то пѣвучесть голоса и монотонность дикціи, обличаютъ въ ней послѣдовательницу старой школы. Къ тому же, играя *Луизу*, въ драмѣ «Коварство и любовь», она возбуждаетъ собою недовѣрчивость къ афишамъ, которыя гласятъ, что Фердинанду 24, а Луизѣ 16 лѣтъ. Это не бѣда; но за чѣмъ же играть *хорошо* молоденькихъ дѣвушекъ, когда старухъ вы играете *прекрасно?* На-примѣръ, *Княгиню Софью Витовтовну*, въ драмѣ «Басенокъ», вы сыграли неподражаемо; нельзя и въ столицѣ желать лучше. Отъ-души желаемъ, чтобъ вы взяли это амплуа, чрезъ это ничего не потеряете.

Нельзя имѣть на провинціальныхъ театрахъ актрисы полезнѣе г-жи Дорошенковой; ни въ какомъ амплуа она не будетъ лишняя, всякую піесу она поддерживаетъ своей игрою; но утрированная мимика много вредитъ ей, нельзя ломаться, играя благородную роль: это хорошо въ Офеліи Кузминишнѣ, а не вездѣ. Примите нашъ совѣтъ, и вы во многихъ роляхъ будете лучше дѣвицы Розановой, за исключеніемъ тѣхъ, гдѣ требуется пѣніе, и это потому, что у васъ голосъ гораздо слабѣе голоса г-жи Розановой.

Впрочемъ, изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы г-жа Розанова обладала *сильнымъ* голосомъ; нѣтъ спору, что метода ея пѣнія

и самый голосъ весьма просты и пріятны; но замѣтно, что онъ время отъ времени становится слабѣе.

Г-жа Розанова имѣетъ талантъ, это аксіома; не мы одни, а многіе города Россіи, согласятся съ нами и подтвердятъ это. Лучшія ея роли *Микаэла* въ драмѣ «Дочь Карла Смѣлаго», *Офелія* въ «Гамлетѣ» и *Сусанна* въ «Сироткѣ Сусаннѣ». Нельзя желать и даже предполагать лучшаго выполненія этихъ ролей на провинціальныхъ театрахъ. Въ-особенности *Микаэлу* она сыграла съ такимъ чувствомъ, съ такимъ одушевленіемъ, что невольно заронила въ насъ мысль, — не есть-ли это изображеніе собственнаго ея положенія? Замѣтно, что роль Микаэлы ея любимая; ибо хотя и трудно отыскать недостатки въ игрѣ г-жи Розановой, однако видно, что другія роли она выполняетъ нѣсколько холоднѣе.

Разсматривая ея водевиль ную игру, мы не нашли въ ней той наивности и тѣхъ манеръ, которыя должны быть у водевильной актрисы, по этому совѣтуемъ играть ей болѣе въ драмахъ. Впрочемъ скажемъ: она вездѣ хороша. — Г-жа Соколова прекрасно выполняетъ роли комическихъ старухъ. Натуральность ея игры доставляетъ всегда удовольствіе публикѣ, а ей постоянную благодарность.

Г-жи Харламова и Розанова 2-я занимаютъ небольшія роли; выполняя ихъ со стараніемъ, онѣ заставляютъ надѣяться, что современемъ будутъ актрисами полезными для театра и пріятными для публики. г-жа Сервіо играетъ молодыхъ дамъ и очень недурно; еслибъ она освободила г-жу Соколову отъ нѣсколькихъ ролей, то одной было бы лучше, а другой легче.

Г-жа Синецкая играетъ изрядно, но поетъ весьма дурно; тѣмъ болѣе мы недовольны ею, что лучшій водевиль — «Кеттли», она убила своимъ пѣніемъ. Г-жи Петровская и Воробьева выполняютъ очень небольшія роли: первая хорошо, вторая — неудачно.

Вотъ краткій очеркъ игры артистовъ таганрогской труппы въ Ростовѣ. Взятые вмѣстѣ, они доставали намъ много пріятныхъ минутъ. Смѣло можно сказать, что ни на одномъ провинціальномъ театрѣ піесы не идутъ такъ кругло, развѣ когда ensemble дурно составленъ. А все виноваты гг. Кочевскій и Горскій. Первый, какъ режиссёръ — быть можетъ, и радъ бы сыграть хорошо, да когда Богъ не далъ таланту, — откуда взять? Во всякомъ случаѣ, приносимъ нашу искренную благодарность гг. директорамъ и артистамъ за трехъ-мѣсячное удовольствіе, которое будетъ у насъ въ памяти остальные 9 мѣсяцовъ,

впредь до будущаго свиданія. Подробный отчетъ играннымъ піесамъ, мы отдадимъ въ слѣдующемъ нумерѣ.

Заключимъ нашу статью желаніемъ, — чтобы піесы, подобныя *Филаткѣ*, и другія, были изгнаны изъ репертуара таганрогскаго театра. Право, досадно видѣть талантливыхъ сюжетовъ этой труппы, играющихъ въ такихъ нелѣпостяхъ. Не должно думать, что у насъ есть публика, которой бы нравился Филатка; онъ есть достояніе *почтеннѣйшей*, которая существуетъ на русскомъ и всѣхъ европейскихъ театрахъ.

АП. Р — СКІЙ.